

Сказки для больших девочек

ИРЕНА СЫТНИК

2

БЕССМЕРТНЫЕ

18+

Ирена Р. Сытник

Бессмертные 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39413560

SelfPub; 2018

Аннотация

Приключенческо-любовное фэнтези. Вторая книга трилогии "Бессмертные". В отличие от привычных моим читателям воинственных женщин, здесь главный герой мужчина. Красавчик-принц на белом коне, дарящий любовь всем, кто желает и не желает, невзирая на статус, положение и пол. Внимание, в книге описаны нетрадиционные отношения между героями!

Содержание

Часть первая. Принц	8
Принц и его собака	8
Принц и его женщины	16
1	16
2	19
3	24
Принц и его битвы	31
Лесные приключения	37
1	37
2	46
Гальские приключения	52
1	52
2	61
3	72
4	80
5	86
Морские приключения	99
1	99
2	103
3	120
4	129
5	146
6	153

Иллариийские призраки	158
1	158
2	166
Часть вторая. Белый барон	173
Глава 1	173
Глава 2	185
Глава 3	193
Глава 4	200
Глава 5	210
Глава 6	219
Глава 7	227
Глава 8	235
Часть третья. Доблестный сын	250
Глава 1	250
Глава 2	258
Глава 3	265
Глава 4	271
Глава 5	279
Глава 6	287
Глава 7	294
Глава 8	303
Глава 9	311
Глава 10	320
Часть четвёртая. Избранник богов	332
Глава 1	332
Глава 2	343

Глава 3	350
Глава 4	361
Глава 5	370
Глава 6	376
Глава 7	384
Глава 8	391
Глава 9	399
Глава 10	409
Глава 11	417
Глава 12	426
Глава 13	433
Глава 14	444
Глава 15	451
Глава 16	457
Глава 17	469
Глава 18	477

БЕССМЕРТНЫЕ II

Вторая книга трилогии «Бессмертные». Первая книга – «Первая среди первых».

В свете новых событий и принятых законов, сомневалась, опубликовать ли произведение, так как в некоторых эпизодах описаны нетрадиционные сексуальные отношения между героями.

Ярых гомофобов и просто нетерпимых, прошу проигнорировать данное произведение, чтобы не упрекать меня потом в склонности к чему-то предвзятому. Хочу заявить сразу (не оправдываясь), что предпочитаю классические отношения «мужчина-женщина» и никогда не пробовала иных, но признаю за человеком любые отношения по его желанию, если это не приносит страданий или неудобств партнёрам.

Откровенно говоря, мне плевать, кто, кого и каким способом имеет. Я толерантно отношусь, как к гомосексуалистам, так и к лесбиянкам. Если кому-то это нравится, то флаг им в руки и удовольствие в помощь. Но моя неуёмная фантазия, а также сами герои произведений (пишущая братия понимает, о чём я), порой заводят меня в такие дали и в такие ситуации, что сама диву даюсь. Потому прошу не осуждать и не стыдить, если кому-то что-то не понравится.

Книга вторая. Принц Трикорский

Часть первая. Принц

Принц и его собака

Санхар рано понял, что он не такой, как все. Ему не исполнилось ещё и семи, когда случилось событие, показавшее мальчику его исключительность. Как-то раз он играл с другими мальчиками – детьми слуг – на заднем дворе. Король и королева не запрещали юному принцу общаться с простолюдинами, наоборот, поощряли эту дружбу.

Дети играли, как любые мальчишки – с шумом, криками, вознёй. Как-то незаметно возня переросла в небольшую потасовку, а затем в серьёзную драку. Санхар уже не помнил, за что они сцепились с Кревином, но помнил, что тот был старше и сильнее. Но Санхар не был слабаком в свои неполные семь лет. Мать уже начала с ним подготовительные занятия, развивая ловкость, гибкость и выносливость, готовя сына к ремеслу воина.

Мальчишки катались по земле, брыкаясь и тузя друг друга, а друзья стояли вокруг и подзадоривали то одного, то другого. Санхар изловчился и прижал противника к земле.

– Сдаёшься? – спросил он, победно улыбаясь.

Друзья начали насмехаться над побеждённым, и того охватила ярость. Санхар ощутил её, как обжигающую волну,

и очень удивился этому.

Под руку Кревину попался камень, и он, не помня себя от злости, ударил соперника в висок. Удар ошеломил мальчика, и он на какое-то время отключился. А когда пришёл в себя, то увидел вокруг бледных перепуганных друзей и ощутил своё залитое кровью лицо. Голова болела и кружилась, и это вызвало неожиданный прилив ярости и ненависти. Вскочив, он набросился на обидчика, и начал его бить ногами изо всех сил. Когда он оставил его, окровавленного и избитого до полусмерти, Кревин лежал без сознания. Как оказалось позже, Санхар сломал ему несколько рёбер и отбил внутренности, отчего мальчик вскоре умер. Санхар же, когда прибежал домой и рассказал матери о случившемся, обнаружил, что на его голове, кроме засохшей крови, нет ни единой царапины.

Все эти события очень удивили юного принца, и тогда Санризе пришлось рассказать сыну о его необычном статусе. Она сказала, что он Бессмертный из рода Бессмертных, и что на Аквии есть ещё несколько таких же. Она рассказала свою историю: как стала Бессмертной, и как сделала таким же его отца. Она поведала, что они не только Бессмертные, но обладают иными способностями и качествами, отличающими их от обычных людей: например, большой силой, быстрым заживлением ран, умением чувствовать чужие эмоции, а также рядом других, о которых он узнает с возрастом. Тогда мальчик рассказал, как прочувствовал ярость Кревина, и как это его удивило. Санриза погладила малыша по светловолосой

головке и сказала, что отныне он должен быть осторожен в играх и драках с друзьями, так как ненароком может их покалечить. Но слова матери, может быть, и не запечатлелись бы в памяти малыша, если бы не известие о смерти Кревина и не отчуждённость других детей после этого случая. Больше никто не хотел играть с юным принцем, его боялись и обходили стороной.

Санхар остался в одиночестве. Чтобы хоть как-то утешить сына, Санриза подарила ему щенка хаунда – местной пастушьей породы. Милое забавное создание, похожее на белоснежный пушистый клубок на четырёх неуклюжих лапках, с маленькими, торчащими в разные стороны ушками. На потешной мордочке темнели три блестящие точки: два глаза и нос, да иногда мелькал розовый лепесток влажного язычка. Малыш полюбил щенка с первого взгляда, и вскоре привязался к нему узами искренней дружбы. Целыми днями он играл со щенком в своей комнате или гулял в саду, купал, расчёсывал и кормил с рук. Ложась в постель, клал щенка рядом. Он дал ему красивое и гордое имя Акс, что по-бархитски означало «лучший из лучших». Этим именем он выражал всю любовь к единственному другу, и как бы хотел сказать, что его собака лучше бывших друзей-людей.

Прошло некоторое время. Акс немного подрос. Он уже не падал, заплетаясь в собственных лапах, а, весело виляя пушистым хвостиком, следовал за хозяином и другом. Он откликался на своё имя, и даже знал несколько простых ко-

манд.

Однажды Санхар гулял с Аксом в саду. Он бросал ему деревянный мячик, и щенок весело гонял его по траве, заливаясь звонким лаем. Санхар, сидя на скамейке, со смехом наблюдал за играми друга.

Внезапно он почувствовал какое-то беспокойство. Это чувство было новым, необычным и непонятным. Он ещё не знал, что это его врождённое чувство опасности подаёт тревожный сигнал, говоря о том, что за ним наблюдают недобрые глаза.

Акс толкнул мячик носом и тот закатился за пышный куст лилиста, усеянный ароматными белыми цветами. Щенок ринулся за ним следом. Внезапно он испуганно взвизгнул, слышалась приглушенная возня, а затем раздался душераздирающий визг, перешедший в хрип. Санхар вскочил и хотел ринуться на помощь попавшему в беду другу, но внезапная боль, пронзившая сердце, пригвоздила мальчика к месту. Дыхание его перехватило, в глазах потемнело, и ему на миг показалось, что он умирает... Спустя какие-то мгновения всё прошло, и когда он смог двигаться, и добежал до куста, то увидел беспомощного, залитого кровью, умирающего друга. Чья-то безжалостная рука нанесла несчастному щенку несколько ударов ножом, практически проткнув его насквозь.

Санхар поднял безвольное обмякшее тельце и прижал к груди. Из его глаз заструились слёзы – горячие и солёные,

как кровь, вытекающая из ран Акса. Санхар рыдал горько и безутешно, как не плакал с дней своего младенчества. Да, наверное, и сосунком он не плакал так сильно. Обильные слёзы, слёзы искренней любви и горя, вытекали из зелёных глаз мальчика и капали на тело друга, смачивая слипшуюся от крови шерстку и затекая в открытые раны.

Там его и нашли встревоженные няньки через несколько часов – за кустом лилиста, склонившегося над тельцем неподвижно лежащего на коленях мальчика щенка. Они хотели забрать окоченевшее тельце животного, чтобы похоронить, но Санхар не отдал, заявив, что Акс ещё жив.

Мальчика отвели к королеве. Санриза выслушала рассказ сына и попросила разрешения осмотреть застывшее тельце. Сын без возражений отдал окровавленный комок матери, так как доверял ей больше всех. Санриза осмотрела Акса и с удивлением поняла, что, несмотря на ужасные раны и кажущееся мёртвое оцепенение, щенок, в самом деле, ещё жив.

– Что ты с ним делал? – спросила она у сына.

– Ничего... – ответил мальчик. – Я просто держал его на руках и... плакал... Мама, я люблю его! Я не хочу, чтобы он умер! Это мой лучший друг!..

На глазах Санхара снова выступили слёзы.

– И ты не капал в его раны свою кровь? – уточнила Санриза.

– Нет... А зачем? – удивился мальчик.

– Действительно, зачем... – задумчиво пробормотала

Санриза. – Ты просто плакал?

– Да... – мальчик огорчённо склонил голову. – Мне было так больно, так больно... Я люблю его...

– Я знаю, малыш. Не стыдно оплакивать того, кого любишь.

– Когда он... Когда его убивали, я... я ощутил такую сильную боль вот здесь... – Санхар положил руку на сердце. – Мне показалось, что это я умираю...

– Да? – заинтересовалась Санриза. – Значит, ты можешь чувствовать боль любимого существа, как свою собственную... А не чувствовал ли ты тревоги, страха или какого-то неудобства перед тем, как это случилось?

– Да! Да! Но я не знал, что это значит...

– Это предупреждение о надвигающейся опасности. Запомни хорошенько это чувство, и знай, что если снова почувствуешь его, значит, что-то должно случиться, что-то нехорошее, угрожающее и неприятное. Ты должен будешь приготовиться, насторожиться и попытаться определить, откуда исходит опасность или где прячется враг.

– Я этого ещё не умею...

– Научишься, сынок.

Санриза отдала щенка Санхару.

– Возьми и положи где-нибудь. Не тревожь его. По-моему, твоя любовь и твои искренние слёзы спасли жизнь друга, он скоро оживёт и станет таким же здоровым и весёлым, как и прежде... Отныне, он станет твоим вечным другом.

Мама оказалась права. Через несколько дней Акс пробудился от похожего на смерть сна, а ещё через день снова весело прыгал и гонялся за мячиком.

Санхар был так счастлив, что не стал выяснять, кто пожелал смерти безобидному щенку, хотя мать и предлагала найти виновного.

После выздоровления Акс изменился. Он оставался всё таким же весёлым и преданным, любил игры и охотно учился. Но он не рос. Проходили месяцы, а он оставался весёлым малышом. Маленький Санхар не обращал на это внимания, но Санриза внимательно следила за щенком. Она заметила, что Акс всё же растёт, но очень медленно. К году, когда собаки вступают в пору своей юности, он всё ещё выглядел четырёхмесячным щенком, и только в десять лет приобрёл вид годовалой собаки, а к двадцати пяти стал взрослым сильным и умным псом.

Потому, когда её сын после двенадцати лет тоже замедлил взросление, это не удивило и не обеспокоило женщину. Она поняла, что процесс возмужания у юных бессмертных затягивается на более продолжительный срок.

Санхар и его собака росли почти параллельно. Принц в двадцать выглядел как пятнадцатилетний мальчик, а пёс в десять выглядел на год. И только когда Санхар достиг сорока-пятидесяти лет, он имел вид двадцатилетнего юноши, а его друг стал взрослым псом.

Но не только замедленный рост отличал Акса от других

собак. Ум его развивался с каждым годом, невзирая на внешний вид. Он стал очень умным псом, а так как Санхар проводил с ним много времени, общаясь и обучая всяким трюкам, то со временем пёс научился понимать человеческую речь – не просто команды, а все слова и фразы. Он стал разумным, почти, как человек. Единственное – не мог разговаривать. Когда Санхар осознал это, то начал учить Акса придуманному им самим языку жестов. При помощи хвоста, ушей, лап, выражения морды и некоторых звуков Акс научился отвечать своему другу, и даже вести с ним странные, понятные только им двоим беседы.

Конечно, пёс не достиг разумности взрослого человека, но построить фразу типа «Я вижу кролика» или «За тем кустом прячется змея» он мог. Мог также сказать: «Не грусти», «Давай поиграем», «Мне приснился соседский пёс, который гонялся за мной». Его умственное развитие, по наблюдениям Санризы, достигло, примерно, развития мальчишки десяти-двенадцати лет.

С тех пор принц и его собака стали настоящими друзьями. Больше не было хозяина и любимца, а появились два товарища: Санхар и Акс.

Принц и его женщины

1

Когда Санхар достиг двадцатилетнего возраста, он впервые влюбился. Несмотря на то, что выглядел принц, как подросток, разум его развился соразмерно биологическому возрасту, с соответствующими понятиями и желаниями. Изменения в организме, вступившем в половую зрелость, также подтолкнули к романтическому настроению.

Объектом пылкой любви стала рабыня по имени Лури, работавшая в прачечной. Санхар как-то увидел её, полоскавшую в большом чане бельё, и сердце его забилося быстрее. Лури тогда едва исполнилось пятнадцать, и она была хорошенькой, вполне развитой девушкой. Стройная, гибкая, с хрупкой точёной фигуркой, на которой выделялась не по-детски развитая грудь, с густыми рыжими волосами и карими манящими глазами, она уже начала привлекать взоры многих мужчин. Конечно же, Санхар, ещё не знавший волнений любви, не смог пройти мимо соблазнительно изгибающегося тела.

Он забрал рабыню из прачечной и поселил в своих комнатах. Так как это был его первый подобный опыт, то он не знал, что ему делать дальше, и пошёл за советом к от-

цу. Лианд одобрительно похлопал сына по спине и поделился секретами мужского обаяния. Следуя советам отца, Санхар впервые познал женщину, и стал настоящим мужчиной. К его счастью, он оказался не первым любовником юной красотки. Кое-какой, пусть и небольшой, опыт у неё всё же имелся, потому их первое сближение прошло более-менее благополучно.

Так как Лури стала первой женщиной, которую Санхар познал, то юноша не на шутку увлёкся маленькой обольстительницей. Девушка оказалась неглупой и быстро смекнула, что быть наложницей при королевиче гораздо удобнее, чем с утра до вечера горбиться у чанов с грязным бельём, потому старалась изо всех сил, ублажая господина. Она в этом весьма преуспела, и Санхар боготворил юную наложницу: осыпал её дорогими подарками, содержал, как благородную леди, и потакал всем её прихотям. Друг Акс не ревновал товарища к самке, понимая, что хорошая сучка может свести с ума. Пока товарищ проводил время со своей наложницей, он бегал в своё удовольствие по одному ему ведомым делам.

Шли годы, Лури росла и развивалась, благодаря заботе и уходу, превращаясь в красавицу. Но её благородный любовник, на вид, оставался всё тем же пятнадцатилетним подростком. И постепенно глаза зрелой женщины начали обращать внимание на других мужчин – её ровесников или постарше. За спиной господина, в его отсутствие, она заводила интрижки с офицерами охраны и даже с простыми солдата-

ми. Постепенно она потеряла всякую осторожность, обманувшая внешним видом своего господина, продолжая относиться к нему, как к ребёнку, и не понимая, что играет с огнём.

Санриза, ревниво следившая за взрослением сына, как-то указала ему на недостойное поведение наложницы. Но Санхар, ослеплённый любовью, не послушал мать, и они едва не поссорились из-за этого. После неприятного разговора королева лишь молча наблюдала со стороны, не вмешиваясь и ожидая, чем всё закончится. Как мудрая многоопытная женщина, она знала, что рано или поздно всему приходит конец, и ни любовь, ни обман, не могут длиться вечно. Их с Лиандом тёплые отношения, когда-то связавшие одинокие сердца, тоже начали охладевать. У Лианда появились наложницы, Санриза тоже не отказывала себе в удовольствии, если встречала достойного, по её мнению, мужчину. Теперь короля и королеву связывали только общее дело, взаимное уважение и привязанность к сыну. Любви, как таковой, уже не было. Хотя, если хорошенько подумать, её не было никогда. То чувство, что свело их вместе, было скорее сильным увлечением друг другом и высокой целью, поставленной перед ними. Достигнув же всего, о чём мечтали и чего желали, они вдруг поняли, что на самом деле, просто хорошие друзья, а не возлюбленные.

Связь Санхара и Лури продлилась целых пятнадцать лет. К тому времени, когда принц окончательно прозрел, застукав наложницу в объятиях одного из очередных любовни-

ков, он выглядел лет на восемнадцать, а его возлюбленная была зрелой тридцатилетней женщиной в полном расцвете соблазнительной красоты. Но, ни её красота, ни жалобные мольбы, ни слёзы раскаяния, не остановили руку Санхара, вонзившего в изменницу меч. Затем он выбросил тела обоих любовников из окна спальни на плиты двора, прямо под ноги сновавших там придворных, вызвав этим поступком у подданных небольшой шок.

Санхар тяжело переживал первое в жизни предательство, и единственный, кто его утешил, друг Акс. Он сказал, что ни одна самка не заслуживает столь глубокой печали, и предложил сходить на охоту, потому что выслеживание и погоня за диким зверем – лучший способ забыть все неприятности.

Санхар послушался друга, вскочил на коня, и они покинули столицу, затерявшись в лесах Вудбита.

2

Вернулся принц только спустя два месяца, полностью успокоенный и позабывший неверную любовницу. Некоторое время он словно не замечал женщин, сновавших вокруг и строивших ему глазки, а затем словно сорвался с цепи и пустился во все тяжкие. Он брал их на одну ночь, а утром равнодушно прогонял прочь. Брал любую понравившуюся женщину, будь то рабыня, служанка, чья-то дочь или жена. Если девушка сопротивлялась, он угрозами и силой застав-

лял её покориться, а если противились её родные, Санхар вынимал меч или доставал кошелёк – в зависимости от обстоятельств. Дошло до того, что все горожане начали прятать своих дочерей или молодых красивых жён в домах, или отсылали к родственникам в провинцию, подальше от столицы. Каждый день королю поступали жалобы на недостойное поведение принца, но Лианд не мог урезонить сына, так как тот не слушался ни его советов, ни прямых приказов.

– Все они шлюхи, – упрямо отвечал он. – Строят из себя недотрог, а сами только и мечтают переспать с Бессмертным, в надежде, что и на них снизойдёт часть нашей благодати.

В конце-концов королю пришлось отослать сына подальше от столицы. Он назначил его наместником в северной провинции – наиболее безлюдной и дикой местности. Там был всего лишь один городок под названием Корд, в котором и располагалась резиденция наместника. В обязанности Санхара входило смотреть за порядком, следить за сбором налогов и охранять северные кордоны от набегов вельхов и пиратов. Частые стычки и постоянные разъезды слегка побавили пыл Санхара, но не погасили любовный огонь полностью. Зимой, когда море покрылось льдами, а земля снегом, когда часы безделья превысили время, занятое делами, он снова взялся за старое. Но полуцивилизованные племена северных бархитов и винчей, живущих на побережье, не стали терпеть унижения и жаловаться королю. Как-то вечером несколько десятков мужчин подстерегли наместника на

глухой дороге. Хотя он и предчувствовал опасность, это не спасло его от ярости оскорблённых мужей и разгневанных отцов. Бунтовщики перебили немногочисленную охрану и буквально изрешетили тело соблазнителя и насильника гарпунами и охотничьими дротиками. Когда его бросили, умирающего, на глухой лесной дороге, тело принца напоминало подушечку для булавок – из него торчали десятки смертоносных орудий.

Боль от ран была невыносимой, но ещё невыносимей ощущение беспомощности и ярости на смертных, посмеявшихся поднять на него руку.

С трудом повыдёргивав из себя дротики и гарпуны, оставив на их зазубренных наконечниках куски своей плоти, истекающий кровью, Санхар кое-как добрался до густого кустарника, ставшего ему временным, не очень надёжным укрытием, и погрузился в исцеляющий сон. Здесь и нашёл его верный друг Акс. Когда Санхар очнулся, пёс лежал на нём, согревая теплом своего тела. Всё же принц получил ощутимые обморожения рук и ног, которые пришлось долечивать в тепле палат дворца наместника, куда он вернулся через несколько дней.

Весть о случившемся, хотя и с опозданием, достигла ушей Их Величеств. Лианд рассердился не на шутку и пригрозил, что лично оторвёт сыну всё, что не смогли отстрелить ему бунтовщики. Он не позволит мальчишке разрушить королевство из-за своей неуёмной похоти.

Санриза не стала спорить с супругом, а села на Ветронога и умчалась на север. Когда она прибыла в Корд, Санхар уже окончательно выздоровел и выглядел лучше прежнего. Между сыном и матерью состоялся серьёзный разговор. О чём они говорили – не слышал никто. Но Санхар в тот день узнал всю историю Санризы и всё о «бессмертии». Санриза объяснила сыну, что слово «бессмертный» – понятие относительное. Их тоже можно убить, если отрубить голову, вырезать сердце или полностью сжечь тело. К тому же нельзя истощать силы «квартирантов» частыми исцелениями – тогда его век будет не так долог, как хотелось бы. Но, самое главное, сказала Санриза сыну, что ей стыдно за его поведение. Ни она, ни отец, ни другие бессмертные, которых она сама когда-то создала, никогда не вели себя так недостойно. Бессмертие им даровано за благородство поступков, а не для того, чтобы они безнаказанно творили зло.

То ли урок, преподанный смертными, то ли разговор с матерью повлияли на Санхара, но после отъезда королевы он остепенился и больше не вёл себя, как разбойник с большой дороги.

Все в королевстве Трикор знали, что их правители – не обычные люди. Слухи об их силе, неуязвимости и неуязвимости кочевали из селения в селение. Кто-то верил этому, кто-то нет. Завоевав страну, Санриза и Лианд уединились в обширном королевском дворце и управляли страной через наместников и назначенных чиновников. Только при-

ближённые слуги и королевская свита могли лицезреть правителей воочию. Простой же народ видел их изредка и издали – восседающих на высоком балконе королевского дворца по большим праздникам.

Но когда явно убитый принц через несколько дней, как ни в чём не бывало, снова разъезжал по дорогам провинции, многие просто перепугались. Слух о его воскрешении мгновенно распространился по всему краю. Как обычно, все слухи, переходя из уст в уста, обрастают домыслами и выдумкой. Говорили, что близкие к наместнику люди живут долго и не болеют, как бы подпитываясь от него божественной силой. А его наложницы остаются молодыми и красивыми до самой смерти. Постепенно народ начал верить этим нелепым слухам, и многие стали добиваться внимания и расположения принца, стараясь приблизиться к нему любым способом. Те, кто не так давно осуждали наместника за развратное поведение, теперь сами приводили к нему своих дочерей, предлагая взять их в наложницы.

Санхар, пряча насмешливую улыбку, не отказывал просителям, и вскоре обзавелся огромным гаремом.

Но эти доступные, жаждущие его любви женщины, вскоре наскучили. Чтобы избавиться от них, он объявил, что сделает своей супругой ту, которая родит ему сына.

Это была явная ложь, но подданные не знали, что понести от Бессмертного может только Бессмертная женщина. Они видели, что у правителей родился прекрасный сын, так по-

чему чья-то здоровая дочь не сможет сделать то же самое? Санхар с насмешливым любопытством наблюдал, до какого унижения и лицемерия могут опуститься некоторые люди, ради достижения своей цели.

Девушки и женщины приходили в его гарем, сменяя друг друга. Одни задерживались на месяц, другие на год, а некоторые и на несколько лет. Но ни одна не запала в душу и не зажгла огонь любви в сердце пресытившегося мужчины. Они удовлетворяли его плоть, дарили наслаждение, развлекали и забавляли. Он встречал их без радости и провожал без сожаления.

3

Но вот однажды появилась та, которая смогла растопить лёд равнодушия на его очерстевшем сердце. Её звали Дайна. Девушку привёл в дом наместника её отец. Он представил дочь и попросил у принца покровительства для девушки, мать которой умерла много лет назад, а мачеха невзлюбила бедную сиротку.

Дайне на тот момент едва исполнилось шестнадцать лет. Скромная робкая девушка, похожая на лань, с густыми каштановыми волосами и огромными серыми глазами, смотревшими с грустью и покорностью, а также с детской наивностью и простодушием. Что-то в этом взгляде было такое, что он сумел проникнуть в самую душу Санхара, и его сердце

вновь затрепетало от давно забытого чувства. К тому времени ему исполнилось пятьдесят лет, но выглядел он двадцатилетним юношей. Дайна сумела сделать так, что он забыл о грузе прожитых лет и начал чувствовать себя соответственно внешнему виду.

Санхар поселил Дайну в отдельную комнату, окружил вниманием и заботой. Он не взял её сразу же, как брал других наложниц, а приручал постепенно, как приручают пугливое дикое животное. Через какое-то время Дайна освоилась со своим статусом и привыкла к новому положению. Она перестала бояться грозного господина, и её душа раскрылась навстречу его вниманию и ласке, распустилась бутоном первой нежной любви.

Санхар тоже испытывал к девушке нежные чувства, особенно после первой близости, когда понял, что он у неё первый мужчина. Их взаимная любовь расцветала и распускалась, и вскоре Санхару стали не нужны другие женщины. Он разогнал гарем, оставив в доме только одну госпожу – Дайну.

Шли годы. Дайна выросла и умнела. Она понимала, что её положение непрочное. Когда-нибудь может появиться другая, которой господин подарит свою любовь, и тогда её ждёт участь других наложниц – изгнание и забвение.

И вот однажды Дайна, сияя от счастья, сообщила, что боги, наконец, услышали её молитвы, и она зачала ребёнка. Известие Санхара ошеломило. Он уже забыл о глупом условии, и просто любил Дайну, не ожидая от неё рождения наследни-

ка. Потому, не сразу поверил в коварство робкой и преданной любовницы. Он понимал, что ребёнок в чреве возлюбленной не от него, но, в то же время, ни в чём не мог упрекнуть наложницу: она находилась под строгим присмотром и никогда не покидала стены гарема.

Он учинил женщине строгий допрос, но её искренние слёзы и твёрдые ответы поколебали его уверенность. А может, случилось чудо, и Дайна, в самом деле, понесла от него?

Санхар обратился за советом к матери. Санриза удивилась не меньше сына. Она не знала примеров, чтобы у смертного и бессмертного появилось потомство. Да и Дарующая в своё время сказала ей, что родить она сможет только от бессмертного мужчины, и наоборот.

Санхар вернулся в Корд, полный сомнений и мрачных подозрений. Он больше не стал донимать наложницу допросами, но недоверие, червем засевшее в душе, исподволь подтачивало корни дерева его любви.

Когда Санхар уезжал из дома, Санриза, чувствуя его грусть и колебания, пытаясь взбодрить, в шутку произнесла:

– Есть очень простой и надёжный способ узнать, твой ли это ребёнок: когда он появится на свет – убей его. И если он оживёт, значит, он наш, а если умрёт, значит, эта девица тебя обманула.

Эта мысль не давала принцу покоя всё время беременности Дайны. Он уже решил поступить по совету матери, когда ребёнок родится.

Но когда наступило время родов, и Дайна произвела на свет малыша, когда повитуха вручила ему свёрток, в котором лежал розовокожий светловолосый и голубоглазый мальчик, у Санхара не хватило духа вонзить в крохотное тельце нож, чтобы удовлетворить любопытство. Он решил не выяснять правду сейчас, а оставить всё, как есть. Боги рассудят их. Если этот ребёнок его сын – это выяснится очень скоро.

И боги рассудили по справедливости. Малышу едва исполнилось два месяца, когда он, по недосмотру няnek, простудился, заболел и вскоре умер. Смерть младенца поставила заключительную точку в этом деле. Санхар, лишившись последних иллюзий, полный гнева и горечи, пришёл к убитой горем Дайне. Он не стал кричать или угрожать, а просто сказал:

– Ты меня обманула. Это не мой сын... Мой ребёнок не мог умереть от простой лихорадки. Ответь только на два вопроса: почему и кто он?

Дайна подняла на господина огромные печальные глаза и тихо ответила:

– Сестра принесла во рту семя своего мужа... Он ничего не знал, этот план я придумала сама...

– Святые Небеса! – воскликнул Санхар. – Но зачем?..

– Я люблю вас и не хотела потерять... – зарыдала женщина. – Я принадлежу вам больше десяти лет, но так и не понесла, хотя – видят боги! – я очень, очень этого хотела! А моя младшая сестра уже родила троих... И я попросила при-

нести мне семья... И сразу зачала! Почему я не смогла понести от вас, почему?!

– Потому что ты смертная, а я Бессмертный. Мы разные, и у нас никогда не сможет родиться ребёнок. Никогда!.. Но я тоже люблю тебя такую, как ты есть. Мне не нужны от тебя дети, мне нужна ты сама. Но своим обманом ты всё разрушила и убила мои светлые чувства...

– Нет, это вы обманули меня! Вы обманывали всех! – вдруг закричала всегда тихая и спокойная Дайна, и столько ненависти было в её голосе, что Санхар удивился. – Вы обещали сделать женой ту, что подарит вам сына, зная, что это невозможно! Вы утверждали, что ваши женщины никогда не стареют, а я старею и дурнею, в то время как вы остаётесь прежним!...

– Я никогда не говорил подобную чушь, – возразил Санхар. – Не знаю, где ты наслушалась этих сказок, но только не от меня. Я Бессмертный и я родился таким. Я не виновен в этом. Но я не могу сделать тебя такой же – это не в моих силах.

– Ложь! Снова ложь! Вы сделали бессмертным даже своего пса! Почему нельзя то же проделать со мной?

– Ты этого хочешь?

– Да, хочу!.. Я не хочу постареть и умереть, я не хочу, чтобы мои дети умирали, как умер этот малыш...

– Если ты очень этого хочешь, то мы можем попробовать... – предложил Санхар и вынул меч.

– Что... Что вы собираетесь делать? – в испуге отшатнулась женщина.

– Чтобы получить вечную жизнь, сначала нужно умереть... Ты готова рискнуть?

– Нет... Вы снова обманываете меня... Вы только что говорили, что родились бессмертным, и ничего не говорили о смерти...

– Я родился от бессмертных родителей. Но когда-то давно моя мать была обычной девушкой. Она умирала от смертельной раны, когда к ней явилась богиня и даровала бессмертие. С тех пор каждый смертный, желающий стать бессмертным, должен пройти через очищение смертью, как прошёл в своё время мой отец. И даже мой пёс Акс, которого ещё щенком смертельно ранил какой-то негодяй... Если ты хочешь присоединиться к нашему клану, то должна пройти через боль смерти... И я спрашиваю ещё раз: ты готова умереть ради вечной жизни?

Дайна, словно замороженная слушавшая господина, медленно кивнула.

Санхар, не говоря ни слова, вонзил меч ей в грудь. Женщина сдавленно вскрикнула и упала на ковёр, обагрив его кровью. Бессмертный провёл лезвием по своей руке и влил в рану женщины несколько капель своей крови.

Первые несколько часов ничего не происходило. Дайна лежала на кровати, куда её перенёс Санхар, бледная и неподвижная. Её грудь вздымалась всё реже, а дыхание станови-

лось всё тише. Внезапно она задрожала, её мышцы напряглись, изгибая тело дугой, а из сдавленного горла вырвался болезненный стон. Затем на коже выступил обильный пот. Она стала красной и горячей, словно женщина горела в лихорадке, дыхание участилось, стало быстрым и хриплым. Вдруг глаза её широко раскрылись, она с трудом приподняла голову и прошептала:

– Вы снова меня обманули...

Голова бессильно поникла, по телу пробежала последняя судорога, и Дайна умерла. Это была настоящая смерть, а не то смертоподобное состояние, во время которого происходит перерождение. Через час она вся почернела, словно многодневный труп, и начала разлагаться. Санхар, удручённый и обескураженный, велел устроить пышные похороны, и похоронил её вместе с ребёнком. По городу, а затем и королевству, поползли слухи, что сумасшедший наследник убил любимую наложницу и собственного сына.

Эти слухи, в конце-концов, так надоели Санхару, что он решил покинуть королевство и отправиться в путешествие.

Принц и его битвы

Оснастив королевскую яхту, Санхар покинул Трикор и отправился в путешествие на восток. Он посетил Даммар, о котором знал только из рассказов матери, и другие страны, расположенные по соседству с Даммаром. Изучал языки и обычаи местных жителей, путешествуя только в компании друга Акса. Здесь никто не знал, что он королевский сын, что он прямой и единственный наследник, что он Бессмертный. Никто не преклонялся и не унижался перед ним из страха или раболепия. Он был таким же бродягой, как тысячи авантюристов, кочевавших по дорогам Аквии в поисках счастья или приключений. Такое необычное положение понравилось ему, и Санхару совсем не хотелось возвращаться домой, куда призывал его отец.

Дома же дела обстояли не лучшим образом. Саннарские варвары, объединившись под началом сильного вождя, безнаказанно нападали на южные земли королевства, неся разорение и смерть мирным жителям. Лианд начал срочно собирать войска для отпора врагу, но ему не хватало опытных командиров. Поэтому, как Санхару ни хотелось продолжать простую свободную жизнь, но пришлось вернуться домой и выступить в поход вместе с отцом.

Король и принц возглавили два больших отряда, которые напали на варваров с двух противоположных сторон. Лианд,

посадив людей на ладьи, пересёк залив и высадился на востоке, а Санхар, перейдя Зелёные горы, ударил с запада. Они двигались навстречу друг другу, сметая всё на пути. Словно волны цунами, разрушая селения, уничтожая взрослых и беря в плен детей и женщин, они прокатились вдоль северного побережья Саннарии. Спустя несколько месяцев берег Саннарского залива обезлюдел: племена, избежавшие истребления, спешно откочевали вглубь страны, кого не убили или не вывезли в рабство, рассеялись по степи. Победители вернулись домой с богатыми трофеями: скотом, золотом и пленными.

На ближайшее десятилетие варвары успокоились и притихли. Но память человеческая коротка. Появились другие самоуверенные и воинственные вожди, взоры которых привлекали тучные стада и полные закрома бархитов. Санхар, выбрав лучших из лучших воинов, создал «летучий отряд», который, словно призрачный туман, носился по равнинам Саннарии, нападая на беззащитные селения варваров, грабя и убивая жителей. И всегда рядом с командиром находился Акс. Его великолепный нюх, отличный слух и необыкновенная интуиция не раз помогали отряду избежать засады, обойти опасность или совершить удачный набег. Пёс и сам принимал участие в бою, защищая и прикрывая товарища и друга. Его мощные челюсти, созданные природой для борьбы с хищниками, посягавшими на беззащитных овец, с лёгкостью ломали человеческие кости, рвали плоть и пе-

регрызали горло. Не единожды вражеская стрела или копьё вонзались в его тело, но через день-два от раны не оставалось и следа. От тела Санхара стрелы отскакивали, не причиняя вреда, словно он был одет в кольчугу. А удары с близкого расстояния лишь неглубоко проникали в плоть. Плохие бронзовые мечи варваров вообще только царапали кожу.

В спокойном состоянии Санхар обладал удвоенными человеческими силами, а когда приходил в возбуждение, силы ещё удваивались или утраивались. Ну, а когда впадал в ярость – сам не ведал предела своих сил. Одним ударом меча он легко рассекал человека вместе с конём, на котором тот сидел. Или отрывал голову от тела, словно цыплёнку.

Вскоре слухи об ужасном Белом Всаднике и его демонической собаке распространились по всей Саннарии. Как обычно, обросли домыслами и вымыслом, и со временем превратились в легенду, которой многие поколения варваров пугали своих детей. Белым Всадником Санхара прозвали из-за облика: он любил носить светлые или белые одежды, ездил на лошади белой масти, и, как отец, отпускал длинные волосы, разделяя их на две части – нижняя свободно лежала на плечах и струилась по спине, а верхнюю собирал в хвост и скреплял золотой заколкой, усыпанной драгоценными камнями. Когда он нёсся по степи, волосы развевались за спиной, словно белоснежное знамя.

Несколько лет, с перерывами в зимние месяцы, летучий отряд Санхара сеял ужас и нёс разорение прибрежным и

предгорным племенам варваров, пока эта местность полностью не обезлюдела. Варвары предпочли покинуть насиженные места, ставшие проклятыми, и откочевали на юг и запад.

Санхар снова вернулся домой. Некоторое время он наслаждался светской жизнью в столице, но вскоре она ему наскучила. Он всё чаще начал уезжать на охоту вместе с Аксом, сначала в леса Трикора, а затем перебрался через Траку и углубился в дикие дебри Вудбита.

Время от времени он появлялся дома, чаще всего глубокой осенью, переживал зиму, и с первым устойчивым теплом вновь уходил в лес.

Санхар исходил Вудбит вдоль и поперёк, стал непревзойдённым охотником и следопытом, сам чуть ли не превратившись в лесного варвара. Щеголеватые белоснежные костюмы из тонкой шерсти и льна, поменял на грубую одежду из кожи и меха, походка его стала крадущейся и неслышной, а взгляд быстрым, внимательным и всё замечающим.

Так Санхар забавлялся до девяноста девяти лет. Достигнув совершенства в искусстве охотника, он снова заскучал. Это занятие ему стало неинтересно и уже не приносило прежнего удовольствия. Ни один зверь или человек не мог уйти от него, как бы искусно ни прятался или заметал следы. Ему даже не требовалась помощь Акса или сверхъестественные способности, чтобы выследить и настичь жертву.

Санхар вернулся домой и целыми днями сидел на балконе, глядя на город и суетящихся внизу людей.

Видя, что сын скучает, и опасаясь, что он снова начнёт куролесить от безделья, Лианд предложил ему вновь отправиться в путешествие.

– Я прервал твоё первое путешествие, потому что мне понадобилась помощь. Но сейчас в королевстве всё благополучно и ты можешь продолжить его.

– Я посмотрел на востоке всё, что хотел увидеть. Мне не интересно туда возвращаться.

– Тогда отправляйся на запад.

– На западе Вудбит и я только что оттуда вернулся.

– Есть ещё север и юг.

– На севере холодное Белое море и кучка жалких островов, а степи Саннарии я знаю наизусть.

– Сынок, на Аквии много стран, где ты ещё не бывал. Поговори с мамой, может, она тебе что-нибудь посоветует...

Санриза не хотела, чтобы сын уезжал куда-то далеко. Последние годы она и так его редко видела. Но понимала, что скука – самый страшный враг. Ей и самой уже приелась нынешняя жизнь, и она не раз предлагала Лианду посадить на трон Трикора смертного правителя и отправиться куда-нибудь, где их никто не знает. Но Лианд ещё не натешился своим детищем, и не хотел отказываться от королевского сана.

Хотя Санризу печалило предстоящее расставание, она благословила сына на новое путешествие, рассказав ему о Западном континенте и его развитых цивилизованных странах, а также о Южном континенте и своей родине Алмосте.

Показала карты и рассказала всё о странах, изображённых на них.

– Конечно, мои сведения устарели, ведь я уже больше ста лет нигде не бывала. Мне самой любопытно взглянуть на мир и узнать, как он изменился за прошедшие годы... Но твой отец и слышать не хочет о путешествиях. Поезжай, сынок, посмотри мир, а затем возвращайся – расскажешь мне, где был и что видел.

Лианд предложил сыну лучшую свою ладью, но Санхар, в отличие от отца-морехода, предпочитал сухопутные дороги. Он выбрал на конюшне выносливого коня, отказавшись от Ветронога, которого предлагала мать, подобрал в арсенале самое лучшее оружие, пошил ноский и удобный дорожный костюм из кожи и крепкого сукна, позвал Акса, и одним прекрасным весенним утром покинул отчий дом.

Лесные приключения

1

Санхар смотрел, как паром, переправивший его через Траку, медленно преодолевает гладь реки, возвращаясь домой. На том берегу осталась его родина, за спиной темнели замшелые стволы Вудбита – бесконечного древнего леса, покрывавшего тысячи квадратных кемов чуть холмистого ландшафта. Лес не пугал – он исходил его вдоль и поперёк, в особенности, восточную часть, протянувшуюся вдоль пограничной реки. Правда, никогда не заходил больше чем на сто кемов на запад, но вряд ли дальше этой черты лес чем-то отличался от уже знакомого принцу. Он провёл среди этих мощных древних стволов, покрытых мхом и лишайником, не один год, исходил не одну звериную тропу, знал нрав, вид и повадки всех населяющих лес животных, изучил множество языков и наречий лесных варваров, селения которых прятались под его зелёным пологом. Потому и выбрал этот путь: через Вудбит в Гальс – сначала Северный, полудикий, а затем в Южный, более цивилизованный. Перед ним простирался путь в несколько сотен кемов густыми дебрями, где бродили дикие звери и варвары-охотники. Но ни трудности, ни опасности не пугали привычного к лесной жизни Санха-

ра. К тому же, его сопровождал верный друг Акс – бессмертный пёс, имеющий сильные лапы, мощные челюсти и сверхчутьё. С таким защитником даже младенец мог чувствовать себя в безопасности.

Санхар вскочил на коня и въехал под мрачные своды леса. Раскидистые густые кроны смыкались наверху, образуя непроницаемый зелёный шумящий полог, в котором возились и щебетали недостигаемые птицы или мелькали гибкие стремительные белоснежные лэи, насколько пугливые, настолько и любопытные. Часто, усевшись на ветке на недоступной высоте, свесив вниз пушистый хвост с тёмным кончиком и остроносую мордочку с огромными чуткими ушами и блестящими чёрными бусинками глаз, они с любопытством рассматривали проезжавшего внизу всадника и трусившего рядом с ним огромного пса с остроконечными ушами и загнутым вверх пушистым хвостом, покрытого, как и лэи, густой белоснежной шерстью. Глупышки не понимали, что их безопасность относительна, что одной лёгкой стрелы достаточно, чтобы снять лэя с ветки. В своё время Санхар бил их десятками. У его матери был великолепный тёплый плащ, сшитый из чудесных белоснежных шкурок лэев, лёгких, тёплых и мягких. Но теперь Санхар не охотился, и убивать любопытных зверьков без надобности не собирался. Он собирался охотиться только ради пищи, а для этого лэи непригодны – слишком малы и костлявы. Вот если ему встретится стадо лаймов, или олень, или лесной кабанчик,

или, что ещё лучше, болотная свинка с нежным вкусным мясом, он с удовольствием снимет с плеча лук и спустит тетиву, или науськает Акса, который вмиг догонит и завалит любое животное.

Санхар старался придерживаться выбранного направления, но не боялся отклоняться направо или налево, если того требовали обстоятельства. Он не опасался заблудиться в этом храме природы, заполненном зелёным полумраком и бесчисленными стройными колоннами могучих стволов. Он был достаточно опытным следопытом, чтобы не сбиться с пути, да и строгого маршрута, как такового, не придерживался. Он просто ехал на запад. Делал привалы на полянах, останавливался на берегах многочисленных ручьёв, лесных озёр, поросших густыми камышами и водяными лилиями, неторопливых и мелководных речушек. Иногда, если место особенно нравилось, Санхар делал привал на день-два или на несколько дней, отдыхал, охотился, просто лежал на солнце, загорая, или нежился в чистой, прогретой лучами воде.

Иногда путь приводил его к селению варваров, затерянному в лесной глуши. Его встречали настороженно, но дружелюбно, так как лесные варвары издавна славились приветливостью и гостеприимством. Путника, приходившего с миром, принимали в любом доме, делились пищей и всем необходимым, если он в чём-то нуждался. Вокруг Санхара собирались почти все жители селения во главе со старейшиной и задавали любопытствующие, но вежливые вопросы. Санхар

отвечал откровенно, скрывая только, что он Бессмертный и принц крови из Трикора, о котором, впрочем, в такой глуши не все и слышали.

Переночевав в селении или задержавшись в нём на день-два, если было желание, поблагодарив жителей за гостеприимство, Санхар отправлялся дальше.

Как-то раз, в одном из селений, его приняли не только настороженно, но и враждебно. Когда принц выехал на опушку, его встретил вооружённый копьями и луками отряд воинственно настроенных варваров. Санхар не хотел начинать драку, поэтому решил развернуться и объехать недружелюбное селение, но позади тоже оказались воины, вышедшие из засады. Санхар ощутил присутствие людей задолго до того, как увидел селение, но не обратил на это внимания, считая их простыми охотниками.

Сейчас они выступили из-за деревьев и окружили путника, выставив вперёд копья. Акс взвизгнул, привлекая к себе внимание, и с помощью языка жестов спросил: «Убить?»

«Нет», – так же жестом ответил Санхар и обратился к варварам:

– Приветствую вас, жители леса. Я мирный путешественник, едущий своей дорогой. Скажите, в чём моя вина, и почему встречаете меня оружием вместо хлеба?

Варвары переглянулись, явно смущённые вежливыми словами и дружелюбным тоном, а затем обратили взоры на одного из товарищей, очевидно, командира.

– Недавно на селение напали разбойники и учинили погром, поэтому всех чужаков мы теперь встречаем с оружием. Твой облик кажется нам странным и подозрительным. Из какого ты племени? В наших краях не видели людей, похожих на тебя. Скажи нам, откуда ты приехал, как тебя зовут, и к какому племени принадлежишь?

– Я родился и вырос далеко на востоке, в королевстве Трикор, на берегу моря. Родом я из племени вельхов, и путешествую в поисках знаний и приключений. Меня зовут Санхар, я воин и охотник. Если вам досаждают разбойники, я могу вам помочь, сразившись с ними сам, или обучив вас искусству обороны и нападения.

Варвары одобрительно зашумели, по-видимому, слова чужака им пришлись по душе.

– Мы рады приветствовать тебя, гость, – ответил старший традиционной фразой и подал воинам знак опустить копья.

Санхар въехал в селение в окружении варваров. Соблюдая обычаи, приветствовал старейшину и стариков, вновь представился и кратко рассказал о себе. Старейшина пригласил его в свой дом, где гостя усадили на почётное место и угостили традиционной сладкой лепёшкой с игристым вином, сделанным на основе лесных ягод, душистых трав и дикого мёда. Санхару всегда нравился этот напиток – вкусный, ароматный и крепкой. Санхар пил, наслаждаясь вкусом, так как алкоголь, содержащийся в вине, не действовал на его организм. Даже выпитое в огромном количестве самое креп-

кое вино, лишь слегка кружило голову, но опьянение быстро проходило. Потому вино Санхар ценил за вкус и аромат, а не за крепость.

Когда все обычаи были соблюдены, старейшина обратился к гостю с прямым вопросом:

– Мне сказали, что ты предложил защитить нас от набегов. Это так?

– Да. Расскажите о ваших врагах, и я решу, как вам помочь.

– Это бродячее племя с севера. Более сильные соседи вытеснили их с родовых земель, частично истребив и забрав всех их женщин. Спасшиеся ушли на юг и забрели в наши края. У нас испокон веков не было войн, мы мирные племена. Наши мужчины умеют охотиться, но не умеют воевать. Разбойники легко побеждают нас в бою. Они уже дважды напали на селение, убивали мужчин и уводили с собой женщин и девушек. Участь этих несчастных была ужасна – наши следопыты нашли их изуродованные трупы на краю болота... Мы живём в постоянном страхе нового нападения, наши мужчины не могут охотиться и наши семьи голодают.

Санхар выслушал старейшину и несколько минут молча размышлял. Старики смотрели на гостя с надеждой, в хижине царил напряжённая тишина.

Принц поднял глаза и посмотрел на сидящих напротив мужчин. Как почётный гость, он сидел по главе треугольного стола, в святом углу, под полкой, на которой стояли дере-

вянные фигурки духов-покровителей и лежали священные амулеты.

– Я помогу вам, но вы должны пообещать, что будете слушаться моих приказов, какими бы странными или нелепыми они вам ни показались, – сказал он, и варвары дружно закивали. – Для начала вам нужно отправиться на охоту, чтобы пополнить запасы мяса. Пусть идут только самые опытные охотники. С ними отправится мой пёс. У него великолепный нюх, и если где-то появится кто-то чужой – он сразу его учует. Акс поможет вашим мужчинам отыскать дичь и будет охранять во время охоты. Я же останусь в селении и выберу из молодых охотников и непосвящённых юношей воинов, которых начну обучать воинскому искусству. Если разбойники появятся неожиданно, я приму бой сам, а если они придут, когда воины будут готовы – мы устроим им приём, которого они не ожидают. Согласны с моим решением, отцы?

– Да, чужеземец, согласны... – ответил за всех старейшина. – Скажи нам лишь одно: какую плату потребуешь за свою помощь?

– За помощь платы не берут, уважаемый. Вы нуждаетесь в помощи, которую я могу дать, и помощь эта бескорыстна. Единственное, что я прошу – хорошая еда для меня и моего пса.

Старейшина прижал руки ко лбу в знак глубокого почтения, и его жест повторили седовласые старики. Санхар лишь

небрежно кивнул в ответ, ведь за долгие годы высокого положения привык к уважению и преклонению, поэтому и сейчас остался равнодушным к знакам внимания, воспринимая их, как должное.

Отправляясь в путешествие, Санхар решил, что не будет кичиться королевским статусом и необычным происхождением, желая пожить жизнью простого смертного. Но многолетние привычки и неосознанные манеры, естественные для него, но бросающиеся в глаза другим, говорили о его высоком благородном происхождении. Небрежные жесты, взгляд свысока, слегка пренебрежительная манера держаться и разговаривать, давали понять каждому, что перед ним птица высокого полёта, несмотря на простого кроя одежду и отсутствие пышной свиты. К тому же, покидая дом, Санхар не захотел расставаться со своими тремя любимыми украшениями, которые носил более половины столетия: массивным золотым перстнем-печаткой с изображением родового герба – двуглавого морского орла; необычным амулетом-медальоном из овального куска янтаря, внутри которого навечно застыла странная тварь, похожая на крошечного дракончика – этот камень он нашёл на морском побережье, вставил в изящную золотую оправу и подвесил на толстую золотую цепь; и золотыми серьгами с каплевидными изумрудами. Одни эти украшения говорили всякому, что незнакомец не из простолюдинов. Санхар как-то не задумывался над такими «пустяками». Может потому, что почти не сталкивал-

ся с людьми других стран, если не считать относительно благополучного Даммара. А варвары воспринимали пришельца согласно его достоинств, а не тому, как он выглядел или как говорил. Старейшина с первого взгляда определил, что чужак обладает силой и уверенностью вожака и опытного воина, и ему этого было достаточно. А то, что этот чужеземный воин из далёкой страны вызвался помочь его бедному селению, воспринял не просто, как удачу, а как покровительство высших сил.

Санхару предоставили одну из пустующих хижин, где разбойники убили всю семью. Старейшина прислал свою внучку, чтобы она прислуживала гостю и готовила еду. На следующий день Санхар взялся за претворение плана в жизнь. Объяснив Аксу его обязанности, отправил его вместе с охотниками, а сам занялся подбором будущих воинов. Придирчиво осмотрел всех молодых мужчин и юношей, заставив проделать несколько силовых упражнений, и выбрал два десятка самых крепких и ловких. Так как мечей эти живущие в лесной глуши варвары в руках не держали, а из всего оружия были только луки, копья и крепкие дубинки, с которыми они довольно ловко управлялись, Санхар решил взять за основу подготовки именно этот вид оружия. Он распорядился приготовить несколько десятков тяжёлых дубинок из железного дуба, которые по крепости не уступали бронзовым мечам. На помощь будущим воинам пришло всё селение: и женщины, и старики, и дети. Работа закипела, и вскоре длинные, сучко-

ватые, грубо ошкуренные, но эффективные и убийственные орудия были готовы. Между тем Санхар, не теряя времени, приступил к усиленным тренировкам. Он показал варварам несколько десятков приёмов обороны и нападения и заставил разучить и отработать до автоматизма. Когда «рекруты» справились с заданием, он объяснил им азы тактики. Затем перешёл к единоборствам, поединкам и коллективным сражениям.

Занятия проводились от рассвета да заката, с небольшими перерывами на еду и отдых. Санхар не жалел учеников, предчувствуя, что времени у них мало, а выучить нужно ещё много. И хотя ученики к ночи почти падали с ног от усталости, никто не роптал. Наоборот, их переполняла гордость, что Великий Воин-Путешественник выбрал их, и учит вещам, которые помогут им спасти селение от ненавистных разбойников.

2

Прошёл, примерно, месяц со дня появления Санхара в селении варваров. Обучение «рекрутов» успешно продвигалось. Они выучили всё, что смог и захотел дать им принц, и теперь только отработывали разученные приёмы. Оставалось закрепить знания и умения в настоящем бою. И боги, словно подслушав мысли Санхара, вновь послали на селение разбойников.

Занимаясь тренировками, Санхар не забывал об обороне. Он придумал и организовал охрану селения из болтающей без дела детворы: приказал построить на деревьях, на подходах к селению, помосты с навесами от дождя и для защиты от случайных взоров, где круглосуточно сидели стражи-наблюдатели. Если появятся чужаки, стражники подадут условный сигнал, который высматривали наблюдатели в селении. Тот час в ту сторону пошлют разведчиков для выяснения причин тревоги, которые доложат обстановку Санхару.

И вот, одним прекрасным утром, едва селение начало просыпаться, и вставшие пораньше хозяйки разожгли очаги, чтобы напечь свежих лепёшек, наблюдатели заметили в юго-западной стороне тревожный столб дыма. Тот час в том направлении умчались два разведчика-следопыта. Вскоре они вернулись обратно, запыханные и встревоженные. Ворвались в хижину Санхара и наперебой заговорили:

– Это разбойники, Великий Воин-Путешественник! Они идут!

Принц быстро собрал и построил отряд, а старейшине приказал отвести всех людей и скот в приготовленное заранее укрытие. Когда люди толпой потянулись из селения, он повёл своих воинов в обратном направлении – навстречу врагу.

Защитники устроили засаду в полукеме от селения, в удобном для них месте. Воины Санхара спрятались за деревьями, а вельх занял позицию на самом опасном направле-

нии. Акс лёг у ног друга, взволнованно подёргивая кончиком хвоста. Шерсть на загривке вздыбилась в предвкушении битвы, а верхняя губа слегка приподнялась, обнажая кончики грозных острых клыков. Он давно учуял чужаков, и весь его вид говорил об этом. Санхар тоже вскоре почувствовал приближение множества враждебно настроенных людей, и его с головой накрыла волна предупреждающей опасности. Рука невольно опустилась на рукоять меча, а мышцы слегка напряглись, готовясь к бою.

Санхар проигрывал подобную ситуацию с учениками, но ещё не отработал её до мелочей, и сейчас немного тревожился: как поведут себя юноши в настоящем бою? Не испугаются ли? Не наделают ли глупостей?

И вот среди деревьев показалась нестройная колонна бредущих по узкой тропе людей. Впереди шёл высокий рыжеволосый варвар в помятом бронзовом шлеме и драной кожаной куртке. На поясе его болтался настоящий бронзовый меч, но большинство его людей несли копья и луки. Их было около тридцати – больше, чем воинов Санхара. Но с одного взгляда стало понятно, что это кучка разбойников-оборванцев, а не действительно грозная сила. Они шли, как на прогулке, не приняв никаких мер предосторожности, даже не выслав вперёд разведку, что говорило то ли о неосведомлённости, то ли о полной самоуверенности.

Условным свистом Санхар подал знак приготовиться и, когда неприятель втянулся в коридор засады, послал сиг-

нал атаки. Первыми вступили в бой лучники. Смертоносные стрелы, как одна, попали в цель, вмиг, сравнив силы противников Застигнутые внезапным нападением, разбойники заметались, как пойманные в сети кролики, сталкиваясь и мешая друг другу. Безжалостные стрелы продолжали находить жертвы, пока разбойники не опомнились и не начали прикрываться деревянными и кожаными щитами. И тогда Санхар выступил из-за деревьев и взмахнул мечом, призывая своих людей к рукопашной. С дикими устрашающими воплями варвары выскочили из-за укрытий, словно покинувшие Подземелье адские демоны. Они держали в руках копья, но на поясе каждого болталась увесистая дубинка.

Завязался настоящий бой. Санхар не вмешивался, со стороны наблюдая за сражением. Его очередь придёт, если что-то пойдёт не так и срочно понадобится помощь. А пока он только внимательно следил, отмечая и запоминая все плюсы и просчёты сражающихся, чтобы проанализировать их на досуге.

Как он и думал, разбойники оказались никудышными воинами. У них почти не было никакой организации, и в бою каждый думал сам за себя, в то время как Санхар учил своих людей всегда чувствовать локоть товарища и приходить друг другу на помощь, если возникнет необходимость.

С некоторым сожалением он отмечал, как гибнут его люди, и когда пал пятый, решил, что пора вмешаться. Он обнажил меч и вступил в бой. Акс, давно дрожавший от нетер-

пения, словно подкинутый пружиной, вскочил с места и ринулся в самую гущу боя. Его зубы тут же вонзились в чью-то плоть. Словно демон Преисподней, напал он на противника, кромсая, кусая и разрывая. Стальные челюсти перегрызали сухожилия и дробили кисти рук. Пасть вмиг окрасилась кровью, и он стал похож на демона ночи, выпивающего из грешников кровь. Меч Санхара тоже выполнял привычное для него дело, и вскоре, из уцелевшего десятка врагов осталась жалкая горстка, бросившаяся наутёк. Акс пустился в погоню. Он догонял беглецов и валил их на землю, впиваясь клыками в шею. Тех, кому всё-таки удалось уйти, он выследил позже, отправившись по их следам. Адский пёс преследовал их днём и ночью, рыская по дебрям, пока не отыскал и не убил всех до единого.

Санхар добил раненых врагов, собрал свой отряд и с победой вернулся в селение И хотя у них было пятеро погибших и несколько раненых, юноши веселились и гордились без меры.

Жители вернулись в селение, ещё не веря своему счастью. Их дома уцелели, имущество осталось на местах, а количество потерь было минимально. Все посетили место сражения и дивились смелости и умению воинов, ещё недавно не умевших правильно бросить копьё. Санхар гордился учениками. Несмотря на малоопытность и молодость, они не испугались грозного врага и сражались отважно.

Оплакав и похоронив павших, жители устроили торже-

ство, славя победителей. Санхар посоветовал забрать у убитых врагов всё оружие и отнести в селение, а тела выбросить в болото на съедение падальщикам, куда они бросали свои жертвы.

После торжеств, Санхар собрал жителей и произнёс краткую речь, в которой сообщил, что своё обещание он выполнил, а посему покидает их селение и отправляется в дальнейший путь. Но пусть они не расслабляются и помнят, что это не первые и не последние враги на их веку. Если хотят и дальше жить спокойно, пусть не забывают его науку, а развивают воинское искусство дальше, обучая своих сыновей с малых лет.

Через несколько дней он покинул селение, и отправился дальше под благодарные крики варваров.

Гальские приключения

1

Леса Северного Гальса отличались от дебрей Вудбита. Северный Гальс располагался в низине и выходил к тёплому Гальскому морю. Здесь царили настоящие джунгли: густые непроходимые болотистые заросли, сплетение лиан, кустарников, огромных папоротников и тянущихся к небу деревьев. Жизнь буяла на всех уровнях: под землёй, в кустарниках, среди ветвей деревьев и на самых вершинах. С утра до вечера эта живность перекликалась различными голосами: иногда приятными и мелодичными, иногда пугающими и резкими. И по ночам лес не знал покоя: в непроницаемой тьме, царившей под густыми кронами, освещаемой лишь призрачными огоньками светящихся насекомых и зловещим мерцанием глаз ночных хищников, раздавались то холодящие душу стоны, то жуткий вой, то визг и дикие вскрики. Акс, обычно спокойный и привыкший, казалось, ко всему, в Северном Гальсе вёл себя нервно, постоянно держался на чеку и недовольно ворчал.

Но вот путешественники перебрались через мутные болотистые воды Оргены, отделяющей дебри Северного Гальса от плодородных земель Южного, и оказались в цивилизо-

ванном государстве, с городами, дорогами и вполне цивилизованными людьми.

В Южном Гальсе тоже встречались леса, но небольшие массивы, перемежающиеся обработанными полями, виноградниками, ореховыми рощами или облагороженными пастбищами. По дорогам, вившимся среди полей и расщелин леса, проезжали повозки и всадники, ходили пешеходы. На чужеземца с огромной собакой обращали внимание, но не проявляли излишнего любопытства. Галисийцы народ приветливый и вежливый. Они охотно помогали, если их просили: объясняли дорогу, угощали кружкой прохладного напитка в жаркий день или пускали на ночлег. Но если незнакомец проявлял неуважение или, более того, угрожал жизни и достоинству гражданина – каждый галисиец мог за себя постоять. Здесь все, даже женщины и подростки, носили оружие при себе: мужчины короткие мечи, а женщины небольшие ножи в изящных ножнах на поясе или подвешенные вместо амулета на золотой цепи на шее. Это удивляло Санхара, пока он не узнал о Южном Гальсе немного больше.

Здесь не существовало центральной власти. Это было не королевство, не герцогство, не княжество, а федеративный союз свободных городов. Каждый город сам выбирал собственного лорда-правителя из числа самых уважаемых или заслуженных горожан. Четыре раза в год лорды-правители собирались на Униту, так называемый Большой Совет, где обсуждали свои проблемы и принимали соответствующие

решения, способствовавшие процветанию всей страны. По федеративным законам городам запрещалось иметь или содержать армию или большой воинский отряд, во избежание соблазна захвата власти и стычек между городами, что не редкостью было в прежние времена. Все спорные вопросы и разногласия решались путём переговоров или на Уните.

Но, так как приморские города часто подвергались набегам ассветов, вельхов и пиратов различного сорта, а также им постоянно угрожали южные соседи с острова Литик, а пограничные города страдали от набегов лесных варваров или просто разбойничьих шаек, им позволялось организовывать небольшие отряды самообороны, состоящие из простых горожан, в мирное время занимающихся своими повседневными делами, а в случае опасности собирающихся в боеспособную дружину. Помимо этого, на службе каждого города находился небольшой отряд городской стражи, подчиняющийся лорду-правителю, являющемуся одновременно Верховным Судьёй. Они следили за порядком в городе и прилегающих окрестностях и за соблюдением местных и федеративных законов.

Так как любой дружинник должен быть готовым явиться на службу по первому сигналу тревоги и общего сбора, то, уходя из дома, галисиец всегда брал оружие. Селяне тоже вооружались, потому что городская стража охраняла, в основном, город и городские околицы, а до округи руки у неё не доходили. Ну а женщины – свободные и независимые гали-

сийки – не хотели отставать от мужчин, и тоже вооружались, правда, больше ради дани моде, так как изящные ножички служили им не как средство защиты, а как дополнительное оригинальное украшение.

Галисийцы отличались необыкновенной красотой, особенно женщины: миловидные, белокожие, с чёрными или тёмными волосами и ярко-синими глазами.

С одной из подобных красоток Санхар познакомился буквально в первые дни пребывания на землях Южного Гальса. Двигаясь по дороге на запад, он въехал в небольшой лес и вскоре уловил незримый призыв, а затем и услышал крики о помощи. Акса рядом не было – с полчаса назад он убежал в поле погонять беспечных кроликов, а заодно и перекусить, так как близилось время обеда. Санхар не беспокоился за друга, он знал, что тот отыщет его по следу и легко нагонит, как бы далеко Санхар ни уехал.

Кричала женщина, и принц, определив направление, прищпорил коня и поспешил на помощь. Вскоре он выехал на небольшую поляну и увидел, как двое каких-то бродяг, схватив женщину за руки, тянули в разные стороны, словно собирались разорвать пополам. Несчастливая кричала от боли и умоляла отпустить её, но они, не слушая мольб, сердито сверкая друг на друга глазами и изрыгая проклятия, лишь сильнее тянули каждый в свою сторону.

Санхар спрыгнул на землю и положил руку на рукоятку меча, висящего на поясе.

– Эй, вы, двое, сейчас же отпустите эту женщину! – приказал насильникам. Но те не обратили на него, ни малейшего внимания, словно он был невидимым призраком. Тогда Санхар приблизился к одному, схватил его за шиворот и, оторвав от женщины, отшвырнул прочь. Второй и женщина, потеряв равновесие, упали на землю. Галисийка встала на четвереньки и тут же поползла прочь. Второй разбойник, словно только теперь заметив чужака, схватился за меч и раздражённо прорычал:

– Ты что за пень и какого рожна вмешиваешься в наши дела?

– Я хочу, чтобы вы оставили эту женщину в покое, – спокойно ответил Санхар.

– Это наша лярва, мы выиграла её в кости. Мы можем делать с ней, что хотим, а ты не лезь, куда не зовут, чужак.

– Даже, если это ваша рабыня, почему вы вцепились в неё, как псы в кость? Вы не можете поделить её мирно?

– Какое тебе дело до наших проблем, мудило? Не приставай и катись к лохматой бабушке! – грубо ответил мужчина.

Санхар не привык к такому обращению, да и характер не позволял ему терпеть грубость, потому, по обычаю вельхов, положив руку на меч и обнажив часть клинка, он сказал:

– Будь повежливее, незнакомец, если не знаешь, с кем имеешь дело. Я не проявлял к тебе неуважения, поэтому требую извинений.

К мужчине присоединился его товарищ, и они стали пле-

чом к плечу – рослые, сильные, крепкие – и недружелюбно посмотрели на чужеземца.

– Топай своей дорогой, чужак!.. – произнёс первый оборванец. – А своего коня можешь оставить здесь, он нам понравился. – И обнажил в довольной усмешке крупные, как у лошади, зубы.

– Ты собираешься меня ограбить? – удивился Санхар.

– Сам нарвался, дурило, – ощерился разбойник.

– Боюсь, у тебя ничего не получится, – покачал головой вельх.

– У нас всё получится! – ответили мужчины и одновременно обнажили мечи.

Санхар высвободил меч и ринулся в атаку. Он не собирался щадить разбойников, раз они первыми бросили ему вызов. Хватило мгновенья, чтобы на поляне остались два бездыханных тела. Вытерев клинок, он спокойно спрятал его в ножны и направился к своей лошади. Но едва он поставил ногу в стремя, из кустарника выглянула женщина, ставшая яблоком раздора, и осторожно приблизилась к принцу.

– Уезжаешь, господин? – жалобно проблеяла.

– Конечно.

– А как же я?

– А что ты?

– Я лишилась хозяев, что мне теперь делать?

– Ты свободна, иди домой.

– Но у меня нет дома. Я рабыня. Меня содержит хозяин,

которому я принадлежу. Теперь у меня нет хозяина, и я лишена средств к существованию... Ты убил моих последних хозяев, и на правах победителя я принадлежу тебе. Теперь ты мой хозяин.

– Мне не нужна рабыня.

– Тогда продай меня на ближайшем рынке, но не бросай в этом лесу. Меня съедят дикие звери или убьют разбойники...

– По-моему, эта парочка не лучше разбойников.

– Да... И они чуть не разорвали меня из-за своего упрямства, не сумев договориться, кто будет первым, а кто вторым... – Голос женщины стал кокетливым. – Господин, возьми меня к себе, ты не пожалеешь... Я искусна в любви и могу доставить наслаждение даже самому требовательному мужчине.

Санхар засмеялся. Дерзкая рабыня понравилась ему. К тому же, настоящая красавица: чёрные блестящие волосы, ярко-синие глаза, гладкая матовая кожа, хорошая фигура. Только немного растрёпана, не умыта и одета в лохмотья.

– А шить и готовить ты умеешь или только прогибаться в постели?

– Я всё умею, господин! Я мастерица на все руки! – сверкнула белозубой улыбкой женщина.

– Ладно... Садись позади.

Он помог ей взобраться на круп коня и поехал в сторону дороги.

Рабыня была не первой молодости – на вид около тридцати лет. Но она, и правда, оказалась искусной во всех делах: неплохо готовила, штопала одежду и знала толк в любовных забавах. Нежная, страстная, и знала множество штучек, доводящих мужчину до экстаза. Своё искусство она продемонстрировала на первом же привале.

Санхар остановился на берегу ручья под сенью раскидистого дерева. Разведя костёр, обжарил на огне мясо, пообедал и накормил спутницу, затем, расстелив на земле войлочную подстилку, расположился на отдых. Рабыня, назвавшаяся Таррой, тут же присела рядом и начала заигрывать с господином, щекоча ему шею и лицо сорванной травинкой. Санхар, не открывая глаз, поймал её за руку (как и отец, он ощущал окружающее пространство, и мог «видеть» с закрытыми глазами), и произнёс:

– Не мешай...

Рабыня запечатлела на его руке нежный поцелуй, а затем положила палец в рот и начала легонько посасывать. Санхар приподнял веки и взглянул на женщину.

– Ты чего-то хочешь или просто забавляешься?

– Я хочу сделать тебе приятное... – проворковала женщина.

– Согласен... Раздевайся, – приказал Санхар.

Рабыня с готовностью сбросила лохмотья.

– А теперь ступай к ручью и хорошенько вымойся, – снова приказал Санхар.

– Но... Ведь вода холодная...

– Ничего. Я потом тебя согрею.

– О, если так...

Тарра поспешила к ручью и несколько минут плескалась, охая и взвизгивая. Вернулась, вся дрожа от холода. Санхар, уже обнажённый, уложил её на согретую теплом своего тела подстилку. Обняв женщину, несколько минут согревал в объятьях, лаская гладкую упругую кожу, вдыхая аромат её волос и чувствуя, как призабытое желание наливает упругостью плоть.

Вскоре Тарра перестала дрожать, её дыхание участилось, а глаза засверкали, как два алмаза. Руки начали смело гулять телом господина, лаская кожу и ощупывая твёрдые бугристые мышцы, плавно перекатывавшиеся под ней. Губы тоже не оставались в бездействии, и Санхар почувствовал, как наслаждение растёт и распяляет его тело. Он подмял женщину под себя и, уже не сдерживаясь, отдался нарастающему желанию. Тара так страстно стонала, отзываясь на каждое движение, так нежно прижималась и так искусно двигалась, что его наслаждение усилилось многократно. Никогда у него не было такой умелой любовницы, и Санхар оценил Тарру по достоинству. Когда всё закончилось и они лежали, утомлённые и запыханные, Санхар нежно поцеловал женщину и сказал:

– Я не продам и никому не отдам тебя, Тарра. Ты всегда будешь моей.

– Я тоже не хочу расставаться с тобой, господин. У меня ещё не было такого красивого, такого сильного и такого умелого мужчины.

Тесно прижавшись друг к другу, они расслабились и погрузились в лёгкий дневной сон.

2

Разбудил Санхара испуганный вопль женщины. Не успев окончательно проснуться и открыть глаза, он схватил лежащий под рукой меч и рывком приподнялся. Рядом сидел Акс, внимательно рассматривая Тарру, а та испуганно жалась к господину, с ужасом глядя на огромное животное с покрытой кровью мордой. Санхар расслабился и опустился на ложе. Обняв рабыню за плечи, притянул к себе и успокаивающе проговорил:

– Не бойся, это Акс, мой пёс. Он охотился, поэтому и заляпался кровью... Акс, иди, умойся, твой вид просто ужасен.

Акс поудобней уселся, облизал морду длинным влажным языком и потёр её лапой. Затем спросил: «Это твоя новая самка?»

– Да, это моя женщина. Её зовут Тарра, и она будет путешествовать с нами.

«От неё странно пахнет. Вы случались?»

Санхар рассмеялся. Он привык к непосредственности и прямолинейности Акса, ведь тот был, как ребёнок.

– Да, – коротко ответил он.

Рабыня, не сводившая глаз с собаки, посмотрела на господина и удивлённо спросила:

– Ты с ним разговариваешь?

– Да.

– Разве с собаками можно разговаривать? Они ведь глупые и не умеют говорить.

– Акс очень необычный пёс. Он умный, всё понимает и умеет говорить. Я научил его языку жестов. Вот, посмотри... Акс! – Пёс дёрнул правым ухом, говоря: «Я слушаю». – Он ответил, что слушает меня.

– Это понятно, так делают все собаки, когда их позовут, – недоверчиво ответила Тарра.

– Ну ладно... Ты наелся, Акс?

Пёс кивнул, как человек.

– А мне принёс что-нибудь на ужин?

«Я поймал оленёнка и съел все внутренности. Остальное я принёс», – ответил Акс.

Глядя на странные ужимки собаки, Тарра невольно засмеялась.

– И что он ответил?

– Сказал, что поймал оленёнка, съел все внутренности, остальное принёс... Тащи его сюда, Акс!

Пёс с готовностью метнулся к кустам и вытащил растерзанное тельце оленёнка.

– Видишь? – улыбнулся Санхар.

– Святые Небеса! – с изумлением воскликнула женщина. – Он, и в самом деле, очень умный пёс!

Акс довольно ощерился, изображая улыбку, которая на его окровавленной морде выглядела зловещим оскалом.

– А сейчас что он сказал? – немного нервно спросила Тарра.

– Он улыбается. Твои слова понравились ему – Акс очень падок на лесть... Ладно, дружище, хватит скалиться, пойдёшь, умой морду, она пугает мою женщину.

Акс неохотно поплёлся к ручью, похлебал воды, затем несколько раз окунул голову в воду, чихая и отфыркиваясь, потёр морду лапами и повозил по траве, пока она не очистилась. Санхар и Тарра тем временем оделись и собрали вещи. До вечера было ещё далеко, и Санхар подумал, что до темноты они успеют добраться до какого-либо селения. Ему совсем не хотелось ночевать в лесу.

Отрезав у оленёнка голову и ноги, он положил тушку в охотничью сумку, посадил Тарру и сам вскочил в седло. Выехав на дорогу, снова направился на запад. Акс бежал впереди, иногда поднимая голову и нюхая воздух, а иногда стремительно прыгая в заросли, пугая прячущихся там зверушек или отгоняя хищников. Однажды, после очередного прыжка, в кустах послышалась возня, шум борьбы, чьё-то яростное шипение, визг, грозное рычание собаки, и через мгновение через дорогу метнулась тёмная стремительная тень, такая быстрая, что даже Санхар не успел разглядеть, что за зве-

рѣк это был. Следом вышел Акс, облизывая расцарапанный нос, из которого капала кровь.

– Ты ранен? – заботливо спросил принц.

«Он укусил меня за губу», – ответил пёс.

– Больно?

«Очень», – взвизгнул Акс.

– Не связывайся с теми, кого не знаешь, – улыбнулся Санхар. – Не забывай: даже самый ничтожный противник может быть опасен.

Акс обиженно фыркнул и убежал вперёд, зализывая рану. Санхар не беспокоился. Он знал, что боль пройдёт, как только закроется рана, а рана скоро затянется без следа.

Акс вернулся спустя какое-то время и сообщил, что впереди много всадников. Санхар знал, что при хороших условиях чутьё пса может достигать и пяти кемов, потому уточнил:

– Далеко?

«Далеко», – ответил Акс. Это соответствовало расстоянию больше трёх кемов, и принц не обеспокоился.

Санхар не спеша продолжал движение, а пёс, движимый любопытством, устремился на разведку, выслеживать едущих впереди незнакомцев.

Через несколько кемов лес кончился, и перед путешественниками открылась пустошь, которую пересекала дорога. Примерно в полукеме с ней соединялась другая, идущая с севера, и на развилке высился каменный столб с указате-

лями.

В десятке шагов от развилки стояли два крытых фургона, вокруг которых кружились несколько всадников. Акс, лёжа на опушке, наблюдал за ними.

«Это плохие люди», – констатировал он, когда Санхар приблизился.

– Я чувствую страх, – согласился с ним принц. – Но стоит ли нам вмешиваться?

– Их много, а ты один, господин, – вступила в разговор Тарра, поняв, что её хозяин желает ввязаться в драку с разбойниками. – Давай объедем это место стороной.

– Мы не сможем незаметно проехать – впереди открытое поле. Нас всё равно заметят.

– Они не станут гоняться за одиноким всадником, когда у них есть более ценная добыча.

Внезапно от повозок донёсся испуганный женский голос, призывающий на помощь.

– Женщина в беде, – решительно произнёс Санхар и тронул уздечку.

– Ну и что? Ты не можешь помогать всем женщинам, ты же не странствующий рыцарь! – возразила Тарра.

– Если бы я так размышлял, ты бы сейчас была рабой двух разбойников, а не моей женщиной. Поэтому сиди и молчи! – строго приказал Санхар.

Он рысью приблизился к указателю и ссадил Тарру на землю.

– Стой здесь и не высовывайся, – приказал. – Акс, охраняй Тарру, я не хочу, чтобы с ней что-нибудь случилось.

«Я должен охранять тебя», – возразил пёс.

– Надеюсь, мне не понадобится помощь. Ты можешь вмешаться, только если мне действительно будет угрожать опасность.

Акс снова обиделся, но послушно уселся у ног женщины. Тарра присела и обняла его за шею.

– О, милая собачка, не покидай хоть ты меня. Я так боюсь! Ты – единственная моя защита.

Акс взглянул на женщину и довольно вильнул хвостом.

Санхар, уверенный, что Акс теперь не оставит Тарру, послал коня вперёд и приблизился к разбойникам, которые уже начали грабить фургоны.

– Что здесь происходит? – строго спросил.

Один из разбойников оторвался от своего занятия, окинул всадника беглым взглядом, и произнёс:

– Проваливай, чудило!

Правая рука Санхара легла на рукоять меча и слегка потянула её, чуть-чуть обнажив клинок. Любой, знакомый с обычаями вельхов, понял бы, что разозлил его, так как частичное обнажение меча у вельхов означало недовольство ответом собеседника.

– Лучше вам оставить этих людей в покое и проваливать самим! – холодно ответил Санхар.

Разбойник разозлился, выхватил меч и воскликнул:

– Да кто ты такой, забери тебя демон!

Санхар тоже выхватил меч, клинок хищно сверкнул в лучах заходящего солнца, и голова разбойника скатилась на землю.

– Меня зовут Меч Голова С Плеч, – ответил он обезглавленному телу, медленно заваливающемуся набок.

Другие разбойники, увидев смерть товарища, взвыли, и скопом набросились на чужака. Их было около десятка. Санхар умело отбивался, попутно отсекая руки и головы. Разбойники окружили его, как стая голодных псов загнанного оленя. И хотя Санхар двигался, не стоял на месте, а в руках сверкали два клинка, которыми он работал одинаково искусно, но спина оставалась неприкрытой. Ошибкой было то, что он принял бой верхом. Лошадь не могла двигаться и поворачиваться с нужной ему скоростью. Неудивительно, что вскоре он ощутил сильный удар в спину и почувствовал острую боль – кто-то с близкого расстояния выпустил в него арбалетную стрелу. Она пробила его прочную кожу и застряла в теле, хотя обычного человека, пущенная с такого близкого расстояния, прошла бы насквозь.

Невзирая на боль, Санхар продолжал сражаться, хотя движения несколько замедлились – застрявшая в спине стрела причиняла неудобства. Но и противников осталось всего четверо, и те уже не были такими самоуверенными. Когда от рук Санхара пали ещё двое, оставшиеся в живых, не сговариваясь, повернули коней и умчались прочь.

Принц опустил меч и перевёл дух. Боль в спине мешала двигаться и затрудняла дыхание, по-видимому, стрела пробила лёгкое.

Он сполз с седла и облокотился о меч, чтобы не упасть. В горле запершило, он закашлялся, и рот наполнился кровью. Приблизившись к повозкам, привалился к борту и позвал:

– Эй, кто-нибудь...

Он чувствовал за полотняными пологамы людей, чувствовал их страх и слышал сдерживаемое дыхание, но никто не отозвался на его зов и не выглянул наружу.

– Да помогите же мне кто-нибудь! – воскликнул он.

Внутри послышалась тихая перебранка, затем сзади открылась дверца и выглянула женская головка. Большие серые глаза с испугом взглянули на незнакомца.

– Не бойся... Выходи... Я не разбойник...

Санхар говорил с трудом. Рот всё время наполнялся кровью, и её приходилось сплёвывать. Внутри всё горело от невыносимой боли.

– Вынь из меня стрелу... Скорее... – попросил он и повернулся к девушке спиной, из которой торчала стрела.

Девушка прыгнула на землю, осторожно приблизилась, взялась за древко и потянула на себя.

– Сильнее! – застонал Санхар.

Девушка задержала дыхание и рванула изо всех сил. С противным хлопаньем стрела вылезла из раны. Не сдержав болезненного вскрика, Санхар обернулся и увидел, что на-

конечник прикреплён к древку и, значит, внутри у него ничего не осталось. К счастью, это была охотничья стрела, а не боевая, с легко отделяющимся наконечником, который мог извлечь лишь опытный лекарь при помощи специальных инструментов.

Санхар перевёл дыхание и медленно опустился на землю. Силы покидали его, и он облокотился плечом о колесо фургона. Прикрыл глаза, собираясь с силами. Судя по глубине и сложности ранения, на восстановление может уйти целая ночь. Девушка склонилась над ним и участливо спросила:

– Как вы?

– Тассия! – донёсся из повозки мужской голос. – Иди сюда!

Санхар слышал, как девушка забралась в повозку, и как мужчина стал ей сердито выговаривать за неосторожность. Девушка оправдывалась, отвечая, что незнакомец защитил их от разбойников, что он ранен и ему требуется помощь.

– Это вельх! – сердито ответил мужчина. – Он такой же разбойник, как и те, что напали на нас! Разве ты забыла, кто похитил твою мать?

– Но ведь те вельхи были пиратами, а этот благородный господин...

– Все вельхи разбойники и пираты! – отрезал мужчина. – Мы уезжаем. Пока не стемнело, нам нужно добраться до города.

– А как же незнакомец? Он истекает кровью. Мы не мо-

жем бросить его здесь, он умрёт!

– Пусть подышает! – с ненавистью ответил мужчина. – Я сам бы его добил, если бы не боялся запачкать рук!

– Но папа...

– Заткнись и сядь на место!

В фургоне послышался шум, какое-то передвижение, затем щёлкнул бич, повозка дрогнула и покатилась, чуть не придавив Санхара. Лишившись поддержки, он упал. Повернув голову, смотрел вслед удаляющимся повозкам. Он чувствовал, как его тело слабеет, члены цепенеют, свет в глазах постепенно меркнет. Его охватила сонливость, в ушах запульсировал мерный убаюкивающий шум. Не сопротивляясь, Санхар погрузился в пучину исцеляющего сна. Он уже не слышал, как к нему приблизились Акс и Тарра, не слышал причитаний рабыни, но остатками угасающего сознания ощутил присутствие родных существ. С трудом открыв слипающиеся глаза, попытался сфокусироваться на склонившихся над ним спутниках. Увидел, что Акс ему что-то говорит, и, преодолевая сонливость, сконцентрировался на его движениях.

«Догнать их?»

– Нет... – еле слышно прошептал Санхар.

«Ты уснёшь?»

– Да...

«Здесь нехорошее место».

– Перенесите меня к указателю... И собери лошадей, они

нам пригодятся...

Это были последние слова Санхара. Глаза его сомкнулись и он отключилс

Акс привёл коня и предложил женщине помочь ему переложить неподвижное тело на седло. Тарра не понимала знаков пса, но, слыша последние слова Санхара, догадалась, чего от неё хочет Акс, и помогла псу затащить большое и тяжёлое тело вельха на седло. Перевезя его к столбу, Тарра быстро соорудила простейшее ложе из травы и войлочной подстилки, и уложила на него господина. Акс тем временем гонялся за оставшимися без седоков разбойничьими лошадьми, ловил их за болтающиеся поводья и отводил к столбу, где женщина привязывала их к ветвям указателей. Он поймал четыре лошади. Остальные либо далеко убежали, и Акс не собирался за ними гоняться, либо были ранены.

Смеркалось. На востоке появились первые звёзды, а небо приобрело тёмно-синий бархатный цвет. На западе, переливаясь великолепными золотисто-оранжевыми и нежно-розовыми тонами, ещё пылала вечерняя заря.

Тарра склонилась над неподвижным телом господина, положив его голову на колени. Её глаза были печальными, а щёки мокрыми от слёз. Её сильные эмоции горя и страдания чувствовал даже Акс. Он лёг рядом и положил голову ей на колени. Поглядывая на женщину чёрными блестящими глазами, время от времени сочувственно помахивал хвостом, говоря: «Не горюй!». Он не понимал, почему эта самка так

страдает, ведь утром Санхар проснётся здоровым и полным сил. Пёс не знал, что Тарра ничего не знает, а поэтому думает, что господин умирает.

3

Вечер сменился ночью, тёмной и холодной. В траве слышались странные шорохи, из леса доносились пугающие звуки. Тарра очень боялась, тем более, что пёс куда-то ушёл. Но она продолжала сидеть неподвижно, чтобы не потревожить раненого. Она слышала, как хриплое и неровное дыхание его выровнялось и стало глубоким и ровным, а холодное оцепеневшее тело снова приобрело естественную теплоту и подвижность. Тарра склонилась над господином, отгоняя от него ночных насекомых и глядя густые шелковистые волосы. Глядя на бледное в звёздном свете лицо, она любовалась прекрасными чертами, мысленно благодаря богов за то, что послали ей такого красивого, сильного, нежного и заботливого господина, и моля об исцелении.

Акс в это время нёс сторожевую службу, обходя место ночлега по широкому кругу. Тарра не видела его серебряного меха на фоне серебряного от густых россыпей звёзд неба, и не слышала мягкого крадущегося бега. Акс не хотел, чтобы кто-либо потревожил их, пока господин лежит беспомощный и не может защитить себя и свою женщину. Так он ходил до рассвета, не отвлекаясь на мелькавшую в траве

соблазнительную дичь, словно специально дразнившую его, пока первые лучи солнца не показались над восточным горизонтом. От непрерывного многочасового хождения в траве образовалась утоптанная круговая дорожка. Лишь только, когда утро властно вступило в свои права, он вернулся к месту привала. Женщина спала, устало привалившись к холодному каменному столбу. Акс ткнулся холодным носом ей в шею и взвизгнул, приветствуя, как обычно будил своего друга. Тарра испуганно вскрикнула и чуть не подскочила, потревожив лежащего на её коленях Санхара. Тот вздрогнул, глубоко вздохнул и пробормотал:

– Ты снова пугаешь мою женщину, лохматый негодник?

Акс радостно оскалился и завилял хвостом.

Санхар потянулся и легко поднялся. Как всегда, его переполняли новые неизрасходованные силы, обычные после хорошего сна. Тарра смотрела на господина с изумлением и некоторым страхом. Вчера вечером он умирал на её руках, а сейчас ведёт себя так, словно он никакого ранения не было, и это не его спина покрыта толстой коркой засохшей крови.

Санхар уловил удивление женщины и обернулся.

– Ты удивлена, что я не умер?

– Я молила богов о твоём выздоровлении, но не думала, что это возможно так быстро... Я знаю, после таких кровопусканий, люди, даже если рана не оказалась смертельной, не выглядят на следующее утро здоровыми и счастливыми.

– Другие люди – возможно, а я – да. Я не такой, как осталь-

ные люди, и не спрашивай, в чём здесь дело.

– Магия? – рискнула предположить женщина.

– Вот превращу тебя в жабу и выброшу в ближайшее болото! – шутливо пригрозил Санхар.

Тарра не поверила угрозе и весело засмеялась, но на всякий случай решила не рисковать, проявляя излишнее любопытство. Она знала господина ещё слишком мало, а видела в нём столько странного и необычного... Тарра поняла лишь одно: господин прав – он не такой, как остальные люди. Возможно, он маг, или чернокнижник, или чародей, или святой человек, или демон... Но это не испугало её, наоборот, ещё больше привлекло к нему.

– Я хочу есть! – воскликнул Санхар. – Накормит меня кто-нибудь?

«Мы можем съесть оленёнка, которого я поймал вчера. Или можем поехать в город, это близко», – ответил Акс.

Санхар подумал о несвежем мясе в охотничьей сумке и решил, что немного потерпит ради миски горячей ароматной похлёбки и жаренных овощей..

Они сели на лошадей (у Тарры теперь появился свой красивый гнедой мерин) и поскакали к городу.

Акс оказался прав, город находился всего в двух кемах от места ночлега. Когда впереди показались первые дома окрестности и высокие крепостные стены, окружающие город, Тарра позвала господина.

– Что? – обернулся Санхар.

– Твоя одежда...

– А что с ней?

– Spина вся в крови... Появление в городе в таком виде привлечёт к тебе излишнее внимание. Стражники могут задержать тебя, потому что твой вид покажется им подозрительным.

Санхар остановил коня.

– Думаю, мне следует прислушаться к твоим словам, женщина. Но надо было сказать об этом раньше.

– Прости господин... Я виновата... – потупилась Тарра.

Раскаяние рабыни было столь искренним, что Санхар обнял её и поцеловал.

– Мне нравится, что ты заботаешься обо мне... Ты очень хорошая, Тарра.

Рабыня радостно улыбнулась и её сердце счастливо забилося.

Санхар спешил, достал из седельной сумки чистую рубашку и камзол и переоделся. Когда он разделся, Тарра с любопытством взглянула на его спину, но увидела лишь небольшой розовый рубец, как у старой, давно зажившей раны. Это очень удивило её, но она промолчала, не став раздражать господина любопытствующими вопросами.

Выбросив испорченную одежду, Санхар вскочил в седло, и они продолжили путь.

Город, в который въехали путники через широкие неохраняемые ворота, назывался Утвик. Один из восьми городов

Южного Гальса, не самый большой, но и не маленький. Он располагался посреди плодородной долины в глубине страны, и никогда не знал ни пиратских набегов, ни нашествия вельхов, которые на своих ладьях не раз поднимались по рекам Оргена и Соу и грабили расположенные на берегах города. Потому к появлению Санхара там отнеслись спокойно. Никто не видел в нём врага или разбойника, хотя о вельхах, конечно же, слышали. Но никто из горожан не пострадал от набегов этих беловолосых разбойников, поэтому на Санхара смотрели, как на приезжего чужака, не более.

В городе была одна большая площадь перед цитаделью – внутренней крепостью, где жили лорд-правитель и прятались горожане в случае опасности. Рядом располагались гостиница, большая таверна, несколько торговых лавок и магазинчики для знати, а в базарные дни раскладывали товар приезжие торговцы из окрестных селений. Торговые дни были два раза в декаду, а в остальные дни площадь либо пустовала, либо на ней выступали заезжие актёры, веселя народ.

Выехав на площадь, Санхар сразу увидел знакомые фургоны. Но он не стал разбираться с неблагодарными возчиками, а направился к таверне, ибо голод терзал его тело, как хищник жертву.

Таверна называлась «Медный Гонг» и над входом её действительно висела медная позеленевшая тарелка на цепочке. Когда открывалась дверь, в действие приводился хитрый механизм, и по тарелке бил маленький молоточек, извлекая

из неё звонкий протяжный звук.

Привязав коней у коновязи, Санхар толкнул тяжёлую дверь, и под медный звон вступил в полумрак помещения.

Внутри царило приятное и шумное оживление. Несмотря на ранний час, в обеденном зале было полно народу. Большинство посетителей – стражники, сменившиеся с ночного дежурства, которые зашли в таверну расслабиться и выпить кружечку густого тёмного пива. Среди них сновали несколько смазливых служанок, которых мужчины без стеснения лапали, и визгливый женский смех или притворно-возмущённые восклицания то и дело прерывали стук кружек и лязг доспехов.

Закованные в латы стражники бражничали с разряженными телохранителями молодых аристократов. Среди столиков сновали рабы с откупоренными кувшинами вина и жбанам пива. В одном углу на специальном возвышении танцевала полуголая рабыня: её ноги украшали браслеты с колокольчиками, но их мелодичное бречание не могло пробиться сквозь шум и гам.

Санхар окинул помещение быстрым взглядом и заметил стол в дальнем углу, за которым имелись свободные места. Там сидели двое: мужчина и закутанная в плащ девушка с надвинутым на лицо капюшоном. На взгляд постороннего могло показаться, что рядом с мужчиной сидит мальчик, но по эмоциональному фону, исходившему от незнакомцев, Санхар сразу определил, что это женщина.

Принц приблизился к столу и вежливо произнёс:

– Мир вам, милорд и леди. Разрешите присоединиться?

В этом благословенном месте больше нет свободных мест, иначе я бы никогда не насмелился нарушить уединение, которого вы так жаждете.

Мужчина окинул Санхара внимательным цепким взглядом, Тарру удостоив лишь мимолётным.

– Вельх? Что занесло вас в наши края? – не очень дружелюбно спросил он.

– Да так, проездом... Я путешествую.

– Здесь нет рек, как же вы сюда добрались?

– Верхом... – пожал плечами принц. – Я голоден и хотел бы сначала поесть, а потом отвечать на вопросы. Не хочу показаться грубым и невежливым, поэтому спрошу ещё раз: я могу присесть?

– Да... – с явной неохотой ответил мужчина.

Санхар опустился на лавку и жестом велел Тарре присесть рядом. Акс залез под стол, с любопытством обнюхивая ноги чужаков.

Санхар подозвал служанку и заказал обильный завтрак, не забыв окорок для Акса, большого любителя копчёного мяса. Девушка окинула принца придирчивым взглядом и сказала, кокетливо улыбаясь:

– Хотя ты и выглядишь вполне респектабельно, красавчик, но я тебя не знаю, поэтому покажи, сначала, деньги.

Санхар снял с пояса туго набитый кошелёк и высыпал

его содержимое на стол. Золотые монеты различного достоинства разных государств, мелодично звеня, раскатились по столу, тускло сверкая в свете масляных ламп.

– Выбери любую, девушка, и побыстрее носи еду. Я так голоден, что готов грызть это золото.

Лицо служанки вновь осветила кокетливая улыбка, она взяла из кучки одну монетку и, покачивая бёдрами, поплыла к кухне. Санхар ссыпал деньги в кошелёк, затянул его и снова повесил на пояс.

– Я бы не советовал вам впредь звенеть золотом в таких местах, – произнёс мужчина напротив. – Рискуете лишиться и его, и головы.

– Тот, кто рискнёт поживиться моим золотом, сам рискует остаться без головы... А вот почему вы, милорд, находитесь в этом заведении с юной леди, место которой в охраняемом замке?

Санхар обратился к незнакомцу, как к равному по положению, ибо мужчина не походил на бродягу или простого стражника. На груди его тускло поблёскивала большая золотая пряжка, скреплявшая ворот небрежно наброшенного на плечи плаща. Длинные медно-рыжие волосы стягивала золотая лента. Белокожее лицо с широко расставленными тёмно-серыми внимательными глазами казалось спокойным и уверенным, однако губы плотно сжимались. Из-за правого плеча торчал лук, а над левым горели сапфировые глаза хищной головы – навершия висевшего за спиной меча. Сан-

хар в сравнении с ним выглядел скромнее, и только его украшения говорили, что он тоже не простой бродяга.

Мужчина вперил в Санхара взгляд и спросил:

– Почему вы всё время называете моего спутника «леди»? Это юноша и ваши слова оскорбительны для него.

– Если это милое существо юноша, тогда я женщина, – насмешливо улыбнулся Санхар.

Служанка принесла еду, и принц потерял всякий интерес к собеседнику. Тот доел, кивнул своей спутнице, они встали из-за стола, и ушли, не сказав на прощание ни слова. Тарра посмотрела им вслед и спросила:

– Откуда ты знаешь, что спутник этого господина – девушка? Он, и правда, похож на юношу.

– Глаза можно обмануть, но душу – нет, – загадочно ответил Санхар, совершенно не удовлетворив любопытства женщины.

4

После завтрака они вышли на площадь, где уже начал собираться народ. Фургон уже раздвинули и натянули между ними канат, на котором балансировала девушка, жонглируя горящими факелами. В акробатке Санхар узнал вчерашнюю помощницу, вытащившую стрелу из его спины. Принц пробился в первый ряд и помахал девушке рукой, приветствуя её. Увидев здорового и невредимого чужака, Тассия

выронила факел и чуть не упала от удивления. В толпе раздался хохот. Девушка соскочила на землю и убежала в фургон. Санхар последовал за ней, чтобы поблагодарить за оказанную помощь, но вдруг уловил знакомый эмоциональный фон, исходивший из другого фургона. Он повернул на полпути, приблизился к повозке и постучал по борту. И хотя внутри царил тишина, он знал, что незнакомец из таверны и его таинственная спутница находятся здесь.

– Интересно, – нарочито громко произнёс он, – что делают господин и его подружка в мужском костюме в повозке бродячих циркачей?

– Ты спрашиваешь у меня, господин? – удивилась стоявшая позади Тарра.

– А ты знаешь ответ, малышка?

– Нет.

– И я не знаю. Но, думаю, они от кого-то прячутся. И у них нет лошадей, раз они предпочли такой медленный способ передвижения. Тарра, сколько у нас лишних лошадей, которых мы забрали у убитых вчера разбойников?

– Трое, господин. Одну ты подарил мне.

– Зачем нам таскать за собой лишнюю обузу? Может, отдадим кому-нибудь?

– Их можно выгодно продать, – возразила рабыня.

– Но у меня достаточно денег. И я сегодня добрый, потому что в таверне «Медный Гонг» готовят прекрасного гуся. Хотя кое-кто и не помог мне вчера в неравной схватке с раз-

бойниками, но я не злопамятен, и мог бы отдать ему этих лошадей, если они ему нужны, конечно.

Занавеска в задней части фургона дрогнула, изнутри прозвучал голос:

– Хватит разговаривать с рабыней, поднимайтесь лучше сюда, сударь.

– Охраняй, – приказал Санхар Аксу. – Ты тоже побудь здесь, – обратился к Тарре. Поднявшись по лесенке, открыл дверцу и вошёл внутрь. Он сразу увидел мужчину и девушку, которые сидели на сундуках. Сейчас девушка откинула капюшон, и стало видно, что это юная, очень красивая леди с каштановыми густыми волосами и яркими голубыми глазами.

– Что вы хотите за лошадёй? – прямо спросил мужчина.

– Вы же слышали, они не продаются. Вы можете взять их просто так. Я направляюсь в порт, и мне не нужен лишний груз.

– Вы едете в Ровин?

– Насколько я знаю, это единственный большой портовый город в этой стране.

– Вы торопитесь?

– Если бы я торопился, то не ввязывался в драки на дорогах.

– Я видел вашу битву. Вы непревзойдённый воин. Я знал, что вельхи хорошие бойцы, но не думал, что они умеют так виртуозно владеть мечом. Но вас, кажется, вчера ранили?

– Пустьяк. Царапина.

– Вы не похожи на наёмника...

– Я не наёмник. Я путешественник. Хочу посмотреть мир и побывать в других странах... Но довольно расспросов. Так вы берёте лошадей?

– Беру. Но у меня есть к вам предложение... Я знаю, что вы не нуждаетесь в деньгах, да у меня их сейчас и нет. И хотя вы не наёмник, но я хочу вас нанять.

– Для чего?

– Эту девушку нужно доставить в Атор целой и невредимой. Но кое-кто очень постарается, чтобы она туда не доехала. Мне одному трудно защищать её, а вдвоём мы сможем справиться с любым неприятелем.

– Вы обратились по адресу. Я с удовольствием помогу такой очаровательной леди.

– Тогда позвольте узнать ваше имя, сударь.

– Санхар Аоста.

– Аоста не вельхское имя.

– Это имя моей матери. Она виолка.

– О!.. Тогда понятно, откуда ваше мастерство... А меня зовут Валлиард Сардгард. Я воин-наёмник родом из Иллари, но уже много лет живу в Южном Гальсе.

– А леди?

– Вам лучше не знать её имени.

– Ладно, пусть будет так...

– Ещё один вопрос, сударь.

– Спрашивайте.

– Как вы догадались, что моя спутница – женщина? Это так очевидно?

– Я не догадался, я знал.

Взгляд Сардгарда мгновенно стал колючим и настороженным.

– Откуда?

– Я узнал об этом, как только взглянул в вашу сторону... Не спрашивайте, как и почему, я всё равно не отвечу. Это моя тайна. Но от меня тяжело что-либо скрыть, я вижу людей насквозь. Я знаю, что они чувствуют, и догадываюсь, о чём они думают. Например, сейчас вы опасаетесь меня и не доверяете, но вынуждены принять мою помощь, а ваша юная спутница переполнена любопытством и симпатией...

Девушка смущённо покраснела и отвернулась, а мужчина бросил в её сторону быстрый взгляд.

– Может, это какой-то фокус, а может божий дар, я не буду выяснять. Возможно, ваши способности помогут нам в пути.

– Вы и не представляете, как они помогают, – усмехнулся Санхар.

Снаружи прозвучало предупреждающее рычание Акса, а затем громкий мужской голос произнёс:

– Эй, вельх, выходи! Я знаю, что ты там!

Санхар отбросил полог и выглянул наружу. Он увидел высокого крепкого мужчину, из-за плеча которого выглядывала юная акробатка.

– Ну, вот он я, – спокойно ответил Санхар. – Чего ты хочешь, циркач?

– Что ты делаешь в моём фургоне? Если ты пришёл красть, то дорого заплатишь за это!

Санхар спрыгнул на землю и окинул мужчину презрительным взглядом.

– По-видимому, у тебя совсем нет совести, человек... Вчера, вместо благодарности за спасение, ты бросил меня посреди дороги, умирать в чистом поле. А сейчас обвиняешь в воровстве.

– Что-то не похож ты на умирающего. Возможно, вчера ты притворялся, чтобы похитить мою дочь?

– А может я умер, но боги воскресили меня, чтобы я научил тебя благодарности? – нахмурился Санхар, и рука его легла на рукоятку меча. Принц почувствовал, что его слова вызвали смятение в душе мужчины и страх в сердце девушки. Он ступил шаг вперёд и продолжил. – Если бы я захотел забрать твою дочь, смерд, я бы взял её, и никакие силы не смогли бы помешать мне... Но у меня уже есть женщина, и вряд ли твоя дочь в любви искуснее неё... Всё же я благодарен этой девушке за её смелый и благородный поступок и выскажу эту благодарность по-своему... – Санхар оттолкнул в сторону мужчину, взял за плечо затрепетавшую от испуга девушку и притянул к себе. – Не бойся меня, я не сделаю тебе ничего плохого, а только приятное, – прошептал он, а затем наклонился и запечатлел на её губах нежный поцелуй.

Он почувствовал ненависть, вспыхнувшую в душе отца акробатки, и предугадал его намерения. Не прерывая поцелуя, он выбросил в сторону руку и точным ударом в шею свалил того на землю. Лишь насладившись поцелуем сполна, оторвался от вспухших губ девушки и сказал:

– Прощай, красотка. Жаль, что я не могу взять тебя с собой. В моём гареме ты бы заняла не последнее место.

Затем достал золотой и сунул в руку смущённой Тассии.

– Купи себе сладостей, а своему отцу вина. Когда он очнётся, у него будет болеть голова.

Вернувшись к повозке, постучал по борту.

– Нам пора ехать, милорд, здесь у нас больше нет дел.

Город путешественники покинули без приключений, и продолжили путь на запад по Аторской дороге.

5

От Утвика до Атора около двух дней пути. Дорога шла частью открытыми полями, а частью лесом, росшим вдоль реки, на берегу которой и располагался Атор. В этот день они проехали около пятидесяти кемов и остановились на ночлег в густой дубовой роще, хотя до захода солнца оставалось ещё несколько часов. Санхар послал Акса на охоту, попросив принести дичь целой, а сам занялся оборудованием лагеря. Выбрав подходящее дерево с низко расположенными ветвями, соорудил на развилке прочный пружинистый настил

в виде большого птичьего гнезда, которое покрыл свежими листьями и войлочной подстилкой.

– Для кого это гнездо? – любопытно наблюдал за его работой Сардгард.

– Для женщин. Леди не подобает спать на холодной и твёрдой земле, да и безопасней наверху. А мы ляжем под деревом, и будем охранять их сон.

– Разве я птица, спать в гнезде? – удивилась Тарра. – А если я свалюсь во сне?

– А ты постарайся не вертеться, – ответил Санхар.

– Я хочу спать с тобой, мой господин... – капризно надула губки рабыня.

– Ты будешь спать там, где я тебе скажу, – строго произнёс принц, и женщина обиженно замолчала.

Устроив ложе для женщин, Санхар приготовил места ночлега себе и Сардгарду, сгребая в кучу опавшие листья, и застелив их лошадиными попонами. Тем временем Валлиард собрал хворост для костра и достал из седельных сумок скудные припасы. Съестных припасов у Санхара оказалось больше, и они были намного разнообразней: овощи, сыр, вино, свежие лепёшки, которые он приобрёл в таверне этим утром, горшочек масла и даже мармелад. А тут ещё вернулся Акс, неся в зубах придушенного молодого веприка.

– Надеюсь, за ним следом не прибежит весь выводок во главе с разъярённой мамашей, – пошутил Санхар, беря у друга дичь.

«Нет, я прогнал их», – ответил не понимавший шуток пёс.

Спустя час, жареное на углях, нежное, ароматное, сочное мясо, лежало на серебряном блюде, истекая горячим жиром. Аксу достались ножки, голова и требуха, и он остался очень доволен.

После сытного ужина, разморенные усталостью, едой и выпитым вином, все сидели вокруг потрескивающего костра, и вели неторопливую беседу. Тарра нежно льнула к господину, положив его руку себе на плечи, но Санхар не сводил взгляда с сидящей напротив девушки. Она не отвечала на его взгляды, не отрывая сияющих глаз от пламени костра, но Санхар чувствовал её смущение и напряжение. Сардгард рассказывал о своей жизни в Иллари, откуда был родом, но принц слушал его вполуха.

Внезапно Акс, дремавший у огня, приподнял голову и прислушался. Его уши насторожились, а нос, отвернувшись от костра, усиленно нюхал воздух. Затем он вскочил, оббежал вокруг стоянки, определяя точное направление, и скрылся в сгущающихся сумерках. Санхар проводил его взглядом и напряг разум. Вскоре он тоже уловил далёкие слабые ментальные всплески чужих умов. Их было множество, но сколько, на таком большом расстоянии Санхар определить не смог. К тому же от них не исходила опасность, потому принц успокоился и вернулся к созерцанию девичьего лица. Юная леди оторвала взгляд от костра и украдкой бросила его на принца. Санхар улыбнулся, и девичьи щёки за-

лил румянец смущения. Сардгард продолжал болтать, словно ничего не замечая.

Вернулся Акс и улёгся на прежнее место.

– Кто там? – спросил Санхар.

«Всадники», – ответил пёс.

– Много?

«Две лапы».

Что значило «десять».

– Они двигались по дороге?

«Да».

– Вперёд или назад?

«Вперёд».

Значит, в том же направлении, в котором ехали и они.

Сардгард замолчал, наблюдая за спутником и его собакой, а затем удивлённо спросил:

– С кем вы только что разговаривали?

– Он говорил со своим псом, – с улыбкой ответила Тарра.

– С псом? – ещё больше удивился воин.

– Придержи язык, женщина, – одёрнул рабыню Санхар. –

То, что известно тебе, не обязательно знать другим.

– Прости, господин... Я не подумала... – на глазах рабыни выступили слёзы.

– А чего мы ещё не должны знать? – поинтересовался Сардгард.

– Я не спрашиваю имя вашей прекрасной спутницы, потому что мне его знать не положено... Зачем тогда вам знать,

что умеет и чего не умеет мой пёс?

Воин подумал и кивнул.

– Справедливо. Но я заметил, что он куда-то отлучался. Я подумал, что он бегал по нужде или учуял кролика, но, судя по вашему «разговору», он выследил каких-то людей... Это так?

– По дороге проехали десять всадников в сторону Арбора.

– Кто они?

– Мы этого не знаем.

– Мы?

– Я и Акс.

– Вы как одно целое.

– Акса мне подарили, в семь лет месячным щенком. С тех пор мы вместе. Мы понимаем друг друга со словами и без слов. Мы прошли вместе сто боёв, тысячи охот, не раз спасали друг другу жизни. Мы не просто человек и пёс, мы – друзья, кровные братья и почти что родственники.

– Понятно... – протянул Валлиард, и Санхар ощутил, что тот ему верит.

С наступлением темноты мужчины помогли женщинам забраться в «гнездо», а сами остались у костра. Санхар лёг, положив рядом меч. Акс улёгся у его ног, положив голову на мощные лапы. Сардгард, подбросив в костёр толстое полено, лёг на своё ложе, закутавшись в плащ. Санхар отрешился от чужих эмоций, чтобы расслабиться и поскорее уснуть. Он уже дремал, когда его разбудил тихий голос Валлиарда:

– Я не знаю, какие мысли бродят у вас в голове, сударь, но вижу, что вы не сводите глаз с моей спутницы. О чём бы вы ни мечтали, выбросьте это из головы. Эта девушка обручена, и в Арборе её ждёт жених. Она любит его и он любит её... Не ставьте между ними.

– У меня и в мыслях такого не было, – пробормотал Санхар. – Прошли те времена, когда я покушался на чужих невест... Ваша спутница милая девушка. Не знаю её жениха, но пусть боги пошлют им счастье...

– Рад слышать... Вы мне нравитесь, Санхар, и я не хотел бы, чтобы мы стали врагами.

– Взаимно... Успокойтесь, Валлиард, у меня уже есть женщина, и она меня вполне устраивает. На своём веку я видел достаточно красивых девиц, чтобы ещё одна могла вскрыжить мне голову. Моя душа спокойна, я не посягаю на её честь.

– Если ваша душа спокойна, друг мой, тогда не смущайте душу девушки. Она слишком юна и неискушена в мужских коварствах, и ваши откровенные взгляды приводят её в замешательство.

– Хорошо, я больше не буду на неё смотреть... А теперь спите.

– Кто же будет сторожить?

– Акс разбудит нас в случае опасности.

– Хорошо иметь такого разумного пса.

– Да... – зевнул Санхар, засыпая.

Утром Тарра казалась очень довольной, а от незнакомки исходили тихая грусть и лёгкое презрение. По-видимому, женщины слышали их вечерний разговор.

До дневного привала с ними ничего не случилось. Пообедали в придорожной харчевне, а затем, после краткого отдыха, отправились дальше. Но, не успели они проехать и двух кемов, как Акс почуял впереди засаду. На его загревке приподнялась шерсть, и он грозно зарычал. Санхар тоже уловил присутствие множества людей, прячущихся в лесу, через который им предстояло проехать. Они были напряжены и чего-то ожидали.

Санхар остановился и повернулся к спутникам:

– Впереди засада. Не знаю, кто это: простые разбойники или ваши «друзья». Но, в любом случае, нам не проехать: их слишком много.

Сардгард взглянул на принца, но не поинтересовался, откуда он всё это узнал. Положив руку на меч, лишь спросил:

– Будем драться?

– Не знаю.

– Как это?

– Я не боюсь за себя. Но с нами женщины. Если это те, кого вы опасаетесь, то что грозит леди? Её посмеют убить?

– Думаю, да...

– Что ж, тогда... – Санхар оглянулся вокруг и заметил высокое дерево. – Ну, девушки, придётся вам опять стать птичками.

Они приблизились к дереву, и мужчины помогли спутницам влезть на его раскидистые ветви.

– Сидите здесь, пока мы, или один из нас, не вернёмся за вами. Что бы ни случилось, и как бы долго мы ни отсутствовали, ни в коем случае не покидайте своё укрытие, – приказал Санхар. – Тарра, ты знаешь, что я вернусь в любом случае... – Женщина закивала. – Живой или мёртвый... Ты меня поняла?

– Да, господин.

– Акс останется с вами и будет охранять... Акс, дружище, никого не подпускай к этому дереву и не приходи мне на помощь, даже если мне будет угрожать опасность.

«Хорошо».

Санхар посмотрел на Сардгарда.

– Ну, сударь, теперь мы можем заняться нашей прямой работой. Надеюсь, вы хороший воин. Я не хотел бы остаться один.

– Не беспокойтесь за меня. Я – «меченый».

– Что ж, тогда покажем этим негодьям, что такое настоящее мастерство... Когда я подам знак, разъедемся: вы – налево, я – направо, и пусть нам помогут боги!

По мере приближения к засаде, Санхар точнее определил количество врагов – их было девятнадцать. Двое прятались в кроне деревьев, остальные в зарослях и за стволами. Санхар в полной темноте или с закрытыми глазами мог бы с точностью указать, где находится тот или иной человек. Не до-

езжая до места засады с полсотни шагов, достал небольшой охотничий лук, сделанный по образцу луков саннарийских варваров, компактный и мощный, положил на тетиву стрелу и выстрелил, закрыв глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Тяжёлый снаряд со стальным наконечником, специально сделанный, чтобы пробивать латы и панцири, улетел с глухим жужжанием, а через мгновение, вслед за ним, улетел и другой. Обе стрелы отыскивали среди густой листвы жертвы, и два тела, с криками и треском, рухнули на головы своих товарищей.

– Вперёд! – приказал Санхар и жестом указал напарнику направление. Он пришпорил коня, выхватывая на ходу меч.

Сардгард отстал лишь на полшага, и они вломились в стан растерянных врагов, как два гиззарда в стадо перепуганных лаймов. На Санхара набросились сразу несколько человек, и ему пришлось бросить повод и вынуть второй меч. Управляя конём при помощи коленей, он отбивал нацеленные в него удары, нанося ответные. Через несколько минут яростной битвы его меч по самую гарду окрасился кровью, конь получил несколько болезненных ран, да и сам Санхар дважды был ранен в ноги. Это только добавило ему ярости, а когда Санхар приходил в неистовство – сил его и жестокости не было предела. После его ударов оставались разрубленные на части тела, а головы, руки, древки перерубленных копий разлетались во все стороны, словно запущенные из пращи.

Покончив со своими врагами, Санхар поспешил на по-

мощь товарищу, который, хотя и умело, но безуспешно отбивался от окруживших его разбойников. Словно шквальный порыв ветра, налетающий в засушливый месяц на пшеничное поле, оставляя после себя полосу полёгших сломанных колосьев, так и Санхар, за несколько мгновений, оставил после себя изрубленные тела. Сардгард, чтобы случайно не попасть под меч впавшего в неистовство вельха, благоразумно покинул поле боя и отъехал на приличное расстояние.

Лишь когда рядом не осталось ни единой живой души, Санхар остановился и окинул место сражения горящим хищной зеленью взглядом. Взору его представилось жуткое зрелище: земля и стволы деревьев были залиты кровью, и даже на листьях крон атели рубиновые капли; вокруг лежали изувеченные, рассеченные тела, словно здесь прошла толпа мясников с огромными топорами. Только два мертвеца были относительно целыми – сражённые стрелами Санхара.

Вельх вытер окровавленные мечи и спрятал их в ножны. Ярость его улеглась, оставив после себя лёгкую усталость и небольшое раздражение. Он направил коня к стоявшему в сторонке Валлиарду. Когда вельх приблизился, иллариец отвёл в сторону смущённый взгляд.

– Простите, что покинул вас в самый разгар битвы, – сказал он, – я просто побоялся, что вы, в запале, прикончите и меня...

– Вы правильно сделали... Я забыл вас предупредить, что, когда на меня накатывает такое состояние, лучше убраться с

моего пути – мне трудно разобрать, кто друг, а кто враг.

Они повернули коней и направились назад, к месту, где оставили женщин. Некоторое время Сардгард молчал, а затем, не глядя на товарища, произнёс:

– Я видел много битв и знавал многих славных и сильных воинов. Я видел воинов, которые могли сражаться сразу с тремя, а то и четырьмя противниками... Да я и себя считал неплохим воином, пока не увидел, как сражаетесь вы, милорд... Если бы кто-нибудь рассказал мне о том, что я увидел сегодня своими глазами, я бы подумал, что он безбожно врёт или сильно преувеличивает. Вы – лучший воин всех времён и народов, господин Аоста. Примите моё искреннее восхищение!

Санхар лишь кивнул в ответ, без ложной скромности. Слова Сардгарда не казались ему лестью, потому что соответствовали истине. Он в самом деле был лучшим воином среди смертных. Но и среди бессмертных ему вряд ли встретится равный противник. Даже его отец и мать уступали ему в поединке, особенно, когда он впадал в неистовство.

Когда мужчины вернулись к дереву, на котором их с нетерпением ждали спутницы, те очень обрадовались, увидев всех живыми и здоровыми. Правда, Санхар был весь забрызган кровью, приведя своим видом женщин в ужас, но он уверил, что не ранен, а кровь не его, а поверженных врагов.

Чтобы не шокировать женщин видом побоища, они объехали его стороной. У ближайшего ручья пришлось остано-

виться, чтобы Санхар смог вымыться и сменить одежду. Испачканную и испорченную он просто выбросил, посчитав, что легче купить новое, чем возиться со стиркой и штопкой.

В Атор путники прибыли вечером. Больше никто и ничто не препятствовало их путешествию. У ворот Аторской цитадели Сардгард попрощался с Санхаром, ещё раз выказав восхищение его воинским искусством, и дал адрес старшего брата в Иллари, к которому просил заехать, когда тот будет в этой стране.

– Передавайте ему от меня привет, и скажите, что вы мой друг, и я вам обязан, и он выполнит любую вашу просьбу, или поможет, если вы будете в чём-то нуждаться... Я бы тоже хотел когда-нибудь ещё с вами встретиться, если представится такая возможность.

– Кто знает, может, ваше желание и сбудется... Жизнь штука непредсказуемая.

Переночевав в гостинице, за которую не пришлось платить, так как хозяин сказал, что за всё уже уплачено лордом-правителем, на следующий день Санхар покинул Атор и направился в Ровин.

Дорога проходила берегом реки, а затем морским побережьем, была в хорошем состоянии и безопасна, как материнский подол. В Ровин – большой портовый город, первый по величине и мощи среди городов Южного Гальса, они прибыли быстро и без приключений.

В Ровине Санхар пробыл несколько дней. Этого времени

ему хватило, чтобы осмотреть город, продать лошадей и купить два места на корабле, отплывающем в Илларию.

На третий день, стоя у борта корабля, он смотрел, как отдаляются берега Южного Гальса, исчезая в дымке за кормой. Свежий морской ветер развевал его длинные белоснежные волосы, посвистывая в туго натянутых снастях и шепча на ухо обещания новых необычайных приключений, ожидающих его впереди.

Морские приключения

1

Солнце багровым шаром опускалось в море, раскидав на полнеба зловеще-кровавый плащ заката. Капитан нервно поглядывал на северный горизонт, где угрожающе клубились тёмно-пурпуровые тучи. Они казались траурной полосой на серо-розовой морской глади. Хотя до них были сотни кемов, опытный моряк знал, что не пройдёт и нескольких часов, как тучи заволокут всё небо, а на море обрушится шторм, сокрушая всё на своём пути. Счастье, если поблизости окажется какая-нибудь бухта, где корабль сможет укрыться и переждать разгул стихии, но если буря застигнет судно в открытом море – оно станет беспомощной игрушкой в руках бездушных богов воды и неба.

Санхар стоял у борта, не обращая внимания на суету матросов за спиной, и любовался отблесками заката на волнах и в небе. Он чувствовал напряжение и тревогу, царившие на корабле, но, понимая их происхождение, не беспокоился. Его почти божественное тело быстро приспособилось к новым условиям, и качка на него не действовала. Тем более, это не первый его выход в море. А вот бедная Тарра, совсем больная и обессиленная, лежала в крошечной каюте. Акс си-

дел рядом с товарищем, поглядывая на пробегающих мимо людей безразличным взглядом.

Последний отсвет заката угас на западном горизонте, и паруса корабля расплылись серыми призрачными пятнами. Фиолетовое небо усыпали мириады звёзд, глядя вниз холодным равнодушным взглядом вечных созерцателей. Санхар запахнул на груди плащ, так как с севера налетел первый порыв холодного ветра – разведчик и предвестник надвигающейся бури. Обвисшие паруса наполнились, и корабль побежал быстрее. Капитан отдавал какие-то приказы, громко крича и сыпля проклятиями, и матросы, невзирая на темноту, суетились всё быстрее.

Ветер крепчал, и парусник ускорял ход. Он стрелой летел на юг, а матросы манипулировали с парусами, чтобы ещё больше увеличить скорость хода. По-видимому, капитан надеялся обогнать шторм или достичь какого-то определённого места до того времени, как буря их догонит.

Санхар ушёл в каюту и Акс поплёлся следом. Он не любил маленькое душное тесное помещение, но и не хотел расставаться с другом.

Тарра спала, скрутившись калачиком на узкой койке. Санхар не стал её тревожить, а уселся в кресло у крошечного окошка, куда проникал свежий воздух, вытянул ноги и расслабился. Мать научила его засыпать в любой обстановке и при любых обстоятельствах, поэтому, несмотря на неудобство положения, он вскоре уснул.

Разбудил его толчок, такой сильный, что Санхар вылетел из кресла и упал на растянувшегося у порога Акса. Сверху на него обрушилась визжащая от ужаса Тарра. Открыв глаза, Санхар увидел, что каюту наполняет серый сумрак рассвета. Корабль, словно взбешенный конь, бросался из стороны в сторону, жалобно скрипя обшивкой, а извне доносился гул разбушевавшейся стихии: свист ветра в снастях, шум и рокот волн, неистовые раскаты грома. С трудом успокоив перепуганную рабыню, мужчина велел ей оставаться в каюте, а сам решил выйти на палубу и осмотреться.

Снаружи неистовствовал ветер и хлестал ледяной дождь. Санхар мгновенно промок до нитки. С трудом удерживаясь на мокрой пляшущей палубе, добрался до борта. Акс не пожелал последовать за ним, выставив в дверной проём лишь тревожно вздрагивающий нос.

Санхар посмотрел вперёд, сквозь пелену дождя и срываемых ветром с верхушек волн брызг, и содрогнулся: слева по борту торчали зазубренные чёрные клыки скал. Волны, налетая на них, возносились в высоту фонтанами брызг. Дальше темнела громада какого-то острова. Между рифами и берегом простиралось бушующее пространство кипящей воды.

Внезапно воздух сотряс оглушительный скрежет и треск, корпус корабля содрогнулся от удара. Санхара чуть не выбросило за борт, и он упал, вцепившись в леера мёртвой хваткой. Никто на палубе не устоял на ногах. Отовсюду слышались крики ужаса, стоны и проклятия. Судно припод-

нялось, на него обрушилась огромная волна, жадно выли-
зав палубу пенным языком. Несколько человек вылетели за
борт, смытые водой. Корабль вознёсся вверх на пенистом
гребне, а затем волна швырнула его на хищно оскаленные
рифы. Удар сотряс судно от киля до верхушек мачт, послы-
шался жалобный треск, и корпус начал оседать в воду.

Лишь пара сотен шагов отделяла тонущий корабль от
гладкого песчаного пляжа, однако это пространство казалось
кипящим котлом, где взбитые ветром волны толкались по-
среди хаоса подводных скал. Взгляд Санхара беспокойно ме-
тался по серым и черным громадам, что проступали сквозь
белое кружево пены. Добраться до берега вплавь невозможно:
бушующие волны непременно разобьют пловца о скалы.

В него вцепилась чья-то рука и Санхар ощутил присут-
ствие Тарры.

– Господин, мы погибнем? – перекрикивая шум бури,
спросила девушка.

– Вполне возможно, милая, – ответил мужчина. Он чув-
ствовал её страх и отчаяние, и, желая успокоить, прижал к
себе. Рабыня укрылась в его объятиях, ища защиты, и тут
Санхар почувствовал приближение угрозы. Оглянувшись,
увидел огромную, тускло сверкающую водяную стену, на-
двигающуюся на корабль. Он понял, что это конец, и, креп-
че прижав к себе трепещущую девушку, спокойно ждал по-
следнего удара.

Волна обрушилась на обреченный корабль, как потоп, как

удар упругого молота, мгновенно поглотив утлое судёнышко и мечущихся по нему людей. Санхар ощутил, как его отрывает от палубы, крутит, переворачивает, изгибает сила, намного большая, чем силы всех Бессмертных вместе взятых, несёт его, словно щепку, швыряя о камни, то опуская на дно, то выбрасывая на поверхность. Лёгкие мгновенно наполнились водой, объятия разжались, он оглох, ослеп и потерял все чувства, а после очередного удара о камни, потерял и сознание.

2

Первое, что ощутил Санхар, когда очнулся, тишина, тепло и покой. Затем болезненный спазм сжал лёгкие, выдавливая наполнявшую их морскую воду. Желудок последовал его примеру. Санхар согнулся, изрыгая из внутренностей всё лишнее, кашляя, блюя и отплёвываясь. Хрипя и задыхаясь, он сделал несколько жадных вдохов, выкашливая остатки воды. Наконец, в голове слегка прояснилось. Принц открыл глаза и сел, очумело оглядываясь. Рядом – справа и слева – лежали мёртвые изувеченные тела. Он узнал некоторых матросов и капитана. Также, с сожалением, увидел неподвижное изуродованное тело Тарры в мокром изорванном платье. Лица у девушки не было – на его месте зияла ужасная развороченная рана. На теле не оказалось и украшений, которые он подарил ей в Ровине. Осмотрев себя, Санхар увидел, что

его тоже обобрали: исчезли пояс с ножнами, кошелек с золотыми и все украшения, среди них три его «вечных»: перстень-печатка, амулет и серьги.

Ярость вспыхнула в груди вельха: кто посмел посягнуть на мёртвые тела? Ответ стоял перед глазами: по берегу бродили какие-то люди, подбирая и перебирая выброшенные на песок остатки затонувшего корабля. Неподалеку лежала кучка ценных вещей, охраняемых вооружённым алебардой солдатом, рядом с которым стоял писарь с дощечкой и стилем, по-видимому, ведя учёт находкам. Санхар, разглядев среди сундуков, шкатулок и бочонков блеск рукояти своего меча, встал и направился туда.

Когда солдат и писарь узрели ожившего мертвеца, залитого засохшей кровью, в изорванной одежде, босого и седитого, их чуть удар не хватил. Глаза от изумления полезли на лоб, и люди испуганно попятились. Санхар наклонился над кучей ценностей и начал искать и возвращать свои вещи. Первым делом застегнул на талии пояс с ножнами. Затем порылся и отыскал остальное. Надев на шею амулет, на пальцы перстни и заповедную печатку, вставив в уши серьги, натянул сапоги, повернулся к молча взиравшим на него людям, и спросил:

– Что это за остров?

– Остров Вин... э-э-э... сударь, – пролепетал писарь.

– Кто здесь правитель и есть ли таковой вообще?

– Э-э-э... есть, сударь... Конечно. Остров принадлежит

лорду Альб-Сонну, он здесь господин и повелитель.

– Хорошо, – кивнул Санхар. – Я принц Санхар Трикорский, сын короля Лианда и королевы Санризы, правящих в Трикоре, что на берегу Саннарского залива. Отведи меня к своему господину.

Санхар решил не скрывать своего высокого положения и сана, понимая, что в этом отдалённом уголке цивилизации звания и положение что-то значат, в отличие от простолюдина, которого «добрые» аборигены легко могли превратить в раба. Он ничего не знал о месте, в которое его занесла судьба. Кто этот лорд Альб-Сонна? Может, он обычный пират, промышляющий морскими грабежами, и, назвавшись, принц рискует стать его пленником, в ожидании богатого выкупа. Но пленник лучше раба, а Санхар не собирался сражаться с целым островом, отстаивая свободу. Он всё равно здесь не задержится, убежит при первой же возможности, как только наберётся сил и восстановит пошатнувшееся после смертельной схватки со стихией здоровье.

Хотя Санхар принял горделивую позу и говорил властно и требовательно, он чувствовал недоверие, которое испытывал писарь, и зарождающуюся агрессию солдата. Положив руку на эфес меча, грозно произнёс:

– Я должен повторить свой приказ, смерд?!

– Э-э... милорд, я не могу этого сделать... – осторожно ответил писарь. – Я здесь на службе... Но я сейчас найду человека, который отведёт вас в замок. Подождите несколько

минут.

– Ладно... Скажи, это все, кого выбросило море?

– На данный момент, да, милорд.

– Живых нет?

– Э-э... Кроме вас, милорд... Мы и вас посчитали мёртвым...

– Как видишь, я живой.

– Да, милорд...

– А не было ли среди тел собаки?

– Собаки, милорд?

– Большого белого пса.

– Э-э-э... Вон там, милорд, по-моему, лежит труп какой-то собаки... – Указал рукой писарь.

Санхар прошёл в указанном направлении и увидел на куче гниющих водорослей неподвижное тело с грязной свалявшейся шерстью. Он поднял друга на руки и ощупал. У Акса была сломана передняя лапа, а больше повреждений не оказалось. Санхар взял Акса за задние лапы, поднял и грубо встряхнул несколько раз. Тот отрыгнул воду и начал дышать. Вправив ему кость, Санхар наложил на лапу дощечки, и, оторвав от рубашки полосу ткани, туго забинтовал место перелома.

– Дня два тебе придётся попрыгать на трёх, дружище, – ласково похлопал друга по спине.

Пёс радостно вильнул хвостом и облизал залитое кровью лицо друга.

Когда Санхар приблизился к писарю и солдату в сопровождении ковыляющего пса, те снова с ужасом попятились.

– Он был мёртв, милорд... Я лично осматривал его... – пролепетал бледный писарь

– Он притворился... Правда, Акс? – пёс кивнул. – Он у меня большой шутник... – улыбнулся Санхар. – Так ты нашёл человека, который отведёт нас в замок?

– Сейчас, милорд...

Писарь подозвал одного из людей, бродивших по берегу в поисках добычи, и приказал:

– Отведи этого господина в замок.

Абориген с удивлением и некоторым страхом посмотрел на Санхара и собаку – он тоже видел их мёртвые тела, но молча повиновался. Держась от чужаков на расстоянии, пошёл вдоль берега. Санхар последовал за ним, оглядываясь на ковыляющего позади Акса.

Остров Вин представлял собой скалистое плато с обрывистыми крутыми берегами, окружёнными неширокой полосой песчаного пляжа и острыми зубьями рифов – природная неприступная крепость. Санхар и Акс с трудом взобрались по крутой тропинке вслед за проводником – принц чувствовал себя не очень хорошо. Возможно, были серьёзные внутренние повреждения, о которых он не знал. Он ощущал непривычную слабость и сонливость. Больше всего хотелось сытно поесть и лечь в удобную постель.

Замок лорда Альб-Сонна оказался грубым, неказистым,

но крепким сооружением с двумя высокими сторожевыми башнями, окружённый высокой и широкой крепостной стеной с узкими бойницами. В замок вели одни ворота, которые охраняли два вооружённые алебардами солдата. Приблизившись к ним, проводник тихо заговорил, оглядываясь на отставшего чужака. Стражники пренебрежительно засмеялись, и жестами велели ему уходить. Абориген не стал с ними пререкаться, и с удовольствием пошёл прочь.

Когда Санхар приблизился, воины окинули его высокомерными взглядами и обменялись двусмысленными ухмылками.

– Кто проводит меня к вашему господину? – спросил принц.

– Не спеши, чужеземец, – ответил один из стражников, – наш лорд сейчас занят... Твоя очередь наступит чуть позже... – и они снова цинично заулыбались.

Санхар почувствовал их пренебрежение и, к собственному удивлению (такого с ним ещё не случалось), уловил смутные обрывки чужих мыслей. Словно далёкие тихие неясные голоса зазвучали у него в голове: «...какие шикарные волосы...», «...лорду этот чужак понравится...», «...какой красавчик!.. даже я бы ему вдул...», «...а это что за псина притащилась?..» И ещё что-то неясное, переходящее в глухое бормотание, похожее на отдалённый рокот волн. Санхар невольно встряхнул головой, пытаясь отрешиться от неприятного чувства, и ощутил тупую ноющую боль в висках. Наверное,

волны хорошенько стукнули его о камень, перевернув мозги и пробудив новую способность.

Желая скорейшего отдыха и не собираясь смотреть на ухмыляющиеся рожи стражников дольше, чем следовало, больной и усталый, а оттого злой, Санхар произнес:

– Или кто-то из вас введёт меня в этот проклятый замок, или я войду в него сам... Даю три вдоха, чтобы выбрать правильный вариант.

Стражники вновь переглянулись и захохотали.

– Ты слишком нетерпелив, чужак! У нас не любят поспешных... Нужно уметь растягивать удовольствие... – и снова заржали над только им понятной шуткой.

– А я не привык ждать у дверей!

С этими словами Санхар выбросил кулак и с удовольствием приложился к физиономии одного из стражников, послав того в нокаут. Одновременно, ударом ноги, он вышиб дух из другого, отбросив его от ворот на полдесятка шагов. Освободив путь, он кивнул Аксу, приглашая следовать за собой, и прошёл в ворота.

Оказавшись во внутреннем дворе, принц остановил какого-то слугу и приказал провести его к лорду. Тот окинул незнакомца с ног до головы удивлённым взглядом, но не сделал никаких замечаний, а молча поклонился и предложил следовать за ним.

Проплутав по тёмным мрачным коридорам и поднявшись по бесчисленным лестницам, они оказались на самом верх-

нем этаже замка, у двери, охраняемой двумя стражниками. Те с подозрением уставились на Санхара и преградили ему путь скрещенными алебардами.

– Как доложить о вас, сударь? – спросил приведший его слуга.

– Скажи лорду, что принц Санхар Аоста из Трикора просит принять его.

Слуга уважительно склонил голову и прошмыгнул под скрещёнными алебардами. В ожидании его возвращения, Санхар повернулся к Аксу и, присев, погладил по голове.

– Как твоя лапа? – поинтересовался.

«Хорошо», – ответил пёс, и это же слово прозвучало в голове Санхара на мгновение раньше.

– Подземные демоны! – невольно воскликнул он.

«Что?» – спросил Акс. Его голос в голове Санхара выражал озабоченность.

– Ничего... Потом поговорим... – пробормотал принц, поднимаясь.

Новая способность, неожиданно открывшаяся у него, не испугала Бессмертного. Неожиданно, но не удивительно. Он знал, что такое возможно, так как помнил из рассказов матери, что таким способом с ней общалась змея Дарующая, её создательница и покровительница. И если это умение, внезапно проявившись, останется с ним навсегда, это хорошо, лишь бы не причиняло ему неудобств.

Размышляя, Санхар понял, что пока слышит мысли людей

или Акса, только если смотрит на них. Тех, кого не видит, он не слышит, хотя продолжает ощущать, как живые существа, и может улавливать их чувства.

Погрузившись в анализ собственного состояния, он не обратил внимания, что его посланник долго не возвращается. Но вот, наконец, дверь открылась и слуга вышел. Он казался немного подавленным и растрёпанным.

– Лорд сейчас примет вас... – пробормотал он и поспешно ушёл.

И правда, спустя пару минут дверь открылась, и на пороге появился высокий, хорошо сложенный мужчина лет пятидесяти, одетый в длинную тонкую тунику и сандалии. Коротко стриженные седые волосы торчали на голове, словно серебряная щетина ежа. Глаза, голубые и холодные, окинули незнакомца пристальным взглядом, задержавшись на высохшей крови на голове, затем прошлись по всей фигуре и остановились на Аксе.

– Кто пустил сюда животное? – спросил он, и голос его прозвучал сухо и жёстко. Вытянувшиеся по струнке при появлении господина стражники, услышав его грозный голос, даже перестали дышать.

– Это мой лучший друг, милорд, и единственный, не считая меня, выживший после кораблекрушения, – ответил Санхар, стараясь говорить вежливо. У него всё сильнее начинала болеть голова и усиливалась сонливость. Также проснулись чувство голода и жажда – организм требовал покоя и

энергии для полного восстановления.

– Принц Санхар? – спросил лорд всё так же сухо.

– Да, милорд.

– Это ваш корабль разбился у моего северного берега?

– Да, милорд.

– И что вы от меня хотите?

– Гостеприимства, сударь... – сдерживая нарастающее раздражение, ответил Санхар – Я ранен, потерял корабль и людей, голоден и устал... Если вы не в силах мне помочь, я поищу кого-нибудь другого, кто предоставит мне кров, ложе и пищу.

На жестоких губах лорда появилась скупая улыбка.

– Не обижайтесь, милорд, но ещё никто не выживал после кораблекрушения у моих северных берегов... Я удивлён и слегка растерян. У меня почти не бывает гостей, и я немного отвык от любезностей... Потерпите ещё минутку, принц.

Лорд оглянулся через плечо и кого-то позвал. Показался юноша в короткой шёлковой тунике, обнажающей стройные ноги и нежные, как у женщины, руки. У него были удивительные, длинные, каштановые волосы и огромные сверкающие золотисто-карие глаза, обрамлённые густыми, подведёнными чёрной краской ресницами. Санхар было подумал, что перед ним очаровательная рабыня, но внутренние чувства подсказали, что это накрашенное, надушенное и увешанное украшениями существо – мужчина. Точнее, мальчик лет шестнадцати. Он взглянул на Санхара огромными глази-

щами и смущённо потупился.

– Грациан, отыщи этого бездельника Митона, и передай, что я желаю его видеть! – приказал лорд.

Юноша склонил голову и поспешил выполнить приказ. Скользя мимо Санхара, он обдал его ароматом благовоний и волной искреннего восхищения.

– Прошу, милорд... Нам придётся немного подождать, пока мальчишка найдёт моего управляющего, – пригласил Альб-Сонна, отступая от двери.

Санхар вошёл в большую комнату, устланную коврами и заставленную красивой, но разноплановой мебелью. Было такое впечатление, что её натащили сюда из разных мест и в разные времена, так сильно она отличалась по стилю, изготовлению и фактуре.

Лорд предложил Санхару одно из кресел и налил кубок вина.

– Выпьете? – спросил он.

– Спасибо, – Санхар залпом осушил кубок, так как его мучила жажда. Акс боднул его головой и показал, что тоже хочет пить.

– Можно налить и моему псу? – спросил Санхар.

– Вино – собаке? – удивился лорд.

– Конечно, вода лучше, но за неимением оной, можно и вина.

Лорд налил в широкую чашу вино и поставил на пол. Акс приблизился и с удовольствием выхлебал прохладную, чуть

кисловатую, утоляющую жажду жидкость. Алкоголь не действовал на него, как и на людей-бессмертных. Вид пьющего вино пса очень позабавил лорда. Он с улыбкой смотрел, как тот вылизывает чашу и смачно облизывается, затем спросил:

– Ещё хочешь?

– Достаточно, – ответил за Акса Санхар, так как уловил его мысль до того, как тот её высказал.

Тогда лорд переключил внимание на своего гостя.

– Вы сказали, что из Трикора... Где это? Я не слышал о таком государстве. Это остров?

– Трикор – сравнительно молодое государство, ему недавно исполнилось сто лет, – ответил Санхар. – О нём мало кто знает в цивилизованных краях. Расположено оно на берегу Саннарского залива и простирается от Зелёных гор до Белого моря. Раньше эта земля принадлежала варварам-бархитам, пока мои... – Санхар чуть не сказал «родители», но вовремя спохватился, – пока мои предки не приплыли в те края и не завоевали варваров, создав цивилизованное государство.

– Ваши предки вельхи?

– Конечно.

– В наших краях не очень любят вельхов... О них идёт дурная слава. Налетают как шквал, грабят, убивают и исчезают.

– Мой отец не занимается разбоем... У него хватает хлопот с непокорными племенами и воинственными варварами

из Саннарии, которые зарятся на его земли и стада.

– А вы? Чем занимаетесь вы, принц, и куда плыли, пока вас не настигла буря?

– Путешествую. Верхом я проехал Вудбит и леса Северного Гальса, в Ровине нанял корабль и хотел доплыть до Иллари. Я много слышал об этой стране, но ни разу не был в столь далёких от моей родины краях.

– Да, Иллари – богатая страна... – задумчиво протянул лорд. – Когда-то давно, в дни молодости, я путешествовал её дорогами.

Перед мысленным взором Санхара быстро промелькнули и растаяли нечёткие картины городов, лес, какие-то люди в зелёных мундирах и жестокие схватки. Чужие видения сопровождалась сильной головной болью, от которой Санхар невольно поморщился.

Воспоминания лорда прервал приход одетого в чёрное мужчины в сопровождении юноши Грациана, который робко остановился у двери. Лорд, бросив на него мимолётный взгляд, жестом отослал прочь. Юноша уходил с тайным сожалением.

Мужчина в чёрном слегка поклонился и произнёс:

– Я вас слушаю, милорд.

– У нас гости, Митон. Это принц Санхар из Трикора и его чудесная собака. Сегодня утром его корабль разбился у наших берегов.

– Я слышал о крушении. Мне доложили, что никто не вы-

жил. Волны выбросили только трупы...

– Значит, твои люди ошиблись... Или ввели тебя в заблуждение, – сухо ответил лорд. – Как бы то ни было, а принц Санхар просит моего покровительства... И я окажу его ему! Он ранен, голоден и устал. Подыщи ему приличную комнату и предоставь всё, в чём он нуждается – он мой гость.

– Слушаюсь, милорд, – склонил голову управляющий. – Через несколько минут я пришлю за ним слугу... Я могу идти, милорд?

– Да... И разберись со своими людьми, я хочу всё знать об этой истории.

– Конечно, милорд...

Когда Митон ушёл, лорд вновь повернулся к Санхару.

– Скажите, любезный, как так вышло, что вы единственный уцелели в страшном кораблекрушении? Этот вопрос не даёт мне покоя.

– Я и мой пёс, – уточнил Санхар.

– Ну да... Какие боги уберегли вас от неминуемой смерти?

Санхар не собирался рассказывать Альб-Сонну всей правды, поэтому ответил полуправдивой выдумкой.

– Члены королевской семьи Трикора обладают невероятной живучестью... Скажем так: это наш талант, дарованный богами моим предкам за определённые услуги... Нас нелегко убить. Этим мы и отличаемся от остальных людей. Что смертельно для обычного человека, не принесёт мне ощути-

мого вреда.

– Seriously? – недоверчиво протянул лорд.

– Как видите, я сижу перед вами, хотя должен был быть бездыханным трупом.

– Верно... А ваш пёс? Он тоже обладает подобной живучестью?

Санхару не хотелось бы отвечать на этот вопрос, но он не мог уклониться от ответа.

– Да.

– Но почему? Разве он член вашей семьи? Одной с вами крови?

– Нет, конечно. Но он мой лучший друг... Мы выросли вместе. Мне подарили его крошечным щенком, когда я был ребёнком, и с тех пор мы не расстаёмся... По-видимому, моя благодать как-то передалась и ему...

– Значит, это свойство может передаваться другим людям?

– Не знаю... Я не замечал подобных случаев.

– Но вашему псу как-то передалась?

– Может, это оттого, что я сильно его люблю... Может быть, наша благодать сходит только на тех, кто нам по-настоящему дорог? Я не могу этого утверждать наверняка, но мне так кажется...

Лорд задумался. Санхар чувствовал, что он не поверил ему, и слышал обрывки его мыслей, где он называл его хитрецом и лжецом.

В комнате воцарилась неприятная тишина. Лорд молча сверлил Санхара холодным взглядом, а принц боролся с нарастающей головной болью.

К счастью, вскоре пришёл посланный Митоном слуга и сообщил, что комната для гостя готова.

– Я могу идти? – спросил Санхар, поднимаясь.

– Конечно, сударь... Если вам что-то понадобится – не стесняйтесь, просите. Я не хочу прослыть негостеприимным хозяином.

– Благодарю вас, милорд, – сдержанно кивнул Санхар и последовал за слугой.

Комнатка, куда его привели, была небольшой, но вполне уютной, и находилась под крышей башни. Из трёх узких окон открывался великолепный вид на окрестности, но из неё вёл только один выход – на охраняемую стену, а оттуда, через караульное помещение, во двор.

В комнате стояла красивая деревянная кровать, стол, две табуретки, сундук для личных вещей, на стенах висели старые, но добротные гобелены, на полу лежал ковёр. На ночь окна закрывались деревянными ставнями. Возле двери и около кровати торчали из стен бронзовые держатели для свечей и свечных фонарей.

Показав гостю комнату, слуга спросил, не пожелает ли господин ещё чего-нибудь.

– Принеси побольше еды и воды для питья, а когда я проснусь, пусть мне приготовят горячую ванну. И пусть под-

берут чистую одежду, моя, как видишь, пришла в негодность. Пока я буду спать, пусть меня не беспокоят.

– Слушаюсь, господин, – поклонился слуга. – Еду я принесу через несколько минут. А пока располагайтесь.

Когда слуга ушёл, Санхар вытянулся на ложе. Матрас приятно пружинил, а чистое бельё ароматно пахло.

Анализируя увиденное в замке, Санхар задумался над некоторыми моментами, показавшимися ему странными. Во-первых, с первого мгновения пребывания на острове, Санхар не видел ни одной женщины, ни снаружи, ни внутри замка. Во-вторых, все солдаты, лорд и его приближённые носили короткие стрижки, рабы и слуги, наоборот, щеголяли длинными волосами. Обычно, и не только в Трикоре, но, по рассказам матери и его личному наблюдению, все мало-мальски знатные люди многих стран, отращивали себе длинные шевелюры, как знак высокого положения и превосходства над простолюдинами, которым запрещалось носить волосы больше определённой длины. В-третьих, прислуга и рабы вели себя довольно странно: жеманничали, говорили кокетливыми голосами и строили Санхару глазки, словно портовые шлюхи. Судя по обрывкам перехваченных у них мыслей, а также уже кое о чём догадываясь, Санхар пришёл к выводу, что в замке лорда Альб-Сонны царят специфические отношения. Вероятно, и сам хозяин, и его окружение, предпочитали однополую любовь. Неужели эти порядки распространились на весь остров? Неужто судьба занес-

ла Санхара на остров мужеложцев? В Трикоре такой вид отношений был не принят, там мужчины предпочитали только женщин, как и в большинстве стран Аквии. Но из рассказов матери Санхар знал, что в некоторых странах существуют иные виды отношений между людьми. Сама Санриза никогда не порицала несовпадающих с её предпочтениями способов любви, говоря, что любовь прекрасна в любом своём проявлении, и каждый сам вправе выбирать, кого и каким способом любить. Такую же терпимость она привила и сыну. И хотя Санхара никогда не тянуло ни к мальчикам, ни к мужчинам, он не осуждал таких отношений. К тому же, принц прожил достаточно долго, чтобы осознать, что в вопросах любви и предпочтений, каждый сам выбирает свой путь. И то, что неприемлемо одному, может быть очень приятно другому.

После сытного обеда, который он разделил с другом, Санхар сбросил рваньё, в которое превратилась его одежда, положил меч рядом с ложем, и отдался во власть исцеляющего сна.

3

На следующий день, чистый, сытый, полный сил и энергии, Санхар, в компании с лордом, разгуливал по замку и его окрестностям. Аксу он велел оставаться в комнате пока его лапа окончательно не восстановится. Заживление ран пса

происходило не так быстро, как у принца, ведь Санхар был рождён бессмертным. У Санхара за ночь исцелились все повреждения, нанесённые волнами и рифами, и даже волосы успели отрасти на том месте, где была содрана часть скальпа.

Способность Санхара улавливать и понимать чужие мысли не исчезла со временем, и следующие несколько дней он совершенствовал новое умение. Пока у него получалось улавливать мысли только тех людей, на которых он непосредственно смотрел и которые находились на расстоянии не более двух-трёх шагов. Если взять человека за руку или просто притронуться к нему, мысли становились ясными и отчетливыми, словно человек разговаривал прямо у него в голове. Если человек удалялся, его мысли превращались в неясный шум или невнятное бормотание. Но если напрячь волю и «прислушаться», то расстояние, на котором можно было «подслушать» чужие мысли, увеличивалось. Он также научился отрешаться от чужих мыслей, которые не хотел слышать.

Все эти дни лорд Альб-Сонна, или Торвард, как он просил себя называть, не оставлял гостя своим вниманием ни на минуту. Он занимал его беседами, хвастался былыми подвигами, расспрашивал о Трикоре, горделиво показывал свои владения, которые состояли из небольшого скалистого клочка суши, каким был остров Вин, и жалкой деревушки на восточном побережье, где жили полунищие крестьяне и рыбаки. Санхар заметил в деревне несколько утлых рыбацких

лодок и один небольшой баркас, и приказал Аксу всё хорошенько разведать и разнюхать: как они охраняются, чем крепятся к берегу, и пригодны ли для плавания. Акс не раз ходил с другом под парусом и на вёслах, поэтому в лодках разбирался.

Гуляя с лордом по острову, Санхар нигде не видел ни большого корабля, ни прогулочной яхты. Если судить по рассказам Альб-Сонны, он был удачливым торговцем и не менее удачливым пиратом. Когда же Санхар напрямик спросил о судне, Альб-Сонна замялся и ответил, что недавний шторм повредил корабль и сейчас он находится на ремонте в сухом доке. Санхар изъявил желание побывать в нём, но лорд ответил, что там не на что смотреть, и вообще, это скучное дело, а двое мужчин могут найти себе занятие поинтересней, чем смотреть, как конопатят щели корабля. Но, хотя лорд говорил это с любезной улыбкой и шутливой интонацией, его мрачные мысли рассказали Санхару, что он не увидит корабля, как собственной спины, и не покинет остров до конца своих дней, или, в лучшем случае, пока не поделится своей неуязвимостью.

В тот же вечер, чтобы развлечь «важного» гостя, лорд устроил торжественный ужин, на который пригласил всех приближённых. Ужин сопровождался песнями и плясками, которые исполняли красивые и юные рабы-евнухи, наложники самого господина и его свиты.

Любимцем Торварда, как Санхар уже знал, являлся Гра-

циан, которого он видел в свой первый день пребывания в замке. Этот красивый юноша с лицом ангела и нежным телом женщины, несколько раз встречался Санхару, но принц не обращал на мальчишку внимания. Юноша же испытывал к вельху определённые чувства, которые тот легко улавливал. Это слегка удивляло и даже раздражало, ведь принц не давал мальчику никакого повода или намёка на какие бы то ни было отношения. К тому же Санхар не привык к подобным чувствам со стороны мужчин. Им часто восхищались, как воином, завидовали его силе и ловкости, ценили умение владеть мечом. Но искреннее обожание, восхищение красотой, любовное желание и страсть он вызывал только в сердцах женщин.

На ужине Грациан появился в облике прекрасной девушки-танцовщицы, одетой в лёгкое развевающееся платье, украшенной цветами и драгоценностями. Санхар закрыл свой мозг для любых влияний извне, как всегда делал в многолюдных местах. Потому не сразу узнал Грациана, пока не увидел его необыкновенные запоминающиеся глаза. Умело подкрашенные, они были особенно выразительны на бледном тонком лице юноши. Танцевал он великолепно: тело легко и грациозно двигалось в такт музыке, плавно изгибаясь в любом направлении. Он словно плыл над плитами пола, и его танец невольно зачаровал Санхара, на мгновение забывшего, что перед ним не прекрасная девушка, а неполноценный юноша.

Лорд заметил заинтересованность гостя и, толкнув Санхара локтем, хитро прищурился:

– Правда, чудесное создание?

– Да, он очень хорош... – ответил принц.

– Я нашёл его в нищей деревушке на Гритланде и купил у родителей за пару золотых. Ему тогда не было и семи. Я лично воспитывал его и сделал тем, кем он теперь есть. Грациан воспитан, послушен и гибок не только на танцполе, но и в постели... – двусмысленно улыбнулся он. Санхар промолчал в ответ, так как эти подробности его не интересовали.

После танца лорд приказал Грациану спеть для гостя. Юноша взял аккордо и спросил:

– Что господа желают послушать?

– Пой, что хочешь: у тебя все песни об одном – о нежной и высокой любви... – небрежно махнул рукой лорд.

Грациан бросил на хозяина короткий взгляд, и Санхар заметил, что в нём было мало любви, а проскальзывала скрытая ненависть. Санхар не осуждал раба: если бы из него сделали игрушку для грязных утех, он бы, наверное, убил своего мучителя.

Грациан растянул меха и запел старую алданскую песню. Санхар сразу узнал этот язык: ведь его мать много лет прожила в Алдании, хорошо знала этот язык и научила ему Санхара, как и другим языкам, которыми владела. Потому, в отличие от присутствующих, он прекрасно понимал, о чём поётся в песне. А дерзкий раб пел старинную алданскую песню

о свободе, о том, что рано или поздно он осуществит свою мечту и вырвется на свободу, улетит как птица, покинувшая опостылевшую клетку, и никогда не вернётся назад. «Свобода! Как сладко это слово! Я мечтаю о тебе снова и снова, и когда-нибудь обрету тебя!» – пелось в припеве, который юноша повторял с особым упоением. Санхар с улыбкой слушал его, а когда песня закончилась, единственный из присутствующих наградил певца аплодисментами. Затем, спустившись с помоста, на котором стояли накрытые для гостей столы, приблизился к юноше и произнёс по-алдански:

– Странная песня о любви... Ты уверен, что твой господин не знает, о чём ты поешь?

Грациан побледнел, и его глаза распахнулись от удивления. Санхар обошёл вокруг юноши, наслаждаясь вызванным его словами страхом, а затем наклонился к уху и прошептал:

– Не бойся, я ничего ему не скажу. Но впредь будь осторожен в выборе песен...

Когда он вернулся на своё место, Торвард с подозрением спросил:

– Вам знаком этот варварский язык, принц?

– Я знаю много языков, Торвард, и алданский один из них.

– И что вы ему сказали?

– Что мне понравилась песня, и я не отказался бы послушать её ещё раз.

– Вы серьёзно? – удивился лорд.

– Да... Я знаю, что Грациан ваш любимец, и если мой по-

ступок как-то оскорбил вас, прошу прощения...

– Пустяки! – засмеялся лорд. – Грациан мой любимец, потому, что он мой первенец, так сказать... Но сейчас у меня есть мальчики помоложе и понежнее. Если Грациан вам понравился и вы хотите... пообщаться с ним – пожалуйста, я совсем не против. Он в вашем полном распоряжении.

– Благодарю, милорд... – только и смог пробормотать обескураженный Санхар. Он не ожидал от Альб-Сонны такой щедрости и, конечно же, не желал общаться с наложником теснее, чем на этом вечере, но отказ вызвал бы ненужные подозрения.

Санхар думал, что до конца ужина лорд забудет о своём щедром предложении, или передумает делиться любимым наложником, но когда, отяжелевший от съеденной пищи и выпитого вина, вернулся в свою комнату, там его ждал Грациан. Санхар удивился:

– Что ты здесь делаешь?

Акс бесцеремонно обнюхал чужака и брезгливо сморщил нос: обилие благовоний, которыми измазал себя юноша, ему не нравилось.

– Хозяин прислал меня к вам... – пробормотал юноша, потупив взор.

– Зачем?

– Он сказал, что я вам понравился, и вы изъявили желание взять меня к себе на время.

– И что я буду с тобой делать? – ухмыльнулся Санхар. –

Я никогда не имел дела с подобными тебе... Я, вообще-то, предпочитаю женщин.

Грациан смутился, словно девушка, и ответил:

– Я хочу поблагодарить вас, господин, за то, что не выдали меня хозяйину... Я сделаю для вас всё, что прикажете.

– Не сомневаюсь. Для начала расстели постель... – приказал Санхар, а сам занялся разжиганием огня в камине. В комнате постоянно гуляли сквозняки, и если бы не его железное здоровье, он бы давно подхватил лихорадку.

Когда огонь в камине разгорелся, Санхар начал раздеваться. Грациан тут же поспешил к нему на помощь. Он помог ему распустить шнуровку камзола и, став на колени, стянул сапоги. Затем, когда Санхар улёгся в постель, сбросил своё платье, оставшись в одной узкой набедренной повязке, и тоже начал забираться под одеяло.

– Э-э, ты куда, малыш?! – воскликнул Санхар. – Если хочешь спать, поищи себе другое место!

– Вы не хотите меня? – удивился юноша.

– Я же говорил, что предпочитаю женщин.

Грациан опустился возле ложа на колени, положив руки на край постели, и, с мольбой глядя в глаза принца, попросил:

– Не прогоняйте меня, господин. Я не буду мешать вам. Я буду лежать тихо-тихо... Если вы прогоните меня, кто-нибудь из этих пьяных скотов заберёт меня и будет насиловать целую ночь... Разрешите мне остаться с вами, господин!

Санхар не смог отказать этим печальным умоляющим глазам. Он откинул край одеяла и буркнул:

– Лезь...

Грациан с готовностью нырнул под тёплое покрывало.

– А если я буду насиловать тебя целую ночь? – пошутил Санхар.

– Если вы захотите меня, я с удовольствием вам отдамся... – прошептал юноша.

– Почему?

– Потому что вы добрый и нежный... Вы не можете быть грубым...

Санхар засмеялся.

– Ты слышал, Акс? Этот юнец назвал меня добрым и нежным!

Акс лениво вильнул хвостом, показывая, что он слышал. Тепло камина и раздувшийся от сахарных косточек и объедков живот, который он набил под столом во время пиршества, разморили его. Он приоткрыл один глаз, взглянул на хозяина, и вновь погрузился в приятную дремоту.

– Совсем обленился, псина, – пробормотал Санхар и повернулся набок. – Ладно, спим... Но если попытаешься меня соблазнить, я вышвырну тебя за дверь с такой скоростью, что ты не успеешь понять, что произошло, малыш...

Санхар закрыл глаза, расслабился и через несколько минут уснул.

Едва проснувшись, Санхар ощутил горячее тело Грациана, прильнувшее к нему. Мальчишка ткнулся носом ему в подмышку и обхватил рукой за грудь. Он так сладко спал, что Санхару не захотелось его будить. Прикосновения мальчика не вызвали неприятия, как он ожидал. Наоборот, глядя на худощавое стройное тельце, Санхар испытал чувства, родственные тем, которые он испытывал к Аксу, когда тот был ещё щенком: смесь любви, покровительства и нежности.

Он лежал, задумчиво глядя в потолок, и его пальцы невольно начали ласкать длинные шелковистые волосы юноши, как часто ласкали густую шерсть Акса, когда тот сидел или лежал рядом с ним одинокими вечерами. Он почувствовал, что Грациан проснулся, но продолжает лежать неподвижно, с плотно закрытыми глазами, и притворяться спящим. Санхар легонько похлопал его по спине и сказал:

– Я знаю, что ты уже не спишь. Не пора ли вставать?

Грациан открыл глаза и отодвинулся.

– Простите, господин, что посмел прикоснуться к вам без вашего позволения...

– Ладно, прощаю. Теперь вставай и ступай к себе. Ночь прошла и ты свободен.

– Не прогоняйте меня, господин... Я хочу побыть с вами хоть несколько дней. Рядом с вами я чувствую себя в без-

опасности. Я бы хотел навсегда остаться с вами, но, боюсь, это невозможно...

– А твой хозяин не потребует твоих услуг?

– Пока я буду с вами – нет.

– Хорошо. Оставайся. Но сначала приведи себя в порядок: сними эти побрякушки, вымойся, чтобы от тебя пахло мужчиной, а не гаремной наложницей, и смени одежду. Ты мужчина и должен выглядеть, как мужчина.

– Но я ведь не мужчина... – смутился Грациан.

– Не обязательно это подчёркивать. Для меня ты парень, как бы тебя ни наряжали или не называли. Если хочешь быть со мной, будь собой. А при своём хозяине будь, кем угодно.

– Слушаюсь, господин!

Грациан вскочил, набросил на плечи платье и резво покинул комнату.

Вернулся он через полчаса, чисто вымытый, переодетый в лёгкую тунику и шелковые брючки, поверх которых переkreщивались ремни сандалий. Волосы он собрал в хвост и стянул тканой узорчатой ленточкой. Теперь, даже, несмотря на мягкие женственные черты лица, он стал похож на мальчишку. Санхар похвалил его, и Грациан засиял от удовольствия, а на принца хлынула волна искренней любви, обожаения и благодарности, способная растопить самое холодное и чёрствое сердце.

Несколько дней они провели вместе, гуляя по острову или купаясь в море. Санхар постоянно ощущал следящие за ни-

ми чужие глаза, но не беспокоился по этому поводу. Пусть следят и докладывают лорду. Он специально вёл себя так, словно увлёкся мальчиком, чтобы притупить подозрительность Альб-Сонны и уверить его, что он не замышляет ничего предосудительного, так как уже задумал побег. Подслушав мысли лорда, Санхар знал, что тот не собирается отпускать необычного гостя, надеясь любым способом выведать тайну его неуязвимости, вплоть до применения пыток, если не получится иным способом. Но Санхар не собирался делиться своей тайной. К тому же, его уже тяготило пребывание в стране, нравы которой ему претили. Даже искренняя и глубокая любовь Грациана, к которому он невольно начал испытывать чувство привязанности, ни на миг не могли задержать его на Вине.

План побега был очень прост: однажды ночью он собирался покинуть замок, пробраться в селение и похитить подходящую лодку. На ней он отправится на юг, положившись на попутный ветер и удачу. Узнав о побеге, лорд Альб-Сонна, скорее всего, организует погоню, но Санхар собирался плыть ночью, ориентируясь по звёздам, а днём прятаться среди множества островов Скалистого архипелага, куда входил и остров Вин. Санхар ждал подходящей ночи, а именно, когда с севера подует ровный постоянный ветер. Скоро такое время должно наступить, так как вот уже два дня с севера прилетал лёгкий бриз, несущий прохладу в знойный летний день.

Грациан как-то почувствовал «походное» настроение Санхара, и однажды вечером, лёжа рядом, спросил:

– Вы собираетесь покинуть Вин, господин?

Санхар насторожился, но спокойно ответил:

– С чего ты взял?

– Мне так кажется... Вы всё время начеку, словно чего-то ждёте, и с нетерпением посматриваете на север... За вами приплывут ваши друзья?

– Нет. Никто не знает, что я здесь.

– Это плохо... Хозяин ни за что не отпустит вас... Он хочет узнать от вас что-то важное, я слышал, как он говорил об этом с управляющим Митоном... Лорд сказал, что если вы не скажете это по-хорошему, он заставит вас признаться по-плохому. Я знаю, что это значит, и не хотел бы, чтобы вы пострадали. Думаю, вам нужно бежать с острова.

Санхара ещё больше насторожила такая откровенность мальчика, и он притворно беззаботно возразил:

– Ошибаешься, Грациан. Твой хозяин гостеприимен и добр ко мне, и я не знаю ничего, что могло бы его заинтересовать. Зачем мне бежать? Когда я захочу покинуть Вин, я просто скажу лорду, и он отвезёт меня на своём корабле в ближайший порт.

Грациан промолчал, но Санхар знал, что тот не поверил ни единому его слову. Внезапно он прижался к мужчине, обхватил его за грудь, и прошептал:

– Возьмите меня с собой, господин...Пожалуйста... Не

оставляйте меня здесь! Я сделаю для вас всё, что прикажете. Я буду предан, как собака, я буду спать у ваших ног, охраняя ваш сон, только возьмите меня с собой... Умоляю! Заклинаю всеми богами Неба и Подземелья! Святыми Небесами, Небесным Отцом и Великой Матерью молю вас...

Санхара с головой захлестнула волна любви и отчаяния, смешавшиеся в душе Грациана. Такое сильное чувство нежной любви Санхар получал только от матери, и то, когда был ребёнком. И это призабытое чувство помимо его воли затронуло огрубевшее за долгие годы битв и походов сердце мужчины, разбудило ответную любовь в его душе. Между ним и мальчиком возникла какая-то незримая связь, в глубине души зародилось странное чувство то ли отцовской, то ли братской любви. У него никогда не было ни сестёр, ни братьев, ни, даже, настоящих друзей. Он знал о старшем брате, который затерялся где-то в иных мирах, но он был для него лишь безликим персонажем из рассказов матери о её прошлой жизни. А сейчас рядом лежал живой реальный человек, полный искренней любви и надежды, умоляющий о помощи и защите, и, хотя он был всего лишь ущербным смертным, к тому же, чужим рабом, но Санхару на миг показалось, что это его младший братишка или сын, которого у него никогда не было, и неизвестно, будет ли вообще...

Рука Санхара легла на плечи Грациана сначала неуверенно, затем её объятие стало крепче. Другой рукой он прижал голову юноши к своей груди и тихо произнёс:

– Успокойся, малыш... Я возьму тебя с собой. Обязательно возьму. Ты будешь со мной, пока не повзрослеешь и не пойдёшь своей дорогой...

Из глаз Грациана хлынули слёзы, но это были слёзы благодарности и счастья, и Санхар не стал его утешать.

На следующий день северный ветер усилился, и, наконец, настал тот час, которого так терпеливо дожидался вельх. После полуночи, когда все в замке крепко спали, Санхар, Акс и Грациан спустились вниз. Вход в башню охранял один воин, второй дремал неподалеку, прикорнув под парашютом стены. Быстро и бесшумно Санхар схватил воина за голову и, одним резким движением, сломал шейные позвонки. Так же он поступил с его напарником, усадив обоих так, чтобы со стороны казалось, что они безмятежно спят. Тихо позвав Грациана, он взял его за руку и повёл до выбранного для побега места. Внизу находилась небольшая ровная площадка, поросшая жёсткой травой, на которую можно было приземлиться без лишнего шума и риска повредить ноги. Санхар давно убрал с неё лишние камни, играя там с Аксом. Сейчас он собирался спрыгнуть со стены, ведь двадцать локтей не были для него большой высотой. Всё равно, что мальчишке спрыгнуть со стола.

Сначала прыгнул Акс. Он приземлился удачно и тут же оббежал окрестности, проверяя, всё ли в порядке. Вернувшись, подал знак, что дорога свободна. Санхар повернулся к Грациану и спросил:

– Ты не передумал идти со мной?

– Нет, господин, – твёрдо ответил юноша, хотя внутри весь дрожал от страха и волнения.

– Клянёшься ли ты следовать за мной в огонь и воду, в Небесные Чертоги или в Преисподнюю?

– Клянусь, господин.

– Будешь ли послушно выполнять все мои приказы, не подвергая их сомнению?

– Буду, господин...

– Тогда слушай меня внимательно: сейчас я спрыгну вниз, ты сбросишь мешок с припасами, а затем, по моему знаку, прыгнешь сам. Не бойся, я тебя поймаю.

Грациан открыл, было, рот, пытаясь возразить, но, вспомнив данные только что обещания, лишь молча сглотнул слюну и покорно кивнул. Санхар ободряюще похлопал его по плечу, ступил на парапет и прыгнул. Грациан припал к бойнице, и в тусклом сиянии звёзд увидел, как Санхар мягко, словно кошка, приземлился на ноги и руки, выпрямился и посмотрел вверх. Он помахал рукой и Грациан бросил ему мешок с окороком и хлебом, которые днём стянул на кухне. Санхар ловко поймал его и положил на землю. Снова посмотрел наверх и поднял руки. Грациан ступил на парапет, весь дрожа от страха и мысленно проговаривая молитвы. Санхар приглашающе махнул рукой и Грациан, закрыв глаза, решительно шагнул в пустоту. Мгновение свободного падения – и вот он в сильных объятиях господина. Юно-

ша перевёл дыхание и счастливо засмеялся. Санхар поставил его на землю и одобрительно улыбнулся:

– Молодец. А теперь – в путь!

Он подхватил мешок и поспешил на восток. До рассвета оставалось пять часов, а им нужно пройти около шести кемпов, украсть лодку, выйти в море и отойти от острова на такое расстояние, чтобы их не заметили с берега, когда поднимется солнце.

Шли быстрым шагом. Санхар и Акс могли бы легко пробежать это расстояние, даже не запыхавшись, но Грациан был всего лишь изнеженным евнухом. Несмотря на то, что его тело было сильным и мускулистым, благодаря занятиям танцами, он не привык ходить быстро и долго. Вскоре юноша запыхался и весь вспотел, но Санхар не сбавлял темп. Пусть привыкает к трудностям походной жизни.

Спустя час они вышли к окраинам селения. Они обошли её с южной стороны, чтобы не потревожить местных собак, и спустились в бухту. Здесь, у грубого, сложенного из дикого камня причала, были привязаны несколько лодок. Санхар, укрывшись за камнями, окинул берег мысленным «взором». Как он знал из рассказов Акса, на причале дежурили двое солдат. Ещё двое спали под навесом на берегу. Приказав Грациану залечь за камнями и не двигаться, пока его не позовут, Санхар осторожно подобрался к спящим. Два быстрых удара кинжалом – и они никогда больше не проснутся. Затем, позвав Акса тихим свистом, направился к причалу,

уже не прячась. Ступал он очень тихо, как охотник, крадущийся за добычей, Акс же, вообще, двигался, как бесшумный серебристый призрак. Солдаты ходили вдоль причала бок о бок, зевая и тихо переговариваясь. Санхар и Акс приблизились к ним сзади, и когда стражники их заметили, было уже поздно. Схватив одного, Санхар ударил его под коленку и резко вывернул голову вправо, сломав шейные позвонки. Второй только успел схватиться за рукоятку меча, как Акс прыгнул на него, всем весом своего массивного тела ударив в грудь, и опрокинул на землю. Мощные челюсти тут же сомкнулись на горле и рванули изо всех сил, вырвав гортань и трахею. Выплюнув окровавленные куски плоти, он схватил бьющееся в агонии тело за голову и прокусил череп, прекратив его мучения.

Санхар послал Акса за Грацианом, а сам тем временем осмотрел стоящие у пирса лодки. Выбрал небольшой баркас, с вёслами и мачтой, лежащими на дне. Взявшись за ржавую цепь, которой баркас был прикован к вбитому в камень кольцу, потянул её изо всех сил, и цепь лопнула с громким звуком.

Послышались шаги, это торопились Грациан и Акс. Юноша в одной руке нёс мешок с припасами, а в другой тащил какой-то свёрток.

– Что это? – поинтересовался принц.

– Я забрал у стражников плащи, деньги и оружие. Им они уже не нужны, а нам пригодятся.

В голосе юноши слышалось напряжение. По-видимому, вид мёртвых тел его не вдохновил.

– Молодчина, – похвалил Санхар и подтянул баркас к причалу. – Запрыгивайте.

Акс первым оказался в лодке, за ним неуклюже забрался Грациан. Санхар оттолкнул баркас от пирса и перемахнул борт. Пока лодка, покачиваясь на мелкой волне, медленно скользила по воде, отдаваясь от берега, он вставил в ключины вёсла, сел на лавку, несколькими сильными гребками развернул её носом на юг и повёл в открытое море.

Лишь только они вышли за пределы бухты и плавно закачались на пологих волнах, Санхар установил мачту в специальное гнездо на дне и поднял парус, который тут же наполнился свежим ветром и погнал баркас вперёд. Санхар перебрался на корму, взял в руки ручку руля и направил их утлое судёнышко перпендикулярно тающему во тьме берегу. Грациан и Акс уселись на носу, укрывшись от ветра и брызг за высокими бортами, и накрылись плащом. Стремительно набирая ход, лодка неслась вперёд, вспенивая носом гребни волн.

Как только на востоке забрезжил рассвет, Санхар попросил Акса определить, есть ли поблизости суша. Обоняние пса было намного лучше его собственного, и вскоре Акс уловил далёкий и слабый запах зелени. Он указал направление, и Санхар повернул к берегу. Через какое-то время и его зоркие глаза разглядели на горизонте далёкое пятнышко остро-

ва.

Когда они причалили к каменистому берегу, над горизонтом показался край солнца. Пока Санхар вытаскивал баркас на берег и прятал среди чахлой прибрежной растительности, а Грациан подыскивал место для лагеря, Акс обследовал почти весь остров. Он был невелик, и там, куда не ступила нога пса, достали его обоняние, зрение или слух. Он выяснил, что остров безлюден, но на нём есть родник с питьевой водой и такая-сякая растительность. На островке, в основном, водились мелкие животные, и гнездилась масса морских птиц. Акс смог поймать и приволочь большую кожистую морскую черепаху. Испечённые в золе черепахи яйца и сама мамаша стали вкусным и сытным дополнением к их скудному рациону.

Плотно позавтракав, беглецы улеглись на приготовленное Грацианом ложе, закутались в плащи и уснули. Акс охранял их покой, наблюдая за морем с самой высокой скалы островка. Несколько раз он покидал свой наблюдательный пункт, чтобы поохотиться, но не забывал поглядывать в сторону моря. Когда под вечер люди проснулись, пёс лежал с раздутым животом и испачканной кровью и перьями пастью. За прошедший день он существенно уменьшил и без того скудную фауну острова.

Пока беглецы ужинали и заполняли найденный в баркасе бочонок свежей родниковой водой, солнце опустилось за западный горизонт. Санхар столкнул лодку в воду, и они про-

должили свой путь. К счастью, ветер не переменялся и не стих, и парус вновь наполнился, придавая утлому судёнышку стремительность. Санхар вновь сел за руль, Акс заснул на носу, а Грациан сел рядом с принцем. Некоторое время он сидел молча, наблюдая, как тухнут на небе краски заката, затем придвинулся поближе, осторожно взял свободную руку и положил себе на плечи, прижавшись к Санхару дрожащим телом.

– Замёрз?

– Да... Ветер прохладный.

– Надень плащ.

Грациан не шелохнулся, продолжая согреваться теплом горячего тела господина. На Санхара снова начали накатывать волны любви и нежности, исходившие от юноши. Санхар попытался отрешиться от эмоций раба, но долго находиться в таком состоянии не мог. Это всё равно, как заставлять себя ничего не слышать, если рядом кто-то громко разговаривает. Но он не хотел обижать мальчишку и прогонять от себя, ведь его чувства были искренними, и не его вина, что с раннего детства его искалечили физически и духовно, воспитывая, как женщину. Для Грациана Санхар был идеалом красоты, доброты и мужественности, и он полюбил его первой чистой юношеской любовью. Его чувства и мысли были для принца открытой книгой, не требовалось спрашивать мальчика, почему он так странно себя ведёт. Он вёл себя, как любая влюблённая девушка в компании своего куми-

ра, и ожидал от Санхара ответных чувств, не понимая, как можно любить только женщин, если он не хуже их во всех отношениях. Его огорчала сдержанность господина, но он не смел настаивать, стараясь ненавязчивой лаской, любовью и нежностью, вызвать у Санхара ответные чувства.

Прижимаясь к телу господина, Грациан исподволь, почти незаметно, начал ласкать его бёдра, гладить колени, пах и низ живота. Когда его ласки стали слишком откровенными, Санхар отбросил его руку и сердито сказал:

– Прекрати!

– Почему? – наивно спросил юноша. – Разве вам не приятно?

– Нет.

– Но почему? – продолжал настаивать Грациан. – Разве я вам не нравлюсь?

– Нравишься, но не так, как ты думаешь.

– А как?

– Просто нравишься.

– Но вы не любите меня?

– Только, как брата.

– Мне очень приятно это слышать, но я не ваш брат, господин... Я хочу быть вашим наложником.

– В моей стране это не принято.

– Но вы сейчас не в вашей стране, – резонно возразил юноша. – А в наших краях любить мужчину или иметь наложника вполне нормально.

– Я ещё не привык к такому роду отношений. Я всегда имел только женщин.

– Разве я не похож на женщину? У меня белая нежная кожа, длинные волосы, красивое лицо...

– Помимо этого у женщин есть ещё кое-что, сводящее мужчин с ума...

– Что же это?

– Две прекрасные соблазнительные груди и сладкое нежное лоно... Тебе никогда не займеть ни того, ни другого, как бы ты ни старался походить на женщину.

– Может быть... Но я умею всё, что делает с мужчинами женщина, и намного лучше, чем они... – обиженно надул губы Грациан. – Не думаю, что ваши женщины умеют петь и танцевать лучше меня, или ласкать и любить искуснее, чем я.

Санхар вспомнил Тарру и грустно улыбнулся.

– Была у меня такая женщина... Может, она и не умела петь и танцевать, как ты, но в искусстве любви ей не было равных...

– Вы хвалите её, потому что не poznали меня, – с ноткой ревности ответил Грациан. – Позвольте мне, господин, и я докажу, что не хуже вашей прошлой женщины!

– Нет, Грас, я не могу тебе этого позволить.

– Но почему?

– Ты – мужчина. Я не могу любить мужчин.

– Я не мужчина, я – евнух! Я создан, чтобы приносить наслаждение своему господину! Больше я ничему не обучен. И

я хочу подарить вам наслаждение, я жажду этого, потому... потому что люблю вас!

Грациан почти выкрикнул эти слова, отчего даже Акс проснулся и поднял в недоумении голову. Но, не заметив ничего опасного или подозрительного, сладко зевнул, положил голову на лапы и снова уснул.

Санхар посмотрел на распалившегося юношу и увидел слёзы в его глазах. Наверное, произнести признание, стоило ему невероятных душевных усилий. Санхар ободряюще сжал плечо мальчика и тихо ответил:

– Я знаю, Грас...

– Тогда не отталкивайте меня... Позвольте хотя бы... поцеловать вас...

Санхар наклонился и его губы слегка коснулись чела Грациана. Руки юноши тут же обвили вокруг его шеи, а губы жадно припали к губам. Язык ловко проник в рот. Поцелуй, усиленный исходившими от юноши чувствами, оказался столь страстным, что Санхар на миг забыл, что находится в объятиях евнуха-наложника, а не горячей девицы. Страсть Грациана и его чувства невольно передались ему, и принц почувствовал ответную страсть, родившуюся в его душе и передавшуюся в чресла. Невольно поддавшись этой страсти, он ответил на поцелуй, но тут же устыдился своего порыва, и оттолкнул раба.

– Нет! – сердито воскликнул он.

– Но почему, почему?! Вы ведь любите меня, скажите, лю-

бите? Я не безразличен вам?

– Нет... Но я не могу... Не должен...

– Почему? Кто вам запрещает?

«И в самом деле, почему?» – закралась в голову Санхара крамольная мысль. Почему бы не попробовать нечто новое, иной способ любви? Кто его за это осудит? Отец? Он далеко, и давно привык к причудам сына. Мать? Санриза всегда была терпима в вопросах любви и человеческих отношений. Она не терпела лишь обмана и предательства. За долгие годы жизни Санхар познал многих женщин, был и трепетным любовником и жестоким насильником, любил и был любим. Но ни одна женщина не любила его столь глубоко, сильно, искренне, как этот мальчик... Все женщины, которых он знал или познал, чего-то от него хотели или ждали, хитрили, лгали и обманывали. Грациан же полюбил его просто так, за внешние данные или доброе к нему отношение, кто знает. Но он ничего не хотел от своего господина, только толику его любви и внимания. Поэтому, он не совершит греха, если даст ему того и иного... Ну, а если ему не понравится такой вид отношений, всегда можно отказаться от его услуг.

Мысленно Санхар уже был готов стать любовником Грациана, но физически ему ещё требовалось какое-то время, чтобы перейти от намерений к действию. Он протянул к стоявшему на коленях юноше руку и погладил его по голове.

– Иди сюда, малыш... Садись...

Снова обняв его за плечи, прижал к себе и сказал:

– Не спеши, Грас... Подожди немного. Я никогда не любил мужчину, для меня это ново и непривычно. Но если ты меня любишь и в самом деле этого хочешь... Если не только твоя душа, но и тело жаждет моей любви... Я дам тебе то, что ты хочешь... Но чуть позже. Согласен?

– О, господин!.. – выдохнул счастливый юноша. – Я, в самом деле, хочу вас... В замке я никогда не хотел близости. Я делал это по приказу и по обязанности... Но когда я впервые увидел вас, когда я узнал вас ближе... В моей душе, словно что-то взорвалось, сердце забилося так сильно-сильно, и я впервые ощутил непреодолимое желание близости. Я хотел, я мечтал вам отдаться, я желал ваших ласк, ваших поцелуев, ваших объятий... Ваш мимолётный взгляд, ваше случайное прикосновение вызывали во мне дрожь и нестерпимое желание отдаться вам... Господин, вам не нужно ничего делать, только расслабьтесь и позвольте мне делать то, чему я обучен. Я докажу вам, что достоин вашей любви и вашего желания!

– Договорились, – согласился Санхар. – Но всё же, запомни на будущее: даже если ты станешь моим наложником, ты не станешь женщиной. Мне не нужно изнеженное боязливое существо, которое я должен опекать. Пусть ты евнух, но ты всё же, в какой-то степени, мужчина. Если хочешь быть со мной, то должен научиться защищать себя и своего господина. Я займусь твоей тренировкой и обучением, и если не

сделаю тебя настоящим мужчиной, то хорошим бойцом обязательно!

– Как пожелаете, мой господин! Я буду вашим оруженосцем, вашим слугой и вашим наложником. Всё, что ни потребуется, я буду исполнять с радостью и смирением.

– Мне нравится твой энтузиазм, – усмехнулся Санхар.

5

Следующий остров, на котором они сделали остановку, оказался огромным, даже больше Вина. Тёмной громадой он протянулся с востока на запад, вырастая из моря, словно гребень мифического дракона. Усилившийся к утру ветер нёс утлое судёнышко прямо на него, и Санхар издали услышал грохот волн, разбивающихся о скалистый берег. Ему пришлось убрать парус и хорошо поработать вёслами, чтобы развернуть баркас и обойти остров стороной.

На западном берегу он увидел устье небольшой реки, впадающей в крошечную бухточку, окружённую песчаным пляжем. Санхар направил лодку в реку и поднялся вверх по течению, пока не увидел подходящее для стоянки место. Ровная площадка, покрытая зелёной травой и окружённая густым кустарником, в конце которой зиял тёмный вход в пещеру.

Пристав к берегу, Санхар взял копьё и спрыгнул на землю, намереваясь обследовать окрестности. Но Акс опередил его.

Пёс пробежался по поляне, усиленно нюхая воздух, затем подкрался к пещере и сунул туда голову. Его тело напряглось, а шерсть на загривке вздыбилась. Спустя минуту, он с рычанием исчез в пещере, и оттуда послышался шум драки. Санхар ожидал снаружи с копьём наготове. Через некоторое время изнутри донёсся пронзительный визг, перешедший в хрип, и через минуту Акс выволок наружу бездыханное тело какого-то зверя, покрытого густой блестящей шерстью, с кошачьими лапами, веслообразным голым хвостом и мордой крысы, ощерившейся частоколом мелких острых зубов. Тварь была размером не меньше Акса и, по-видимому, оказывала отчаянное сопротивление, так как на боках и морде пса зияли большие рваные раны.

– Там никого больше нет? – спросил Санхар.

«Есть. Детёныши», – ответил Акс, и, бросив труп животного, снова исчез в пещере.

После недолгого пребывания он вынес шесть задушенных щенков.

«Пусто», – сказал он, и Санхар вошёл в пещеру.

Несмотря на узкий неудобный вход, внутри было просторно, сухо и светло. Свет проникал из щелей сверху. Правда, в пещере стоял неприятный запах тухлой рыбы, а по углам высились горы мусора из недоеденных обедов: кости и внутренности рыб, мелких водных животных, пустые раковины. Но, если пещеру хорошенько вычистить, настелить на пол свежей травы, а ложе сделать из упругих пахучих ветвей юс-

са, то в ней можно спокойно прожить несколько дней, переживая надвигающийся шторм. Санхар не хотел рисковать, выходя в море при таком сильном ветре на слабом дряхлом судёнышке.

Первым делом Санхар занялся баркасом. Если с ним что-нибудь случится, они могут застрять на этом клочке суши навечно. Он не знал, есть ли на этом острове люди, и кто они – мирные рыбаки или пираты, избравшие его своим тайным убежищем. Он и не желал это выяснять. Достаточно того, что на расстоянии нескольких кемов вокруг не было ни единой живой человеческой души.

Санхар вытащил баркас на берег и перевернул его вверх дном, чтобы во время дождя в него не набралась вода. Парус, руль и вёсла отнёс в пещеру. Затем, вместе с Грацианом, взялся за наведение порядка. Разгребая кучи мусора, Санхар с удивлением обнаружил множество речных и морских жемчужин превосходного качества и великолепной окраски. По-видимому, их «добыла» тварь, жившая здесь, питаясь вкусным мясом моллюсков и выбрасывая несъедобные части, такие как створки раковин и жемчужины. Собрав все драгоценные шарики, Санхар насчитал их почти две сотни, разного размера и рыночной стоимости. В общей сумме неожиданное богатство потянуло на пару тысяч золотых. Это было как нельзя кстати, потому что, потерпев кораблекрушение, принц потерял все свои деньги, которые прихватил из дома, а покидая остров Вин, не разжился ничем, кроме снятых Гра-

цианом с убитых солдат их тощих кошельков с медяками и жалким серебром.

Спрятав жемчуг в кошелёк, Санхар продолжил уборку. Пока Грациан выметал остатки мусора, он нарвал травы, пахучих листьев и ароматных цветов, которыми покрыл пол пещеры. Затем соорудил очаг для костра, дым от которого вытягивало в щель наверху, а в дальнем углу сложил ложе из толстого слоя переплетённых веток юсса, свежей травы и сложенного паруса. Теперь в пещере стало уютно и хорошо пахло.

После грязной работы и в ожидании дичи, за которой отправился Акс (мясо твари воняло рыбой и Санхар не захотел его есть, хотя псу оно пришлось по вкусу), принц решил искупаться. Небо уже заволокли серые тучи, но дождя ещё не было. Раздевшись донага, сверкая стройным прекрасным мускулистым телом, Санхар вошёл в прозрачные струи реки. Песок под ногами был ровным и твёрдым, дно покрывали редкие кустики водорослей, среди которых мелькали серебристые рыбки. Санхар оглянулся на нерешительно топтавшегося на берегу Грациана, и произнёс:

– Иди сюда, малыш. Вода тёплая и дно твёрдое.

Грациан начал раздеваться, а Санхар, вдохнув полные лёгкие воздуха, нырнул. Выросший на берегу реки, он умел хорошо плавать, а нырял лучше всех, так как его бессмертное тело могло обходиться без воздуха до получаса.

Санхар плыл под водой, держась у самого дна, любуясь

подводным миром. Его всегда удивляла необычность и отличность мира воды от мира суши. Он увидел несколько ярких красивых ракушек и хотел их подобрать, но тут ощутил сильное беспокойство. Это не был сигнал опасности, а такое чувство, словно кто-то беззвучно звал его на помощь. Санхар повернул к берегу и ещё издали увидел барахтающееся в воде тело. Быстро приблизившись, он обогнул тонущего Грациана и, обхватив за талию, резко всплыл. Выдохнув и вдохнув воздух, он несколькими гребками достиг мелководья и поставил перепуганного дрожащего юношу на ноги. Повернув лицом к себе, увидел в глазах мальчика ужас от пережитого приключения и радость от лицезрения господина.

– Я д-думал, что в-вы ут-тонули, – заикаясь, пролепетал Грациан. – Я х-хотел п-пос-смотреть, но т-там оказ-залось г-глубоко...

– Такой большой и не умеешь плавать, – укоризненно покачал головой Санхар. Вырасти на острове, со всех сторон окружённом водой, и не уметь плавать, Санхару казалось странным, но вины мальчишки в этом не было. Его учили совсем другим вещам, и плаванье не входило в перечень его наук.

Дрожащий и счастливый, Грациан, в порыве чувств, прижался к Санхару, и тот обнял его. Их обнажённые тела соприкоснулись, мокрые тёмные и белоснежные пряди волос смешались, чресла тесно прижались друг к другу. Неожиданно Санхару захотелось поцеловать мальчика. Он колебался

лишь мгновение, затем приподнял его голову и заглянул в большие манящие глаза. В них светились счастье и любовь. Принцу невольно вспомнилась Дайна, его вторая и самая сильная любовь. У неё тоже были такие же огромные манящие глаза, только серые и прозрачные, смотревшие с грустью и покорностью, которые он часто замечал во взгляде Грациана. Закрыв глаза и представив, что целует Дайну, Санхар склонился и коснулся пухлых губ юноши. Его поцелуй был лёгким и нежным. Грациан перестал дрожать, его сердце забилось сильно и часто, а в душе вспыхнул огонь ответной нежности и страсти.

Они целовались долго, лаская друг друга руками, пока Санхар не ощутил сильное возбуждение. Он поднял мальчика на руки и вышел на берег. Под кустарником, усыпанным тяжёлыми гроздьями чернильно-синих ягод, оказалось чудесное место, ставшее для них ложем любви. Санхар отбросил все табу и предрассудки, и наслаждался любовью Грациана, купаясь в исходящих от него тёплых волнах чувств, как в лучах полуденного солнца; беря его юное нежное податливое тело, мало в чём отличающееся от тела девушки. Грациан стонал от наслаждения, страстно извиваясь под ним, и его желание не угасало, распяемое искусными ласками мужчины.

Когда Санхар закончил, получив наслаждение не меньшее, чем доставляла ему Тарра, он нежно поцеловал юношу и сказал:

– Теперь ты принадлежишь мне, малыш. Я буду тебя любить и лелеять, но если ты мне изменишь, я убью тебя.

Грациан улыбнулся и ответил:

– Никогда и никто больше не коснётся моего тела... Разве только вы сами отдадите меня другому, и то, я буду лежать у ваших ног и умолять не делать этого... Но теперь, господин, когда вы узнали мою любовь, надеюсь, вы больше не захотите женщину?

– Я никогда не откажусь от женщин, – твёрдо ответил Санхар. – Тебе придётся с этим смириться. Но другого мужчины у меня не будет, это точно.

Грациан слегка расстроился, но совсем немного. Ему не стоит ревновать господина к женщинам, если он будет продолжать любить его. К тому же господин сказал, что он будет его единственным любовником, и он не станет его делить со своими друзьями, как это делал лорд, устраивая оргии, на которых толпа пьяных грубых самцов терзали его нежное тело, швыряя друг другу, как игрушку. Их скотскую похоть невозможно даже сравнить с нежностью и лаской господина Санхара. Впервые в своей жизни Грациан испытал настоящее наслаждение от близости и получил море удовольствия от самого процесса совокупления. Его любовь к господину стала ещё крепче, ради него он был готов даже умереть.

Ближе к вечеру разразилась гроза. Но раскаты грома, вспышки молний и шум ливня не потревожили укрывшихся в пещере любовников. Сытые, разморенные ласками и удо-

вольствием, беглецы крепко спали на мягком ложе в сухой тёплой пещере.

Разбуженный особенно сильным раскатом грома, Санхар чуть приподнял голову и посмотрел на вход, занавешенный шелестящим пологом бегущей воды. Порывы ветра, изредка залетающие сквозь узкое отверстие, раздували угли в очаге, и тогда пещера освещалась слабым красноватым светом, окрашивая спящего неподалеку Акса в розовый цвет. Удостоверившись, что всё в порядке, Санхар опустил голову на ложе, обнял прильнувшего к нему Грациана, и снова уснул...

6

На острове им пришлось задержаться на несколько дней, так как сильный северный ветер не ослабевал, и море было беспокойным. Но вынужденная задержка не тяготила беглецов. Пока Акс занимался обследованием местности и охотой, Санхар обучал Грациана плаванию и азам фехтования. Он дал ему короткий меч стражника и показал несколько приёмов ближнего боя, заставляя оттачивать движения бесконечными повторами.

Когда юноша уставал от тренировок, а также, обязательно, утром и вечером, они купались в реке, и Санхар учил Грациана плавать и нырять. А в часы, предшествующие сну, а также после пробуждения, они отдавались любовной страсти. Чем больше они сближались, тем сильнее Санхар при-

выкал к этой близости, и уже не воспринимал её как нечто необычное. Ему даже понравился такой вид сношений, и он сожалел, что не попробовал его раньше.

Спустя шесть дней, ветер начал стихать, и море успокоилось настолько, что Санхар рискнул продолжить путешествие. Ветер немного переменялся и стал дуть с северо-запада, но Санхар умел управляться с парусами, и лодка всё так же резво бежала на юг.

Утром, когда взошло солнце, они увидели землю. Сизые горные вершины вырастали из моря, высокие и скалистые, а нюх Акса подсказал, что перед ними большая, очень большая земля.

– Наверное, это Гритланд, – высказал предположение Грациан.

Они пристали к каменистому пляжу и укрылись среди скал. Акс, как обычно, ушёл на разведку и на поиски дичи, а мужчины занялись оборудованием лагеря. Стояла жаркая сухая погода, поэтому не стали искать пещеру или строить шалаш. Просто сложили очаг, запасли дров и хвороста, и соорудили ложе. Покончив с делами, предались любви, пока не было Акса. Санхар относился к Аксу, как к человеку, который всё понимает, на всё имеет собственное мнение. Принц никогда не предавался страсти в присутствии пса. Ему это казалось неприличным. Грациан, которого с детства использовали, как вещь, не был таким щепетильным, и присутствие зрителей, хоть четвероногих, хоть двуногих, не вызывало у

него стыда. Но он полностью подчинился воле господина и не навязывал ему своих желаний, если Санхар был не настроен их удовлетворять. Сам же с радостью принимал любые проявления внимания. Грациана вполне устраивали сложившиеся между ними отношения. Господин воспринимал юношу не как бессловесного раба, а как младшего товарища. Он звал его или «малыш», или «Грас», и только, когда был чем-то недоволен или сердит, называл полным именем. Его слова и жесты всегда были доброжелательными и дружескими, а ласки нежными и возбуждающими. Грациан уже знал, что его господин обладает силой и выносливостью, превосходящими человеческие, и часто его долгая или слишком страстная любовь утомляла его, но он никогда не жаловался, получая свою долю наслаждения.

Плывя вдоль берега, спустя три дня путешественники достигли большого портового города. Здесь они променяли баркас на лошадь, на которой Санхар, не задерживаясь в городе надолго, отправился на другую сторону Гритланда по дороге, идущей с одного берега острова на другой. Путь предстоял неблизкий. Сначала дорога шла населенными сельскими местами, затем приблизилась к безлюдным предгорьям, а после пересекала горную цепь, занимавшую всю центральную часть острова и протянувшуюся по всей его длине. Этот отрезок пути был самым опасным, так как в горах обитали враждебно настроенные племена варваров, часто нападавшие на путников и обозы, грабя их и убивая

людей. В одну из таких засад попали и Санхар с Грацианом. Их кляча плелась узкой каменистой дорогой, зажатой с двух сторон крутыми осыпающимися склонами, поверх которых темнели густые пахучие заросли юсса. Подъезжая к опасному участку, Санхар издали почувствовал присутствие небольшого количества людей. Это его не встревожило, хотя рядом и не было верного Акса, которого можно послать на разведку. Пёс отстал, погнавшись за горным кроликом.

Когда всадники въехали в опасное ущелье, на головы, с визгом и воплями, свалились с полдюжета варваров, размахивая короткими тяжёлыми копьями и бронзовыми мечами.

Почуввав угрозу за несколько минут до её возникновения, Санхар толкнул Грациана и лошадь между двух больших валунов, закрывших их с боков, а сам стал впереди, обнажив меч. Он легко отбил атаку варваров, которые против него были, что дети с прутьями, играющие в войнушку. Через несколько минут почти все варвары пали. Один раненый, но уцелевший в неравной битве, в страхе убежал от беловолового гиганта, меч которого двигался с такой скоростью, что за ним невозможно было проследить взглядом. Он легко отбивал брошенные в него копья, а стрелы просто отскакивали от его тела.

Когда бой закончился и наступила мирная тишина, Грациан вышел из укрытия и восхищённо произнёс:

– Мой господин, вы сражались, как гиззард! Хотел бы и я когда-нибудь научиться так же владеть мечом!

– Всё зависит от тебя, малыш, – ответил Санхар, вытирая окровавленное лезвие пучком травы. – Терпение и настойчивость – лучшие друзья ученика. И ещё желание. Без желания не научишься и на горшок ходить...

Дальнейший путь до Черса они проделали без приключений. В Черсе – таком же портовом городе, как и Сигл – им пришлось задержаться на несколько дней в ожидании попутного корабля, которые заходили сюда не часто. Но им повезло – ожидание могло затянуться на месяц, а то и дольше. Через одиннадцать дней в порт зашёл илларийский торговец, возвращавшийся с Рунина. Санхар быстро договорился с капитаном и купил два места до Авлана – крупного портового города Иллари, так называемым «морским воротам» королевства. На следующий день корабль снялся с якоря и отправился в путь.

Иллариийские призраки

1

Иллариия понравилась Санхару и потрясла воображение выросшего на полуцивилизированном острове Грациана. Древнее государство с высокоразвитой цивилизацией и сильной королевской властью. В стране царил закон и порядок, устоявшиеся обычаи и традиции, и в то же время существовала большая терпимость к чужеземным обычаям, верованиям и привычкам. На чужаков смотрели с любопытством, но без враждебности или подозрений. С ними охотно общались, торговали, помогали, если те нуждались в помощи. Особенно открытыми и толерантными были жители больших портовых городов, таких, как Авлан. Или бывшая столица Нейм, в данное время главный торговый центр королевства с самым крупным оптовым рынком товаров и рабов. Так как город располагался недалеко от устья Агора – главной водной артерии Иллариин, в нём находились два крупных порта: морской и речной. Через Нейм также проходила Старая Королевская дорога, ведущая из Авлана в столицу королевства блистательный город Асскот. Нейм – огромный древний город с великолепными старинными постройками, чудесными дворцами знати и очаровательными загородными виллами.

Санхару так понравился Нейм, что он решил задержаться в нём на некоторое время. К тому же морские приключения несколько утомили его. Требовалось некоторое время, чтобы ознакомиться с местными обычаями и законами, лучше узнать аборигенов, выучить илларийский язык, который разделялся на два течения: говор знати и жаргон простолюдинов, отличающиеся друг от друга.

За несколько золотых из денег, вырученных от продажи найденных в пещере жемчужин, Санхар снял в пригороде небольшой домик из трёх комнат, где поселился вместе с Грацианом. Первым делом, принц занялся серьезным обучением юноши, решив сделать из него настоящего воина. Утром и вечером они занимались фехтованием и рукопашным боем; Санхар учил Грациана азам тактики и нападения, защиты и обмана. В свободные часы и праздничные дни они гуляли по городу или посиживали в тавернах, общаясь с местными жителями. Санхар, схватывая всё на лету, совершенствовал произношение и понимание, а Грациан с трудом усваивал чужие слова и речь, ведь кроме искажённого асветского, на котором говорили на Вине, он не знал другого языка. Даже песни других народов, которые он пел, Грациан не всегда понимал, зная только приблизительный перевод.

Зима в Илларии оказалась очень мягкой: здесь почти не бывало морозов, а снег выпадал очень редко и вскоре таял. Санхару, привыкшему к суровой зиме родины, это казалось странным и отвратительным. Зато весна и осень были очень

мягкими, долгими и прекрасными.

В домике на окраине они прожили почти два года, пока новая жажда приключений не позвала принца в путь. Началось всё с сообщения о гибели соседа, с которым Санхар сдружился. Сосед занимался мелкой торговлей, по дешёвке скупая товар на оптовом рынке и переправляя его в столицу, где продавал втрое дороже. Он всегда ездил по Старой Королевской дороге, которая патрулировалась королевскими стражниками из Корпуса Охраны. Но, даже несмотря на присутствие гвардейцев, вальдо – банды лесных разбойников, организованные и возглавляемые талантливыми руководителями – часто нападали на путников, грабя и убивая. В одном из таких набегов и погиб несчастный купец, тело которого друзья привезли безутешной вдове.

Санхар уже достаточно наслышался о вальдо и о безуспешной борьбе короля с лесными разбойниками. Дело осложнялось тем, что вальдо были организованы в отряды, подобные военным подразделениям. Во главе их стояли командиры, так называемые «капитаны», и их помощники – те же сержанты в войсках. В отрядах царила суровая дисциплина, базировались они в тайных убежищах, называемых лагерями, которые располагались в труднодоступных или укромных местах, где вальдо отсиживались после набегов, или могли держать оборону в случае осады. Отряды никогда не враждовали между собой, поделив территорию и строго придерживаясь определённых границ. К тому же, десять из три-

надцати провинций, из которых состояло королевство, покрывали густые леса, где легко можно было спрятаться от любых преследователей.

Размышляя над противостоянием вальдо и королевских мечников, Санхар подумал, что это приключение как раз для него – воина и Бессмертного. И решил внести в эту бесконечную битву свою лепту. Единственное, что его сдерживало от немедленного выступления – Грациан. Юноша ещё не был готов к серьезным сражениям, и он опасался за его жизнь. Но расставаться с ним не хотел – принц привязался к Грациану, как в своё время привязался к Аксу, и теперь эти два существа были для него равноценны по любви и преданности.

Но за два прошедших года Санхар неплохо обучил юношу и сделал из него умелого бойца. К тому же, как ни тренируйся, а настоящее мастерство оттачивается только в настоящем бою.

И вот, в один прекрасный летний день, Санхар, Грациан и Акс, покинули уютный домик, в котором провели столько чудесных милых дней, и направились по Старой Королевской дороге в Асскот. Санхар хотел посетить королевскую столицу, но позже, а сейчас, проехав несколько кемов, покинул широкую мощеную дорогу и углубился в лес.

Тригор и Кресси – две самые неблагополучные провинции в королевстве из-за обилия находящихся на их территории вальдо – особенно привлекали внимание принца. Он решил проехаться опасными местами и воочию убедиться, так ли

страшны вальдо, как о них говорят.

Несколько дней, не спеша и без цели, Санхар и Грациан разъезжали лесными чащобами, не встретив живой души, пока однажды вечером на их стоянку не наткнулись разведчики вальдо – небольшая группа всадников. Они окружили сидящих у костра мужчин, и некоторое время молча их рассматривали. Санхар и Акс заранее почувствовали приближение чужаков, и пёс спрятался в засаде, ожидая знака, чтобы вступить в бой.

Санхар тоже с любопытством рассматривал крепких молодых людей, одетых в разношерстную одежду, словно с чужого плеча. Наконец, после непродолжительного молчания, старший группы спросил:

– Вы кто такие?

– Путешественники, – спокойно ответил Санхар, помешивая палочкой угли в костре – А вы кто?

Вальдо сдержанно засмеялись.

– Чужеземцы? – снова спросил предводитель, поглядывая на перстень Санхара, сверкавший в отсветах костра.

– Да, мы не местные...

– А мы местные! – хохотнул предводитель. – Мы вальдо, слышал о таких?

– Наслышан.

– Тогда, раз мы уже познакомились, ты не удивишься, если я предложу добровольно отдать нам все свои денежки и побрякушки. Заодно мы прихватим ваших лошадей и, воз-

можно, этого хорошенького раба.

– Нет, друг вальдо, – спокойно ответил Санхар, – ты не получишь ничего из вышеперечисленного... Наоборот, думаю, ты оставишь здесь свою жизнь, потому что я... – тут он встал и повернулся лицом к предводителю, – ...я пришёл в этот лес не на прогулку, а для того, чтобы убивать тебе подобных. И зовут меня Санхар Приносящий Смерть. Вот теперь мы познакомились, вальдо.

Принц свистнул и указал рукой на всадников, стоявших позади него. В тот же миг он выхватил меч и напал на стоявших впереди. Сзади раздалось грозное рычание, и послышались испуганные вопли. Не обращая внимания на происходящее позади, Санхар, умелыми ударами поразил стоявших поблизости и напал на предводителя. Атака вельха была столь неожиданной и быстрой, что вальдо, в первые мгновения, растерялись. Санхар передвигался, как ураган, быстро и безжалостно убивая всех, до кого мог дотянуться его длинный смертоносный клинок. Вальдо вмиг растеряли всю наглость, с трёх сторон теснимые Санхаром, Грацианом и Аксом, который, словно бешеный гиззард, напал на всадников, запрыгивая сзади на лошадь и хватая врагов за шею. Через несколько минут от двенадцати самоуверенных всадников остались только мечущиеся в испуге лошади и тела, усеявшие поляну. Санхар отрубил мертвецам головы и насадил их на ветки деревьев, а обезглавленные тела сложил в одну большую кучу. Затем, не спеша, собрался, взял самых луч-

ших коней, и покинул место стоянки.

Грациан, возбуждённый от первого боя и потрясённый жестокостью господина, спросил, когда они углубились в лес:

– Я понимаю, что они заслужили смерть, но зачем ты надругался над останками, лишив голов, мой господин?

– Для устрашения других... – усмехнулся Санхар и смеялся тему: – Я наблюдал за тобой во время боя, малыш.

– И что? – с тревогой спросил юноша, беспокоясь, что он сделал что-то не так.

– Что сказать... – протянул принц, словно раздумывая. Тревога в сердце юноши усилилась. Санхар не стал мучить товарища и широко улыбнулся: – Молодец! Я горжусь тобой. Ты убил своего первого врага и при этом не получил ни единой царапины.

– Я хорошо дрался? – обрадовался юноша.

– Просто отлично!

– Я боялся... Вначале я немного испугался, но потом... Потом на меня что-то накатило, и страх исчез. Я уже не думал о смерти, мне захотелось убить противника, увидеть его кровь, почувствовать его поражение!

– Это называется азартом боя, малыш. Это чувство пьянит сильнее вина. Азарт, ярость, желание победить охватывает тебя всего, и тогда ты забываешь о смерти, исчезает страх и притупляется чувство боли. Ты не замечаешь ран, пока тело не начинает слабеть от потери крови... Но, слава Небесам, ты цел и невредим. Я не хочу тебя терять, поэтому, и впредь,

не забывай об осторожности.

С этого дня они не раз встречали вальдо – как отдельные небольшие группы, так и целые отряды. Санхар старался избегать боя, если находился в невыгодной позиции, опасаясь за жизнь Грациана. Он оберегал юношу, как мог, в то же время, наставляя и обучая, стараясь развить и закалить в евнухе бойцовские качества.

По лесам поползли слухи, разносимые единицами уцелевших после встречи с отчаянной троицей, о трёх демонах – двух людях и псе-убийце – безжалостно истреблявших разбойников. Их прозвали «лесными» или «илларийскими призраками». Многие трезвомыслящие капитаны не верили ни в каких призраков. И пытались выследить смертоносную троицу, но это было равносильно, что поймать в сети утренний туман: вот он стелется между деревьями призрачным саваном, и тут же исчезает под лучами вставшего солнца. Санхар, великолепный охотник и следопыт, мастерство которого оттачивалось долгими годами одинокой охотничьей жизни в лесах Вудбита, умело заметал следы, и мог так искусно спрятаться, что вальдо, сами хорошие следопыты, проходили мимо, буквально в двух шагах, ничего не замечая.

Грациан, старательный и прилежный ученик, добросовестно учился у господина и наставника. Благодаря частым стычкам с вальдо, его воинское мастерство неуклонно росло. Так как его умение сражаться часто намного превосходило неуклюжие выпады противников, то долгое время ему удава-

лось избегать серьёзных ранений, отделяваясь незначительными порезами и лёгкими ранами, которые быстро заживали, благодаря вылизыванию Акса, слюна которого была целебнее многих лекарств.

С наступлением зимы, Санхар, не желая мёрзнуть под ледяным дождём, возвращался в Нейм или в другой город, где переживал два самых холодных зимних месяца. Благодаря сокровищам истреблённых вальдо, у друзей хватало денег, чтобы вести безбедную жизнь в хороших гостиницах, покупать красивую одежду или баловать себя дорогими вещами.

2

Прошло несколько лет. Наконец, все вальдо осознали, что «илларийские призраки» не сказка и не миф, а нечто грозное и реальное, потому что не осталось ни одного отряда в провинциях Тригор, Кресси, Марль, Морас или Иртан, которые не пострадали от этих неуловимых мстителей. Дошло до того, что наглые, бесстрашные и самоуверенные вальдо начали бояться и избегать встреч с незнакомцами, хоть отдалённо смахивавшими на «илларийских призраков». Завидев двух всадников, вальдо даже не пытались выяснить, кто это – «призраки» или просто проезжие – как тут же поворачивали коней и мчались прочь, как бы много их ни было.

Санхару пришлось поменять тактику. Теперь он сам искал встречи с врагом. Акс выслеживал убежища вальдо, их

тайные лагеря и стоянки, и под покровом ночи троица пробиралась внутрь и наносила врагу существенный урон. Днём они устраивал возле лагеря засаду и уничтожали разбойников по одному. Убивали до тех пор, пока паника не охватила всех разбойников, и люди, как стадо испуганных баранов, начинали разбегаться кто куда. Тогда их выслеживал и уничтожал Акс.

Деятельность Санхара принесла ощутимые плоды, и вскоре дороги королевства, как главные, так и второстепенные, стали намного безопасней, оттого, что численность вальдо заметно сократилась. Те же, что остались, боялись лишний раз засветиться, чтобы не привлечь к себе внимание «илларийских призраков».

Слухи о таинственных мстителях распространились по всему королевству, о них говорили даже в королевском дворце. Как это бывает, рассказы обросли невероятными и неправдоподобными подробностями, которые вызывали у слушателей непосредственный интерес. Говорили, что «илларийские призраки» – настоящие призраки, мертвецы, души великих воинов прошлого, могилы которых осквернили вальдо. А ужасный пёс с огненными глазами и зубами длиной в локоть – подземный демон, охраняющий их, и следящий, чтобы духи вернулись в свои могилы, когда выполнят возложенную на них миссию. Другие уверяли, что, наоборот, «илларийские призраки» небесные посланцы, божественные воины, сошедшие на землю, чтобы покарать богохульных и

мерзопакостных вальдо, так как плач и стенания пострадавших от их злодеяний достигли Небес и надоели восседающим в Небесном Чертоге богам. А прекрасный белоснежный пёс – Небесный Страж, один из Небесных Стражей, охраняющих дворец Бога-Солнце. Но все рассказчики сходились во мнении, что «илларийские призраки», кто бы они ни были, делают благое дело, и надо благодарить богов, что они, наконец-то, появились в многострадальной Иллари, и нагнали страха на проклятых вальдо.

Прошло ещё два года. Грациан возмужал, проводя много времени в походах и битвах. Его тело развилось и налилось силой, и, хотя он продолжал носить длинные волосы, а его лицо не потеряло нежной привлекательности, теперь он больше походил на мужчину, чем на женщину. Ему уже исполнилось двадцать три года. Но, несмотря на ветер, солнце, холод и жару, его кожа оставалась всё такой же юной и упругой, а голос, когда он пел, звучал нежно и приятно для слуха.

Напугав вальдо, принц решил оставить их в покое и посетить другие страны. Он много слышал о Медаусе, расположенном на юго-западе континента, а также о северных государствах: Ландии, где находилась известная Школа Меченосцев, Сатсе, Зинаре и всяких мелких герцогствах и графствах, окружавших их.

Первым он решил посетить Медаус, и направился в Клармар, а оттуда, по Торговому пути, в Медаус.

И тут случилось то, чего Санхар уже не ожидал, но чего

опасался больше всего – Грациан получил тяжёлую, почти смертельную рану.

Вдоль Торгового пути, среди неприступных скал Ледеберга, прятались замки независимых «горных баронов», которые не подчинялись никакой власти и не признавали ничьих законов, кроме своих собственных. Это были те же вальдо, только вне государства. Они нападали на проезжавшие по тракту обозы, и для защиты от них путешественники объединялись в большие группы и нанимали сильную охрану. Санхар и Грациан присоединились к одному такому обозу.

Как только он отъехал от безопасных границ Кламара на несколько десятков кемов, тут же подвергся нападению отряда горных разбойников. Нападение отбили без особого труда, так как охрана состояла из опытных, закалённых в боях ветеранов и «меченых» – выпускников Школы Меченосцев, непревзойдённых воинов. Но дротик, брошенный одним из нападавших, глубоко вонзился в незащищённую панцирем грудь Грациана, пробив юношу насквозь. Это была тяжёлая рана, которую мог вылечить только очень опытный лекарь в подходящих условиях, а в дороге, без надлежащей помощи, Грациана ждала неминуемая смерть.

Взяв возлюбленного на руки, Санхар склонился над ним, страдая от бессилия помочь. Единственное, что он мог сделать, это облегчить муки товарища «ударом милосердия», своей рукой ускорив его неминуемую смерть. Задыхаясь и кашляя кровью, Грациан смотрел в глаза Санхара, и в его

огромных, прекрасных, золотисто-карих глазх, сейчас потемневших от невыносимой боли и страха приближающейся смерти, светилась мольба о помощи. Но как Санхар мог ему помочь? Он знал, что его кровь лишь ускорит смерть, сделав её ещё более мучительной.

К Санхару приблизился начальник охраны. Сочувственно посмотрев на склонившегося над умирающим принца, произнёс:

– Сударь, нам нужно двигаться... Вашему другу уже не помочь. И вы не можете здесь остаться.

– Я останусь, – твёрдо ответил Санхар. – Я буду с ним до конца.

– Это верная смерть, сударь.

– Не беспокойтесь обо мне... Счастливого пути, капитан.

– Да хранят вас боги... – пробормотал старый воин и пошёл прочь.

Вскоре обоз исчез за очередным поворотом, даже шум его продвижения растаял вдали, и они остались одни на обочине пыльной ухабистой дороги. Санхар перенёс Грациана в тень ближайшего дерева и, сев на землю, положил на колени, как мать укладывает дитя. Чтобы не продлевать агонию, он вырвал злополучный дротик из тела, открыв рану. Грациан потерял от боли сознание, а из раны хлынула алая кровь, по капле унося юную жизнь. Глядя, как на глазах бледнеет и дурнеет некогда прекрасное любимое лицо, как синеют губы, которые он целовал с такой страстью, закатываются си-

явшие любовью и преданностью глаза, чувствуя, как покидает жизнь обласканное его руками тело, Санхар внезапно ощутил такую сильную сердечную боль, словно в него тоже кто-то вонзил дротик. Любовь и жалость, печаль и сострадание, сжали сердце раскалённым обручем. Глаза наполнились слезами, которые побежали по щекам живительными ручьями. Он поднял лицо к небу и закричал, как раненное животное, давая выход охватившей его тоске. Слезы, чистые искренние слёзы любви и печали, капля за каплей, падали в открытую рану Грациана, смешиваясь с его кровью, проникая внутрь и творя чудо любовного воскрешения, которое когда-то давно сотворили с Аксом. Тогда слёзы юного принца спасли щенку жизнь, превратив его в бессмертного пса. И ныне слёзы любви, наполненные целительной силой, исторгнутые из глаз взрослого, ожесточённого прожитыми годами мужчины, попали в открытую рану Грациана, и существа, живущие в каждой частице тела Бессмертного, целительные, но не такие сильные, как в крови, попав в новое тело, начали свою незримую работу. Они принялись размножаться с бешеной скоростью, увеличивая колонию, распространяясь по телу с током крови, набираясь сил и стараясь восстановить разрушающийся умирающий дом.

Санхар ощутил перемену, произошедшую с Грацианом, вечером. К этому времени раненый должен уже был умереть, но, холодный и неподвижный, похожий на труп, он оставался живым, так как Санхар улавливал искру жизни, тлевшую

внутри оцепеневшего тела. Рана покрылась плотной коркой засохшей крови и больше не кровоточила. Грациан почти не дышал, тело его застыло, а кожа посерела. Но эти признаки ни о чём не говорили. Санхар чувствовал, он ЗНАЛ, что в организме раненого началось перерождение. Он опять сотворил чудо и передал тому, кого любил, свою силу Бессмертного. И сейчас юноша перерождался к новой бессмертной жизни...

Конец первой части

Часть вторая. Белый барон

Глава 1

Как только Грациан очнулся и окончательно пришёл в себя, они удалились от дороги и углубились в лес, потому что Санхар хотел, чтобы новый Бессмертный освоился со своим необычным статусом и привык к новому положению. Он открыл юноше свою тайну и объяснил все аспекты жизни Бессмертных.

Выбрав небольшую пещеру у ручья, друзья обустроились и проводили дни в тренировках и любовных утехах, как некогда на острове, после бегства с Вина. Акс, как обычно, охотился и обследовал окрестности, а Санхар с Грацианом тренировались и вели душевные беседы у костра.

За годы, проведённые рядом с господином, юноша заметил много необычного, но только теперь ему стали понятны все странности хозяина. Правда, уже не хозяина. В первый же день после пробуждения Санхар заявил, что, отныне, он ему не господин, потому как Бессмертный не может владеть Бессмертным. Их немного, и все они свободные люди. Грациан может оставаться его другом и любовником, может служить ему, как свободный человек, но не как раб. Раб умер у Торгового пути, а вместо него родился свободный и гордый

Бессмертный. А так как Грациан не умел быть свободным и гордым, ему придётся этому учиться.

Однажды в полдень Акс вернулся в пещеру очень взволнованный. Он рассказал, что видел женщину и мужчину, убегающих от преследователей. Они очень боялись своих врагов, поэтому Акс пришёл за советом, может ли он помочь этим людям, или лучше не вмешиваться? Санхар и Грациан вскочили на лошадей и поспешили за псом, который привёл их на место разыгравшейся трагедии. Когда друзья прибыли, то увидели лежащего на земле мёртвого мужчину и рыдающую над ним женщину. Рядом стоял мужчина лет пятидесяти, с обнажённым мечом в руках, с которого капала кровь. Мужчину переполняла слепая ярость и безрассудная ненависть, а в душе женщины горе потери смешивалось с безграничным ужасом. Их окружали молчаливые всадники, человек двадцать. Судя по одежде – чёрным, отделанным мехом, кожаным костюмам, чёрным плащам и кожаным шлёмам, украшенным пушистыми белоснежными хвостами лэев – дружинники горного барона, а мужчина с мечом, скорее всего, их господин.

Барон поднял меч и ткнул им женщину.

– Хватит выть, неблагодарная сука, – гневно произнёс. – Ты предала меня, совратила моего сына и натравила на меня, его отца! Твоя смерть будет ужасной. Я велю тебя выпотрошить и прибить к воротам замка, чтобы падальщики клевали твоё тело! Я прикажу набить твоё чрево ядовитыми змеями

и лично вырву твои бесстыжие глаза!

Женщина подняла голову и, преодолевая страх, ответила:

– Вы можете меня убить, но как вы можете убить своего внука в моём чреве? Пусть вы не любили сына, пусть он поднял против вас меч, но во мне живёт невинное дитя, не сделавшее вам ничего плохого! Это же ваша кровь!

Барон плашмя, клинком, ударил женщину по лицу. Острое лезвие зацепило щёку и губы, оставив на них кровавую полосу. Вскрикнув, женщина отшатнулась.

– Придержи свой лживый язык, шлюха! – воскликнул он. – Я не уверен, что в твоём грязном чреве – плод моего сына-предателя. В любом случае, мне не нужен внук от развратной наложницы... Возьмите её! – приказал он своим людям.

Дружинники, окружившие поляну угрюмым кольцом, не спешили выполнять приказ, и барон в ярости поднял меч.

– Кто ещё хочет выступить против меня?! – воскликнул он.

– Я, – ответил Санхар, выезжая из-за деревьев. Все головы, как по команде, повернулись в его сторону. Вслед за Санхаром появился Грациан, а замыкал шествие Акс.

– Кто вы такие, демон вас возьми, и что вы делаете на моих землях?!

– Я принц Санхар из Трикора, а это мой друг Грациан Прекрасный из Гритланда. С нами наш четвероногий друг Акс. В Илларии нас называли «илларийскими призраками» и валь-

до дрожали от ужаса, лишь услышав наши имена.

– Иллариийские призраки! – насмешливо воскликнул барон. – Это страшилки для трусливых вальдо!

– Не буду с тобой спорить, незнакомец. Назови своё имя, чтобы я знал, что написать на твоём надгробном камне.

– Что вы стоите, как бараны?! – заорал барон. – Убейте этих чужаков!

– Они не сделали нам ничего плохого, пусть едут своей дорогой, – ответил один из всадников.

– Разумные слова, – кивнул Санхар, спешиваясь. – Я не трону того, кто останется на месте, но убью всякого, обнажившего меч. У меня спор с вашим господином, в который вам лучше не вмешиваться... Я так понял, что эта женщина и твой сын полюбили друг друга и покинули дом без твоего разрешения... Ты убил своего сына, свою плоть и кровь, совершив этим смертный грех. И ты собираешься погубить своего нерождённого внука. Разве ты человек? Ты хуже вальдо, и за это заслуживаешь смерти.

Слепая безрассудная ярость затопила разум и душу барона, он вскинул меч и бросился на Санхара. Тот встретил его спокойно. Он сделал лишь один выпад: широко размахнулся и рассёк барона надвое на уровне груди. Из глоток наблюдавших скоротечную схватку воинов вырвался одновременный вздох изумления. Санхар опустил меч и взглянул на две агонизирующие половины у своих ног. Затем поднял взгляд на молчаливых всадников:

– Кто желает сопроводить своего господина в пещеры адского Подземелья?

Все стояли, молча и неподвижно. Но вот из круга выехал мужчина лет сорока, спешил, приблизился к Санхару и опустился на одно колено.

– Приветствую вас, господин! Я капитан Кайс Ричар, командир дружины, клянусь вам в верности и преданности. Вы победили барона Сабуотера в честном поединке, и по праву победителя можете занять его замок, так как у него не осталось прямых наследников, – поднявшись, он повернулся к дружинникам. – Да здравствует барон, наш господин и повелитель!

– Слава! Слава! Слава! – хором воскликнули дружинники, подняв вверх обнажённые клинки.

Санхар с усмешкой посмотрел на воинов.

– Раз я ваш господин и повелитель, тогда слушайте мой первый приказ: возьмите мертвецов и женщину, и возвращаемся в замок.

«Родовое гнездо» покойного барона Сабуотера располагалось на крутом горном склоне, примыкая к отвесной скале, вздымавшейся вверх на сотни локтей, и состояло из двух круглых башен, соединённых стенами, которые словно вырастали из обрыва. На плоской крыше жилого здания в центре, окружённый зубцами, зеленел небольшой садик, и сверкал на солнце округлый бассейн с родниковой водой, вытекавшей из расщелины в горе и сбегавшей по специальному

жѐлобу со стены. В этом саду имели право находиться лишь господин и его женщины.

Как позже узнал Санхар, замок не просто пристроили к скале, он продолжался внутри горы, в которой выдолбили искусственные пещеры, используя их как склады, погреба, кладовки и тюремные камеры.

Нового господина встретили настороженно. Старого барона не любили ни челядь, ни слуги, ни рабы, ни дружинники за крутой вспыльчивый нрав, безрассудную жестокость и злопамятность. Но никто не знал, чего ждать от нового господина. Он был тѐмной лошадкой. Явился неизвестно откуда, утверждал о себе невесть что, и обладал невероятной силой. Он внушал подозрение и страх – никто не знал, что принёс с собой этот чужак.

Санхар приказал отвести девушку в гарем и подготовиться к похоронам барона и его сына. Пока шли приготовления, внимательно осмотрел новые владения и познакомился с ближайшими помощниками: дворецким Атриксом и сержантом Анрисом Суоном, командиром замковой стражи.

Присутствие Санхара на погребальном обряде было необязательным, но он пошёл из чистого любопытства. Отец и сын лежали рядом, на одном погребальном помосте, и отправились на Небеса вместе, в пламени одного костра. Пусть теперь их бессмертные души выясняют отношения на Небесах.

Санхар заметил у костра женщину в траурных одеждах,

проливавшую по усопшим горькие слёзы. Подозвав дворецкого, поинтересовался, кто она, и Атрикс ответил, что это баронесса Сабуотер.

После церемонии Санхар велел челяди собраться во дворе и выступил с небольшой речью:

– Меня зовут Санхар Аоста, принц Трикорский, я ваш господин и повелитель с этого дня и до времени, которое сам определю. Вы должны принести мне присягу в верности и служении. Те, кто не желают этого, могут покинуть замок и мои земли без боязни преследования, забрав с собой вещи и ценности, нажитые до сегодняшнего дня. Те же, кто останутся, должны помнить о своей клятве, ибо я не потерплю предательства и вероломства. Я не горный барон и не собираюсь им становиться. Я принц королевской крови по рождению и правитель по воспитанию. Мои желания и моё слово не обсуждаются и не подвергаются сомнению, а должны служить для вас законом. Мои приказы исполняются немедленно. Многие мои обычаи или привычки могут показаться вам странными или отвратительными, но я никого не принуждаю им следовать, а вас призываю их не осуждать. Я буду жить так, как хочу, вы живите так, как привыкли. Я не собираюсь заставлять вас следовать моим вкусам или моим прихотям, но и вы должны принять меня таким, каков я есть. Если я замечу открытое проявление неуважения к своей особе или к особам близких мне людей, этот человек будет либо изгнан с лишением всех прав и привилегий, либо жестоко наказан, в

зависимости от степени его вины... Этого молодого человека зовут Грациан. Он мой друг и любовник. Он моя правая рука. Его слова и его желания такие же веские, как и мои. Этого пса зовут Акс. Для нас он друг и почти человек. Неуважение к нему – это неуважение ко мне. Не советую относиться к нему грубо или пренебрежительно – это бойцовый пёс, и он мигом лишит обидчика жизни, поэтому пострадавший сам будет виновен в своей смерти... А теперь ступайте по своим местам и обдумайте услышанное. Послезавтра в полдень на этом же месте я приму клятву от тех, кто захочет мне присягнуть. Кто пожелает уехать – должен покинуть крепость и баронат до этого времени. Я всё сказал!

Люди, тихо переговариваясь, начали расходиться.

Санхар возвратился в замок и вызвал дворецкого.

– Атрикс, узнай, может ли баронесса Сабуотер принять меня, – приказал он.

Пока дворецкий ходил, Санхар рассматривал кабинет покойного барона, мысленно отмечая, что желательно изменить в интерьере комнаты. Грациан стоял возле двери, наблюдая за господином задумчивым взглядом. Санхар чувствовал, что юношу что-то беспокоит, и спросил первым:

– О чём ты думаешь, малыш, что тебя тревожит?

– Вы произнесли прекрасную речь, господин...

– Спасибо. Но?..

– Вы сказали, что я ваш друг и любовник, и многих это шокировало...

– Думаю, в этих краях не приемлемы подобные отношения. Но мы это изменим.

– Тогда, может быть, не стоило об этом говорить так открыто? Мы могли бы скрывать нашу связь.

– Грас, мальчик мой, мы властители всего живого и сущего в этой горной крепости и на прилегающих землях. Я не собираюсь прятать наши отношения от кого бы то ни было. Лучше сразу поставить всех в известность, чтобы те, кому это не понравится, покинули нас. Гордо держи голову и смело смотри всем в глаза. Ты ведь уже не раб и не наложник, ты – Бессмертный, ты не такой, как все. Это и дар, и проклятие, но этого уже не изменить. До своей смерти ты был рабом, но теперь, когда-нибудь, сможешь стать королём – всё теперь в твоих руках. Как-нибудь я расскажу тебе историю моих родителей, и ты поймёшь, о чём я говорю...

Разговор прервал вежливый стук в дверь, и когда Санхар ответил, вошёл дворецкий с докладом.

– Госпожа баронесса просит позволения войти, милорд, – произнёс он.

– Я не приказывал приводить её сюда, – нахмурился принц.

– Она сама пожелала, милорд.

– Тогда пусть войдёт.

Дворецкий с поклоном вышел, а в кабинет вошла высокая стройная женщина лет сорока, с когда-то красивым, сейчас измученным лицом и заплаканными глазами. Как только за

ней закрылась дверь, она пала ниц, распластавшись на полу, словно рабыня.

– Сударыня, что это значит? – удивился Санхар. – Вы не пленница и не рабыня, а я не беспощадный захватчик, чтобы так раболепствовать передо мной.

– Я хочу выразить вам свою глубочайшую благодарность за спасение моего внука и убийство барона Сабуотера.

– Вы благодарите меня за то, что я сделал вас вдовой? – ещё больше удивился принц.

– По обычаям горных баронов, Сабуотер похитил меня из дома, когда мне едва исполнилось шестнадцать лет. Я вынуждена была стать его женой, и все эти годы терпела издевательства и унижения. Мой сын, мой единственный и любимый ребёнок, мог стать мне отрадой на склоне лет, но этот изверг убил его – собственного сына и мою последнюю надежду... – голос баронессы прервался и задрожал. Санхара захлестнули волны горя и страдания, которые испытывала женщина. – Слава Небесам, боги послали вас, чтобы вы спасти хотя бы моего внука... Я не знаю, как могу отблагодарить вас, милорд! Я даже согласна стать вашей рабой и служить вам до конца моих дней, если вы позволите родиться моему внуку, и разрешите мне находиться рядом с ним...

– Встаньте, сударыня, и ведите себя достойно, как подобает хозяйке дома. Я занял место вашего супруга по праву победителя, но это не значит, что я собираюсь вести себя, как завоеватель. Вы есть и останетесь баронессой Сабуотер,

хозяйкой замка и воспитательницей будущего барона Сабутера, если у этой женщины родится мальчик. Скажу только вам, сударыня, и пусть это останется нашим секретом: я не собираюсь оставаться в замке навсегда. Только до того времени, когда законный наследник бароната крепко встанет на ноги и я смогу оставить его с чистой совестью. А до того времени можете считать меня опекуном и защитником крепости и бароната.

Его слова удивили и неимоверно обрадовали бедную женщину. Она вскинула руки в молитвенном жесте и воскликнула:

– Да благословят вас боги, милорд!

– А теперь ступайте, сударыня, утешьтесь сами и успокойте несчастную женщину, потерявшую сегодня возлюбленного и отца будущего ребёнка.

Баронесса склонилась в низком почтительном поклоне и вышла.

– Значит, мы здесь ненадолго? – поинтересовался Грациан, когда они остались одни.

– На двадцать, от силы тридцать лет, не более. Это ещё одно неудобство нашего существования: люди не знают, кто мы, их может удивить, что мы не меняемся с годами, как это полагается у смертных.

– А затем?

– Затем мы отправимся ещё куда-нибудь. Мир велик и изменчив. Лет через сто или двести мы можем вернуться ту-

да, где уже были, но никто не будет помнить о нас, так как свидетели нашего прежнего пребывания уже будут лежать в могилах.

Глава 2

Спустя день, восседая в старинном резном кресле во дворе замка, в котором восседало не одно поколение горных баронов, правя суд, карая, милуя, принимая клятвы от верно-подданных, Санхар принимал клятву служения присягнувших ему на верность подданных. Таких набралась не одна сотня человек: солдаты, слуги, селяне, живущие на землях бароната, вожди покорённых прежними баронами варварских племён. Специальные посланцы сообщили им о переменах, произошедших в крепости, и о требовании нового господина. Вожди клялись в верности от имени своих соплеменников и выражали новому барону почтение и преданность.

Первые дни Санхар вникал в дела, объезжал владения, изучал местные законы и обычаи. Он не хотел кардинально менять веками устоявшиеся порядки, тем более, что не собирался быть горным бароном до конца своих дней. Он хотел оставить будущему владельцу и замок, и земли в полном порядке, разве что с небольшими улучшениями, коих ему удастся добиться.

Грациан повсюду следовал за товарищем, вникая во все дела, но Санхар видел, что всё это юноше не нравится, что он печалится и грустит. Он часто ловил на себе его жаждущий печальный взгляд, но делал вид, что не замечает этого. Он

знал, отчего тоскует юноша. Его тело переродилось, но душа осталась прежней: душа влюблённого в покровителя раба; и сколько бы Санхар ни твердил Грациану о новом статусе, он продолжал любить принца и жаждать его внимания, его любви и его ласк.

Хотя с момента пребывания в замке они ни разу ещё не разделили ложе, все слуги и домочадцы знали, что они любовники, и относились к этому по-разному. Санхар знал, о чём думают многие приближённые, знал, как они относятся к его связи с Грацианом, знал, о чём шепчутся за его спиной. Некоторые высмеивали господина, другие презирали, остальные приняли это как должное, как странную прихоть горного барона. Ведь Санхар показал, что он не только сильный умелый воин, но и настоящий мужчина. Барон Сабуотер оставил после себя обширный гарем, где содержались несколько десятков наложниц всех возрастов, разной комплекции и привлекательности. Санхар побывал в гареме в первый же день, выбрал особо понравившихся девушек, остальных раздал в качестве награды за будущую верную службу. Принц регулярно посещал гарем, подтверждая свою мужественность. И эта «измена» больше всего огорчала Грациана, который считал, что после перерождения господин его разлюбил.

Видя, что дела бароната неинтересны Грациану, Санхар предложил ему обучить наложниц танцам и пению, чтобы они развлекали его не только в постели.

Около месяца Санхар вживался в роль горного барона. Первым делом он изменил имидж «горного волка» – как прозвали горных баронов и дружинников в народе. Пошел новый костюм из белой кожи, отделанный белоснежным мехом лэев, и белый шёлковый плащ. Выковал серебряные доспехи и шлём. В конюшне нашёлся прекрасный белый жеребец илларийской породы, которому сшили белую сбрую. Облачившись в новую одежду и сев на нового коня, Санхар, во главе одетых во всё чёрное воинов, каждое утро объезжал свои владения. За этот необычный вид Санхара прозвали Белым Бароном.

По прошествии двух месяцев Санхара навестили ближайшие соседи, с целью знакомства и подтверждения добрососедских отношений. После краткого совещания с капитаном Ричаром, который стал его первым помощником и советчиком во многих делах и решениях, Санхар принял их с подобающим уважением, но без особой угодливости, чтобы не показаться слабым или трусливым.

Когда принц разобрался с внутренними делами, он принялся за внешнюю политику. Горные бароны жили набегами и разбойными нападениями на торговые караваны, беззащитные селения варваров или приграничные селения цивилизованных стран. Земли Санхара соседствовали с границами Кламара, и через них проходил участок Торгового пути длиною почти в полсотни кемов. Санхар велел поставить на границах пограничные столбы и разместил патруль, кото-

рый взимал с проезжих плату: десять серебряных с всадника и один золотой с фургона. Взамен «белый барон» гарантировал безопасный проезд и целостность товара. Тех, кто отказывался платить, арестовывали, их имущество отбирали, а самих отпускали только после внесения выкупа. Купцы быстро привыкли к новым порядкам и безропотно платили, так как проезд по землям Белого Барона, в самом деле, стал безопасным: специальные отряды строго следили, чтобы на дорогу не забредали случайные разбойники, бродячие племена воинственных варваров или нечестные соседи не захотели поживиться за чужой счёт.

Отношения с Грацианом тоже наладились: Санхар уступил настойчивости юноши, который добивался его внимания и любви всеми мыслимыми способами, и снова возлёг с ним, когда перепробовал всех гаремных красоток. Хотя не забывал их, посещая несколько раз в декаду. Грациан смирился с тем, что Санхар делит свою любовь на всех. Ведь, по правде говоря, в отношениях с принцем его не столько привлекала телесная сторона, сколько эмоциональная. Выросший без любви и ласки, среди грубости и унижений, он тянулся к внимательности, нежности, заботе и доброте, которые давал ему Санхар. Ему достаточно было дружеского объятия, нежного поцелуя, пары ласковых слов, произнесённых в порыве страсти. И ещё он обожал засыпать в сильных объятиях господина, прижавшись к его широкой груди, покрытой гладкой атласной кожей, которая издавала странный пряный

аромат, похожий на запах засушенных цветочных лепестков.

Стараясь привлечь внимание занятого делами Санхара, Грациан сочинял для него песни, которые лично исполнял на пиршествах, устраиваемых принцем для дружинников и приближённых. Обученные им наложницы исполняли для господина эротические танцы, в которых он принимал непосредственное участие. Грас даже выучил несколько акробатических трюков, чтобы удивить Санхара. Даже, когда он снова стал любим и востребован, ему постоянно приходилось бороться за внимание и любовь Санхара с наложницами. Эти девушки были очень хороши собой и искусны в любви, а принц, всё же, больше ценил женские прелести, чем себе подобных. Грациан был для него лишь прихотью, экспериментом, разнообразием в долгой пресыщенной жизни.

Но всё же, как бы легкомысленно ни относился Санхар к связи с Грацианом, в его душе вспыхнула ревность, когда он узнал, что у него появился соперник.

Санхар часто проверял, как воины крепостного гарнизона несут службу. В любое время дня, ночи, поздно вечером или на рассвете, он мог пройтись по постам, и если замечал небрежность в несении службы, тут же наказывал провинившегося.

Однажды вечером Санхар проходил по крепостной стене, проверяя посты. Всё было в порядке, часовые стояли на своих местах и бдительно осматривали прилегающую местность. Санхар остановился на западной стене, любуясь за-

катом, украсившим небо изумительными красками: нежно-алый цвет переходил в золотистый, а тот плавно перетекал в розовый и палевый; над головой мягко мерцали изумрудный и бирюзовый цвета, а на востоке небо медленно наливалось бархатной фиолетовой синью – цветом наступающей ночи.

Внезапно из умиротворённой расслабленности, в которую он погрузился, любуясь красочными переливами, его вырвал тихий вкрадчивый голос, донёсшийся снизу, из двора, произнёсший его имя. Принц насторожился и прислушался.

– ... И что ты в нём нашёл? – говорил незнакомец. – Он играет с тобой, как с игрушкой! Подманит, приласкает как собачку, и отвернётся. Да к своему псу он и то относится с большим уважением! Он не стоит твоих страданий, Грациан... Оставь его, давай встречаться... Поверь, я люблю тебя сильнее этого белобрысого!..

Слова неизвестного задели Санхара за живое. К тому же он почувствовал колебания и неуверенность Грациана и неискренность говорившего. Этот соблазнитель, в самом деле, жаждал внимания юноши, но совсем не любил его.

Движимый любопытством, Санхар посмотрел вниз. Во дворе уже царил вечерний полумрак, к тому же парочка пряталась в тени, но принц увидел Грациана и стоявшего рядом с ним воина, державшего юношу за руку. Глухая ревность заворочалась в душе мужчины. Чтобы не тратить время на обход, он просто спрыгнул со стены во двор, приземлившись за

спиной воина. Грациан заметил товарища, когда тот был ещё в воздухе. Его глаза удивлённо распахнулись, а когда он уловил гнев Санхара, в них забрезжил страх. Воин резко обернулся, услышав за спиной шум. Принц холодно взглянул на него и произнёс:

– Оставь Грациана в покое и больше не попадайся мне на глаза.

И хотя воин слегка перетрусил, но постарался не выказать своего страха. Он спокойно ответил:

– Мы просто разговариваем, милорд.

– Я слышал ваш разговор, – рука Санхара легла на рукоятку меча. – И если ты сейчас же не исчезнешь, клянусь Небом, я убью тебя!

Воин по-настоящему испугался, но продолжал держаться с достоинством.

– Спокойной ночи, милорд... – сказал он, слегка склонив голову. Затем повернулся и поспешил к казарме.

Санхар проводил его тяжёлым взглядом, и когда тот ушёл, повернулся к Грациану.

– Тебе нравится этот человек? – спросил прямо.

Грациан неопределённо дёрнул плечом.

– Мы просто разговаривали... Между нами ничего не было... Я никогда не изменю вам, господин...

– Я знаю... Но разве ты не чувствуешь, что этот лжец совсем тебя не любит?

– Мне показалось... Я ещё плохо в этом разбираюсь.

– Так поскорее учись, чтобы больше никто не мог тебя обмануть!

– Я знаю, что вы меня любите... Когда вы на меня смотрите, или обнимаете, или просто стоите рядом, думая обо мне, от вас словно исходит тепло, как от утреннего солнца или огня в камине...

– Это и есть любовь, малыш. То же самое я чувствую в тебе. Потому впредь, если кто-то будет клясться тебе в любви, но от него не будет исходить подобное тепло, значит, он лжёт. Гони обманщика в шею, и никогда его больше не слушай.

Санхар привлёк юношу к себе и крепко обнял. Тот жадно потянулся навстречу, раскрыв губы для поцелуя. Разбуженная ревностью и жаром любви Грациана, проснулась забытая страсть. Санхар поцеловал юношу и прошептал:

– Идём, эта ночь будет только нашей...

Глава 3

Рождение мальчика у наложницы Мильсы взбудоражило весь замок. То, что старая баронесса признала бывшую наложницу женой погибшего сына, знали все. Знали и о том, что девушка живёт в покоях баронессы, окружённая вниманием и почестями, как настоящая леди. Знали, что баронесса считает нерождённого младенца внуком и принимает его, как наследника. И потому, когда она приказала бить в колокол, возвещая соседям, что родился новый барон, никто не удивился. Но никто не знал, как отнесётся к этому событию новый хозяин крепости, которого некоторые считали узурпатором, хотя никто не посмел оспаривать его право владения.

Когда у Мильсы начались родовые схватки, Санхар и Грациан были на охоте. Известие о том, что Мильса родила мальчика, оказалось для них новостью, которую сообщил стражник у ворот. Санхар знал, что того распирает любопытство и желание узнать, как на эту новость отреагирует господин. Принц въехал во двор, спешил к крыльцу, бросил повод подбежавшему слуге и вошёл в замок. В сопровождении следовавшего по пятам Грациана, он прошёл на женскую половину, где его встретила взволнованная баронесса.

– Милорд, Мильса родила здорового младенца мужского пола, – сообщила она.

– Знаю, – обронил Санхар. – Я хочу видеть его.

– Он находится с матерью. Я провожу вас.

С тех пор, как Санхар стал господином крепости, он ни разу не встречался с наложницей, которую спас от смерти, и которая носила в чреве соперника его безграничной власти. По этому поводу в замке ходили разные слухи. Никто не понимал поступков нового барона. Никто не думал, что он глупец, хотя, по мнению большинства, поступал весьма неразумно. Ему бы избавиться от женщины со спорным плодом, и никто бы его за это не осудил. Ведь, пока ребёнок находился в чреве матери, он не представлял опасности. Не опасно дитя и в том случае, если бы родилась девочка. Но все приметы указывали на то, что Мильса носит мальчика.

Теперь, после рождения малыша, и после того, как замковый колокол возвестил всему свету, что родился новый барон Сабуотер, ребёнок становился угрозой для нынешнего владельца замка. Санхар ещё мог жениться на наложнице и усыновить малыша, после чего тот становился его законным сыном со всеми вытекающими последствиями: то есть, он мог претендовать на господство только после смерти отчима, или если тот добровольно передаст ему власть. В ином случае, он вступал в права по достижении совершеннолетия, то есть, в двадцать лет. До этого времени Санхар считался опекуном, а после узурпатором.

Мильса очень похорошела с того времени, когда Санхар видел её в последний раз. Она стала настоящей красавицей. Теперь стало понятно, почему юный барон в неё влюбил-

ся. Крупный смуглолицый младенец лежал рядом с матерью, спеленатый в кружевные простынки, и мирно спал. Санхар наклонился и долго всматривался в его лицо. Он почувствовал беспокойство Мильсы, переходящее в панический страх. Она схватила ребёнка и прижала к груди. Наверняка, она знала о слухах, ходивших в замке, и боялась, что Белый Барон что-то сделает с её малышом.

Но, не произнеся ни слова, Санхар повернулся и вышел из комнаты.

Желая взглянуть на малыша, принц надеялся найти в ребёнке наследственные черты Сабуотеров – отца, бабушки или бабушки – чтобы удостовериться, что в жилах младенца, в самом деле, течёт кровь горных баронов и Мильса никого не водит за нос. И его надежды оправдались: даже у такого крохи явно проступали черты рода Сабуотеров – смуглая кожа, тёмные, чуть раскосые глаза, крупный нос и пухлая нижняя губа.

Вернувшись к себе, Санхар позвал дворецкого и приказал готовиться к празднику наречения, на котором ребёнку торжественно давали имя. Разослали гонцов к соседям и родственникам Сабуотеров, приглашая их на торжество. Баронесса сообщила, что желала бы назвать мальчика Лукианом, и Санхар не возражал.

Торжество получилось пышным и многолюдным, так как приехали все приглашённые – это был отличный повод поближе познакомиться с новым хозяином крепости. Мильса,

с ребёнком на руках, сидела на специальном постаменте за золотой прозрачной занавеской, словно настоящая королева, счастливая и гордая. Гости подносили дары, высказывали молодой матери поздравления, а малышу пожелания. На месте достойного отца сидел Санхар, и многие восприняли это, как намёк, что Белый Барон решил узаконить своё положение в замке.

После того, как все дары были вручены, пожелания и поздравления произнесены, Санхар назвал имя ребёнка, и жрец прочитал закрепляющую и благословляющую молитвы. На этом торжественная часть была закончена, мать с дитём удалилась в свои покои, а гости и хозяин перешли в пиршественный зал, где их ожидали накрытые столы. Во время банкета гостей развлекали приглашённые артисты и наложницы Санхара, исполнившие несколько танцев. Последнее так удивило гостей, что в зале на некоторое время воцарилась напряжённая тишина, когда девушки выпорхнули на подиум и начали танцевать. Ни один горный барон, ни при каких обстоятельствах, не стал бы показывать посторонним своих жриц любви. Даже собственные слуги не могли заходить в гарем, кроме специальных евнухов. Но Санхар не стал прятать наложниц от чужих глаз, хотя, конечно же, тоже не позволял им разгуливать по замку. Но станцевать пару-тройку танцев, спеть одну-две песенки – почему бы нет?

Грациан тоже блеснул своими талантами, и внимание к нему было не меньше, чем к девушкам, ведь до многих до-

ходили противоречивые слухи о необычной связи принца и его приближённого слуги. Чтобы ещё больше шокировать гостей, Санхар принародно наградил Грациана горячим поцелуем. Присутствующие постарались не выдать своих чувств, хотя эмоции бурлили, едва не выплёскиваясь через край. Санхар же всем своим поведением показывал, что в этом доме хозяин он, и хозяин сильный, который делает, что хочет, пренебрегая общепринятыми правилами и традициями.

Разъехавшимся вечером гостям было о чем судачить и размышлять во время пути домой.

Невзирая на советы капитана Ричара и прогнозы соседей, Санхар не стал узаконивать свои отношения с Мильсой. Она продолжала считаться незаконной женой покойного барона Джерика Сабуотера, а Лукиан его незаконнорожденным, но официально признанным сыном. Санхар постепенно полюбил малыша и часто навещал на женской половине замка, хотя и не общался с его матерью. Он подолгу играл с ним под строгим взглядом баронессы, и вскоре мальчик привязался к нему, считая своим отцом, а когда начал выговаривать первые слова, называл Санхара «милол», потому что не мог выговорить «милорд». Он слышал, что так обращались к Санхару все. Но, не понимая значения этого странного слова, вкладывал в него свой смысл, подразумевая «папа». Он ещё не понимал, что этот высокий мужчина с длинными белыми волосами, который, улыбаясь, берёт его на руки, катает на плечах, высоко подбрасывает вверх и гуляет в саду на

крыше – не его любящий отец, а чужак, узурпатор, будущий соперник в борьбе за наследство.

Грациан тоже часто посещал женскую половину замка, играл с Лукианом, но, как-то незаметно, начал больше внимания уделять его матери. Они часто и подолгу беседовали, их можно было увидеть в саду на крыше, сидящими на скамейке у бассейна, возле которого в песочнице играл Лукиан, или на верховой прогулке в окрестностях замка. Грациану, как евнуху и учителю музыки и танцев, был открыт вход и в гарем, и в женскую часть замка. Санхар, занятый делами в баронате, где появилась шайка дерзких и неуловимых разбойников, сутками пропадал в лесах, не обращая внимания ни на Грациана, ни на его поступки. А челядь, зная о полном доверии господина к любимцу, не спешила с доносами, как это часто бывает в подобных случаях.

Грациан начал ощущать, что с ним происходит что-то необычное: его волновали и возбуждали встречи с Мильсой, он впервые ощутил желание обладать женщиной, что его невероятно удивило. Место, которым так гордятся все мужчины, и чего он был лишён когда-то в детстве, начало странно зудеть и болеть. Грациан уже не жаждал любви Санхара, и это пугало его больше всего. Чувства к другу и господину изменились, словно с глаз спала какая-то пелена. Он начал видеть Санхара совсем в другом свете. Не как красивого привлекательного мужчину, а как властного человека, правителя и воина. Он продолжал уважать и любить его, но

не пылкой юношеской любовью, а как друга или старшего брата. Он всё ещё жаждал его внимания, дружеского участия, даже его крепких объятий, но только дружеских. Тепло больше не трепетало от предвкушения близости, но зато оно жаждало близости с Мильсой, и это казалось странным и непонятным.

Мильса тоже замечала, что Грациан к ней равнодушен, что он желает её, как женщину, но не могла понять, как такое может быть, ибо всем было известно, что Грациан кастрат и любовник господина. Юноша никому не признавался о переменах, происходивших с его телом. Даже Санхару. Хотя принц чувствовал, что с другом что-то происходит, что его что-то тревожит, он не хотел подслушивать его мысли, ожидая, пока юноша наберётся решительности и расскажет всё сам.

Глава 4

Однажды в замок прискакал гонец с пограничной заставы, с сообщением, что в пределы бароната вторгся отряд королевских гвардейцев, сопровождающий какой-то важный груз. Командир сопровождения отказался платить налог за проезд, мотивируя это тем, что они не нуждаются в защите «горных волков», а Торговый путь открыт для всех, и не может принадлежать никому – ни королю, ни, тем паче, какому-то горному барону. Командир вёл себя дерзко, даже угрожал стражникам, если они попытаются задержать обоз.

Санхар тут же собрал отряд лучших дружинников, обучением которых занимался лично. Так называемый «ударный отряд», выезжавший на дорогу только в экстренных случаях, подобных этому. Двадцать самых сильных, самых умелых, самых обученных и самых храбрых воинов, элита «горных волков».

Покинув замок, вадники промчались кратким путём и перехватили обоз, примерно, посередине пути. Санхар выбрал участок, удобный для засады и битвы – широкий, каменистый, чуть пологий берег небольшой речушки. Здесь дорога делала плавную петлю, огибая древнюю осыпь, прежде чем выйти на берег реки, потому охрана увидела поджидавших обоз «горных волков», только, когда выехала из-за поворота.

Санхар, облачённый в белые одежды и восседающий на

прекрасном белом коне, стоял посреди дороги в гордом одиночестве. Лёгкий вечерний ветерок играл длинными бело-снежными волосами, которые сдерживал только серебряный обруч горного барона. Он выглядел величественно и прекрасно, освещённый лучами заходящего солнца, светившего в спину, и окружавшего силуэт золотым ореолом. Всадник не казался опасным или угрожающим, скорее наоборот, излучал спокойствие и умиротворённость. Угроза притаилась в двух шеренгах «горных волков», заключивших дорогу в мрачный коридор.

Обоз, выехавший из-за поворота, начал замедлять ход, и остановился, не доезжая до неподвижно стоявшего всадника десятка шагов. Стражники явно встревожились – об этом говорили их эмоции. Они тут же перегруппировались: окружили повозки, приготовившись к бою. Их было двадцать – столько же, сколько и дружинников. Матёрые ветераны. И, как понял принц из отрывков их мыслей, «меченые» – элита воинов-наёмников. Но Санхар не беспокоился – его люди мало в чём уступали хвалёным «меченым». Принц научил дружинников множеству хитрых приёмов, неизвестных «меченым». А он сам стоил пятерых таких бойцов.

От охраны отделились двое всадников и направились к Санхару. Не доезжая нескольких шагов, они остановились. Командир охраны и солдат. Санхар молча смотрел на подъехавших, ни словом, ни жестом не выдавая своих эмоций. Вид у него был безмятежный и слегка задумчивый, словно

он стоял здесь просто так, поджидая отставшего приятеля или раздумывая о дальнейшем пути. Капитан охраны, наоборот, сердился и беспокоился. Он недовольно хмурился и был настроен агрессивно. Не успев подъехать, тут же заговорил:

– Я не хочу лишнего кровопролития, сударь, потому предлагаю уступить нам дорогу.

– А если я вас не послушаюсь? – спокойно парировал Санхар.

– Нам придётся очистить её силой.

– Сила на силу... – задумчиво протянул принц. – У вас «меченые», у меня «горные волки»... Хочу предупредить, что я лично обучал их... А также довожу до вашего сведения, что моя мать – виолка, и я не поскупился поделиться с дружинниками некоторыми семейными секретами... Так как будем решать наш маленький спор? Силой или мирным путём?

Командир скрипнул зубами. В его душе кипела безрассудная ярость, но он, пока, держал себя в руках.

– Убирайся с дороги, грязный разбойник, или твой чудесный белый костюм обагрится кровью... – процедил он сквозь зубы.

– Значит, война... Тебе не жалко своих людей? Даже если ты победишь, после схватки останется жалкая горстка, это я тебе обещаю. Как ты сможешь продолжать путь с такой охраной? Последний раз предлагаю: одумайся! Заплати требуемый взнос и можешь продолжать свой путь.

– Никогда!

– Ну что ж, ты сам выбрал свою судьбу... Ты нарушил мои правила. Теперь этот груз принадлежит мне. Но я не хочу ссориться с королём, потому твои люди могут возвращаться в Илларию, но ты, груз и купцы останутся у меня.

– Это не купцы и не груз. Это королевские чиновники и королевский подарок медаусскому королю, – вступил в разговор солдат.

– Мне очень жаль, но медаусскому королю придётся остаться без подарка... Чиновники тоже могут быть свободны. Передай своим людям – пусть возвращаются домой. В противном случае те, кто уцелеют, закончат свои дни в подземельях моего замка без права выкупа.

– Ты зарываешься, Белый Барон! – яростно воскликнул командир. – Мы – не кучка жалких торговцев с дрянной охраной, которых ты грабишь на дороге! Мы сумеем постоять за себя и поставить тебя на место! Я слышан о твоих подвигах, но, думаю, они сильно преувеличены!

– Ты сможешь проверить это прямо сейчас, – кивнул Санхар и подал знак дружинникам. С диким воем, напоминающим вой горных волков тёмной зимней ночью, дружинники бросились в атаку. Командир только потянулся за мечом, а меч Санхара уже сверкал в его руке. Один удар – и командир остался не только без меча, но и без руки, отрубленной по самый локоть. Солдат выхватил из-под полы плаща прятавшийся там маленький заряженный арбалет, так называемый

эрроган, и выстрелил Санхару в лицо. Санхар ощутил опасность, но времени, чтобы уклониться, было слишком мало. Он успел лишь слегка наклонить голову. Стрелка чиркнула по щеке, оставив кровавую царапину и срезав прядь волос, и улетела прочь, просвистев мимо уха. Второго выстрела воин сделать не успел – меч вельха прочертил на его горле кровавую полосу, лишив дыхания и жизни.

Расправившись в этих двух, Санхар поспешил на помощь дружинникам, яростный натиск которых успешно сдерживали охранники. Ими командовал пожилой опытный воин, рядом с которым дрался юнец. Приблизившись, Санхар понял, что ошибся. Это был не юноша, а одетая в воинский костюм девушка.

Вступив в бой с ветераном, Санхар обезвредил его через две минуты, ранив в грудь. Девушка тут же набросилась на него, как разъярённая самка гиззарда, защищающая логово. Её ярость была глубокой и холодной, как воды омота, а владение мечом весьма искусным. Санхар мог бы её убить за минуту, но передумал. Плававшие страстью глаза и прядь золотых волос, выбившаяся из-под шлёма, напомнили ему о матери. Несколькими сильными ударами он просто выбил меч из рук девушки, а затем схватил за одежду, притянул к себе, и заломил руки за спину. Из глаз девушки вылетали яростные молнии. Если бы они были материальны, то сожгли бы принца дотла. Девушка оскалила зубы и хотела укусить врага, не имея других средств защиты, но Санхар ударил её в

висок рукояткой меча, оглушив, и она обвисла в его руках, как тряпичная кукла.

Бросив девушку рядом с истекающим кровью ветераном, Санхар продолжил бой. Через десять минут из двух десятков охранников в живых осталось шестеро, считая и однорукого командира. Остальные либо пали в бою, либо умирали от смертельных ран. Дружинники Санхара тоже понесли потери: четверо убиты, семеро ранены, трое из них тяжело. Всех раненых – и своих, и чужих, погрузили на повозки, связали пленных, и обоз покати́л в замок.

В крепость вернулись поздно вечером, когда на небе уже сияли звёзды, а на западе догорали последние краски заката. Передав повозки и пленных на попечение управляющего, который позаботится о регистрации и сохранности груза, Санхар занялся пленными. Целых и невредимых, но напуганных чиновников, заперли в Башне Узников. Раненых охранников нельзя было отправлять в темницу – это верная смерть. Санхар не питал к ним добрых чувств, но уважал за стойкость, храбрость и верность долгу, потому приказал поместить в лазарет вместе с ранеными дружинниками. Девушку, после недолгих колебаний, отправил в Башню Невест, которая всё равно стояла пустой. Он послал к ней рабыню для услужения, и приказал хорошо охранять, чтобы девушка не сбежала.

Приняв освежающую ванну и поужинав, Санхар вознамерился посмотреть, как устроилась пленница. Её пылающие

огнём ярости голубые глаза не шли у него из головы. Он ещё никогда не встречал женщин-воинов, подобных матери. Ему всегда нравились сильные и смелые женщины, но, обычно, встречались покорные рабыни.

В расположенной наверху комнате царил полумрак. Единственная свеча слабо мерцала на полке камина, едва рассеивая темноту наступившей ночи. Зрачки Санхара расширились, приспособляясь к освещению, заполнив почти всю радужную оболочку, и замерцали таинственным голубоватым светом. Для смертных погружённая в полумрак, ему комната казалась нормально освещённой. Он видел всё в мельчайших подробностях: толстый ковёр с цветочным узором на полу, длинные кружевные занавески на окнах, овальный мраморный столик с изящными позолоченными ножками, пару деревянных стульев с узорными резными спинками, и узкое низкое ложе в виде морской волны с пенным гребнем, на котором лежала одетая в лёгкую шёлковую сорочку девушка. Её распущенные волосы влажно блестели и слегка вились, не сдерживаемые заколками и шлёмом.

Санхар вошёл тихо, но не бесшумно, и девушка, услышав его шаги, открыла глаза. В Санхара плеснула волна удивления и лёгкого испуга, гнездившегося в глубине её души. Наверное, увидела светящиеся глаза Санхара. Она даже приподнялась на локте, чтобы получше рассмотреть вошедшую тёмную фигуру. Откинула мешавшие волосы, и принц увидел тёмное пятно кровоподтёка в месте удара. На ране была

содрана кожа и она до сих пор кровоточила, доставляя девушке неприятные болезненные ощущения.

Санхар приблизился и, взяв пленницу за руку, заставил подняться. Он почувствовал, как напряглось её тело, готовясь к сопротивлению, и, поймав её мысль, заломил руки за спину, лишив возможности двигаться. Держа запястья одной рукой, второй взял её за подбородок и повернул голову. Его губы коснулись раны на виске лёгким поцелуем, затем он слизнул кровь и смочил рану своей слюной. Он знал, что она целебна, как и слюна Акса. Поняв, что сопротивление бесполезно, что противник намного сильнее и предугадывает любые её намерения, девушка расслабилась. Но в душе её стыла холодная ненависть и мрачное презрение.

«Обработав» рану, Санхар не удержался и провёл губами по нежной коже шеи, задержавшись на быстро пульсировавшей жилке. В душе девушки вспыхнуло негодование, и она постаралась укусить его за плечо. Санхар позволил ей вонзить зубы в свою плоть – пусть сбросит напряжение и получит толику удовольствия! У пленницы сегодня выдался тяжёлый день. Когда она устала с яростью сжимать челюсти и откинула голову, переводя дыхание, Санхар спросил с лёгкой насмешкой:

– Теперь довольна?

Пленница плотно сжала губы, не желая отвечать.

– Можешь укусить меня ещё раз, если тебе станет легче.

Девушка молчала. Санхар отпустил её руки и отступил

шаг назад. «Меченая» тут же опустилась на ложе и потянула лёгкое покрывало, пытаясь в него закутаться.

– Тебе холодно? Я прикажу разжечь камин.

Пленница упорно не хотела с ним говорить, и даже не смотрела в его сторону.

– Как тебя зовут?

Девушка молчала.

– Если ты не назовёшь своё истинное имя, я дам тебе другое, по своему усмотрению. Так поступают с рабами... Если ты предпочитаешь стать рабыней, я не буду возражать.

Санхар подождал минуту, но, не дождавшись ответа, повернулся к выходу, бросив на прощание:

– Не вини потом меня в жестокосердии...

– Элида, – внезапно произнесла девушка. – Меня зовут Элида Сайтли.

– Это твоё настоящее имя? – удивился принц.

– Да... Мне дали его в Школе Меченосцев.

Санхар улыбнулся.

– Оно идёт тебе, Элида Сайтли... Спокойной ночи. И смени гнев на милость. Ты сейчас не в Школе Меченосцев, а в плену у горного барона, и от твоего поведения зависит не только твоё будущее, но и, возможно, будущее твоих товарищей.

Не дожидаясь ответа от озадаченной пленницы, Санхар быстро спустился по лестнице и покинул башню. Он ещё раз подивился, как точно дают имена в Школе Меченосцев, о ко-

торой он столько слышал. Ведь по-ассветски «элида» значит «молчаливая, хранящая молчание», а «сайтли» – «видная, красивая».

Глава 5

Санхар вернулся к себе в смятении. Он впервые не знал, как ему поступить с женщиной. С одной стороны, он хотел покорить упрямую пленницу и сделать своей наложницей, а с другой, не хотел применять к ней грубость или насилие, понимая, что сломить девушку будет непросто, ведь она обладала упорным и сильным характером.

Ему захотелось поговорить об этом с единственным близким человеком – Грацианом. Но юноши неоказалось ни в его комнате, ни в покоях Санхара, где он обычно ожидал друга для совместного ужина и общения. Окинув мысленным взором замок и окрестности, принц уловил присутствие Грациана на женской половине. Это не удивило его, так как в последнее время юноша часто пропадал в женских покоях, общаясь с Мильсой и маленьким Лукианом. Правда, было уже довольно поздно, и малыш, скорее всего, спал. К тому же, Грациан что-то сильно взволновало, и это обеспокоило принца. Возможно, там что-то случилось, о чём он ещё не знает?

Санхар поднялся наверх, в ту часть замка, что принадлежала баронессе Сабуотер. Стражник-евнух у дверей приветствовал его. Он казался спокойным, но и от него исходило некоторое волнение, а также его распирало любопытство. Санхар не мог понять, что так заинтересовало стражника в

его особе, разве что он уже услышал о пленнице в Башне Невест. Слухи и новости распространялись в замке на удивление быстро.

На половине баронессы царили тишина и полумрак, словно все уже спали. Но Санхар чётко улавливал эмоции Грациана, исходившие из одной комнаты. Рядом с юношей находилась не менее взволнованная Мильса, и это ещё больше встревожило Санхара. Неужели, что-то случилось с мальшом?

Ведомый этим неслышным для других зовом, Санхар пошёл к комнате Мильсы и толкнул незапертые двери.

Лёгкие створки широко распахнулись, ударившись о косяки, и взору Санхара предстала погружённая в полумрак комната. На смятой постели в недвусмысленной позе застыли две слившиеся в любовном экстазе фигуры, в одной из которых принц без труда опознал Мильсу, а в другой, с величайшим изумлением, Грациана. Оба с испугом уставились на вошедшего.

– Небесные Врата! – удивлённо воскликнул Санхар. – Что здесь происходит?

Любовники со страхом и тревогой взирали на господина, ожидая вспышки гнева, а то и скорой расправы.

– Мильса, да у тебя талант соблазнять юнцов! – продолжил Санхар, придя в себя. – А ты, Грациан... Как это понять? Это такая игра или ты действительно стал мужчиной?

– Простите, господин... – пробормотал пристыженный и

растерянный юноша. – Не знаю, как это случилось... Но... я люблю... Мильсу.

Санхар погрузился в его эмоции и понял, что Грациан говорит правду: он, в самом деле, любил эту женщину первой юношеской любовью.

– Почему ты мне ничего не сказал?... Почему скрывал, что становишься полноценным мужчиной?

Принц старался оставаться спокойным, но, отчего-то, это неожиданное известие огорчило его, словно Грациан его предал.

– Я не знал, что со мной происходит... Это было необычно и непонятно...

– Я всегда мог объяснить непонятное и прояснить необычное... Ты огорчил меня, Грациан, более того, обидел... Твой поступок, словно удар ножа в спину.

Санхар резко повернулся и вышел. Охранник у двери просто лопался от любопытства, и Санхар понял, что он давно знал об отношениях между любимцем господина и бывшей наложницей, как, вероятно, знали об этом все в замке, кроме него.

Не успел Санхар вернуться к себе, как следом примчал Грациан. Его переполняли чувство вины и искреннее раскаяние. Он упал на колени, умолял простить его, клялся, что больше никогда и ничего не будет скрывать от Санхара, даже обещал порвать с Мильсой, если господин того пожелает.

Мольбы юноши растрогали Санхара, и он смягчился. Ис-

кренные и сильные чувства юноши не оставили его равнодушным. К тому же, он чувствовал, что Грациан не перестал любить его: в душе юноши горел всё тот же ровный тёплый огонь, может, не такой сильный и горячий, как в начале их знакомства, но более светлый и осмысленный. Это уже была не плотская страсть, а глубокая привязанность и уважение, схожие с любовью ребёнка к родителям.

– Зачем же бросать бедную женщину? – произнёс вельх, отбросив прочь обиду и ревность. Он обнял юношу и привлёк к себе. – Поздравляю, малыш! Я рад, что ты стал полноценным мужчиной, жаль, что эта новость стала для меня неожиданностью. Возможно, в этом и моя вина. Я уделял тебе мало внимания в последнее время.

– Вы не сердитесь на меня, господин?

– Нет, малыш...

Грациан счастливо улыбнулся.

– Значит, теперь я такой же, как вы, как капитан Ричар или любой из дружинников? Я – мужчина?

– Да, ты мужчина... Ты уже не скопец, и можешь оторвать голову всякому, кто тебя так назовёт.

– И я могу жениться и завести детей?

– Жениться ты можешь... Но детей – нет.

– Почему?

– Потому что ты – Бессмертный.

– И что?

– Это значит, что у тебя никогда не будет детей от смерт-

ной женщины. Только бессмертная подруга сможет сделать тебя отцом. Любая смертная, которая заявит, что понесла от тебя – обманщица, и заслуживает немедленной смерти, ибо это будет означать, что она изменила тебе.

Грациана огорчила эта новость, но радость от того, что он стал полноценным мужчиной, окрылила юношу, и в его душе словно появилась новая грань. Он сразу переменялся, и Санхар уловил эту перемену. В Грациане вдруг проснулись уверенность и гордость, которых столько времени добивался от него принц. Словно до сих пор он жил, склонив голову и видя только путь у себя под ногами, по которому его слеповели, а тут вдруг распрямил плечи и взглянул на мир открытым смелым взглядом. Грациан почувствовал этот внутренний толчок и перестал улыбаться. Он притих и стал задумчивым. Затем поднялся с колен и взглянул на Санхара.

– Я вам нужен? – спросил, не добавив по привычке «господин», как говорил всегда, хотя принц и просил его так не называть.

– Нет, – не стал задерживать товарища Санхар. – Ступай...

Грациан чуть склонил голову, прощаясь, и покинул комнату твёрдым уверенным шагом.

Несмотря на то, что Грациан стал мужчиной и очень сблизился с Мильсой, проводя на её ложе почти каждую ночь, нежная дружба и любовные отношения между двумя мужчинами не прекратились. Время от времени одному или дру-

гому хотелось их прежних отношений, к которым они привыкли за годы тесной связи. Но не только зов плоти связывал их, но и особые, не поддающиеся анализу чувства, которые можно назвать любовью. Любовью странной, необычной, но непреходящей.

Не реже одного-двух раз в месяц они проводили время вместе, в постели, страстно и нежно любя друг друга, наслаждаясь близостью и просто обществом друг друга.

Их отношения удивляли и ставили в тупик всех окружающих. Хладнокровный, безжалостный и беспощадный, скорый на суд и расправу господин, был удивительно терпелив и снисходителен к поступкам своего любимчика, позволяя и прощая ему всё то, за что другой бы понёс немедленное и жестокое наказание.

Когда Грациан считался евнухом и любовником господина, это как-то ещё можно было понять и объяснить. Но вот Грациан каким-то непостижимым образом превратился в полноценного мужчину и завёл интрижку с госпожой Мильсой, матерью юного барона и протезе господина. Все ожидали взрыва, скандала и падения фаворита. Но барон на «шалости» любимчика посмотрел сквозь пальцы, слегка пожурил и... позволил грешить дальше. Если Грациан потерял статус любимого наложника, то, по логике, должен был отдалиться от господина, но нет – они продолжали оставаться лучшими друзьями и, по слухам, теми же любовниками; обменивались нежными взглядами, а то и поцелуями на глазах

у всех. И это при том, что каждый имел собственную женщину. Более того, Грациан не потерял право входить в гарем и обучать наложниц, как и прежде. И это было совсем непонятно. То ли Грациан был не вполне настоящим мужчиной (но как тогда объяснить довольный и цветущий вид до этого страдавшей от отсутствия мужского внимания Мильсы?), то ли доверие господина к своему фавориту поистине безгранично. И это, бесспорно, так. Потому что любители позлословить, пытаясь неосторожно пошутить или намекнуть господину на поведение Грациана в гареме, натывались на холодный отпор, в лучшем случае отделяваясь разбитыми губами и выбитыми зубами, а в худшем, оставались без головы.

Честно говоря, Санхару было всё равно, что делает или не делает Грациан с его наложницами. Пусть даже переспит с одной или всеми сразу. Может быть потому, что эти женщины стали ему безразличны. Он не испытывал к ним никаких чувств, они служили лишь для удовлетворения плоти. А может потому, что он знал, что ни одна из них не сможет понести от Грациана. Но, вероятнее, оттого, что последнее время всё его внимание поглотила Элида Сайтли, пленница из Башни Невест.

После первой встречи Санхар ещё несколько раз навещал девушку, но всякий раз она держалась отчуждённо, на грани враждебности. Санхар чувствовал исходившую от неё неприязнь, но не мог понять причину. Ведь он относился к ней хорошо: был любезным, терпеливым, сдержанным, со-

держал в хороших условиях, сытно кормил, дал в услужение рабыню, одевал в дорогие одежды и дарил красивые украшения. Он даже пригласил её на концерт, который устроили заезжие актёры.

Как-то в полдень в ворота крепости въехали несколько крытых повозок в сопровождении солдат охраны. Сержант Суон доложил, что повозки задержали потому, что путешественники отказались платить за проезд. В повозках оказались бродячие актёры: лицедеи и циркачи, певцы и сказочники. Возглавлял труппу седовласый старик с морщинистым лицом, но ещё крепкой фигурой бывшего атлета. Когда Санхар обратился к нему с обычной речью, перечисляя наказания за упрямство и неуплату, старик вежливо выслушал его, затем низко поклонился и ответил:

– Милостивый господин! Ваши требования справедливы и разумны. Но мы не отказываемся платить, у нас просто нет таких денег. В дороге мы немного поиздержались, но ещё не достигли тех мест, где можно заработать... Забрав наше скудное имущество, вы не получите никакой выгоды, ибо мы не купцы и везём не товар. В повозках лишь наш нищий скарб да реквизит. Взяв нас в плен, вы не сможете получить выкупа, так как у нас нет ни денежных родственников, ни богатых покровителей. Рабы из нас выйдут тоже никудышные – мы не знаем никакого другого ремесла, кроме актёрства. Но я осмелюсь предложить вам, милостивый господин, – и молю вас о милосердии! – отработать наш долг способом, который

нам ближе всего. Я предлагаю дать несколько выступлений, концертов или спектаклей перед вами, милостивый господин, вашими благородными людьми, перед вашей челядью и поселенцами. Потешив вас и ваших людей, мы будем надеяться на наше освобождение, и славу о вашей мудрости и милосердии разнесём по всему цивилизованному миру.

Когда старик умолк, Санхар улыбнулся и ответил:

– Умеешь ты льстиво говорить, старик, но слова твои не лишены мудрости. Что ж, пусть будет по-твоему: вы выступите передо мной и моими людьми, и если ваше искусство понравится нам, вы продолжите путь, а если нет – будет так, как я сказал.

– Благодарю вас, о мудрейший из правителей! – поклонился старик. – Мои люди не разочаруют вас!

Глава 6

На следующий день во дворе соорудили временный помост, а на ступенях замка, покрытых коврами, оборудовали места для зрителей. На самом верху поставили три кресла: для Санхара, Грациана и баронессы Сабуотер. У их ног были положены мягкие подушки для Мильсы и Элиды, которую принц решил «вывести в свет». Ещё ниже должны были расположиться наложницы под охраной евнухов. Челяди, слугам и солдатам отвели места во дворе и сбоку, чтобы не мешали обзору и не отвлекали господ галдежом.

Выступление назначили на вечерние часы, когда солнце ещё освещало двор, но уже не палило так, как в полдень. Зрители начали собираться после удара сигнального колокола. Первыми пришли наложницы. Они долго рассаживались, как обычно, ссорясь и толкаясь, под бдительными взглядами стражников-евнухов. Ворота крепости, из предосторожности, закрыли, а стражу на стенах удвоили. Охране приказали следить за местностью, а не пялиться во двор, и предупредили, что замеченные в небрежности будут наказаны.

Когда собрались почти все, пришли баронесса и Мильса с малышом. Следом явился Грациан в сопровождении Акса, улёгшегося у его ног. И последним пришёл Санхар, ведя за руку Элиду. Девушка казалась равнодушной и отчуждённой, хотя в душе её тлело лёгкое любопытство.

Как только они покинули Башню, все взгляды переместились на них. Людей просто распирало от любопытства. Даже нечувствительная к чужим эмоциям Элида почувствовала всеобщий интерес, и слегка смутилась.

Когда Санхар усадил девушку на место, Акс тут же проявил к ней свой собачий интерес. Он тщательно обнюхал её, даже попробовал на вкус, лизнув несколько раз. Настойчивость огромного пса слегка испугала пленницу и Санхар укоризненно произнёс:

– Акс, умерь свой пыл. Это моя женщина, а не твоя.

«Я знаю, – ответил пёс. – Новая самка?»

– Да.

Грациан, который уже изучил язык жестов, которым разговаривал Акс, рассмеялся, потрепал Акса по холке и сказал:

– Пора и тебе завести подружку, дружище!

«Здесь нет самки, которая бы мне понравилась», – ответил бесхитростный пёс.

Господин занял своё место и представление началось. Вначале актёры показали небольшой спектакль, в котором смешно обыграли вечный любовный треугольник: он, она и любовник. В нём говорилось о недотёпе-гвардейце, жена которого крутила шашни с пронырой-подмастерьем, пока её муж был на службе. Парочка ловко дурила бедного солдата, пока он не поймал их на горячем. Но и тут они сумели выкрутиться, до такой степени задулив голову бедному вояке, что он сам уже не понимал, видел он что-то или это ему присни-

лось, и в конце-концов вынужден был извиниться перед при-
творявшейся оскорблённой женой. Кончилось всё нежными
поцелуями и весёлой, шуточной, довольно фривольной пе-
сенкой. Спектакль получился таким смешным и забавным,
а актёры играли так реалистично, что зрители ухотались
до колик.

После выступили музыканты и певцы, а закончилось
представление выступлением акробатов и жонглёров. Осо-
бенно понравился зрителям акробат на натянутом над их го-
ловами канате. Он вытворял различные трюки, от которых у
зрителей кровь стыла в жилах, за что получил самые бурные
аплодисменты.

В общем и целом представление понравилось Санхару, и
он приказал наградить актёров бочонком хорошего вина и
сытным ужином.

После представления его отвлёк капитан Ричар с ка-
ким-то неотложным вопросом, и принц попросил Грациана
отвести Элиду в Башню Невест.

– Идёмте, сударыня, – вежливо произнёс Грациан, беря
девушку за руку. Но та резко вырвала её и почти грубо вос-
кликнула:

– Не смей прикасаться ко мне!

Во дворе мгновенно воцарилась тишина, и все присут-
ствующие с любопытством уставились на них, ожидая раз-
вязки. Всех интересовало, как поведёт себя господин в дан-
ной ситуации, ведь столкнулись два фаворита. Какая любовь

победит: к женщине или к старому другу?

Грациан, натолкнувшись на неожиданную и немотивированную грубость, растерянно замер. Санхар медленно повернулся и в мгновение ока оценил ситуацию. Он уловил обиду и недоумение юноши, и, подойдя к нему, обнял и поцеловал на глазах изумлённых зрителей. Поцелуй был отнюдь не дружеским и не братским.

– Не сердись на неё, – даже не взглянув на Элиду, словно она не стояла рядом, сказал оприрец. – Она всего лишь глупая строптивая девчонка. Я терплю её выходки, но моему терпению тоже есть предел, и она уже достигла его границ... Отведи её в Башню, а если будет упираться, можешь отволочь её за волосы. Поужинаем вместе, если ты не занят сегодня вечером?

– Для вас я всегда свободен, – ответил Грациан.

Санхар дружески похлопал его по плечу и отвернулся, даже не взглянув на пленницу. Все поняли, что в очередной раз победила дружба. Это событие ещё раз подчеркнуло крепость уз, связывающих господина и любимца, хотя никто так и не разгадал, в чём же секрет их сильной привязанности.

Санхар продолжил разговор с капитаном, а Грациан, уже не дотрагиваясь до девушки, приказал:

– Возвращайтесь к себе, сударыня.

Теперь его тон был не очень дружелюбным, и Элида, гордо вздёрнув подбородок, начала спускаться по ступенькам. Грациан, который уже научился распознавать эмоции лю-

дей, чувствовал смятение, растерянность и разочарование девушки.

Когда они проходили мимо группы стражников, бурно обсуждавших представление и произошедшее только что событие, от них отделился Бэрс, давно и безуспешно добивавшийся любви и внимания Грациана. Однажды Санхар уже предупреждал солдата, чтобы он оставил Грациана в покое и не попадался ему на глаза, что тот и старался делать. О соперничестве Бэрса и господина знали все в замке, но большинство давно поняли, что шансы война равны нулю, особенно теперь, когда наложник превратился в мужчину и завёл интрижку с Мильсой. Друзья советовали Бэрсу бросить глупую затею, пророча парню плохой конец. Но Бэрс был упрям; и чем больше препятствий вставало на его пути, тем упорней он добивался желаемого. Если бы он направил упрямство в другое русло, то мог бы достичь в жизни больших высот. Но, к сожалению, парень вбил себе в голову, что любит Грациана, и любой ценой старался завоевать его внимание.

Как и другие, он наблюдал конфликт Грациана и пленницы, и был свидетелем победы юноши. И сейчас, подойдя к нему, сказал:

– Будь здоров, Граци!

– И тебе не хворать, – ответил Грациан. Благодаря общительному характеру, Грациан со всеми находился в хороших отношениях, не держал зла и был дружелюбен.

– Эта королевская сучка посмела оскорбить тебя, – произнёс Барс. – На твоём месте, я бы хорошенько врезал ей, чтобы в следующий раз была покладистой.

Грациан нахмурился.

– Это женщина господина и я не смею поднимать на неё руку. И тебе не советую оскорблять её.

– Да какая она женщина господина! – насмешливо воскликнул парень. – Очередная забава, чтобы унижить тебя. Не знаю, что он в ней нашёл, ведь по сравнению с тобой, она выглядит, как облезлая кошка!

– Придержи язык, Бэрс, – посоветовал Грациан.

– Ты защищаешь сучку, которая только что унизила тебя? – удивился солдат.

Грациан не успел ничего ответить, так как стоявшая до этого спокойно девушка вдруг ударила Бэрса по лицу с такой силой, что разбила ему губу.

– Ты, горный крысёныш, ещё скажешь обо мне хоть одно поганое слово, я выбью тебе все зубы! – яростно воскликнула она.

Бэрс пошатнулся от неожиданного удара, но удержался на ногах. Ненавидящий женщин, униженный и оскорблённый, он вскипел безумным гневом и выхватил меч. Но не успел он занести руку для удара, как перед ним возник Грациан, закрывая собой Элиду, и в руке его тоже сверкал «айосец».

– Спрячь оружие, Бэрс, ты получил по заслугам. Не усугубляй свою вину, – грозно произнёс юноша.

– Защищаешь эту суку?! Отойди, я покажу ей «горного волка»!

– Нет, Бэрс, этого не будет, – твёрдо произнёс Грациан. – Господин доверил её мне, и никто не посмеет прикоснуться к ней, пока я рядом.

– Эта тварь снова хочет получить по зубам?! – вступила в перепалку Элида, пытаясь выбраться из-за спины Грациана и вцепиться в Бэрса. Грациан оказался между двух огней. Ему нужно было сдерживать двух забияк, стремящихся сцепиться друг с другом. Никто не вмешивался в конфликт – остальные воины благоразумно отступили подальше и с удовольствием наблюдали за ещё одним бесплатным представлением. Даже Санхар делал вид, что ничего не видит, продолжая разговор с Ричаром.

Терпеливый и миролюбивый Грациан неожиданно вспыл и рявкнул:

– А ну, заткнитесь, вы, оба! Бэрс, закрой пасть и ступай в казарму, а ты, женщина, замолчи и ступай в Башню, пока я не погнал тебя туда пинками!

Видя, что действие может закончиться плачевно, двое приятелей Бэрса отделились от толпы, схватили товарища за руки и потащили прочь. Тогда Грациан повернулся к Элиде, крепко сжал за предплечье и, не обращая внимания на её яростное сопротивление, потащил к Башне. Втолкнув её внутрь, сказал:

– Выслушай мой совет, девушка: укроти свой характер и

не дразни волка в его логове. Не испытывай терпение господина Санхара, оно тоже не безгранично.

Захлопнув дверь, он задвинул засов и покинул Башню.

Глава 7

Королевские гвардейцы окончательно поправились, их раны затянулись, и пленных перевели в подземную темницу. Товар, который они так самоотверженно защищали, не представлял для Санхара никакой ценности. Это был какой-то музыкальный инструмент. Мастера, сопровождавшие его, называли эту штуку айрон. Он представлял собой длинные сборные медные и серебряные трубки, в которые подавался сжатый воздух из специальных мехов, вызывая различное их звучание. Чтобы играть на этом инструменте, требовалось не менее трёх специально обученных человек и большой зал с высоким потолком, так как в маленьком помещении айрон не звучал, как полагается.

Спустя какое-то время к Санхару прибыл гонец из Иллари от Его Королевского Величества, с предложением выкупить инструмент и сопровождавших его мастеров. О гвардейцах не говорилось ни слова; видимо, нерадивые стражи, не сумевшие отстоять ценный груз, королю были не нужны.

Санхар отдал повозки, айрон и мастеров за кругленькую сумму, уплаченную золотом. Когда сделка состоялась и мастера, радуясь освобождению, покинули крепость, Санхар приказал привести пленных, и сообщил, что их сиятельный господин отказался от своих преданных воинов, попросту говоря, бросил на произвол судьбы. Он предложил им всту-

пить в его дружину, так как оценил храбрость, мужество и мастерство. Но гвардейцы, все до единого, отказались от его предложения, даже невзирая на угрозу смерти.

Санхару не хотелось казнить смелых воинов, верных своему долгу, но обстоятельства требовали публичного наказания, как для устрашения будущих строптивцев, так и для удовлетворения жажды мести собственных воинов, которые получили раны или пали в этом бою.

Санхар долго не раздумывал над выбором жертвы. Ей должен был стать однорукий капитан, своим упрямством и надменностью приведший людей к гибели. Казнь сделали зрелищной и эффектной. Дождавшись, пока на дороге появится большой караван, Санхар приказал своим людям остановить его. Встревоженный капитан охраны выехал вперёд и спросил:

– В чём причина нашей задержки, милорд? Мы заплатили пошлину за проезд в полном объёме.

– У меня нет к вам претензий, – ответил Санхар. – Но я хочу, чтобы вы стали свидетелями казни человека, осмелившегося бросить мне вызов. Его люди погибли, его груз был потерян. Этот человек должен понести наказание за своё упрямство и наглость... Пусть все увидят, как я расправляюсь с непослушными, и расскажут об этом другим, чтобы ни у кого больше не возникло желания нарушать мои законы.

Санхар подал знак, и его воины вывели пленного на обломок скалы, возвышавшийся у дороги. Отсюда он был виден

всем, даже находящимся в конце каравана. Санхар спешился и поднялся на скалу. По обычаям горных баронов он должен был лично казнить провинившегося.

Капитана поставили на колени, Санхар взял его за волосы и одним точным ударом срубил голову. Обезглавленное тело столкнул с обрыва, и оно упало к подножию камня. Голову насадил на копьё, закреплённое вертикально, и оставил, как предупреждение всем проезжающим. Тело приказал похоронить, как бы говоря, что это не самодурство и безрассудная жестокость, а вынужденная необходимость, и у него нет личной ненависти к убитому.

И жестокая казнь, и сила, с которой Белый Барон отделил голову от тела простым коротким мечом, оказали на зрителей сильное впечатление.

После казни Санхар ещё несколько дней занимался текущими делами, а затем решил проведать Элиду, у которой ни разу не был после памятного представления. Девушка встретила его на удивление спокойно, и держалась почти приветливо. Отвечала на все вопросы, не отворачивалась, когда Санхар обращался к ней, даже позволила взять себя за руку.

– Тебе не надоела сидеть в четырёх стенах? – поинтересовался принц.

– Надоело...

– Хочешь выйти наружу?

– Да.

– Это легко сделать... Улыбнись и попроси. Возле моей

спальни есть свободная комнатка, как раз для такой красавицы, как ты.

– Вы хотите, чтобы я стала одной из ваших наложниц?

– Нет. Тогда бы я предложил тебе место в гареме. Но мы можем стать друзьями. А со временем, возможно, и любовниками. Кстати, место госпожи замка пустует, и ты могла бы, по желанию, занять его. Не буду скрывать, ты мне нравишься. Я хочу тебя, но не собираюсь брать силой. Ты сама, по собственному желанию, должна дать мне то, что я могу взять по праву сильнейшего.

– А разве это не в обычаях горных баронов, брать силой всё, что им нравится? – горько усмехнулась Элида.

– Ты, наверное, уже заметила, что я необычный горный барон. За свою жизнь я имел, брал и получал. И я понял, что свободная любовь лучше принуждения.

Девушка задумчиво опустила глаза и отвернулась к окну. Санхар знал, какие мысли бродят в её голове, но ждал, пока пленница выскажет их вслух.

– Помню, при нашей первой встрече, вы сказали, что от моего поведения зависит не только моя жизнь, но и жизнь моих товарищей... – после непродолжительного молчания сказала она. – Если я стану вашей наложницей, или рабыней, или любовницей – как пожелаете – вы согласитесь отпустить моих товарищей?

Санхар минуту молчал, словно раздумывая, и ответил:

– Я бы мог сказать, что не в твоём положении выдвигать

какие-либо условия, но знаю, каких усилий тебе стоит пойти на это... Потому, просто соглашусь. Ты станешь моей, а твои товарищи вернутся к своим семьям. Договорились?

– Договорились... – преодолевая внутреннее сопротивление, ответила девушка.

– Тогда скрепим наш договор поцелуем. По нему я узнаю, искренна ли ты в своём решении.

Санхар приблизился и положил руки ей на плечи. Девушка посмотрела на него взглядом, говорившим без слов, что с большим удовольствием она всадила бы ему в сердце нож, но послушно раскрыла губы для поцелуя и даже попыталась ответить на него. Санхар вложил в свой поцелуй всю нежность, которую смог проявить к этой непокорной красавице, и, кажется, сумел что-то затронуть в её душе, так как на миг она расслабилась, отдаваясь его ласкам.

После поцелуя он взял её за руку, и они покинули Башню Невест.

Акс без энтузиазма встретил новую самку друга. Он не понимал, что Санхар находит в этих женщинах. Ему было чуждо понятие любви, он понимал только зов плоти. Но от этой самки и не пахло желанием, которое проявляют самки его породы во время течки. Он вообще не понимал людей, которые совершают столько глупых поступков ради своих самок. Сам Акс волочился за сучками, только когда они проявляли желание, и не обращал внимания в другое время.

Санхар поселил девушку в комнате, которую ранее за-

нимал Грациан, перебравшийся сейчас на женскую половину, поближе к возлюбленной Мильсе. Затем они спустились в темницы, где барон сообщил пленникам, что по просьбе Элиды, он отпускает их на свободу. Он посоветовал им больше никогда не появляться в его владениях. После этого пленных вымыли, переодели, накормили и под конвоем отправили к границам Кламара. Стоя на крепостной стене, Элида с бесстрастным лицом наблюдала, как уходят её товарищи. Один из воинов обернулся и послал девушке прощальный жест. Она не ответила на него, стоя неподвижно, словно каменная статуя. Санхар чувствовал, какие душевные муки испытывает Элида, глядя на уходящих, но не пытался её утешить или как-то отвлечь, опасаясь нарваться на грубость, о которой она потом пожалеет. Пусть она сама успокоится и привыкнет к своему положению.

И правда, через несколько дней Элида сама пришла в спальню Санхара. Она улыбалась, хотя была несколько напряжена. Санхар отнёс её скрытое беспокойство к издержкам строптивного характера.

– Я хочу исполнить свой долг, милорд, – сказала она, сбрасывая лёгкий шёлковый халат, под которым было только её обнажённое прекрасное тело.

Санхар окинул изучающим взглядом стройную подтянутую фигуру с узкими бёдрами, длинными ногами и маленькой упругой грудью. Она немного смахивала на мальчишку и напомнила ему Грациана в дни его юности, когда они только

познакомились и познали друг друга.

Санхар откинул край покрывала, приглашая девушку на ложе. Она легла рядом, слегка напряжённая и обеспокоенная. Но мужчина, проявив терпение и ласку, применив все познанные им за столетие приёмы любовной игры, сумел разбудить в девушке страсть и пробудить желание. И, спустя некоторое время, она, возбуждённая и жаждущая продолжения, сама попросила его о близости, и приняла его с охотой и нетерпением. Санхар не разочаровал девушку, постаравшись доставить ей максимум удовольствия, не думая о себе, так как хотел, чтобы она полюбила его и жаждала встреч не по необходимости, а по собственной воле.

Он ублажал её почти до рассвета, и она стонала и рыдала в его объятиях, кричала и дрожала от наслаждения, пока не насытилась до предела. И только лишь, когда Элида обессилено задремала в его объятиях, он позволил себе расслабиться и отдаться богу сновидений и грёз.

Разбудил его сильный сигнал тревоги. Но одурманенный любовной игрой и затуманенный сном мозг не сразу сообразил, откуда грозит опасность. Лишь когда он почувствовал сильную боль в груди, то понял, что Элида его обманула: её скрытый страх и напряжение относились не к преодолению упрямого характера, а к затаённой мысли о мести, которую она вынашивала. Приспав его осторожность мнимой покорностью, дождавшись, когда он уснёт, она достала спрятанный заранее нож и вонзила его в сердце, как она полагала, врага.

У Санхара ещё хватило сил спросить: «За что?..», прежде чем дыхание его прервалось, а в глазах померк свет зарождающегося утра. Ведь удар девушки был точен и профессионален – широкое лезвие ножа вошло прямо в сердце, мгновенно остановив его живительный трепет. Он уже не видел и не слышал, как Элида, переодевшись в его одежду и прихватив оружие, незаметно покинула спальню.

Глава 8

Бездыханное тело лежало до тех пор, пока вернувшийся с ночной охоты Акс не обнаружил его и ужасным воем не переполошил всех обитателей замка. Сбежавшиеся на шум слуги и челядь со страхом взирали на труп господина и взбесившегося от ярости и горя пса. Он не подпустил к телу никого, кроме Грациана, которого знал и любил так же, как и Санхар.

К счастью, со слов Санхара, Грациан знал, что нужно делать в подобных ситуациях. Он вынул из раны нож и прикрыл её чистой повязкой. Затем, укрыв товарища потеплее, оставил в покое. Акс, увидев, что о его друге позаботились, покрутился по комнате, тщательно её исследуя и всё обнюхивая, и сообщил, что этой ночью здесь была новая самка господина. Грациан приказал разыскать девушку, но её нигде не было. Акс проследил следы беглянки до того места, где она покинула замок, спустившись со стены. Там же он обнаружил и спрятанный труп одного из стражников. Тогда Грациан приказал выследить и поймать преступницу, но не убивать, а вернуть в замок, и послал нескольких воинов вслед за Аксом.

Великолепное чутьё помогало Аксу легко улавливать запах девушки, и он стремительно шёл по следу. Конные воины еле успевали за ним, двигаясь быстрой рысью. Акс без-

ошибочно привёл их к тому месту, где беглянка остановилась передохнуть, уверенная, что её уже не настигнут. Она как раз склонилась над ручьём и утоляла жажду после нескольких часов утомительного бега, когда Акс, словно белая молния, вылетел из зарослей и повалил её на землю. Мощные челюсти мгновенно сомкнулись на шее преступницы, и, если бы не подоспевшие воины, пёс бы загрыз её, невзирая на приказ Грациана. Желая хоть как-то выместить на убийце свою ярость, он потащил её по земле, перепуганную и задыхающуюся, грозно рыча и сжимая челюсти всякий раз, как только жертва пыталась оказать сопротивление. Воинам еле удалось уговорить пса отпустить пленницу, чтобы они могли вернуть её в замок. Связав ей руки, набросили на шею петлю и повели обратно. Акс шёл следом, грозно скаля зубы и кусая за ноги каждый раз, как только она спотыкалась или начинала отставать. Ненависть и ярость кипели к его душе, и он выплёскивал их в злобных взглядах и болезненных укусах.

Когда они прибыли в замок, беглянка была обессилена и окровавлена, особенно пострадали её ноги, на которых зубы Акса оставили множество кровоточащих ран. Преступницу привязали к столбу, у которого наказывали нерадивых или непокорных рабов, и оставили без воды и пищи до выздоровления господина. Правда, все домочадцы были уверены, что Белый Барон мёртв, и не понимали, почему Грациан медлит с похоронами.

Капитан Ричар, баронесса Сабуотер и Мильса были обеспокоены больше всех, и каждый имел для этого вескую причину. Капитана беспокоили жадные соседи и не менее жадные родственники, которые, узнав о смерти Белого Барона, могут попытаться захватить его земли. Баронесса не знала, кто станет защитником ей и маленькому Лукиану, и какая опасность теперь им грозит. Мильса тоже беспокоилась о сыне и своей участи, но также раздумывала, сможет ли Грациан занять место Санхара, и какие выгоды это сулит ей.

Всеобщее смятение длилось три дня, а на четвёртый, рано утром, Санхар вышел из своей спальни, как всегда сильный, здоровый и уверенный. Потрясение тех, кто уверовал в его смерть, было столь сильным, что несколько служанок упали в обморок, увидев его. Санхар быстро восстановил порядок в замке и селениях, проехав во главе отряда по границам бароната, чтобы показать соседям, что слухи о его смерти преждевременны.

Вернувшись в замок, он пожелал увидеть причину всей этой суматохи и неприятного инцидента. Остановившись перед обессилено повисшей на столбе пленницей, он несколько минут задумчиво её рассматривал, словно решая, что сделать. Несмотря на полуобморочное состояние, девушка, словно почувствовав его взгляд, подняла голову и взглянула на того, кого она считала мёртвым. В её запавших тусклых глазах отразилось сначала удивление, а потом появился настоящий ужас. Она смотрела на невредимого и пышущего

здоровьем Санхара, как на дух, восставший из могилы, чтобы выпить её кровь, рассказами о которых ученики пугали друг друга холодными зимними вечерами в Школе Меченосцев.

Приблизившись, Санхар взял девушку за подбородок и приподнял голову, заглядывая в затуманенные болью и смертельной усталостью глаза.

– За что ты меня убила? – спросил он, и, помолчав, добавил. – Если тебе не понравилась моя любовь, могла бы просто сказать об этом.

Когда смысл произнесённого дошёл до сознания пленницы, её тело начало сотрясаться от смеха. Этот смех больше напоминал стон и рыдания, чем веселье.

– Раз ты ещё не лишилась чувство юмора, значит, не всё потеряно... – констатировал Санхар, перерезая верёвки. Взяв девушку на руки, отнёс в её комнату. Послав за лекарем, приказал приготовить горячую ванну, в которой лично вымыл девушку, а затем уложил в постель. Напоил её холодным сидром и покормил из ложечки тёплой жидкой похлёбкой, потому что её руки отекали и онемели, и она не могла даже пальцем пошевелить. Акс с неодобрением следил за всеми действиями Санхара, а когда он оставил больную наедине с лекарем, спросил:

«Почему ты заботаешься о ней, после того, как она навредила тебе?»

– Она всего лишь глупая женщина, а я учусь прощать.

«Она злая. Убей её!»

– Нет.

«Ты всегда убивал самок, если они не слушались тебя».

– Тогда я был молодым и горячим... К тому же, это не такая женщина, которые были у меня прежде. Те были глупыми самками – тут ты прав. Но эта – хищница! Это самка гиззарда. Потому она мне нравится, несмотря на несносный характер. Я хочу покорить её, и я своего добьюсь!

«Гиззард – враг. Его нужно убить. Самка гиззарда – опасный враг, и её тоже нужно убить. Она снова навредит тебе. Избавься от неё. Я не доверяю ей».

– Я тоже больше не буду так доверчив... Но я хочу эту самку гиззарда. Жаль, что ты не понимаешь меня, дружище...

«Да, я не понимаю тебя, Санхар. Ты поступаешь неразумно. Но это твой выбор. Я должен защищать тебя, поэтому буду следить за ней. И если она попытается ещё раз навредить тебе, я её убью!»

– Договорились, друг мой, – улыбнулся принц.

Акс демонстративно улёгся у двери, ведущей в комнату Элиды, всем своим видом показывая, что он больше не позволит этой негодной самке навредить другу.

Благодаря хорошему уходу и заботам лекаря, которому Санхар приказал любым способом поставить девушку на ноги, Элида быстро оправилась от ран и перенесённых испытаний. Вскоре она уже свободно передвигалась по замку под недружелюбными и недоумёнными взглядами стражников и

челяди. Никто не понимал, почему господин так снисходителен к ней. Но открыто проявлять враждебность к пленнице опасались, не зная, как воспримет это барон.

Санхар же относился к Элиде так, словно ничего не случилось: был приветлив, заботлив и щедр. Каждый раз, при встрече, девушка невольно напрягалась, словно ожидая удара, а получая очередной подарок, терялась, будто не желая его принимать, но боясь отказом рассердить дарителя. Санхар не предпринимал никаких попыток к сближению, не делал никаких намёков на интимную близость, вёл себя ровно и вежливо, как с Мильсой или баронессой Сабуотер. Он разрешил ей свободно ходить по замку и крепости, но запретил покидать их пределы. Покидать замок она могла только в компании Санхара, который, иногда, брал её на верховые прогулки. При этом их всегда сопровождал Акс. После поимки, а также, видя недружелюбное отношение к ней пса, Элида панически его боялась и пряталась за спину Санхара всякий раз, когда Акс подходил слишком близко.

Девушка заметила необычайный ум и понятливость собаки, и то, что Санхар разговаривает с ним, получая непонятные для неё ответы. Это удивляло её, как и многое другое, что она замечала за бароном. Однажды она подсмотрела, когда он переодевался, но не увидела на чистой гладкой коже ни единой царапины или шрама, даже следа от удара ножом, нанесённого её рукой. Набравшись смелости, она спросила, как такое может быть, и тот ли он человек, который любил

её в ту роковую ночь? Санхар улыбнулся и ответил:

– Прости, дорогая, что забыл тебя предупредить: меня невозможно убить... Ни яд, ни камень, ни меч, ни даже деревянный кол, который используют против духов, не уложат меня в могилу... Так что выбрось подобные мысли из головы, если ещё мечтаешь об этом.

– Тогда, кто же вы? – пролепетала изумлённая девушка.

– Ты не поверишь... Я – Бессмертный из рода Бессмертных... Можешь считать меня богом или демоном, как тебе угодно. Только забудь о мести... Кстати, я так до сих пор и не понял, за что? Я отпустил твоих товарищей, как ты просила. Я не принуждал тебя к близости, пока ты сама не пришла ко мне. Я любил тебя так, как до сих пор не любил ни одну женщину... За что ты меня до сих пор ненавидишь?

Элида опустила голову и тихо ответила:

– Меня с самого детства учили, что нужно быть верным своему господину, даже если он не достоин этого... Его враги становятся твоими врагами, а с врагами нужно бороться, пока стучит сердце и рука держит меч. Я королевский гвардеец, а ты – горный барон. Горные бароны, как и вальдо, были извечными врагами илларийских королей... К тому же, в том бою погибли многие мои товарищи, в том числе тот, кто был мне особенно дорог...

– Но ведь не я начал тот бой. Упрямство и спесь вашего капитана вынудили меня применить силу. А твой господин – король – отказался от своих верных воинов, когда прислал

выкуп за груз и мастеров. И ты всё ещё верна ему?

Элида тяжело вздохнула. Ей нелегко давалось осознание правды. Но она не была тупой служаккой и понимала, что дорога в королевство ей закрыта, даже если каким-то чудом она освободится из-под опеки этого странного Белого Барона и захочет вернуться домой. Ей оставался один выход, если она не хотела провести остаток своей жизни в плену или, того хуже, в качестве бесправной рабыни. И она сделала правильный выбор.

– Я прошу прощения за свой неразумный поступок и... прошу принять меня на службу, если это возможно... Я хочу служить вам, милорд, и клянусь вам в верности и чести.

Санхар заглянул ей в душу и почувствовал, что девушка искренна в своих желаниях. Положив руку на плечо, он ответил:

– Я прощаю тебя, Элида. Что было между нами – ушло в прошлое. Но в будущем я не потерплю обмана и притворства. Если хочешь быть со мной – иди до конца. Если не хочешь – скажи об этом сразу. Если захочешь уехать – я не стану тебя удерживать, как бы мне ни не хотелось с тобой расставаться. Но если потом мы встретимся, как враги – я убью тебя без сожаления.

Элида взглянула в прозрачные зелёные глаза и улыбнулась. Затем опустилась на одно колено, склонила голову и произнесла слова клятвы:

– Я останусь и буду с вами, пока смерть или воля богов

не разлучат нас. Клянусь именем Богини-Матери и своей честью служить вам верно с этого момента и пока обстоятельства или ваша воля не снимут с меня этой клятвы. Моя жизнь теперь принадлежит вам, мой меч – ваш меч, милорд.

– Я не требовал от тебя клятвы, но раз уж ты произнесла её – принимаю... – он поднял девушку и заглянул в её глаза. – И ещё: Элида Сайтли, ты согласна стать моей супругой и разделить со мной ложе по доброй воле и согласию?

В глазах девушки вспыхнуло удивление, а потом они радостно заблестели.

– Да... – тихо ответила она.

Санхар наклонился и нежно поцеловал её. Элида искренне ответила на поцелуй.

– А теперь ответь: ты хочешь пышную свадьбу по обычаям горных баронов или достаточно клятвы перед алтарём? – прошептал принц, обнимая невесту.

– Церемонии так утомительны... К тому же я не знаю, как себя вести и что делать.

– Согласен... Достаточно будет небольшого обряда венчания и весёлой пирушки для моих людей.

Весть о помолвке Белого Барона и безродной пленницы, которая чуть не прикончила его, не стала для соседей такой уж поразительной. Они уже привыкли, что узурпатор замка Сабуотер нарушает веками установленные традиции и обычаи. Он был чужаком, пришлым – и этим всё объяснялось. И свадьбу он сыграл странную: не было торжеств, гостей, пира.

Он и невеста просто обменялись брачными клятвами перед алтарём в присутствии жреца и двух свидетелей, и устроили застолье для челяди и воинов. После свадьбы молодая жена, вместо того, чтобы перебраться на женскую половину и заняться домом и хозяйством, возглавила один из отрядов, и целыми днями патрулировала границы, гонялась за разбойниками, взимала налоги и воевала с непокорными варварами. Но она никогда не вмешивалась в конфликты на дороге. Это была прерогатива супруга. И ещё, по слухам, барон так и не порвал отношений со своим любовником Грацианом, даже после женитьбы. Как к этому относилась молодая баронесса – неизвестно, но парочка иногда покидала замок, отправляясь якобы на охоту, и возвращалась только через несколько дней, часто без добычи. В замке в это время правила принцесса, как приказал называть супругу Санхар, ибо он всё время утверждал, что есть принц королевской крови. Он никогда не претендовал на титул барона Сабуотера, всецело отдав его юному Лукиану.

Принц и принцесса жили дружно и в согласии несколько лет. Нельзя сказать, что между ними царил безумная любовь. Их отношения походили, скорее, на дружбу, подкреплённую клятвой верности. Они не часто разделяли общее ложе, в остальное время Санхар продолжал пользоваться услугами наложниц или уединялся с Грацианом, делая это, правда, тайно, за пределами замка, чтобы не шокировать Элиду. Его супруга не относилась к разряду страстных или ревни-

вых женщин, и такие отношения устраивали обоих. Женившись на Элиде, Санхар приобрёл не любовницу, а друга и помощника, которому мог доверять. Ведь данная ею клятва верности не позволяла девушке вредить ему ни под каким предлогом. К тому же Элида была хорошим воином и женщиной с твёрдым жёстким характером, и отлично подходила на роль хозяйки замка и бароната в его отсутствие. А последнее время Санхар начал часто и надолго уезжать в одному ему известном направлении. Он не брал в поездки никого, даже любимчика Грациана или Акса. Но однажды, из очередной пятидневной поездки, он вернулся в сопровождении отряда наёмников, а потом неожиданно напал на ближайшего соседа, захватив его земли и замок. Через год подобное повторилось с другим соседом, и владения Белого Барона стали самыми большими в Ледеберге. Остальные горные бароны забеспокоились, начали срочно укреплять свои замки и усиливать гарнизоны. Белый Барон же, совместно с супругой, занялся обучением наёмников и реорганизацией дружины. Его баронат стал похож на крошечное государство со своей столицей, селениями, войсками и полицией. Множество фермеров работали на него, отдавая часть урожая и скота, снабжая замки провизией и содержа армию. Дружина барона разделилась на пограничные отряды, дорожный патруль и гвардейцев, которые следили за порядком на землях бароната, принимали участие в набегах и отбивали вражеские нападения.

Лукиан подрастал. Санхар занялся его обучением, и учил так, словно он был его собственным сыном. Мальчик уже знал, что Санхар – не его отец, но от этого его любовь к принцу не стала меньше.

Так как в жилах мальчика текла кровь многих поколений горных баронов, он оказался способным учеником. К пятнадцати годам прекрасно держался в седле, стрелял из лука, фехтовал лучше всех своих ровесников, легко побеждал в единоборстве более сильных воинов, мыслил масштабно и стратегически. Лукиан был смел и находчив, но немного вспыльчив, как и дед. Санхар учил его сдерживать эмоции, обдумывать поступки и предвидеть последствия.

– Не начинай дела, которое не в силах завершить, – не раз говорил он. – Не завидуй другим, гордись тем, что имеешь.

С годами Санхар начал замечать, что с ним происходит что-то непонятное. Вечерами, особенно после захода солнца, он начинал ощущать странную усталость, почти незнакомую прежде. По утрам тело не переполняла энергия бодрости, как обычно. Ему не хотелось вставать, а тянуло поваляться в постели подольше. Затем появилась сонливость. Особенно остро он ощутил это с приходом зимы. Он стал на удивление вялым и ленивым. Возникло странное навязчивое желание, крепнувшее с каждым днём: хотелось спрятаться в тихом тёплом уединённом месте и уснуть. И чтобы его никто не трогал и не беспокоил. Его начали раздражать люди, и даже самые близкие и любимые существа – Акс, Грациан, Элида.

Не зная и не понимая, что с ним происходит – мать никогда не рассказывала о чём-либо подобном – Санхар сначала беспокоился, что заразился какой-то тяжёлой болезнью, которую организм не может побороть. Но затем и Акс стал ленивым и сонливым, а Санхар не знал ни одной болезни, которой могут болеть Бессмертные, одновременно и люди, и животные. Тогда Санхар понял, что то, что происходит с ним и его другом детства, естественное состояние их бессмертных тел, которые, по-видимому, нуждались в каком-то периоде покоя после долгих лет активной жизни. Они с Аксом были почти ровесниками. Если Санхар родился от бессмертных родителей, то Акс переродился в довольно раннем щенячьем возрасте. Поэтому им почти одновременно понадобился такой отдых. Те же, кто стал Бессмертным в зрелые годы, как, например, его мать, отец или Грациан, не нуждались в подобном отдыхе.

Санхар не знал, сколько продлится такое состояние, и каким оно будет – подобным сну или мнимой смерти, как при перерождении, и сколько продлится: декаду, месяц или год, поэтому, с первым весенним теплом приготовил себе убежище в тайном укромном месте. Это была сухая прохладная пещера в труднодоступном месте, куда мог взобраться только такой сильный человек, как он. Для большей безопасности, он снабдил её крепкой дверью с внутренним запором. В пещере он поместил толстое ложе из сухого мха, сена и веток юсса и покрыл его меховой накидкой. Затем приготовил

запас пищи в виде бочонка солонины и припас бочонок лёгкого вина, которое хорошо утоляло жажду и могло храниться долгое время.

Когда убежище было готово, Санхар сообщил близким, что должен на некоторое время покинуть их, и отправился к убежищу пешком, в сопровождении верного Акса.

Стояла ранняя весна, когда он вошёл в пещеру и закрыл за собой дверь. Сняв лишнюю одежду, положив рядом оружие, он вытянулся на ложе, закутавшись в тёплое шерстяное покрывало. Тело приятно расслабилось. Он не стал больше сопротивляться непреодолимой усталости и желанию закрыть глаза и уснуть. Акс покрутился по пещере и улёгся у его ног, положив морду на вытянутые лапы. Оба закрыли сонные глаза, и вскоре погрузились в глубокий, похожий на оцепенение, сон.

Санхар не сказал, когда вернётся, и Элида, и Грациан терпеливо его ждали. Но прошла весна, за ней жаркое грозовое лето, промелькнула осень, а следом и зима. Прошёл год, а о Санхаре не было ни слуху, ни духу. Он никогда прежде не оставлял замок так надолго. Грациан начал беспокоиться, но Элида не теряла присутствия духа. Она правила баронатом твёрдой рукой. Лукиан ещё не достиг совершеннолетия и не мог вступить в свои права, да и не стремился к этому. Ему нравилась беззаботная жизнь юного наследника. Он ходил в походы или развлекался на охоте, кутил со сверстниками на пирушках и познавал женскую любовь, устраивал турниры

или охотничьи соревнования. Он совсем не желал забивать голову проблемами замка и бароната, управлять и руководить, решать споры и вершить правосудие, подсчитывать доходы и расходы, и думать о тысяче других необходимых дел.

После загадочного исчезновения Санхара, Грациан как бы остался не у дел. Элида прекрасно справлялась со всем сама, к тому же у неё имелись более компетентные помощники. Лукиан тоже вырос и более не нуждался в его опеке. Мильса постарела, стала зрелой матроной, а Грациан оставался двадцатипятилетним парнем, во всяком случае, внешне.

Чувствуя свою ненужность, Грациан решил покинуть замок и уехать в путешествие. Сообщив о своём решении Элиде, которую никак не тронуло это известие, он взял на конюшне хорошего коня, прихватил свои немалые сбережения, и покинул замок, направившись в Медаус, куда они так и не попали с Санхаром в своё время. Он планировал вернуться в замок спустя какое-то время, в надежде, что Санхар к тому времени объявится.

А пока под копытами его коня стелилась узкая серая лента каменистой горной дороги, петлявшей среди лесистых гор и холмов Ледеберга, и он ещё никогда не чувствовал себя таким одиноким...

Конец второй части

Часть третья. Доблестный сын

Глава 1

Пробуждение было медленным и тяжёлым. Первым проснулось сознание, но глаза не открывались, словно веки склеились. Но и с закрытыми глазами Санхар ЗНАЛ и ОЩУЩАЛ окружающее пространство. Он ещё не видел, но уже ЗНАЛ, что его оцепеневшее тело обступают массивные, шероховатые, влажные стены, до мельчайших подробностей ЗНАЛ, как выглядит пещера, в которой находится, ЗНАЛ, что снаружи в разгаре лето, солнце поливает землю знойными лучами и веет лёгкий северный ветерок. Эти знания странным образом переплетались в мозгу с остатками уходящего сна, и непонятно было, это ещё сон или уже явь.

Затем пробудилось тело. Лёгкие болезненно сжались, а затем судорожно распрямились, наполняясь воздухом и насыщая побужавшую по жилам кровь необходимым кислородом. Сердце застучало сильно и ровно, разгоняя застывшую в долгом сне кровь, бег которой отдался в пальцах рук и ног неприятным покалыванием. Санхар снова попытался открыть глаза, и тяжёлые веки неохотно поднялись, впуская в отвыкшие от работы зрачки скудный свет, на который они болезненно отреагировали. Несколько раз моргнув, чтобы

разогреть застывшие мышцы и увлажнить пересохшие глаза, Санхар попытался подняться, но тело, оцепеневшее в долгой неподвижности, не слушалось. Ему пришлось по очереди, применив волевое усилие, напрячь все мышцы одну за другой несколько раз, пока суставы и конечности приобрели некоторую гибкость и подвижность. С трудом поднявшись, Санхар сел, ощутив сильное головокружение, которое быстро прошло.

Последними проснулись чувства. Первым и самым сильным стала жажда. Санхар вспомнил о припасах и потянулся к стоявшему рядом бочонку. Вытащив затычку крепкими зубами, нацедил в запыленную кружку прохладную, пенящуюся, кисло-сладкую жидкость и с жадностью выпил. В желудок влилось ещё несколько кружек, пока жажда не отступила. В голове немного прояснилось, в теле исчезло чувство тяжести, но зато появился невыносимый зуд. Санхар почесал руку, затем спину, потом грудь. Послышались треск и сухой шелест. Осмотрев себя, он увидел, что кожа слезит грязно-серыми лохмотьями, обнажая здоровую, упругую, розовую, как у младенца, чистую кожу. Сбросив одежду, Санхар скрутил её в жгут и начал усиленно растирать тело, отслаивая и сбрасывая старую кожу, словно линяющая змея. Он заметил на ложе и свои старые свалявшиеся волосы. Пошупав голову, обнаружил новые – густые, шелковистые и блестящие, словно серебро, ещё не слишком длинные, едва прикрывавшие шею и уши.

Растираясь, обратил внимание на невероятную худобу тела – кожа да кости. Это его не удивило, ведь, пока он спал, организм поддерживал силы собственными запасами.

Приведя себя в порядок, Санхар вспомнил об Аксе. Пёс ещё спал, вытянувшись на боку, в коконе из старой вылезшей шерсти. Зато новая, белоснежная и шелковистая, искрилась в полумраке, словно свежесыпавший снег при свете звёзд.

Санхар откинул запор и распахнул дверь, впуская в пещеру свет, тепло и свежий воздух. Выйдя на солнце, подставил горячим лучам жаждущее тепла и света тело, и физически ощутил, как солнечный жар проникает внутрь, обжигая новую нежную кожу и прогревая кости. С каждой живительной волной Санхар получал заряд энергии, которая наполняла его, словно жидкость пустой сосуд, возвращая телу необходимые силы. Только, когда испытал знакомое чувство избытка сил, он вернулся в пещеру и вынес наружу Акса. Тот уже проснулся, но был ещё вялым и скованным. Санхар уложил его на солнышке, а сам оделся, взял оружие и спустился вниз.

Как только тело полностью восстановилось, оно потребовало еды. Еды сытной, калорийной и питательной – мяса. Санхар тут же, непостижимым образом, УЗНАЛ, что поблизости находится крупное животное, и ЗНАЛ, в каком направлении его искать. Это новое чувство всезнания отличалось от прежнего эмоционального восприятия. Раньше он просто чувствовал эмоциональные проявления живых существ, лишь различая их и отделяя людей от животных. Но

сейчас он просто ЗНАЛ, словно видел всё каким-то непостижимым образом, и знания эти были чёткими, понятными и конкретными: вон там пасётся олень, он находится на небольшой поляне у ручья, а в десяти шагах севернее по лесу крадется горный волк в поисках мелкой дичи; в двух шагах справа, среди камней, скользнула змейка, убегая от него – Санхар это ЗНАЛ, хотя и не видел самой змеи.

Санхар подтянул тетиву, вставил в арбалет стрелу и направился к оленю. Он подкрался к животному с подветренной стороны, и олень не почувствовал его приближения. Хватило одного выстрела, чтобы сразить животное наповал. Олень ещё бился в агонии, когда Санхар приблизился и перерезал ему горло. Глядя на вытекающую из раны кровь, Санхар вдруг почувствовал непреодолимое желание напиться. Не противясь этому, на первый взгляд, дикому желанию, он встал на колени и припал к шее оленя губами, глотая тёплую, солёную, живительную влагу. Когда источник иссяк, он вскрыл брюхо, вырезал печень и съел её сырой и ещё тёплой. Глотая большие, полупережеванные куски, Санхар подумал, что никогда не ел ничего вкуснее.

Утолив первые голодные позывы, Санхар выпотрошил дичь, положил на плечи и легко понёс к пещере. Акс уже окончательно пришёл в себя и спустился вниз. Он с жадностью набросился на принесённое мясо. Рвал его с яростью изголодавшегося хищника, и глотал, почти не прожёвывая, пока не набил усохшее брюхо. Сбегав к ручью и уто-

лив жажду, вернулся к туше и улёгся рядом, чтобы никто не смог утащить бесценное мясо. Санхар, конечно же, не наелся несколькими глотками крови и печенью, потому составил Аксу компанию, вырезая из туши самые нежные и жирные кусочки и жуя их сырыми, запивая вином из бочонка.

Эту ночь они провели под открытым небом, рядом с тушей оленя, которая таяла просто на глазах. Санхар разжёг костёр, и теперь поджаривал мясо, нанизывая его на прутики. Акс тоже с удовольствием лакомился жарким. Под утро, для разнообразия, он даже погрыз кости, чтобы полакомиться жирным сладким костным мозгом.

Когда взошло солнце, сытые и полные сил, друзья искупались в ручье и направились на юг, возвращаясь в замок.

Санхар не знал, сколько прошло времени с тех пор, когда он закрыл дверь пещеры, и до сего дня. Тогда стояла ранняя весна, сейчас разгар лета. Возможно, прошло несколько месяцев, а может, и целый год.

Санхар шёл так, чтобы обойти стороной все селения и фермы. Это было легко, ведь теперь он ЗНАЛ, что находится на расстоянии нескольких кемов вокруг него. Приблизившись к замку, он тут же УЗНАЛ, что он полон людей и там проходит какое-то торжество.

Когда они вышли на дорогу, ведущую к замку, дозорные на стенах заметили их, и в замке началось сильное волнение. Вскоре оттуда выехал всадник, одетый в яркие праздничные одежды, и поскакал ему навстречу. Санхар сразу его узнал,

как только тот показался в воротах замка: это был юный Лукиан. Правда, теперь он выглядел старше. Когда Санхар уходил в пещеру, мальчику не было и шестнадцати, а сейчас он выглядел зрелым юношей лет двадцати. Значит, сон продлился больше пяти лет! Это открытие удивило Бессмертного, но не более.

Лукиан осадил коня в двух шагах от Санхара и спрыгнул на землю.

– Милорд! Акс! Вы вернулись! – воскликнул он, и в его голосе слышалась неподдельная радость.

– Здравствуй, Лукиан! – ответил Санхар, обнимая юношу. Акс радостно взвизгнул, встал на задние лапы, положил передние на плечи юного барона и облизал ему всё лицо. – Ты вырос... Сколько мы не виделись?

– Пять лет и пять месяцев, ответил юноша.

– Да, многовато... – думая о своём, протянул Санхар.

– А вы совсем не изменились... Только похудели. Где вы пропадали, милорд? У нас столько всего произошло!

– Новости расскажешь потом. А сейчас скажи: по какому поводу праздник?

– Я вступаю во владения баронатом, разве вы не знаете? – удивился Лукиан. – Я объявил об этом ещё месяц назад, и подумал, что вы вернулись домой ради этого торжества...

– Вернулся домой? Хорошо сказано... Но теперь это твой дом, а я в нём всего лишь гость.

– О, нет, милорд! Сабуотер всегда будет вашим домом!

– Спасибо на добром слове, мой мальчик... А как принцесса Элида? Она без боя уступила тебе власть?

– Вы не знаете? – Лукиан слегка смутился.

– Что?

– Миледи умерла полгода назад, поэтому я и принимаю баронат, хотя, если честно, не очень к этому стремлюсь.

Это печальное известие вызвало у Санхара лишь лёгкую грусть.

– От чего же умерла принцесса? Как это случилось?

Лукиан смутился ещё больше.

– Она умерла при родах...

– При родах? – эта новость удивила Санхара намного больше, чем все остальные. – У неё был ребёнок?

– Да... Она родила девочку. Но возраст и всякие осложнения... Миледи не сумела оправиться после родов и умерла от горячки.

Санхар посмотрел на внимательно слушавшего их разговор Акса, и печально улыбнулся.

– Что скажешь, дружище? Элида снова натянула мне нос!

«Эта самка обманула тебя», – ответил пёс и презрительно качнул хвостом.

– И кто же отец ребёнка?

– Неизвестно... Ходят разные слухи, но никому ничего не известно... Миледи никогда не упоминала его имени.

– Расскажи мне о слухах, – потребовал Санхар.

– Одни говорят, что это кто-то из дружинников. Другие

уверены, что это новый раб-акробат, появившийся у нас два года назад. А некоторые утверждают, что это... хм... господин Грациан... Но лично я в это не верю.

– Это не Грациан, – твёрдо ответил Санхар. – Кто угодно, но не он.

– Тогда остаются воин и раб... Я думаю, лучше бы, чтобы это был господин Грациан...

– Может быть... Кстати, где он? Я не чувствую его... Почему он не встречает меня?

– Грациана нет в замке. Он уехал через год после вашего... исчезновения. Но он приезжает каждый год весной. Господин Грациан рассказывал, что живёт в Медаусе у какой-то вдовы и служит стражником.

– Почему же он не остался в замке?

– Не знаю... Его никто не прогонял... Я рад, что вы наконец-то вернулись. Я рад видеть вас в своём доме. И в вашем тоже... – поправился юноша.

– Взаимно, мой мальчик... Продолжим праздник? Какое мероприятие прервал мой приход?

Глава 2

Санхар захотел взглянуть на дочь Элиды. Малышкой опекалась баронесса Сабуотер. Когда принц появился в детской, баронесса слегка встревожилась. И хотя, за долгие годы, прожитые под одной крышей с чужаком, она, как ей казалось, хорошо изучила нрав и характер принца, но его неожиданное возвращение в день вступления Лукиана в права владения вызывали подозрения и тревогу. И неожиданный интерес к малышке-бастарде тоже вызывал беспокойство. Что он задумал и какие вынашивает планы, можно только гадать, ибо по его бесстрастному лицу нельзя догадаться ни о чувствах Санхара, ни о настроении.

Девочке на днях исполнилось семь месяцев. Крепкий, упитанный, подвижный ребёнок. Она уже хорошо стояла, держась цепкими пальчиками за перила деревянной кровати, и пританцовывая на толстеньких сильных ножках. Увидев незнакомца, она не испугалась, а внимательно посмотрела на него пристальным взглядом и приветливо улыбнулась, обнажив розовые дёсна с двумя крошечными зубками на нижней челюсти. Санхар склонился над кроватью и произнёс:

– Привет, Элфина.

Малышка вновь широко улыбнулась, отцепила одну ручку от перил и схватила Санхара за белокурую прядь, неосторож-

но свесившуюся рядом. Санхар улыбнулся в ответ и подхватил девочку на руки. Когда он впервые прикоснулся к ней, по телу словно пробежала лёгкая судорога, похожая на озноб. Это странное ощущение удивило и озадачило его.

Санхар поднял малышку над головой и внимательно всмотрелся в крошечное смеющееся личико, узнавая в нём черты когда-то любимой женщины. Элфина была и похожа, и не похожа на мать. Такие же золотисто-светлые волосы, смешно торчащие над маленькими ушками и обрамлявшие кудряшками круглое личико с ровными чёткими бровями, носиком-кнопкой и треугольником детских губ. Но глаза – большие, широко поставленные – были тёмно-карими, а не синими, как у матери. У Элфины глаза были круглыми и казались удивлёнными, обрамлённые густыми тёмными ресницами. Если бы Санхар не знал, что Грациан не смог бы зачать детей от смертной, то поверил слухам, что малышка его дочь.

Санхар прижал Элфину к груди, и девчушка тут же занялась его волосами, пробуя их на прочность и вкус. Болезненные подёргивания и возня малютки вовсе не раздражали мужчину. Он погрузился в себя, не обращая внимания на её забавы и окружающих, с удивлением прислушиваясь к чувствам, которые рождала в его душе эта кроха: тепло, нежность и чувство удовлетворения, словно Элфина была его собственной дочерью. Санхар не понимал, почему эта бабстарда вызывает у него такие несвойственные ему чувства,

ведь не настолько он любил её мать, чтобы перенести эту любовь на плод её чрева. Может, оттого, что она напомнила ему детство, когда он вот так же сидел на руках отца, играя его длинными белоснежными волосами?

Элфина особенно сильно потянула его за волосы, выдрав несколько волосков и выведя Санхара из задумчивости. Нянька бросилась к малышке, упрекая её за неосторожность и прося у принца прощения. Санхар передал ей девочку, повернулся и вышел из комнаты.

Лукиан любезно предоставил принцу его старые апартаменты и прислугу, которая служила ему пять лет назад. Вернувшись к себе, Санхар послал слугу за капитаном Ричаром.

Капитан заметно постарел с их первой встречи, особенно это бросалось в глаза сейчас, когда они не виделись пять лет. Войдя, капитан поклонился и произнёс традиционную фразу, которую Санхар прежде слышал каждое утро:

– Приветствую вас, барон.

– Оставь, Кайс, – махнул рукой Санхар. – Я уже не барон, я здесь только гость.

– Очень жаль... – обронил капитан.

– Почему? – насторожился принц.

– Потому, что многие считают юного барона слишком молодым, чтобы управлять баронатом. Соседи уверены, что он не сумеет удержать завоёванные вами земли в руках, и готовятся отхватить свой кусок. Да и некоторые дружинники не верят в Лукиана... Последние пять лет, пока вас не бы-

ло, он не очень вникал в дела управления, предоставив всю власть миледи, а сам забавлялся с наложницами и развлекался с друзьями.

– Ну что ж, теперь ему придётся менять привычки. Он стал бароном, и он им останется, хочется ему этого или нет... Я могу помочь ему некоторое время, поддержку советом и мечом, но не собираюсь оставаться здесь надолго. Моё время здесь истекает. Скоро я уеду, но теперь уже навсегда.

– Очень жаль... – вновь повторил Ричар. – Думаю, в Сабуотере уже никогда не будет такого господина, как вы...

– Кто знает? Может, будут и лучше меня?.. – усмехнулся Санхар. – Но я тебя позвал не для того, чтобы обсуждать мои непревзойдённые управленческие качества... Садись.

Он пригласил его за стол, на котором уже стояли кувшин крепкого вина, ваза с печеньем и варёными в меду фруктами, и два серебряных кубка. Разлив вино по кубкам, Санхар поднял свой и произнёс:

– За встречу!

– За встречу! – повторил капитан и залпом осушил кубок. Санхар вновь наполнил опустевшую посуду.

– Кайс, ты был моей правой рукой, а последние пять лет правой рукой миледи... Я уверен, ты знаешь всё, что происходит в замке и за его пределами. Скажи, друг мой, ничего не скрывая и не опасаясь за последствия, кто отец девочки?

Ричар сразу понял, о какой девочке идёт речь. Он опустил глаза, глядя в кубок, словно любовался игрой пурпурных от-

блесков на полированном серебре. Санхар чувствовал и его колебание, и смятение мыслей, но терпеливо ждал.

– Я точно не знаю, – наконец произнёс капитан. – Не уверен... Но зачем вам его имя? Вы хотите отомстить?

– Я просто хочу это знать, – спокойно ответил Санхар.

– Я не уверен полностью, но думаю, что это Толис – раб-акробат. Он появился у нас через два года после вашего ухода... Это был чертовски красивый парень... Почти, как господин Грациан, только более... мужественный. Миледи сразу положила глаз на этого красавчика. Но она держалась очень долго... А вас всё не было. И никаких слухов, словно вы провалились сквозь землю. Многие думали, что вы погибли. Мы выслали разведчиков, прочесали близкие и дальние окрестности, подкупили слуг всех соседей – думали, может, кто-то держит вас в тайном заточении? Но о вас не поступало никаких известий, а Толис был молод, хорош и находился рядом...

– Почему был? Он умер?

– Когда миледи поняла, что больше не может скрывать беременность, она тайно вывезла Толиса из бароната, дала свободу и немного денег... Я об этом знаю, так как сопровождал их в этой поездке. Она взяла с меня клятву молчания, а в замке объявила, что раб убежал. Даже послала на его поиски слуг. Для отвода глаз она приблизила к себе нескольких молодых воинов, чтобы сбить с толку злые языки. Вот поэтому в замке и ходит столько слухов об отце девочки.

– Если ты так много знаешь, почему тогда не уверен, что Толис – истинный отец ребёнка?

– Потому что думаю, что акробат тоже мог быть прикрытием для кого-то другого... Например, господина Грациана.

– Ну, нет, – засмеялся Санхар. – Только не он...

– Вы всегда его защищали и прощали, казалось бы, непростимое...

– Только не в этом случае... Просто я знаю, что ни я, ни Грациан, не можем иметь детей от... – он умолк на полуслове, не закончив фразу.

Санхар уловил всплеск удивления и любопытства Ричара, но не стал объясняться, а тот не осмелился потребовать объяснений.

– Тогда это Толис, – твёрдо произнёс капитан.

– Раб.

– Раб.

– Это ничего не значит, так как Элфина вырастет свободной и богатой. Я позабочусь о ней.

– У вас доброе сердце, милорд... – пробормотал капитан.

– Я думаю, Элида хотела бы именно этого... К тому же, малышка мне очень нравится... Сам не знаю, почему.

Санхар предложил Лукиану свою помощь, сказав:

– Я приехал сюда не как хозяин, а как гость. Не надейся, что я снова начну управлять баронатом, а ты будешь бездельничать и гулять. Время беззаботной жизни прошло. Я больше не твой опекун, а ты не маленький мальчик. Теперь

я твой добрый мудрый дядюшка. Если тебе нужны моя помощь или совет – я всегда к твоим услугам. Не нужны – не обижусь. Я здесь временный гость. Скоро покину эти края навсегда... Эпоха Белого Барона закончилась, настал час барона Сабуотера. Теперь ты будешь править, а я – развлекаться и отдыхать...

Санхар не шутил, говоря о развлечениях. Первым делом он устроил именины Элфины, куда пригласил немногих друзей и соседей, с которыми состоял, в своё время, в хороших отношениях. Так как у малышки не было ни отца, ни матери, Санхар выступил в роли обоих, сидя на месте отца и держа малютку на коленях.

Он много времени проводил с Элфиной, намного больше, чем в своё время с Лукианом, потому что сейчас его ничто не отвлекало от исполнения отцовских обязанностей. Он видел её первые шаги, лицезрел первые зубки, сам впервые посадил на коня. Так как все в замке обращались к Санхару только «господин» и «милорд», то её первое слово к нему было «мила», а не «папа».

Глава 3

Весной, как обычно, в замок прибыл Грациан. Санхар почувствовал его приближение задолго до его появления. Это было новое необычное чувство, которого Санхар прежде не испытывал.

Он играл с Элфиной на крыше, пуская в бассейне полых глиняных уточек, разрисованных яркими красками, словно настоящие птички. Уточки плавали неохотно, и Элфина с визгом плескала ладошкой по воде, чтобы создать волны, на которых уточки забавно покачивались. Брызги летели во все стороны, и малышка, и Санхар, придерживавший её, чтобы она не упала в бассейн, промокли до нитки. День стоял жаркий и безветренный и Санхар не беспокоился о здоровье девочки. Он усиленно помогал Элфине, создавая в тихой воде бассейна целую бурю.

Внезапно его охватило странное чувство, похожее на чувство опасности, но какое-то неясное и размытое. Это походило на сильное волнение в ожидании какого-то важного события. Это чувство усиливалось с каждой минутой, и Санхар не мог его игнорировать.

Позвав няньку, он передал ей захныкавшую из-за прерванной игры малышку и приказал отнести в замок, а сам приблизился к краю парапета и окинул взглядом окрестности. Вокруг замка простиралось обычное безлюдное про-

странство и ничто не вызывало тревоги. Но Санхар ЗНАЛ, что кто-то приближается по дороге, пока ещё невидимый и недоступный обычному взгляду. Но этот кто-то не пугал его, не вызывал опасения или подозрения, а, наоборот, был желанным и жданным.

Санхар быстро спустился во двор, вскочил на дежурную лошадь, предназначенную для посыльного, и галопом поскакал вниз по дороге.

Он встретил его в двух кемах от замка – всадника на усталом коне и в запыленном плаще, но, даже не заглядывая в прикрытое шлёмом лицо, понял, что это Грациан.

Грациан тоже увидел и узнал его ещё издали, и пришпорил усталого коня. Встретившись на полпути, они соскочили с сёдел и крепко обнялись. Только сейчас Санхар почувствовал, как соскучился по товарищу. Он обнимал его и хлопал по спине, всматриваясь в загорелое обветренное лицо и радуясь долгожданной встрече... Неожиданно он почувствовал небывалое возбуждение. По-видимому, Грациана обуяли те же чувства, так как его глаза заблестели, а губы приоткрылись в ожидании поцелуя. Горячие дружеские объятия превратились в страстные любовные, губы слились в жадном поцелуе, а тела охватила любовная жажда. Они удалились от дороги, спрятавшись в зарослях, и упали на землю, нетерпеливо срывая друг с друга одежду. Затем немедленно отдались взаимным ласкам и слились в любовном единении.

Когда схлынула волна страсти, Санхар откинулся на спи-

ну и удручённо пробормотал:

– Извини, Грас... Сам не знаю, что на меня накатило... До сих пор я так не возбуждался даже от женщины... Ты первый, с кем я переспал, с тех пор, как вернулся.

– Я и сам не знал, что до сих пор желаю этого... В Медаусе у меня есть женщина. Я живу с нею несколько лет, и мне никогда не хотелось лечь с мужчиной... Пока я не увидел тебя.

Санхар отметил, что Грациан изменился. Он не сказал, как прежде, «вас» и не добавил «господин». Говорил свободно и непринуждённо, с некоторой ноткой уверенности и властности в голосе, не свойственных ему ранее. Санхар улыбнулся и произнёс:

– Ты повзрослел, мой мальчик. Разлука пошла тебе на пользу. Ты больше не нуждаешься в моей опеке.

– Это плохо?

– Нет. Это хорошо... Расскажи, где был и что делал это время.

– Сначала оденемся. Я не хочу, чтобы нас застали в таком положении... Я не стыжусь нашей любви, но все уже забыли, кем я был когда-то, и я не хочу напоминать им об этом.

Они, не спеша, оделись и спустились к дороге. Лошади мирно и дружно пощипывали молодые побеги юсса. Взобравшись в сёдла, они поехали бок о бок, и Грациан рассказал свою историю.

Покинув Сабуотер, он уехал в Медаус, устроился на служ-

бу к одному местному вельможе в качестве стражника, познакомился с симпатичной вдовой, у которой снимал квартиру. Каждый год, весной, примерно в одно время, он приезжал в замок, чтобы узнать новости о Санхаре, если такие вдруг появятся.

– А ты давно вернулся? – спросил он, закончив свой короткий рассказ.

– Прошлым летом.

– Где же ты пропадал целых пять лет? Тебя повсюду искали, но ты словно сквозь землю провалился! Я подумал, что ты решил вернуться домой, но удивлялся, почему не сказал о своём решении мне... Сначала, даже, обиделся немного...

– Я спал.

– Спал? – удивился Грациан. – Спал пять лет?

– Сам в недоумении... Помнишь, каким я был перед уходом? Словно больной...

– Да.

– Мне хотелось где-то спрятаться и уснуть, словно горному медведю, впадающему в зимнюю спячку... Я не понимал, что со мной происходит, ведь ни с кем из моих родных не происходило ничего подобного...

– Меня тоже никогда не тянуло на подобное...

– Я приготовил укромное место в пещере и удалился туда с Аксом, который тоже впадал в то же состояние, что и я. Мы уснули почти мгновенно... Думал, это состояние продлится недолго: месяц, от силы год. Но, как видишь, про-

шло целых пять лет и пять месяцев. Когда мы проснулись, то увидели, что с нас слезла старая кожа и выпали волосы и шерсть. Мы полностью обновились, как изнутри, так и снаружи... Возможно, когда-нибудь, лет через сто или двести, или через другой срок, с тобой тоже произойдёт нечто подобное... Если, вдруг, почувствуешь необычную немотивированную усталость, сонливость и желание забиться в тёмный угол – не пугайся, а подготовь себе тихое надёжное место, где тебя никто не потревожит, ляг и усни. Только постарайся, чтобы рядом были вода и еда – после пробуждение жутко хочется пить и есть.

Затем они заговорили о делах в замке. Санхар рассказал о переменах, произошедших в Сабуотере, о которых Грациан ещё не знал, и сообщил, что взял на воспитание дочь Элиды.

– Ты всегда был добр к детям...

– Потому что никогда не имел собственных и не знаю, будут ли они у меня... Но эта девочка – нечто особенное. Сам не знаю почему, но я испытываю к ней особые чувства, совсем не такие, как к Лукиану... Словно она моя, родная...

– Ты любил Элиду?

– Не настолько... Нас связывает что-то, чего не выразишь словами, это надо только прочувствовать.

– Хм... – удивлённо ответил Грациан, так как легко уловил эмоции товарища, когда тот говорил об Элфине.

Пробыв в замке несколько дней, Грациан собрался в обратный путь. Санхар уговаривал его остаться, но тот катего-

рически отказался.

– Что я здесь буду делать? Я здесь никто. А в Медаусе я старший стражник и мне подчиняются двадцать воинов, которых я учу и за которых отвечаю. Я уважаемый человек. У меня есть женщина, которая меня любит, и которая нуждается в моей помощи и защите. Нет, я вернусь в Медаус. Лучше ты приезжай ко мне.

– Дорога в Медаус для меня закрыта, во всяком случае, ещё лет пятьдесят. Слишком многие знают в лицо Белого Барона... Но я не останусь и в Сабуотере. Как только Элфина подрастёт, я уеду. Последуешь ли ты за мной, Грациан, как в прежние времена? Мы ведь хотели посмотреть мир. Или ты осел в Медаусе на вечные времена?

– Нет, конечно. Ты сам говорил, что мы не можем находиться на одном месте больше десяти – двадцати лет... Но сейчас я не могу дать ответ. Спроси меня об этом, когда будешь собираться в путь. Теперь, когда я знаю, что ты здесь, постараюсь приезжать почаще.

Глава 4

Санхар часто рассказывал подрастающей Элфине о её матери. Он говорил, какая она была красивая, умная, сильная, смелая. Рассказывал о её воинских подвигах и о Школе Меченосцев, в которой она училась. Внимательно слушая приёмного отца, маленькая Элфина познавала и любила мать из его рассказов. Она представляла её волшебной принцессой из сказок, которые рассказывала на ночь нянька; в своих детских грёзах видела её ослепительной красавицей, доброй, нежной и заботливой. Она мечтала, что, когда вырастет, тоже поступит в Школу Меченосцев, чтобы стать такой же бесстрашной воительницей, как её мать. Санхар всячески поддерживал в девочке эти мечты, так как уже решил дальнейшую судьбу малышки. Он знал, что в замке Сабуотер её ждёт нерадостное будущее – внебрачная дочь ушедшего узурпатора, рождённая от раба. В Школе же происхождение не имело значения. Из рассказов Элиды Санхар знал, что в Школу Меченосцев берут любых детей-сирот, и дальнейшее пребывание ребёнка в Школе зависит от его характера и способностей. Из старательных и умелых воспитывали стражников, телохранителей, воинов, а ленивых, трусливых и неспособных отсеивали, и, по слухам, продавали в рабство. Но в Школу принимали и детей обеспеченных родителей за оговоренную плату. Таких учили, невзирая на их способно-

сти, и после десяти лет обучения возвращали родителям.

Санхар мог бы сам заниматься воспитанием Элфины, но ближайшие несколько лет он планировал провести в путешествиях или принять участие в какой-нибудь аванюре, и малышка стала бы обузой. Вот когда она вырастет и станет взрослым обученным воином, он снова возьмёт над ней опеку и займётся устройством её дальнейшей судьбы.

Когда Элфине исполнилось восемь лет, Санхар сообщил Грациану, что собирается покинуть замок и отправиться в Ландию, и, если тот желает составить ему компанию, он будет только рад. Грациан подумал и согласился, только попросил месяц отсрочки, чтобы уладить дела в Медаусе.

Санхар сообщил о своём отъезде и Лукиану. Молодого барона, которому все эти годы Санхар был сильной поддержкой и мудрым советником, расстроило известие. Он уговаривал его остаться, обещал всяческие блага, но Санхар ответил твёрдым «нет».

– Хватит опираться на клюку, Лукиан. Ты достаточно силен и мудр, чтобы самостоятельно управиться со своим хозяйством. Я научил тебя всему, что знал и умел. Пора становиться тем, кем ты рождён – единоличным правителем и владыкой. У тебя есть хорошие помощники, на которых можешь смело положиться: капитан Ричар и дворецкий Атрикс. Они служили твоему деду, служили мне, послужат и тебе. У них есть немалый опыт и мудрость старости. Прислушивайся к их советам, но решения всегда принимай самостоятельно.

Капитана Ричара и многих воинов тоже огорчило известие о скором отъезде принца. Они понимали, что теперь Белый Барон покинет их навсегда. До сих пор одна лишь его грозная слава держала многих завистливых и агрессивных соседей в узде, и умудрённые опытом вояки опасались, что после отъезда Санхара могут начаться тяжёлые для бароната времена.

Как-то вечером Ричар привёл к Санхару младшего сына и сказал:

– Милорд, это Рисен – мой самый младший... Он и несколько его товарищей просят принять их на службу, и желают сопровождать вас в походе.

Санхар посмотрел на юношу, которому не было ещё и двадцати, и спросил:

– А что он умеет, кроме игры в мяч и порчи рабынь?

Юноша смутился, а Ричар скупно улыбнулся.

– Он ещё молод, милорд, это так, но я обучил его всему, что должен знать и уметь «горный волк». Смею вас уверить – это настоящий «волчонок».

– Если ты так утверждаешь – верю... Но я больше никогда не вернусь сюда. Если он уедет со мной, то, возможно и наверняка, никогда больше не увидит родной дом. Отпускаешь ли ты его от чистого сердца и согласен ли он сам навсегда покинуть отчий дом? Рисен?

– Да, милорд! – с горячностью воскликнул юноша. – Я всегда мечтал увидеть другие места и страны, мне надоело си-

деть в тесноте границ бароната!

– А что скажешь ты, Кайс?

– Да, милорд... Пусть едет. Он всегда был непоседой. Служба у вас даст ему больше знаний и опыта, чем в нашей дружине.

Санхар задумался. Вообще-то, он не планировал брать кого-либо с собой, кроме Грациана, если тот согласится. Но небольшая собственная дружина может ему пригодиться в полном опасностей и неожиданностей путешествии. Это придаст ему вес в глазах встречных, и не придётся отвлекаться на собственную безопасность, когда он будет путешествовать с Элфиной.

– Тогда деловой вопрос, – сказал он после непродолжительного молчания. – Я сейчас не смогу вам платить по достоинству, ведь я теперь не барон, а простой обыватель.

– Достаточно, если вы позаботитесь о нашем пропитании и одежде, – ответил Рисен. – А когда мы докажем, что стоим большего, тогда и поговорим о достойном жаловании.

– Ты такой же мудрый, как и твой отец, – с улыбкой одобрения ответил Санхар.

Через несколько декад небольшая вереница всадников покинула ворота замка Сабуотер и направилась на север, углубляясь в дебри Ледеберга. Впереди бежал Акс, высматривая и вынюхивая ближайшую опасность, за ним ехал Грациан, следом Санхар с сидящей на коленях Элфиной. Позади двигались шестеро дружинников во главе с Рисеном Ричаром, ко-

того Санхар назначил командиром своего маленького отряда. Все дружинники – товарищи и ровесники командира, и за каждого тот поручился перед господином своей головой, сказав, что они храбрые и умелые воины и надёжные товарищи. В качестве оплаты Санхар пообещал передать юношам своё воинское мастерство, чему те искренне обрадовались, так как с младенческих лет слышали о доблести и непобедимости Белого Барона. И теперь, на ночных привалах, после разбивки и обустройства лагеря, Санхар добросовестно тренировал своё «войско».

Уже после первых дней путешествия, которое проходило дикими безлюдными местами Ледеберга, Санхар по достоинству оценил своих воинов, и был рад, что согласился взять их на службу. Одна пара глаз – хорошо, две пары умелых рук – отлично, но когда и глаз, и ушей, и рук очень много – великолепно! Правда, его ментальные способности плохо действовали при больших скоплениях народа. Это всё равно, что пытаться расслышать плеск бегущего неподалеку ручья, стоя возле ревущего водопада. Их мысли и сумбурные эмоции сбивали его с толку и смазывали картину «видения» окружающего пространства. Так отклоняет намагниченную иглу большой кусок магнитной руды, лежащий рядом.

Но если бы Санхар путешествовал один, ему всё время пришлось бы держаться настороже, постоянно держать мозг открытым, «прислушиваясь» и «присматриваясь» к окружающему пространству в поисках потенциальной опасности, а

это очень утомляло. Если всё время держать мозг открытым и без перерыва сканировать окружающее пространство, то через два-три дня начинались сильные головные боли, избавиться от которых помогал только глубокий продолжительный сон.

Ночью, если Санхар оставлял мозг открытым для восприятия, он практически не мог спать, так как его будила любая козявка, проползавшая мимо, не говоря уже о более крупных существах со своими собственными эмоциями и примитивным разумом, излучавшим простые мысли и желания, которые мгновенно становились известны Санхару, совершенно не желавшему их знать, но который не мог этому воспрепятствовать.

Путешествуя в большой компании, Санхар мог позволить себе быть просто человеком, наглухо закрыв мозг для чужого восприятия, только иногда слегка приоткрываясь, чтобы узнать, «чем дышат» его дружинники, не замышляют ли чего, и как себя чувствуют, во всех смыслах этого слова. Ведь Санхар вёз с собой не только Элфину, но и ценный груз – сундучок с золотом и драгоценностями, личное богатство, накопленное за годы правления в баронате. Все знали об этом грузе, и это было опасное знание. Кого-то могло соблазнить богатство Белого Барона и толкнуть на необдуманый поступок. Но пока что Санхар ни в ком из дружинников не замечал нехороших мыслей или подозрительных намерений. Может быть, Рисен и его друзья, в самом деле, были чест-

ными и верными данному слову ребятами, а может, слава беспощадного и неуязвимого воина сдерживала их хищнические инстинкты «горных волков».

Как бы там ни было, а путешествие проходило тихо и мирно, если не считать мелких стычек с хищниками, границы владений которых они неосторожно нарушали. Чутьё Акса ни разу его не подвело, агрессивность и инстинкт убийцы заставляли каждый раз бросаться на врага и вступать с ним в смертельный поединок. Пока Акс развлекался дракой, люди спокойно проезжали мимо.

Когда путешественники пересекли границы Кламара (без ведома его стражей, конечно, и не платя въездной сбор), то продолжили путешествие западной частью герцогства, тоже покрытой густыми лесами, но совершенно безопасными, так как местные охотники изрядно проредили здешнюю фауну. Хищники теперь опасались людей и, по возможности, избегали с ними встречи.

На двадцать первый день путешественники выехали на берег Вины – широкой пограничной реки, отделявшей владения герцога Кламарского от диких земель Северного Ледеберга. Следуя вдоль берега, они достигли города Кер, где находилась паромная переправа, соединявшая два отрезка Ландийского тракта.

Покидая Сабуотер, Санхар приказал своим дружинникам оставить дома знаменитые кожаные костюмы и шлёмы с плюмажами из хвостов лэев. Он не хотел, чтобы каждый

встречный мгновенно мог опознать их, как «горных волков». Он заставил их надеть обычную одежду. И хотя юноши понимали, почему господин выдвинул такое странное требование, но были недовольны его решением, ведь с младенческих лет гордились принадлежностью к когорте «горных волков». Однако им пришлось подчиниться, так как они прекрасно понимали, что будут находиться не на своей земле, а «на вражеской территории своим флагом не машут». «Сначала захвати страну, а потом диктуй свои законы», – говорит ас-светская пословица.

Передохнув в местной гостинице всего лишь ночь, утром следующего дня Санхар и его свита вступили на паром и переправились на другой берег реки. Эта спешка оправдывалась тем, что принц хотел поскорее покинуть территорию Кламара, которому в своё время доставил немало неприятностей. Он опасался, что кто-нибудь опознает его как Белого Барона, или его люди выдадут себя неосторожным словом или необдуманном поступком, что приведёт к большим или малым неприятностям. А Санхар старался избегать их, пока на руках находилась Элфина.

Глава 5

Переход через Северный Ледеберг по Ландийскому тракту намного легче и удобней, чем по дебрям Западного Ледеберга и лесам Кламара, так как проходил хорошей дорогой, вымощенной плотно подогнанными друг к другу булыжниками, что позволяло передвигаться без труда даже в сильный дождь. К тому же некоторые предприимчивые дельцы построили у дороги постоянные дворы, невзирая на удалённость от цивилизованных мест и опасность разбойных нападений. В них усталый путник мог поесть горячей пищи, вымыться в бане и выспаться в нормальной постели. Санхар и его люди продвигались быстро и с некоторым комфортом, благодаря нюху Акса и наблюдательности Грациана избегая опасностей и засад разбойников.

Ближе к границам Ландии они вступили в местность, где тоже властвовали горные бароны, взимавшие плату за проезд по своей территории или просто беззастенчиво грабившие путешественников. Чтобы не ввязываться в ненужные конфликты, Санхар просто съехал с дороги и продвигался напрямик, умело обходя посты и замки горных баронов. Это немного замедлило путешествие, но он ведь никуда не спешил, а безопасность похода сейчас для него была важнее резвости.

Спустя два десятка дней после переправы через Вину, от-

ряд Санхара пересёк границу Ландии, чего, впрочем, даже не заметил, так как местность вокруг не изменилась – осталась всё такой же дикой и пустынной.

Им понадобилось ещё двенадцать дней неторопливого и осторожного продвижения, пока они достигли цели – крепости Святой Лианны, в которой находилась Школа Меченосцев. Пришлось расспрашивать дорогу у местных жителей, которых они почти не понимали, а те не понимали их, потому что, в основном, это были полуцивилизованные варвары, из которых состояла большая часть населения Ландии.

Но вот, наконец, они выехали на дорогу, ведущую непосредственно к крепости, уединённо стоящей на берегу горной реки.

Крепость была большой и мрачной. Серые гранитные стены вздымались ввысь, украшенные высокими зубцами. Ворота охраняла широкая квадратная башня, а по углам вздымались ещё четыре – массивные и приземистые.

Ворота крепости были гостеприимно распахнуты. Казалось, никто их не охраняет. Но, приблизившись, путники увидели четырёх стражников, вооружённых копьями и мечами: двух девушек и двух юношей пятнадцати-шестнадцати лет. Они выглядели юно и несерьёзно, словно дети, вырядившиеся в одежды взрослых. Но их не по-детски суровые и холодные взгляды говорили, что стоят они здесь не ради забавы.

Заметив подъезжающих всадников, стражники быстро пе-

регруппировались так, чтобы, в случае внезапного нападения, перекрыть въезд и обезвредить врагов.

Приказав своим людям остановиться, Санхар подъехал к воротам один, и произнёс:

– Принц Санхар Аоста из Трикора желает побеседовать с Великой Региной.

Его выслушали молча, не сводя с незнакомца настороженного взгляда, затем одна из девушек удалилась в скрытую в стене нишу, и через мгновение за стеной прозвучал звон бронзового колокола. Девушка вернулась на своё место. Спустя несколько минут, из ворот вышла высокая стройная женщина, одетая в чёрный кожаный костюм с многочисленными серебряными украшениями. В её лице проглядывали виольские черты, поэтому Санхар, заговорив с ней, повторил свою просьбу по-виольски. Это вызвало в душе женщины искреннее удивление, но никак не отразилось на бесстрастном холодном лице и в тёмных непроницаемых глазах.

– Следуйте за мной, милорд, – ответила она по-ассветски. – Коня оставьте здесь, о нём позаботятся.

Санхар спешил, взял за руку слегка оробевшую Элфину, и последовал за проводницей.

Женщина привела их в замок, на второй этаж, где передала в руки другой такой же дежурной, похожей на неё, как сестра-близнец, благодаря кожаному, с нашитыми украшениями костюму, причёске и бесстрастному холодному лицу.

Эта провожатая привела их в небольшую комнату с удоб-

ными креслами и столиками перед ними, пригласила сесть и удалилась. Через минуту в комнату вошёл раб и поставил перед гостями кувшин прохладного напитка, вазочку сухого печенья с орехами и изюмом и тарель с фруктами. С поклоном отступив к двери, остался там, то ли в ожидании ещё каких-либо пожеланий, то ли приставленный в качестве соглядатая. Санхар предложил Элфине угощаться и сам осушил кубок приятного на вкус фруктово-медового напитка. Девочка уже успокоилась и с любопытством осматривалась вокруг. Она знала, где и зачем находится, понимала, что дядя Санхар привёз её сюда не на экскурсию, но скорое расставание не печалило юное сердечко. Она так долго мечтала сюда попасть, что сейчас с нетерпением ждала того момента, когда станет ученицей в знаменитой Школе.

Дежурная вернулась где-то через четверть часа и вновь повела их по коридорам. Они поднялись ещё на один этаж и вошли в небольшой уютный кабинет, выходящий окнами во двор, где на тренировочных площадках шли занятия. Регина стояла у открытого окна и наблюдала за суетящимися внизу учениками. Высокая, ещё не старая виолка, со стройной сильной фигурой, облачённой в прекрасно сшитый кожаный костюм из тонко выделанной кожи, украшенный золотом и драгоценными камнями. На поясе из змеиной кожи висели только ножны с «айосцем» и непрременный шнурок-удавка, а прекрасной работы меч в драгоценных ножнах висел на видном месте на стене, но так, чтобы его легко и

быстро можно было взять.

Повернувшись к вошедшим, она окинула их внимательным взглядом синих холодных глаз. Взгляд лишь скользнул по Элфине, а на Санхаре задержался на несколько мгновений, и вельх уловил неподдельный интерес.

Регина указала на одно из кресел и сама села напротив. Элфине сесть не предложили, поэтому девочка стала позади кресла Санхара, с любопытством глядя на виолку.

– Слушаю вас, милорд, – произнесла регина негромким приятным голосом. – Что привело вас в наши края?

– Я привёз вам дочь моей покойной супруги, вашей бывшей выпускницы, чтобы она, как в своё время её мать, прошла обучение в вашей Школе.

Регина несколько мгновений молча смотрела на собеседника, словно обдумывая его слова, затем её взгляд переместился на Элфину и вернулся на лицо Санхара. Не найдя сходства, регина уточнила:

– Это ваша дочь?

– Нет... Это дочь моей умершей супруги. Когда девочка зачалась и появилась на свет, я отсутствовал дома некоторое время... Но, хотя я не принимал участия в рождении этого ребёнка, я решил опекать её, как свою, так как боги ещё не наградили меня собственными. Я привёз её сюда не затем, чтобы избавиться навсегда, а, чтобы она получила начальное образование и военные навыки... Когда она пройдёт полный курс обучения в вашей Школе, я заберу её и займусь даль-

нейшим обучением и воспитанием самостоятельно.

– Почему вы не делаете то же самое теперь?

– Ближайшие несколько лет я проведу в путешествиях и буду некоторым образом занят... Малышка будет мне обузой.

– Вы ознакомлены с правилами Школы?

– Супруга в своё время подробно рассказывала о них...

Если с тех пор ничего не изменилось.

– Нет. Обычно мы сами выбираем детей для обучения, но бывают случаи, когда родители или опекуны привозят нам своих подопечных. Но условия обучения одинаковы для всех детей – никаких поблажек «диким» или «домашним».

– Не имею ничего против.

– Девочка пробудет здесь десять лет. За это время всё может случиться, она может погибнуть во время тренировки или испытания. Такое не раз случалось.

– На всё воля Богини-Матери, так у вас, кажется, говорят?

Регина вновь пристально и с любопытством посмотрела на собеседника.

– Простите за личный вопрос, милорд, но я не могу не задать его: откуда вам известен язык наших предков и наши верования? Вам об этом не могла рассказать ваша супруга, если она не виолка по рождению. Да и вы не похожи на виола. Вы вообще не похожи ни на одну известную мне народность...

– Мой отец вельх, но моя мать виолка родом из Алмоста.

Ещё в детстве она обучила меня своему языку, своим верованиям и обычаям, так как я единственное её чадо. Богиня-Мать не послала ей дочерей. К сожалению, я не унаследовал ни одной черты своей матери, однако, она любила меня не меньше, чем любила бы похожую на неё дочь.

Регина склонила голову, удовлетворённая ответом.

– Ещё один вопрос, милорд.

– Спрашивайте.

– Как имя матери этой девочки?

– Элида Сайтли.

Регина на мгновение задумалась, а потом отрицательно качнула головой.

– Нет, не припомню такого имени... Я управляю этой Школой больше десяти лет, а до этого служила здесь наставницей.

– Возможно, она закончила её до вашего прихода сюда?

– Но тогда... – Невозмутимость на миг покинула регину, выдав её изумление.

– Да, когда она родила Элфину, ей было больше сорока... – заметив удивлённый взгляд виолки, он продолжил: – Когда мы встретились, ей было двадцать пять... Она была юна и прекрасна... И не смотрите на меня, как на сумасшедшего. Я не шучу и не лгу. Просто, я хорошо сохранился для своих лет...

Регина помолчала и сухо произнесла:

– Если вы хотите, чтобы ваша... протеже училась в нашей

Школе вне конкурса, то должны оплатить её обучение.

– Справедливо... Сколько?

– У нас нет фиксированной суммы, это добровольное пожертвование...

– Тысяча золотых илларийский ларсов за каждый учебный год достаточная сумма?

– Вполне... Сейчас дежурная проведёт вас в канцелярию, где вы отдадите казначею деньги, получите расписку и подпишете документ, что передаёте права на... Элфину Школе Меченосцев на десять лет. Когда пройдёт оговоренный срок, можете приехать и забрать её... Если будете ещё живы.

Санхар понял, на что намекала регина, и улыбнулся.

– Не беспокойтесь, сударыня, я приеду... Я буду здравствовать, даже когда умрут от старости ваши внуки...

– Что ж, тогда попрощайтесь с ней сейчас, ибо в следующий раз вы увидите её через десять лет. Посещения во время обучения не поощряются.

Глава 6

Санхар покинул крепость задумчивым и молчаливым. И не потому, что он грустил из-за расставания с Элфиной, к которой успел привязаться за эти годы, а потому, что вновь встретил непонимание со стороны смертных. Регина посчитала, что он морочит ей голову или неудачно шутит. А он не мог рассказать ей всей правды.

Покидая Трикор, Санхар предполагал жить жизнью простого обывателя, не говоря никому о своём необычном происхождении. Но у него не всегда получалось скрыть от посторонних всю правду. Та или иная её часть всё время обнажалась. И ему уже надоело каждый раз выдумывать какие-то байки, чтобы объяснить то или иное своё качество. Может быть, потому так крепка была дружба с Грацианом, что им не приходилось притворяться друг перед другом, и они могли свободно общаться и обсуждать свои проблемы?

Теперь жизнь в Трикоре, которая так надоела ему в своё время, Санхар вспоминал, чуть ли не с ностальгией. Там все знали и давно привыкли к тому, что их правители не такие, как остальные люди. Что они не болеют, не стареют и не умирают. Это уже ни у кого не вызывало удивления, а воспринималось, как должное. Некоторые считали правителей богами, другие демонами, но все свыклись и смирились, что они отличаются от простых смертных.

Обуреваемый воспоминаниями, Санхар впервые задумался над своей дальнейшей жизнью. До сих пор он шёл по ней, как сухой куст каталы, гнанный ветром по степи. Но ведь его мать была совсем не такой. Она сама строила свою судьбу, смело брала от жизни её дары и настойчиво преодолевала препятствия. Благодаря её воле, уму и настойчивости на картах мира появилось королевство Трикор, которое она завоевала и создала вместе с супругом, а затем, невзирая на страх, смятение и непонимание окружающих, осталась в нём править на многие десятилетия. Разве он не сын своей матери? Почему бы и ему не создать собственное королевство и осесть в нём бессмертным правителем? Или оставить его в наследство Элфине, а самому отправиться на завоевание новых земель? На Аквии много диких территорий, населенных варварами или дикарями, которые только и ждут, чтобы кто-то пришёл и заложил основы цивилизации.

Всю дорогу до Ликпола – столицы Ландии – Санхар обдумывал зародившийся в его голове план. Когда неясные мысли оформились в чёткие контуры, Санхар поделился ими с Грацианом. Они находились в комнате гостиницы, одной на двоих. То, что Грациан не снял себе отдельный номер, говорило о его всё ещё крепкой привязанности к товарищу.

Дело происходило утром. Они лежали в одной постели, а позади осталась ночь нежной и страстной любви. Они только проснулись. Голова Грациана покоилась на плече Санхара, а всё ещё по-юношески стройное тело прижималось к обна-

жённому телу друга.

Убрав с лица любовника упавшие белоснежные локоны, Санхар приподнял его за подбородок и заглянул в тёмные томные глаза.

– Малыш, нам нужно поговорить на серьёзную тему... Ты готов к такому разговору?

– Да... Говори.

– Сначала ответь на один вопрос: почему ты всё же поехал со мной, а не пошёл по жизни своим путём?

– Не знаю... Возможно, я ещё не готов... А может, понял, за годы, прожитые отдельно, что нам лучше держаться вместе. Когда всё время приходится что-то скрывать от других, иногда так хочется иметь рядом того, кому ты мог бы открыться, с кем мог бы поговорить как с равным, ничего не тая и никем не притворяясь!.. Знаешь, у меня появилась одна мечта...

– Расскажи.

– Я хочу собственный большой дом, окружённый чудесным садом; и чтобы в доме было много слуг – все юные и красивые. И чтобы мне не нужно было скрывать от них, что я бессмертный, что я не такой, как они. Чтобы я мог жить в этом доме столько, сколько захочу, хоть двадцать, хоть сто двадцать, хоть триста лет. Если мне станет скучно – я мог бы отправиться в путешествие, но я бы всегда знал, что у меня есть дом, в который я могу вернуться.

– Прекрасная мечта! – воскликнул Санхар. – И вполне

осуществимая... Помнишь, когда-то давно, когда ты только стал бессмертным, я сказал, что теперь всё в твоих руках. Что бывший раб может стать господином, даже королём, если пожелает. Я обещал рассказать тебе историю моей семьи, и сейчас самое подходящее время...

Санхар поведал историю матери, как запомнил с её слов, начав с момента побега из Алмоста и до дня, когда он покинул Трикор. Конечно, он не вдавался в подробности, рассказывая в общих чертах, но так, чтобы путь Санризы чётко прослеживался. Когда он закончил, Грациан задумчиво помолчал, а затем произнёс:

– Твоя мать – великая женщина.

– Согласен. Но я рассказал это не для того, чтобы похвастаться, а чтобы показать, что, если очень захотеть – можно добиться многого. У тебя есть мечта, у меня есть план – почему бы нам не воплотить их в действительность?

– Ты сможешь... А я... Я не стратег и не правитель... С самого раннего детства кто-то принимал решения за меня. Даже когда я решился на побег с тобой – тоже был балластом на твоём корабле. Ты много раз предлагал мне свободу, но я предпочитал оставаться рабом, потому что не умел жить самостоятельно. И даже теперь, когда я изменился, я всё ещё больше полагаюсь на других, чем на себя. Я уверен, что сам не смогу осуществить свою мечту, потому что не знаю, как это сделать, и у меня не хватит настойчивости и силы воли...

– Ты хочешь, чтобы я помог тебе осуществить твою меч-

ту?

– Без тебя я не справлюсь.

– Я помогу тебе, если ты будешь помогать мне в осуществлении моего плана.

– Что за план?

– Я хочу построить своё собственное королевство. Чем я хуже своих родителей?

– О! – искренне удивился Грациан. – Но ведь их было двое и у них была дружина.

– Нас тоже двое. И у нас тоже будет дружина.

– Но где ты её возьмёшь?

– Грас, мы находимся в стране, где каждый год выпускаются десятки умелых, обученных, ищущих службу воинов. Ликпол кишит ими – безработными выпускниками Школы Меченосцев, юными и не востребованными, а оттого недорого берущими за службу. Мы без проблем создадим такую дружину, какая нам понадобится. Три десятка таких воинов стоят трёх дружин, какая была у моего отца.

– Хорошо... А что дальше? Ты захватишь бедное маленькое государство и станешь его королём?

– Нет, я не буду воевать с цивилизованными странами.

– Тогда начнёшь строить своё королевство с нуля в дебрях Ледеберга?

– Тоже нет... Я хочу захватить большой удобный остров и стать лордом-правителем. Это для начала. А там жизнь покажет.

– Я вижу, ты уже всё обдумал...

– Да. Я задумался об этом, как только вышел из ворот крепости Святой Лианны.

– А, так потому ты был такой отрешённый... Я подумал, что ты грустишь из-за Элфины, и, честно говоря, даже немного приревновал.

– Почему?

– Мне казалось, что ты любишь эту девочку больше, чем меня.

– Какие глупости! Вы дороги мне оба. Ты по-своему, она по-своему. Я люблю и тебя, и её, и своих родителей, и даже Элиду... любил. К каждому я испытываю свои собственные чувства, и нельзя равнять одну любовь с другой!

Вместо ответа Грациан обнял Санхара и прижался к его груди. Принц тоже крепко обнял друга и так они лежали некоторое время.

Спустя несколько минут Санхар легонько похлопал Грациана по плечу и сказал:

– Продолжим наш разговор...

– Говори, я слушаю.

– У нас есть два пути: найти обжитый остров, захватить его и сделать собственностью при помощи силы и угроз. А можно найти необитаемый остров, привезти туда людей и построить всё с самого начала. Этот путь более долгий, но более спокойный, и преимущество его в том, что можно создать мир по своему желанию и вкусу, а не подстраиваться

под местные обычаи и условия. Какой путь ты предпочитаешь?

– Второй.

– Я бы выбрал первый, но соглашусь с тобой: нам некуда спешить, и мы можем построить царство по своему вкусу. Но для реализации любого из этих планов нужны две вещи: деньги и солдаты. Работников можно купить (а мы не настолько богаты), а можно захватить силой – и для этого нужны мечи и послушные руки. А ещё нам нужен корабль для поиска острова и перевозки груза. Желательно, крепкий и быстроходный, возможно, нам придётся заняться пиратством.

– Ты всегда был хорошим парнем, воевал с вальдо и разбойниками, а теперь хочешь стать пиратом?

– Я уже был горным бароном, а это те же разбойники. И вообще, я столько лет был хорошим, что, для разнообразия, можно побыть и негодяем.

– Ну, хорошо... А где мы достанем корабль? Купим или захватим силой?

– Посмотрим по обстоятельствам. Для начала нам нужно набрать наёмников. Думаю, тридцати-сорока человек будет вполне достаточно.

Глава 7

Нанять солдат в Ликполе просто: достаточно уплатить глашатаю энную сумму и изложить свои требования, и его помощники начнут выкрикивать ваше объявление на рыночной площади и на людных перекрёстках столько дней, за сколько вы заплатили.

Уже на второй день в гостиницу начали сходитья кандидаты. В основном это были «меченые» – как новички, недавно выпущенные из Школы, так и матёрые ветераны, желающие сменить службу. Приходили и просто солдаты-наёмники, и авантюристы всех мастей. С каждым кандидатом Санхар беседовал лично, выясняя его настроение, характер и моральные устои, так как дело, для которого он их нанимал, было не совсем обычным. Люди с высокими моральными принципами ему не подходили, равно как и отпетые негодяи. Он отбирал тех, кому было всё равно, кому и как служить, лишь бы вовремя платили жалованье, кто был верен своему господину, пока состоял у него на службе; ему подходили также те, кто не боялся преступить закон, если это сулило неплохую выгоду.

Спустя декаду, набралось около полусотни воинов, не считая его личной маленькой дружины. Это была разношерстная компания от шестнадцати до пятидесяти лет, состоящая из мужчин и женщин, причём вторых была почти

половина – двадцать одна девушка «меченая». Санхару пришлось арендовать пустующую ферму за городом и переехать со своей «армией» туда. Он не хотел пускаться в авантюру, не проверив «рекрутов», и не приведя их в должный порядок. Сейчас это была свора чуждых друг другу наёмников разных мастей и положения, часто презирающих один другого или даже враждующих. Предстояло создать из этой банды сильный, дисциплинированный, послушный и боеспособный отряд.

Вначале он просто наблюдал за ними: во время отдыха, на тренировках, во время обеда и работы. Выявлял потенциальных лидеров и брал на заметку взаимоотношения рекрутов. Постепенно люди перезнакомились, и напряжение, бывшее вначале очень сильным, спало. Но ещё не зародилась дружба, особенно между отдельными группами, державшимися отчуждённо. Даже девушки не держались вместе, а разделились на три клана, в каждом из которых обозначился свой лидер. Санхар подумал, и решил закрепить это разделение. Он назвал их «ядрами» – небольшое отделение из шести человек во главе с командиром, которому присвоил звание сержанта. После разделения остались три свободных человека. Три зрелых опытных воина, державшихся особняком. Санхар объединил «ядра» попарно, образовал подразделение из полутора десятков воинов, которые подчинялись лейтенанту. Теперь его дружина состояла из трёх лейтенантов, семи сержантов и пятидесяти трёх воинов, считая и Грациана, в

подчинение которому он отдал Ричара Рисена и дружинников из Сабуотера.

Реорганизовав отряд, Санхар занялся подготовкой к той миссии, которую собирался на них возложить. Тренировки продолжались с утра до вечера, пока Санхар не увидел, что его люди делают всё слажено и без ошибок, послушно выполняют самые, казалось бы, диковинные приказы, и действуют, как единый организм.

Наёмники не роптали, пока хорошо кормили и платили жалованье – Санхар не ошибся в своём выборе. Они догадывались, что наниматель гоняет их не ради забавы или для собственного удовольствия, а готовит к какому-то делу, и старательно учились, понимая, что от качества выучки зависит их жизнь.

Когда Санхар увидел, что люди готовы к большому приключению, он оставил их на попечение Грациана, а сам нанял корабль и направился на север, по пути заходя в порты Таниба, Дирского княжества, Алинского княжества, Сандиса и Племонта. В каждом государстве он задерживался на несколько дней, чтобы осмотреться и «прочувствовать обстановку». Это были не очень богатые государства, но с сильной династической властью. Большинство связывали договоры и кровные узы с соседним, большим и сильным, королевством Сатс.

С другой стороны Сатс граничил с нищим королевством Зинар, большим только по территории, но отсталым в плане

экономики. Сатс, по желанию, давно мог бы покорить соседа и присоединить его земли к своим, но такая война принесла бы больше проблем, чем выгоды. Потому ни один сатский король даже не смотрел в сторону восточного соседа.

Сначала у Санхара появилась мысль, а не стать ли ему зинарским королём? Но потом он отказался от этой идеи. Какой бы хорошей ни была его дружина, но захватить огромное королевство с полусотней воинов проблематично. С другой стороны – это место слишком многолюдно, а Санхар стремился к уединённости. И последний аргумент – Сатс. Иметь под боком столь могущественного соседа – невыгодно. А вот стать источником рабов и дешёвой рабочей силы Зинар вполне может.

Санхар развернул корабль на север и обследовал несколько десятков больших и малых островов. Некоторые из них населяли рыбаки и скотоводы под управлением местных мелких князьков. К другим капитан отказался приближаться, сказав, что это пристанища пиратов. Многие острова были безлюдны, но Санхар забраковал их из-за плохих природных условий.

Ему очень понравился остров Подкова – огромный подковообразный остров, в вогнутой части которого находились ещё пять больших и множество крошечных островов. Но Подкова была заселена и на ней правил молодой и сильный лорд, по слухам, бывший пират. Также ему приглянулся остров Лайонс – самый крупный из всех северных островов. Он

располагался у северно-восточного побережья континента и походил на застывшего в прыжке гиззарда с откинутой назад головой и поднятым хвостом, согнутыми передними лапами и вытянутыми задними. От передних до задних «лап» протянулся пояс из четырёх причудливой формы больших островов, и бесчисленного количества малых, маленьких и совсем крошечных. Моряк, открывший и исследовавший этот остров, то ли не обладал большой фантазией, то ли очень гордился собой, так как, не мудрствуя лукаво, дал всему название своего имени: большой остров назвал Лайонс, пояс островов и рифов – Лайонские острова, а мелкое спокойное море во внутреннем пространстве между ними – море Лайонса. Залив между «головой» и «хвостом» – Лайонский залив.

Но не своими причудливыми формами привлёк остров внимание Санхара. Во-первых – его размеры. Много прекрасной земли, ручьи, реки, леса и горы. Во-вторых – географическое местонахождение. Он находился в удалении от цивилизованных мест, но в то же время поблизости от двух континентов – Западного и Восточного. Он протянулся с севера на юг, и был самым южным из всех северных островов (не считая острова Медса, расположенного восточнее и южнее). Кстати, соседство с таким большим островом тоже было плюсом, потому что со временем его можно было присоединить к будущему государству.

Южное расположение, горы в северной части, укрывав-

шие от холодных северных ветров, зелень лесов, много пресной воды и плодородная тучная земля, тихое внутреннее море, укрытое от бурь и волн океана щитом из островов – всё это делало остров прекрасным местом для обитания, и единственное, что удерживало людей от заселения – удалённость от всех цивилизованных стран. Редкий корабль заходил в эти края, разве что рыболовные шхуны или пиратские корабли, ищущие уединённое убежище. Лишь отдельные купцы-смельчаки, идущие в Сатс, осмеливались плыть вдоль восточных берегов Ледеберга, сокращая путь, предпочитая более длинный, но более безопасный западный.

Капитан корабля, опытный моряк, сообщил Санхару, что остров не совсем безлюден. Летом на нём селятся ловцы устриц и собиратели жемчуга, которыми, по слухам, богаты здешние воды. Ещё на нём есть временные и постоянные базы пиратов, потому он отказался приближаться к острову, обойдя его, по просьбе Санхара, вокруг, но на приличном расстоянии.

Обследовав напоследок остров Медса, имевший весьма причудливые очертания, Санхар повернул обратно, и, спустя почти два месяца, благополучно вернулся в Ландию. Он остался доволен путешествием, как и капитан корабля, получивший щедрое вознаграждение. Он хвастался всем, кто хотел его слушать, о щедрости принца Санхара, сидя за кружкой крепкого пива в портовой таверне. Потому не удивительно, что, когда Санхар вновь появился в порту и пожелал на-

нять большой крепкий корабль для поездки на восток, нашлось много желающих предоставить ему эту услугу.

И вот дружина Санхара погрузилась на корабль, заполнив его трюмы провизией, оружием и инструментами, необходимыми в освоении необжитых земель. На корабль, жалование дружинникам, выплаченное на месяц вперёд, припасы и запасы Санхар потратил последние деньги из заветного сундука. Если его идея не выгорит, он станет нищим.

Не заходя ни в один порт, не делая никаких остановок, корабль шёл прямо на восток, держа курс на остров Лайонс. На девятый день, благодаря хорошей погоде и попутному ветру, он вошёл в воды моря Лайонса и бросил якорь у южного берега острова. Пассажиры высадились на берег, разбили лагерь и занялись разведкой окрестностей.

В течении месяца Санхар обследовал весь остров, плавая вдоль его берегов, высаживаясь то тут, то там, исследуя прилегающую местность. Разведчики нашли несколько пустых временных поселений рыбаков и ловцов устриц, а также два населенных людьми. Их пока не стали трогать. А вот лагерь пиратов, обнаруженный на берегу Лайонского залива, разгромили, а людей взяли в плен. По-видимому, это был постоянный лагерь, так дома были сделаны крепко, присутствовало много женщин и рождённых здесь же детей.

Это был первый бой дружины Санхара, и он остался доволен слаженностью и выучкой команды. Месяцы тренировок не прошли напрасно.

Обследовав всё побережье, Санхар вернулся в море Лайонса и выбрал место для будущей столицы. Ему приглянулся залив, образованный согнутой «передней лапой». Здесь простиралась прекрасная, чуть холмистая долина, ограниченная двумя небольшими реками, стекавшими с северных гор. Горы и полуостров «лапа» покрывали великолепные леса, где высились колонны стройных корабельных сосен – бесценный материал для будущих кораблей. Долину со всех сторон окружали горы, укрывая от холодных зимних ветров и посторонних недобрых глаз.

Санхар приказал разбить здесь постоянный лагерь и начать строительство укрепления. На стройке работали пленные пираты под присмотром девушек-стражниц. Строительство продвигалось медленно из-за отсутствия тягловой силы. Принц решил этот вопрос просто: оставив часть дружины под командованием Грациана на острове, с остальной частью поднялся на корабль и направился к берегам Зинара. Приблизившись к первому встречному прибрежному селению, высадился на берег рано на рассвете и напал на беззащитных мирных жителей, ограбив селение дочиста. На корабль погрузили лошадей, скот, птицу, зерно, инвентарь, инструменты, утварь, а также молодых сильных мужчин. Остальных отпустили с богом, и, тяжело гружённые, вернулись на остров.

Капитан корабля, когда Санхар сообщил ему о цели своей поездки в Зинар, сначала возмутился и категорически отказался участвовать в пиратском набеге. Но принц поставил

его перед выбором: либо он служит ему и имеет с этого выгоду, либо навсегда останется на острове и присоединится к рабам. Санхар, сын потомственного морехода, в юности управлявший собственной яхтой, при желании мог бы и сам управлять кораблём. В крайнем случае, много пленных пиратов с радостью поменялись бы с капитаном местами. Скрепя сердце, капитан согласился служить принцу Санхару, а, совершив первый набег, уже не имел пути назад, так как по законам цивилизованных стран за морской разбой и пиратство полагалась смертная казнь.

Глава 8

Благодаря периодическим набегам на незащищенные селения и городки Зинара, у Санхара постоянно был приток свежей рабочей силы, материалов и тяглового скота, отчего строительство крепости продвигалось быстро. После первых трёх набегов принц начал забирать в плен и увозить на остров целые крестьянские семьи совместно с их нехитрым скарбом: утварью, орудиями труда, ткацкими станками и припасами. Так на Лайонсе появились первые фермерские хозяйства, которые принц снабдил всем необходимым: скотом, зерном для посевов, помощниками-рабами, необходимыми орудиями труда, инвентарём. Каждому фермеру он давал во владение столько земли, сколько тот сумеет обработать, а в уплату требовал часть урожая и приплода, чтобы кормить рабов и воинов.

Не забыл Санхар и о ловцах устриц и собирателях жемчуга. Как только сезон ловли начал подходить к завершению, он вошёл в их селение с группой солдат, отобрал всё добытое, конфисковал все лодки, а самих пленил. Их закрыли в охраняемом помещении, сытно кормили, выдали тёплую одежду и не гоняли на работы. Санхар не собирался губить приносящих прибыль умельцев. Их урожай он отвёз в Сатс и с выгодой продал. Часть полученных денег выплатил наёмникам, так как задолжал им за последний месяц, а

на оставшиеся нанял в Сатсе мастеров: каменотёсов, строителей, плотников, кузнецов, ткачей, медников, литейщиков, кожевенников, резчиков по дереву и камню, гончаров, чеканщиков, оружейников, стеклодувов, портных, сапожников, угольщиков, цирюльников, кондитеров, врачей. Всех этих людей он соблазнил высокими заработками и чудесными условиями труда. Он рекомендовал им взять с собой семьи, обещая, что на месте, они получат новые светлые дома, обширные мастерские и множество рабов, отданных в услужение безвозмездно.

Когда же соблазнившиеся специалисты прибыли на место, их ждало горькое разочарование, так как вместо отдельных домов их ждал один общий барак, где их и заперли под присмотром строгих стражников. Их заставили работать, как рабов, бесплатно, только за пищу и одежду, разница была лишь в том, что им не надели ошейников и они якобы считались свободными людьми.

Вообще-то Санхар не собирался обманывать доверившихся ему людей. Но ему нужны были специалисты, а кто добровольно пойдёт на такие ужасные условия, какие существовали на острове в данный момент? Он сам жил в хижине, сложенной из дикого камня и глины. Ему предстояло на ровном месте построить город своей мечты. В этом отношении его родителям было намного легче. Они пришли и завоевали город, пусть варварский, но с готовыми строениями и населенный умелыми работниками.

Для реализации своих планов Санхар привёз на Лайонс маститого архитектора, которого купил за несколько цветных камешков. Он обязал его до следующего лета составить план будущего города-крепости и королевского дворца. Архитектор, фанат своего дела, не огорчился, увидев убогие условия, а с энтузиазмом взялся за работу. Совместно с сопровождавшими его стражниками и мальчиком-подмастерьем, он тщательно обследовал окружающие холмы, леса и горы, и обнаружил там несколько месторождений разноцветного мрамора высокого качества, красной глины для изготовления кирпичей, также известняка. Нанеся их на карту, он засел в своей хижине и принялся за чертежи и расчёты.

Близилась зима. Благодаря закрывавшим с севера горам, окружающим долину лесам и близости тёплого моря, зима оказалась не такой суровой, как можно было ожидать. Она напомнила Санхару мягкие зимы Трикора с обильными снегопадами, небольшими морозами и пасмурным небом.

Санхар постарался подготовиться к зимовке основательно: животным и скоту запасли сено, для обогрева помещений дровосеки целую осень валили в лесу и стаскивали к селению деревья, причём не только стволы, но и ветки, и даже шишки, которые собирали дети и женщины. Не обошлось и без пиратских набегов на многострадальный Зинар, где он забрал весь урожай зерна у прибрежных селений. Благодаря этому, зиму пережили без потерь. Все были сыты и обогреты. И хотя рацион не радовал разнообразием и обилием, но ни-

кто не голодал. Даже осталось зерно для весенних посевов.

Как только сошёл снег и море очистилось ото льда, работа на острове вновь закипела. За зиму архитектор накопил целую кипу планов, которые предоставил на суд Санхара. Тот выбрал наиболее понравившийся ему план и дал добро на начало работ.

Начать строительство города решили с порта и доков. Пока часть строителей возводила пирсы и пристани, другая часть – в основном, неквалифицированные работники – разрабатывали мраморные карьеры, заготавливая блоки, которые спускали в долину, на место постройки будущего города.

Так как рабочих рук во всех отраслях требовалось всё больше и больше, Санхару вновь пришлось выйти на «промысел». Теперь он нападал не только на земли Зинара, но и «подчистил» побережье Южного Гальса, Саннарии и Рунина. На острове уже работали несколько сотен рабов, разбросанных по разным участкам, и стражников на всех не хватало. Потому вновь пришлось возвращаться в Ландию.

Благодаря пиратским набегам, появились не только рабы, но и некоторая сумма денег, на которую он смог нанять в Ландии ещё несколько десятков стражников.

Не брезговал Санхар и морским разбоем. Однажды, направляясь в очередной набег за рабами, он встретил рунинский корабль, идущий в Южный Гальс. Он приказал капитану сблизиться с ним, и взял на abordаж. Его дружинники легко победили малоопытных матросов и быстро овладели

судном. Заперев команду в трюме, взяли корабль на буксир и отвели на Лайонс. В трюмах пленного корабля оказался ценный груз: бочки мёда, круги воска, кольчуги и мечи, тонкие узорчатые ткани, амфоры с вином, тюки с сушёными заморскими фруктами и слитки меди и олова. Но самым ценным приобретением был, конечно же, сам корабль. В будущем Санхар рассчитывал завести целый флот, который будет ходить во все страны мира и приносить богатую прибыль.

К осени закончили порт со складами, пирсами и доками, а также несколько новых домов и больших мастерских для особо старательных мастеров. Дома построили согласно планам архитектора, и они начинали улицу, которая шла от порта до самого королевского дворца. Эту улицу зодчий предложил назвать Королевской дорогой, но Санхар сказал, что она будет называться Улицей Первых Мастеров.

Хотя ремесленники с семьями перебрались в добротные каменные дома, Санхар и Грациан продолжали жить в маленькой хижине. Правда, под одной крышей они встречались нечасто: Санхар постоянно находился в походах, а Грациан – Главный Страж – в разъездах, курируя и контролируя работу стражников и охранников.

На третий год вокруг будущего города выросла высокая крепостная стена со всеми необходимыми постройками и надстройками, а также заложили фундамент дворца. Улица Первых Мастеров удлинилась ещё на несколько десятков домов. Население острова тоже увеличилось, благодаря

неутомимой «работе» Санхара. Возросло количество ферм, умножились стада скота, лошадиные табуны, овечьи отары. Целинные земли распахивались и засаживались овощами, фруктовыми садами и виноградниками. На побережье появились первые небольшие рыбацьи селения, снабжавшие город свежей рыбой летом, вяленой, солёной и копчёной – зимой.

Завёз Санхар на остров и молодых здоровых девушек и женщин. Как следствие, вскоре образовались семьи и начали появляться дети.

Капитан захваченного рунинского корабля тоже начал служить Санхару, так как принц забрал из Рунина его семью – жену, детей и родителей – и перевёз на Лайонс. Держа их как заложников, он принудил капитана к покорности.

В трудах и заботах месяцы пролетали незаметно. Весна следовала за зимой, лето за весной, осень за летом. И только бездеятельная зима давала хоть какое-то представление об уходящих годах.

Постепенно, прямо на глазах, город рос, обновлялся и хорошел. Строящийся по продуманному плану, он стал образцом современности: с водоснабжением и канализацией, с прямыми и широкими улицами, мощёнными гранитными плитами, с желобами для стока дождевых и талых вод, с тротуарами для прохожих. Предусмотрели места для садов и скверов, фонтанов и площадей, цветников и клумб. Скульпторы и резчики по камню украшали улицы и дома мрамор-

ными или алебастровыми статуями, барельефами и наличниками.

Долина за стенами города, когда-то дикая и поросшая сорной травой, ныне радовала глаз полосами и квадратами вспаханной земли и засеянных полей, стройными рядами разбитых виноградников и кудрявой зеленью фруктовых садов. Склоны холмов пестрели отарами пасущихся овец, стадами молочного скота, табунами лошадей. Среди всего этого изобилия проглядывали белоснежные известняковые стены и красные черепичные крыши фермерских построек и желтели глинобитные хижины рабов.

На пятый год Санхар заложил корабельную верфь и пригласил строителей-корабелов. На этот раз он действовал без обмана: их ждали дома, мастерские и рабы. Спустя два года со стапелей сошёл первый корабль. Затем каждый год на воду спускали два небольших или один большой корабль. Продавая их в других государствах, Санхар мог не только платить солдатам, рабочим и ремесленникам, но и покупать необходимые товары, а также откладывать некую сумму в зарождающуюся королевскую казну.

С каждым годом жизнь на Лайонсе становилась всё лучше и цивилизованней. Появились первые торговцы, а с постройкой маяка на остров начали заглядывать иноземные купцы. Санхар начал строить корабли для себя и посылать их за товарами в другие страны, что обходилось гораздо дешевле, чем покупать привозное.

Город разрастался, рос и королевский дворец. Его строительство подходило к завершению. Центральная часть была уже готова, и пока строители доделывали крылья и внутреннюю отделку, Санхар и Грациан перебрались в новое жилище.

Так, незаметно, в трудах и заботах, пролетело десять лет. Санхар даже удивился, когда Грациан напомнил ему о юбилее и спросил, не передумал ли он забирать Элфину из Школы Меченосцев.

– Конечно, нет! – ответил принц и тут же собрался в путь.

Глава 9

Крепость Святой Лианны нисколько не изменилась за прошедшие десять лет, впрочем, как и сам Санхар. Разве что, одежда на нём была другой, и сидел он на другом коне. Возле ворот так же стояли юные стражники, и всё было в точности так, как и в прошлый раз. Вызвали дежурную, его заставили спешиться и провели в канцелярию. Но теперь он не ждал в приёмной, а его сразу провели в кабинет регины.

Главная наставница «меченых» оставалась всё такой же стройной и подтянутой, но прошедшие годы оставили на её лице и в тёмных, гладко зачёсанных на виольский манер волосах, свой след. Облик же Санхара нисколько не изменился: свежее молодое лицо с гладкой упругой кожей, блестящие яркие глаза, длинные белоснежные шелковистые волосы. Он выглядел всё таким же тридцатилетним мужчиной, которого ещё не коснулось крыло времени: уже утратившим свежесть юности, но ещё не обретший старящий налёт зрелости. Только глубокий, умудрённый прожитыми годами и пережитыми эмоциями взгляд, выдавал его истинный возраст.

Увидев его, регина не смогла сдержать своих эмоций, проравшихся в удивлённом возгласе, в котором слышалась нотка горечи:

- Вы совсем не изменились, милорд!
- Этого нельзя сказать о вас, сударыня.

– Неужели, я так постарела?

– О, нет! Вы просто стали старше и мудрей.

Регина сдержанно улыбнулась. Ей польстил ответ принца.

– Вы приехали за Элфиной?

– Совершенно верно. Если я не ошибаюсь, прошло десять лет... Надеюсь, она закончила обучение?

– Практически, да. Но она оказалась способной ученицей, и я рекомендовала бы продолжить её обучение ещё на два года.

– Зачем?

– Она усовершенствует своё ремесло и получит некоторые дополнительные знания.

– Не думаю, что вы можете научить её чему-то такому, чего не мог бы ей дать я... Впрочем, спросим саму Элфину, хочет ли она учиться дальше, или предпочтёт уехать со мной.

– Что ж... Пусть будет так, – согласилась регина. Её не удовлетворил ответ принца, но спорить не стала.

Послали за девушкой. Ожидая её, Санхар думал, какой она сейчас стала? Последний раз он видел её восьмилетней крошкой, а сейчас Элфине уже восемнадцать. Наверное, красавица... Регину же в это время терзала тайна вечной молодости её гостя. Она бросала на принца взгляды украдкой, и старалась выискать хоть какие-то признаки старения, но не могла отыскать ни морщинки, ни сединки. Это казалось ей странным, загадочным и непонятным.

В дверь постучали. Услышав разрешение войти, порог пе-

реступила высокая стройная девушка в ученическом костюме: узкие брюки и средней длины туника без рукавов, на ногах короткие мягкие сапожки. В каждом её движении чувствовалась скрытая грация охотящегося хищника: собранность, напряжённость, готовность напасть и сокрушить. От прежней маленькой Элфины остались только светлые вьющиеся волосы, собранные в пучок на макушке и закрученные в тугой узел по виольскому обычаю, да большие карие глаза, глядящие сейчас отчуждённо и настороженно.

Скользнув по чужаку равнодушным взглядом, девушка опустила перед региной на колени и поцеловала её руку.

– Вы звали меня, матушка? – произнесла она приятным грудным голосом, в котором Санхар уловил знакомые нотки. Так разговаривала Элида в минуты близости.

– Да, дочь моя... Это принц Санхар, твой опекун. Он приехал, чтобы забрать тебя из Школы.

Глаза Элфины переместились на Санхара. Несколько минут она молча его разглядывала, а затем неуверенно произнесла:

– Ваше лицо кажется мне знакомым...

– Ещё бы, малышка, – улыбнулся вельх. – Впервые ты увидела его в семимесячном возрасте. Я взял тебя на руки, и ты вцепилась мне в волосы, выдрав целый клочок... Ты росла на моих глазах. Я видел твой первый шаг и слышал твоё первое слово. Ты называла меня «мила», потому что не могла произнести «милорд». Позже ты говорила «дядя Санхар»... Я был

супругом твоей матери до самой её смерти, и мне жаль, что не я твой отец...

Глаза Элфины чуть сузились, и взгляд, затуманенный воспоминаниями, стал пристальней.

– Не ваша дочь, милорд... Тогда чья же?

– Тебе этого лучше не знать... Да это и не важно. Важно, кто была твоя мать.

– А кем она была?

– «Меченой». Она окончила эту Школу много лет назад, и я захотел (да это было и твоё самое заветное детское желание), чтобы ты тоже прошла здесь обучение. Теперь это случилось. Ты прошла полный курс обучения, и я приехал, чтобы забрать тебя с собой. Но госпожа регина предлагает оставить тебя ещё на два года. Мне всё равно – время для меня не играет никакой роли... Но желаешь ли ты остаться здесь ещё на два года, или предпочитаешь уехать со мной?

– А я обязана ехать с вами?

Санхар в первое мгновение не понял, что она хотела сказать, но затем уловил суть её вопроса и ответил:

– Нет, конечно. Я ничем не обязан твоей матери, и заботился о тебе только лишь в память о ней... У меня нет своих детей. Я полюбил тебя в тот миг, когда впервые взял на руки. Хотя должен был ненавидеть: твоя мать сделала мне сюрприз в моё отсутствие. К счастью, она умерла до моего возвращения. Возможно, в порыве гнева, я мог бы её убить... В то время я был горным бароном, а местные правила очень

строги к неверным жёнам... Я позаботился о тебе в прошлом и хочу обеспечить твоё будущее. Но если ты не нуждаешься в моей любви и опеке – я переживу. Мы расстанемся друзьями, и, возможно, никогда больше не встретимся. Ты можешь поступить, как хочешь – выбор за тобой. Я не могу тебе приказывать и не хочу настаивать. Если ты нуждаешься – я могу дать тебе денег, а если я для тебя никто – могу уехать, не попрощавшись...

Элфина опустила глаза и задумалась. Санхар улавливал все нюансы её чувств, но молча ждал, пока она выскажет свои мысли вслух.

После тягостной паузы, девушка подняла глаза и тихо спросила:

– Я поеду с вами... дядя Санхар...

– Сейчас?

– Сейчас.

– А два дополнительных года?

Элфина взглянула на регину и отрицательно качнула головой.

– Простите меня, матушка...

– Это твоё решение, детка, – холодно ответила виолка.

Через час они покинули крепость. Регина настаивала, чтобы девушка задержалась на несколько дней для сдачи выпускного экзамена и татуировки предплечий, без которых она не может называться «меченой», но Санхар ответил, что эти украшения ей не нужны.

– Сударыня, дома её ждёт высокое положение в обществе и звание леди. Так что метки на её прекрасной коже ей совершенно ни к чему. Благодарю вас за то, что присмотрели за девочкой, пока я решал свои проблемы. Надеюсь, полученные здесь знания и умения пригодятся ей в жизни.

Покинув крепость, Санхар направился в Ликпол, до которого было около ста восьмидесяти кемов. Так как у Санхара был только один конь, он посадил Элфину впереди и, придерживая за талию, пустил коня рысью. Он чувствовал взволнованность и смущение девушки, когда её спина касалась его груди, и сам испытывал необычное волнение, похожее на любовную лихорадку. Эта девушка, почти взрослая, ничем не напоминающая ту кроху, которую десять лет назад он вот так же вёз на своём коне, будоражила его мужское естество и смущала душу.

Но девушку волновало совсем не то, что его. Когда крепость осталась далеко позади, и они ехали под сенью могучих древних деревьев, Элфина неожиданно произнесла:

– Теперь я вспомнила... Раньше я думала, что это просто сон... А это были мои детские воспоминания...

– О чём ты?

– В Школе мне часто снился сон, особенно, в трудные моменты жизни... Мне снилось, что я еду лесом на огромном коне, а позади меня сидит мужчина... Я не вижу его лица, но знаю, что он большой, добрый и сильный, что он любит меня... Его руки уверенно держат меня за талию, а я управ-

ляю лошадью. Вокруг густой дикий лес, но мне не страшно, потому что я нахожусь в руках этого мужчины. Я знаю, что он защитит меня от любой опасности, и я люблю его за это... Я хочу, чтобы мы ехали вечно, чтобы дорога не кончалась, а сон не прерывался... Когда мне снился этот сон, я всегда просыпалась в хорошем настроении, а день получался удачным... Скажите, милорд... Я знаю, что в моём сне были вы... Но я вспомнила ещё одного мужчину, похожего на вас, но с тёмными волосами...

– Его зовут Грациан.

– Грациан... – эхом повторила девушка. – И ещё я помню собаку... Такую большую и белую, словно снег.

– Это Акс, мой друг пёс.

– Они... живы?

– Конечно. Акс и Грациан остались на острове, у них много работы.

– На острове?

– Да, остров Лайонс, твоя новая родина, Элфина.

Девушка замолчала, о чём-то задумавшись, но Санхар чувствовал, что беспокойство и тревога не отпускают её, поэтому спросил:

– Что тебя тревожит, малышка? Расскажи мне.

Элфина заколебалась, но ответила.

– Когда регина провожала меня, она сказала одну странную вещь...

– Ну?

– Что вы... возможно... чародей... Или демон... Она про-
сила быть осторожной с вами.

– Хм... – усмехнулся Санхар. – Что ещё она сказала?

– Чтобы я присмотрелась к вам... «Он знал твою мать за
двадцать лет до твоего рождения, он привёз тебя к нам де-
сять лет назад, но разве этот человек похож на пятидесяти-
летнего мужчину?» – сказала она. И... Я сама не понимаю...
Вы мой опекун, вы сами сказали, что знали меня почти с
рождения... Сколько же вам лет?

– Кажется, сто сорок, – просто ответил Санхар. – Я сам
точно не помню, потому что перестал считать года после ста.

Элфина резко обернулась, и её большие красивые глаза от
удивления стали ещё больше.

– Вы шутите, милорд?

– Нет, девочка.

– Тогда... Регина права, и вы... чародей?

– Нет, Элфи.

– Но...

– Просто, я Бессмертный... Это звучит странно и неправ-
доподобно, но рано или поздно, ты всё равно должна будешь
узнать правду обо мне. И о Грациане, и об Аксе... Послу-
шай одну историю, но не думай, что это сказка, ибо это прав-
дивый рассказ... Итак, жила-была виолка по имени Санри-
за Аоста... – начал Санхар, и пересказал Элфине историю
жизни своих родителей и свою собственную. Он не знал, по-
чему так откровенен с девушкой, ведь даже её мать не зна-

ла о нём всей правды. Даже своему любовнику и другу Грациану он рассказал эту историю только тогда, когда в этом возникла необходимость. Но внутренний голос говорил ему, что он поступает правильно. Пусть Элфина всё узнает о нём сейчас, а не сделает это открытие в какой-нибудь неожиданный и неблагоприятный момент.

Глава 10

Конечно, Элфину поразила открывшаяся правда, она не сразу поверила в услышанное. Но когда Санхар продемонстрировал некоторые особенности своего тела, а именно, неуязвимость, силу, быстроту, сверхчувствительность, в точности описав обуревавшие её чувства, и даже озвучив некоторые мысли, ей пришлось принять его рассказ на веру. Заметив страх и некоторую отчуждённость, появившиеся в Элфине, он поспешил её успокоить.

– Я редко пользуюсь этими способностями, только при необходимости. Мне незачем знать мысли своих друзей, они сами выскажут их, если сочтут нужным.

Путь до Ликпола занял пять дней, так как, чтобы не утомлять коня, Санхар отдал его Элфине, а сам шёл пешком. Это было не столь утомительно, сколь медлительно. Зато у девушки появилось время, чтобы свыкнуться с мыслью о необычности опекуна и преодолеть естественный страх и некоторую отчуждённость, появившуюся после откровенного рассказа Санхара. Но затем, приняв определённое решение, она вновь стала прежней Элфиной. Что совсем в ней не изменилось со времён детства, так это живой весёлый характер. На третье утро путешествия Санхар проснулся от того, что какое-то наглое насекомое не спеша разгуливало по его лицу, щекоча щёки и губы. Не открывая глаз, он понял, что

это вовсе не насекомое, и, взмахнув рукой, поймал пушистый травяной колосок, которым водила по его лицу девушка. Элфина весело засмеялась. Санхар открыл глаза и укоризненно проговорил:

– Издеваешься над стариком?

– Крепко спите, дедушка... А если бы это была не я, а гиззард, например? Он бы вас съел!

– Если бы это был гиззард, я бы проснулся в тот миг, когда он только подумал бы обо мне, как о пище... Меня бы разбудило чувство опасности. Но ты ведь не гиззард и не желаешь мне зла, потому мой сон не прерывался.

Элфина улыбнулась и ответила с завистью:

– Хотела бы и я, чтобы у меня тоже было такое полезное умение... А этому нельзя научиться?

– К сожалению, нет... Ты меня уже не боишься?

– Нет... Я подумала, раз вы не колдун и любите меня, почему я должна вас бояться? Вы не такой, как я... Но и я не такая, как... как другие люди, например. Я тоже сильнее, быстрее и... умнее многих ландийцев. Но это не значит, что я желаю им зла. Вы тоже не желаете мне зла... Так ведь?

– Совершенно верно, моя маленькая Элфина. И раз мы всё выяснили, давай договоримся: мы теперь друзья. Забудем, что я твой опекун, что я «дядя Санхар»... Я просто Санхар, а ты Элфина. А если я «милорд», тогда ты «леди Элфина»... Во всяком случае, так тебя будут именовать на Лайонсе.

– Можно спросить, дя... Санхар?

– Спрашивай.

– Могу ли я когда-нибудь тоже стать... Бессмертной?

– Ты думаешь, это весело?

– А разве нет? Жить долго... Не болеть, не стареть, не бояться смерти... Быть вечно молодой и красивой...

– И хоронить своих друзей, любимых... Смотреть, как стареют и умирают те, кого ты знал юным и полным сил, кого ты любил и уважал... Видеть страх и отвращение в глазах людей, когда они узнают правду, а иногда ненависть и зависть... Невозможность долго находиться на одном месте, чтобы люди не заподозрили неладное; видеть удивление и непонимание, когда, получив смертельную рану, ты через несколько дней ходишь, как ни в чём не бывало, и лгать, лгать, лгать, всем и обо всём...

Элфина задумалась.

– Я об этом не подумала, – сказала она через несколько минут.

– Я ещё не сказал самого главного: ты никогда не сможешь родить ребёнка от любимого человека, если он не такой же как ты... Только два Бессмертных смогут зачать, но Бессмертный и смертный – никогда.

– О! – удивилась Элфина. – Потому моя мама... и не смогла родить от вас?

– Да... Она, как всякая женщина, хотела иметь детей, которых я дать ей не мог. И когда я уехал и не давал о себе

знать, она решилась пойти на преступление, но зачать и родить дитя, даже, невзирая на риск, ведь она уже была немолода...

– И потому вы...

– Ты...

– И потому ты... любишь меня, как свою дочь, так как никогда не сможешь иметь собственных детей, потому что у тебя нет Бессмертной женщины?

– Ты совершенно права... Но сейчас, глядя на тебя, я забываю о твоей матери и о малышке, которую носил на руках. Я вижу перед собой юную красивую девушку с прекрасными карими глазами и соблазнительными губами...

Элфина смущённо улыбнулась и отвернулась.

Остальной путь до Ликпола прошёл в дружественной непринуждённой обстановке. В столице они задержались на несколько дней, пока Санхар нанимал стражников, затем поднялись на корабль, ожидавший их в Совере. В тот же день они отчалили и направились на север.

Спустя десять дней, корабль прошёл между Лайонскими островами и вошёл в море Лайонса, а ещё через несколько часов бросил якорь у пристани Айристана – так Санхар называл строящийся город, будущую столицу своего будущего королевства. На ассветском языке это значило «город всех цветов» или «радужный город». Потому что, если смотреть на город с моря, он напоминал большой каменный цветник, радующий глаз разнообразием расцветок. По плану архитек-

тора, дома для разных сословий строили из разных материалов: для простолюдинов – из жёлтого и оранжевого песчаника, обожженного кирпича; для людей побогаче, а также мастерские и лавки – из гранитных блоков и дикого камня, или чёрного туфа; для знати и купцов – из светлого или розового гранита, мрамора, известняка, белого, словно горный снег. Королевский дворец, расположившийся на самой вершине холма, и словно паривший над городом, возвели из красного и розового мрамора, его крыши атели красной черепицей, а купола высоких башен и центрального шпиля сияли начищенной бронзой и казались золотыми. Храмы, построенные исключительно из белоснежного мрамора, казались воплощением чистоты и невинности богов и богинь, которых они представляли.

Элфина, впервые увидевшая этот прекрасный город, залитый лучами яркого весеннего солнца, даже рот открыла от изумления. Почувствовав восторг девушки, Санхар удовлетворённо улыбнулся.

– Разве он не прекрасен? – спросил он.

– О, да! – с восторгом ответила Элфина.

– Отныне этот город принадлежит и тебе, леди Элфина!

Девушка повернула голову и взглянула в мудрые глаза опекуна. В её сияющих от восхищения глазах отразилось лёгкое недоверие.

– И я буду жить в этом прекрасном дворце? – спросила она.

– Конечно.

– И жители будут мне кланяться при встрече и называть «леди Элфина»?

– Да.

– И я буду... принцессой?

– Если хочешь.

Элфина минуту смотрела на принца, не в силах произнести ни слова от избытка переполнявших её чувств, а затем бросилась на шею опекуну и прошептала:

– Я люблю тебя, папа!

От этих простых слов Санхара захлестнула волна неизъяснимой нежности и любви к этой девушке, девочке, которую он носил на руках, учил ездить верхом и для которой пускал уточки в бассейне на крыше замка. Он осторожно обнял её и похлопал по спине, смущённо пробормотав:

– И я люблю тебя, доченька...

Приезд Элфины изменил жизнь Санхара. Если раньше он с головой погружался в дела и заботы, то теперь много времени проводил с девушкой, знакомя её со своими планами, владениями, людьми. Он учил её искусству политики и управления, умению быть правителем, которому подчиняются тысячи людей, и слово которого закон для подданных; который должен быть добрым и жёстким одновременно, уметь прощать и карать, быть милосердным и безжалостным.

К счастью для Элфины, Санхар, сам далёкий от условностей, наследник молодого королевства и строитель нового

государства, не придерживался строгого дворцового этикета, распространённого при древних стабильных дворах династических правительств, потому девушку не мучили изучением нудных правил этикета: поведения за столом, правил церемоний, обязанностей различных должностных лиц, правил ношения одежды и выхода и подобных ненужных правил. Сторонник единоличной и абсолютной власти, Санхар признавал только три правила: моё слово – закон, моё желание – необходимость, и моё благополучие есть общее благополучие. Кто был не согласен с этими правилами – бунтовщик, и его ждало соответствующее наказание. В лучшем случае – рабский ошейник и каменоломни, в худшем – публичная мучительная казнь.

– Без сильной власти никогда не будет сильного государства, – не единожды повторял Санхар Элфине. – Не бойся быть жестокой – справедливая жестокость только вызовет уважение в сердцах подданных. Самодурство – вот бич многих правителей. Но умей и поощрять. Заслуженная награда пробудит в сердцах починённых любовь и верность. Научись отличать лесть от искреннего восхищения. Не покупайся на слова, суди людей по их поступкам.

Элфина старательно впитывала в себя науку управления, и когда Санхар почувствовал, что девушка уже готова перейти от теории к практике, он предоставил ей такую возможность: создал отряд из юных рекрутов – недавних выпускников Школы Меченосцев – и поставил девушку коман-

диром. В обязанности отряда входила охрана королевского дворца, которую до этого выполняли наёмники. Освободившихся ветеранов Санхар направил в «рейды» – на добычу новых рабов и добровольно-принудительных переселенцев. А сам снова отправился в морские походы, привозя из набегов не только рабов, ценности и крестьян, но и молодых здоровых женщин и юных девушек, недостаток которых начал ощущаться на острове. Теперь, особенно старательный мастер, либо работник, даже отличившийся раб, как особую милость, мог получить в подарок женщину или девицу – для любовных утех или как жену.

Рейсы Санхара становились всё более продолжительными, так как за годы набегов он порядком опустошил незащищённые побережья соседних стран. Нападать же на селения сильных государств он не рисковал – у тех были быстроходные военные корабли и вооружённые гарнизоны. Потому ему приходилось всё дальше и дальше уходить от родных берегов в поисках других незащищённых и безвестных южных и восточных островов. Особенно часто страдал от его набегов остров Литик, расположенный неподалеку от Южного Гальса и Саннарии, как самый близкий и самый доступный. Санхар сделал набеги на него регулярными – не менее двух раз в год, каждый раз увозя богатую добычу.

Наконец, князю, правившему на злополучном острове, надоели жалобы подданных на бесчинства «вельхского разбойника», как они прозвали Санхара, и он предложил ему

делку: он обязался платить ежегодную дань рабами и товарами в обмен на мир и спокойствие своих граждан. Санхар согласился на эти условия, и теперь без всякого труда каждую осень увозил с Литика десять юношей и десять девушек, а также скот, зерно и бочки с вином и мёдом.

Но этой добычи было мало растущему, но ещё не способному самостоятельно прокормиться государству, и походы Санхара продолжались. Путешествуя по морям в поисках лёгкой добычи, отходя от проторенных торговых путей, Санхар стал опытным мореходом и открыл несколько малых островов и целых архипелагов, забытых богами и цивилизацией, но населённых людьми, которые развили самобытную культуру и обычаи. Это были бедные острова, на которых жили полунищие рыбаки и полуварвары, и кроме рабов взять с них было нечего.

Пока Санхар бороздил моря и океаны, Грациан вместо него правил страной. Правда, его права были несколько ограничены – он лишь следил за порядком и за тем, чтобы все приказы и распоряжения Санхара исполнялись в поставленные им сроки. Если возникала конфликтная ситуация, он откладывал её решение до возвращения короля – как он полшутя-полусерьёзно называл товарища. В такие рамки Грациана поставил не Санхар, он сам устранялся от серьёзных дел. Он не любил принимать ответственные решения. Сначала это огорчало Санхара, но потом он осознал, что Грациан никогда не станет его соперником на любом троне, а вот

как заместитель, он был незаменим.

Спустя несколько лет, благодаря старательной учёбе, Санхар смог доверить правление Элфине. Девушка показала себя вполне достойной дочерью своей матери. Она прекрасно справлялась с возложенными на неё обязанностями, проявив твёрдый характер и железную хватку Элиды. С годами у неё даже развились присущие правителю черты: гордый надменный характер, властный голос, твёрдый холодный взгляд, хитрость и честолюбие.

По прошествии десятилетия, когда Лайонс более-менее освоили и на нём появилось достаточно жителей, чтобы правитель мог гордо именовать себя королём, Санхар официально закрепил свой статус и объявил себя лордом-правителем, а Элфину леди-наследницей. Грациан стал просто лордом Грацианом, получив в вечное владение один из прекраснейших Лайонских островов. Санхар давно законно удочерил Элфину и записал в законах лайонского королевства, что правом верховной власти обладают как мужчины, так и женщины в равной степени, если они являются старшими отпрысками правящего государя. И хотя Санхар создавал королевство для себя, но законы писал с таким учётом, что, когда он вдруг захочет отойти от дел, то сможет передать всё бремя власти Элфине.

Отношения между Санхаром и Элфиной развивались неравномерно. Назвав Санхара отцом, девушка закрыла для него и для себя все пути более интимного сближения. И хо-

тя внешне они мало походили на отца и дочь, но отношения между ними складывались именно родственные.

По мере взросления, накопления опыта и становления личности, когда они уже выглядели ровесниками, эти спонтанно возникшие между ними чувства трансформировались, превратившись в братскую любовь. Санхар продолжал опекать Элфину, а девушка слушалась его, как старшего и более мудрого брата. Затем их взаимные чувства начали угасать. Этому способствовали частые и долгие отлучки Санхара. Принц знал об этом ослаблении возникшей между ними когда-то связи, но не переживал по этому поводу. Он знал, что вечной любви не бывает, особенно между смертной и бессмертным. А для себя он уже твёрдо решил, что никогда не сделает Элфину бессмертной. Пусть она проживёт свою короткую, но яркую жизнь, пусть любит, ненавидит, увлекается и испытывает разочарования... Пусть встретит достойного мужчину и родит детей, которые положат начало династии правителей Лайонса. А он, когда увидит, что Элфина уже твёрдо стоит на ногах и не нуждается в его опеке, оставит этот остров и отправится к иным землям, где его будут ждать другие приключения, встречи с новыми людьми. И, может быть, когда-нибудь, он встретит такую же бессмертную, и они полюбят друг друга, и у них родится свой собственный ребёнок, и он отдаст ему свою любовь, которую растрачивает сейчас на чужих отпрысков...

Конец третьей части

Часть четвёртая. Избранник богов

Глава 1

«Избранник богов» самый красивый, самый большой, самый надёжный и самый роскошный корабль, построенный на верфях Айристана. Его борта сверкали позолотой и свежей краской – алой и синей, на трёх высоких мачтах гордо раздувались алые квадраты парусов, а ближе к корме, на четвёртой мачте, бугрился синий треугольник косого паруса. Ровный сильный ветер, наполнявший паруса, трепал на вершухах мачт тканые ало-золотые вымпелы. Ярко начищенные бронзовые щиты, закреплённые вдоль бортов, бросали золотые блики на прозрачную зелень морских вод, а резная золочёная фигура в виде обвившей бушприт змеи с грозно раскрытой пастью, важно кланялась набегающим волнам.

От носа до кормы корабль насчитывал пятьдесят шагов, в ширину – двадцать. В задней части находилась высокая надстройка, где разместились роскошные каюты. Под палубой – обширные трюмы, склады и два кубрика – для матросов и солдат. На носу и на крыше надстройки были установлены две катапульты, укрытые чехлами от постороннего взгляда, а по правому и левому борту – два водомёта, жидкость в которые подавалась ручной помпой из баков, спря-

танных в трюмах. К каждому водомёту прилагались два бака: один с горючим маслом, другой с инфликтом. Инфликт – особая жидкость, получаемая из растёртых тел одного вида медуз, в изобилии водившихся в мелких водах моря Лайонса. Прикосновение этих тварей к незащищённой коже вызывало сильнейший ожог, сопровождавшийся жгучей болью, которая проходила, если место ожога обильно смочить уксусом. На Лайонсе инфликт применяли для наказания преступивших закон граждан и непослушных рабов: достаточно было нескольких ударов вымоченным в жидкости куском каната, чтобы жертва надолго запомнила порку. А приговорённых к смерти преступников принародно опускали в бочку с инфликтом – человек погибал через несколько минут от болевого шока.

На корабле Санхар использовал инфликт для защиты. Стоило какому-нибудь пиратскому кораблю попытаться взять их на абордаж, как из раструба водомёта на нападающих изливалась струя огненно-жгучей жидкости, почти мгновенно парализующей человека и отбивающей всякую охоту продолжать сражение.

Санхар назвал свой корабль «Избранник богов», потому что такой титул присвоили ему и Грациану жители Лайонса. Прошло более ста лет с того дня, когда нога принца Санхара, сына королевы Санризы и короля Лианда, бессмертных правителей Трикора, ступила на этот пустынный остров. С тех пор здесь вырос прекрасный город Айристон – столица

Лайонского королевства, множество многолюдных селений и тысячи богатых ферм, а население возросло до сотен тысяч человек: фермеры, лесорубы, пастухи, рыбаки, моряки и корабелы, мастера, работники и рабы. Появились местные вельможи и знать, чиновники и богатые мастера, воины и стражники. Появилась даже королевская династия: Элфина, приёмная дочь Санхара и первая королева Лайонса, вышла замуж за одного из своих приближённых офицеров и родила нескольких детей. После её смерти на трон взошёл старший сын королевы, а после него престол унаследовала его единственная дочь Элфина Вторая Мудрая – нынешняя правительница Лайонса.

Видя, что Лайонс процветает и развивается, у руля стоит сильный и мудрый правитель, Санхар не вмешивался в дела смертных. Он проводил дни в неге и развлечениях: охоте, любви, турнирах и забавах, наслаждаясь заслуженным отдыхом. На одном из уединённых Лайонских островов он построил великолепный замок, мало уступавший королевскому дворцу. У него был свой небольшой двор, обширный гарем, преданная и верная дружина, роскошная быстроходная яхта и сонм услужливых слуг. Но вскоре бездеятельная и бездумная жизнь сибарита наскучила Санхару. Вновь потянуло на поиски приключений. И тогда ему пришла в голову мысль о кругосветном путешествии. Но он больше не желал притворяться простым путешественником или безродным бродягой – за долгие годы правления и роскошной жиз-

ни он привык к привилегиям своего положения, и не желал больше терпеть неудобства и нищету.

Несколько лет у него ушло на постройку соответствующего цели корабля. Но когда «Избранник богов» сошёл со стапелей, он стал одним из лучших, если не самым лучшим кораблём из когда-либо созданных на Аквии. Внутренняя отделка кают соответствовала вкусу и положению владельца и отличалась целесообразностью и сдержанной роскошью. Помещения, предназначенные для Санхара, состояли из гостиной-кабинета, спальни, гардеробной и ванной комнаты. Вторая половина надстройки была оформлена с той же роскошью, и предназначалась для Грациана, если бы тот согласился отправиться в путешествие вместе с товарищем. Но давний друг и любовник, осуществив свою мечту – роскошная вилла на удалённом уединённом острове, юные красивые прислужники и рабыни, принимающие исключительность господина, как естественность, – отказался трогаться с насиженного места, эфемерной радости приключений предпочитая стабильность и спокойствие. Поэтому в путешествие Санхар отправился один, даже без вечного и самого преданного друга Акса – бессмертного и разумного пса. Акс, как истинный сухопутный хищник, предпочитал морю сушу, и перспектива провести многие месяцы на ограниченном колеблющемся ненадёжном клочке деревянной поверхности его не вдохновляла. К тому же, за долгие годы строительства и становления королевства, когда Санхар большую

часть времени проводил в море, предоставив Акса самому себе, несколько ослабила его собачью преданность и дружбу. Он привык к полной свободе и независимости, и, если можно так сказать, немного одичал. Декадами и месяцами он пропадавал в горах и на просторах Лайонса, за многие годы изучив почти каждую его пядь. Не было, казалось, такого уголка и клочка земли, куда не ступала бы лапа Акса или не сунулся его любопытный нос, не осталось ни одного высокого дерева или скалы, где бы он не оставил свою метку. Потому единственное, на что согласился Акс, это, чтобы Санхар переправил его на Восточный континент, так как он хотел проведать родные места и поохотиться в обширных лесах Северного Гальса и делях Вудбита по дороге в Трикор. Санхар не мог приказывать другу, а на уговоры тот не поддавался, потому он согласился расстаться с Аксом на неопределённое время.

Раз Акс направлялся в Трикор, Санхар попросил его отнести родителям письмо, подробно описав в нём свои приключения и свершения за прошедшие десятилетия. Письмо поместили в плотно закрывающийся серебряный футляр и прикрепили к ошейнику пса.

Он высадил Акса на побережье Северного Гальса, с грустью с ним распрощавшись, и направил корабль на юг через узкий пролив, разделяющий Западный и Восточный континенты, который моряки называли Врата Бурь, за сильные ветры, дувшие там, и многочисленные шторма, особенно часто бушевавшие в осенние и весенние месяцы. Но крепко-

му устойчивому судну не были страшны даже самые сильные шторма. Без приключений миновал «Избранник богов» опасный участок и, подняв все паруса, подгоняемый сильным северным ветром, помчал на юг, стремясь к новым приключениям.

Санхар сидел за столом с богато инкрустированной золотом и полудрагоценными камнями столешницей, положив ноги на обитую бархатом скамеечку. В руках он держал развёрнутую карту, на которой были изображены два изумрудных полушария с причудливыми тёмными пятнами континентов и островов. Мысленно лорд прокладывал маршрут, ещё точно не определившись, куда плыть. Первую цель путешествия он знал точно: Алмост. Он давно хотел побывать в этой древней южной стране, откуда была родом его мать, и откуда начался её бессмертный путь. А вот с дальнейшим курсом он не определился – то ли на запад, то ли на восток.

Из раздумий его вывел слабый всплеск тревоги. Санхар оторвал взгляд от карты и насторожился, словно пёс, почуявший врага. Через мгновение он понял, что опасность грозит издалека, и, прикрыв глаза, открыл разум для восприятия. Тут же пришло знание окружающего пространства. Это было так, словно он мгновенно воспарил в высоту и окинул орлиным взглядом просторы. Он не видел конкретно корабль, море, облака, далёкий берег, тающий в дымке горизонта. Он просто ЗНАЛ, что его «Избранник богов» находится в двадцати кемах от ближайшей земли, что на севере собирают-

ся тучи, грозящие штормом, который пройдёт стороной, а потому беспокоиться не стоит, и что их догоняет пиратский корабль. Он находился на расстоянии пяти кемов, но быстро шёл по ветру – маленький, шустрый и быстроходный.

Санхар, не спеша, сложил карту, положил её в нишу для свитков в книжном шкафу, и вышел на палубу. Так как корабль шёл под полными парусами, матросы, в основном, бездельничали, играя с солдатами в кости, или дремали, развалившись на бухтах канатов в тени парусов. Санхар отыскал взглядом сержанта Сенека, командира отряда, и жестом позвал к себе. Тот приблизился и вежливо склонил голову.

– Воины готовы к битве? – спросил Санхар, глядя на двух спорящих о выигрыше игроков.

– Они всегда готовы, милорд, – ответил сержант.

– Нас догоняет вражеский корабль. Если он попытается напасть, мы примем бой. Поднимай людей, Сенек.

– Слушаюсь! Готовить катапульты или водомёты?

Санхар на мгновение задумался.

– Водомёты, – ответил он. – И заправь их инфликтом – не хочу уничтожить корабль. Уж очень он хорош.

– Слушаюсь, милорд! – с готовностью отозвался сержант, несколько не удивляясь, откуда у господина такие сведения. Повернувшись к бездельничавшим солдатам, он рявкнул во всё горло:

– Отряд! Тревога! По местам!!! Расчехлить водомёты! Открыть баки с инфликтом!

Солдаты вскочили, будто ужаленные, и начали метаться по палубе, словно бы беспорядочно, но это только казалось. Каждый занимал закреплённое за ним место: лучники стали вдоль бортов, укрывшись за прибитыми к ним щитами, катапультичики подбежали к катапультам и присели у основания, дожидаясь соответствующей команды; стрелки замерли у водомётов, а их помощники спустились в трюм и вставили пропитанный смолой рукав в бочку с инфликтом, замерев у ручек помпы. Мечники присели вдоль бортов, дожидаясь своей очереди вступить в бой.

Санхар и Сенек поднялись на крышу надстройки, и лорд поднёс к глазам подозрную трубу. Он сразу увидел в кильватере маленькую тёмную точку, медленно, но верно приближающуюся. Сердце его радостно трепыхнулось. А вот и первое приключение! Давно он не разминался в хорошей драке!

Приказав спустить несколько парусов, чтобы замедлить ход, Санхар начал ждать.

Через полчаса пиратский корабль приблизился настолько, что уже без подозрной трубы можно было рассмотреть его во всех подробностях, даже голубой вымпел на мачте – знак корсара.

Ещё через полчаса он подошёл почти вплотную, и оттуда подали знак остановиться. Санхар приказал спустить паруса. «Избранник богов» замедлил ход и лёг в дрейф. Корсары, сделав ловкий манёвр, приблизились к судну боком, и забросили абордажные крюки, прикреплённые к канатам. Как

только два корабля прочно соединились, Санхар подал знак, и на полезших по абордажным лестницам и доскам корсаров хлынула струя обжигающего инфликта и полетели тучи стрел вступивших в бой лучников. Атака оказалась столь неожиданной и сильной, что нападающие растерялись. Инфликт, пропитывая одежду и затекая под панцири, обжигал кожу, словно кипящее масло, а, попав в глаза или рот, вызывал слепоту и удушье. Корсары падали на палубу, катаясь и крича, словно припадочные, стараясь сорвать с себя одежду. Те, кого не достала убийственная струя, попали под ливень смертоносных стрел. Капитан корсаров слишком поздно осознал, что попал в ловушку. Он приказал рубить канаты и поднимать паруса, но мечники Санхара хлынули на палубу его корабля во главе с господином, и не дали ему уйти.

Бой получился коротким, и нельзя сказать, что жестоким. Солдаты Санхара брали корсаров в плен, а не безжалостно убивали, как можно было ожидать. Когда сопротивление сломали и всех оставшихся в живых повязали и собрали посреди палубы, корабль осмотрели и обчистили, перенесли всё самое ценное на «Избранника богов». Пленных поместили в клетку, расположенную между двумя мачтами, а корабль взяли на буксир, отправив туда нескольких опытных матросов. «Избранник богов» вновь поднял паруса и продолжил путь.

Санхар приказал выдать пленным бочонок с уксусом и объяснить, что нужно делать, чтобы избавиться от жгучей

боли. Корсары, пострадавшие от инфликта, были почти голыми, сорвав с себя пропитанные жидкостью одежды, и сейчас тщательно вытирали обожжённые места. Несколько человек особенно сильно пострадали от инфликта – их облило с головы до ног – и сейчас лежали без сознания. Капитан корсаров – высокий рыжеволосый гигант, раненый в плечо, заботливо ухаживал за ними, смачивая тела уксусом, чем удивил Санхара. Он не ожидал от пиратского предводителя столь трогательной заботы о своих людях.

Капитану помогал юноша лет восемнадцати, со светло-жёлтыми, коротко стриженными на затылке волосами и длинной чёлкой, спадающей на ярко-голубые сияющие глаза особенного, как у варваров, разреза. Юноша был очень красив, строен и гибок, и его полуобнажённое белокожее тело невольно привлекло внимание Санхара. Он заметил, что юноша тоже украдкой смотрит на него, и уловил всплеск его эмоций, которые вызывал в нём.

Познав когда-то Грациана и став его долговременным любовником, Санхар никогда больше не имел сношений с другими мужчинами, даже когда их любовная связь окончательно прекратилась. Санхара не тянуло к другим мужчинам. Но этот пленный юноша затронул в его душе какую-то струну, всколыхнул давно забытые чувства, которые он когда-то испытывал к Грациану.

Уходя в поход, Санхар не взял с собой ни слуг, ни рабов, ни женщин. Зачем тащить за собой старые вещи, если будет

возможность приобрести новые? Если бы на корабле корсаров оказалась хорошенькая женщина, Санхар бы не преминул сделать её своей наложницей. Но, увы, женщин среди корсаров не нашлось. Зато обнаружился красивый соблазнительный юноша с выраженным интересом к особе Санхара, и грех было не воспользоваться представившейся возможностью...

Глава 2

Штиль застиг корабль, когда он почти достигли северной оконечности Гритланда. На горизонте, даже невооружённым глазом, легко различались скалистые берега острова Вин, хорошо памятного Санхару. Это у его коварных берегов разбился и затонул корабль, на котором вельх плыл в своё первое большое путешествие. И это отсюда он бежал с мальчиком Грацианом, впоследствии ставшим его другом и любовником и ещё одним Бессмертным.

Четыре дня «Избранник богов» простоял в нескольких кемах от берегов Вина. Стояла изнуряющая жара, редкая в этих широтах. Матросы и солдаты, изнывая от безделья и жары, устроили соревнование по погружению. Они прыгали за борт и старались достичь неглубокого здесь дна. Не каждому это удавалось, ведь, хотя море изобиловало в этих местах коварными отмелями и подводными рифами, но под кораблём была глубина не менее десяти человеческих ростов.

Не желая париться в душной каюте, Санхар разместился под полотняным тентом, натянутым над палубой. Он поставил здесь столик, два кресла, пригласил в компанию сержанта Сенека, и угощался прохладным шипучим вином из холодной кладовки, расположенной на самом дне трюма. Они с усмешками наблюдали за прыгающими за борт ныряльщиками и вполголоса обсуждали достоинства и недостатки то-

го или иного претендента на победу. Внезапно их благодушный разговор прервал хриплый голос, донёсшийся от клетки с пленными:

– Капитан!.. Капитан!..

Санхар повернул голову и увидел, что его зовёт пленный капитан корсаров.

– Чего тебе? – спросил лорд.

– Мои люди страдают от жажды... Дайте хоть немного воды!..

Санхар мгновение смотрел в тёмные мрачные глаза пиратского капитана, затем протянул к Сенеку руку и потребовал:

– Дай ключ.

Сенек отстегнул от пояса ключ, запирающий замок клетки, и предложил:

– Разрешите мне, милорд.

– Нет... Я сам. Сиди.

Он встал и приблизился к узилищу. Хватило одного взгляда, чтобы понять: капитан не врёт. Пленные, в самом деле, страдали от жары и жажды, потому что обвисшие паруса не давали тени, а полуденное солнце палило нещадно. Санхар отомкнул замок, открыл дверь и кивнул:

– Выходи.

Высокий, могучего сложения капитан, согнувшись, протиснулся через узкую низкую дверцу.

– Вон бочка с водой и ведро. Можешь набрать и отнести своим людям.

Капитан приблизился к бочке, поставил под слив ведро и вынул пробку. Пока вода лилась тонкой струйкой, он выпрямился, взглянул на море, и весь напрягся, увидев недалёкий берег. Санхар уловил сильный всплеск эмоций и острое желание прыгнуть за борт и уплыть в сторону земли. Желание было столь сильным, что Санхар подумал, что он сейчас так и поступит. Вполне понятное желание. На его месте Санхар так бы и сделал. Побег мог стать вполне удачным: корабль застыл неподвижно, матросы заняты игрой. Пока они соберутся, пока спустят шлюпку, пока организуют погоню – беглец мог достичь рифов и укрыться среди камней.

Но капитан Интон подавил желание побега, так как знал, что обречёт своих людей на мучения и, возможно, смерть, как месть за его побег. Он решил до конца разделить судьбу товарищей, и его благородство приятно удивило Санхара, давно переставшего чему-либо удивляться.

Подхватив наполнившееся ведро, капитан вернулся в клетку. Ведро быстро опустело и капитан вновь приблизился к двери.

– Нет, не ты, – сказал Санхар и указал на юношу. – Он.

Паренёк взглянул на Санхара и смутился. Он взял ведро и вышел из клетки. Подставив ведро под струю, тоже взглянул на море, но у него не возникло даже мысли о побеге. В его голове роились мысли о Санхаре, окрашенные нежностью и теплотой, какие Санхар когда-то улавливал в душе юного Грациана.

Набрав воды, юноша подхватил ведро и направился к клетке. Но Санхар забрал у него ведро и передал его капитану. Замкнув замок, приказал юноше:

– Ступай за мной!

Тот смутился ещё больше и покраснел. Бросив на своего капитана растерянный взгляд, он послушно поплёлся следом за вельхом. Уходя, Санхар ощущал тяжёлый взгляд капитана, страх и смущение идущего следом юноши, но не произнёс ни слова.

Он привёл пленника в каюту, сел в любимое кресло, и несколько минут молча рассматривал стоящего у порога юношу, словно оценивая перед продажей. Пристальный взгляд привёл того в замешательство, и он потупился, замерев, словно кролик перед удавом.

Юноша выглядел привлекательно: утончённые, несколько женственные, черты, гладкая, чистая, упругая кожа, стройное тело с невыраженной мускулатурой, длинные ровные ноги, нежные руки, узкие бёдра и неширокие плечи.

– Как тебя зовут? – спросил Санхар.

– Эльм... господин... – негромко ответил юноша, робко взглянув на лорда.

– Чем ты занимался на пиратском корабле? Ты не похож на бравого вояку.

– Я был гнездовым...

Это означало, что он сидел на верхушке мачты в специальной бочке, так называемом «гнезде», и осматривал гори-

зонт в поисках проходящих мимо кораблей.

– Так это ты заметил мой корабль?

– Да.

– И капитан решил нас преследовать?

– Да...

– Тут вам не повезло... Дичь оказалась не по зубам. Ты знаешь, что вас теперь ждёт?

– Нет, господин...

– Если я сдам вас властям Гритланда, как пиратов, вас повесят. Но я могу отдать вас работорговцу, как пленников, тогда вы станете рабами, но будете жить. Что ты предпочитаешь, Эльм?

Юноша замялся, желая что-то сказать, но боялся либо стеснялся. Наконец, он осмелился и тихо произнёс:

– Я бы хотел служить вам...

– Мне? А что ты умеешь делать?

– Всё, что прикажете, господин...

– Всё, что прикажу? – задумчиво повторил Санхар и улыбнулся. – Что ж... Сейчас проверим... Подойди!

Юноша медленно приблизился. Санхар взял его за талию и усадил себе на колени. Сердце юноши затрепетало, но не от страха, а от волнения.

– А теперь поцелуй меня.

Юноша облизал пересохшие губы и посмотрел в глаза Санхара. Его взгляд затуманился, дыхание участилось. Он осторожно положил руки на плечи мужчины, наклонился и

неуклюже чмокнул его в губы. Санхар засмеялся, поняв, что юноша неискущён и неопытен, словно девственница. Одной рукой он обнял его за талию, другую ладонь положил на затылок, наклонил к себе и припал к его губам долгим, нежным, страстным и умелым поцелуем. Оторвавшись спустя несколько минут от вспухших повлажневших губ, произнёс:

– Вот так это делается... Понравилось?

– Да! – выдохнул Эльм.

– Хочешь ещё?

– Да, господин.

– Я тебе нравлюсь?

– Очень! Вы... такой красивый... Как бог!

– И ты согласен стать моим рабом, наложником, любовником?

– Да, господин, согласен!..

Санхар снова привлёк юношу и поцеловал. Тот осмелел и попытался неумело ответить. Санхар несколько минут ласкал его тело, наслаждаясь гладкой молодой кожей, а затем спросил:

– Ты уже спал с женщиной?

– Нет...

– Значит, я буду у тебя первым?

– Да.

– А твои товарищи знают о твоей... склонности?

Эльм неопределённо пожал плечами.

– А что скажет капитан, когда узнает обо всём?

Этот вопрос привёл юношу в смущение, но не поколебал решимости.

– Он поймёт... Капитан Интон хороший человек...

– Ну что ж... Тогда стань на колени и прими свой статус.

Санхар достал из шкатулки с разными разностями серебряный ошейник, какой, обычно, носили наложницы – украшенный чеканным орнаментом и мелкими драгоценными камнями, и надел на шею опустившегося на колени Эльма.

– Отныне ты мой раб, а я твой господин, – произнёс он традиционную фразу, и юноша поцеловал ему руку в знак покорности.

Санхар порылся в сундуках с запасной одеждой и отыскал кое-какие вещи для нового раба. Вручив их Эльму, сказал:

– Ступай и вымойся, от тебя плохо пахнет. Впредь всегда следи за своей чистотой. Я не люблю нерях, и за грязь или порванную одежду буду наказывать.

– Слушаюсь, хозяин, – склонил голову раб. Взяв в охапку одежду, он поспешно покинул каюту.

Глава 3

На следующий день задул слабый восточный ветер, и корабль медленно двинулся вперёд. Эльм, чистый, сияющий, испускающий благовония, ходил по кораблю вслед за Санхаром, словно привязанный. Поначалу его смущали любопытствующие или насмешливые взгляды матросов и солдат, но он быстро приспособился не обращать на них внимания. Его сияющий влюблённый взгляд не отрывался от господина, и эту необычную привязанность заметили все. Люди начали судачить о чудачестве капитана и командира, ведь до сих пор никто не замечал его в склонности к мужеложству. Последние полсотни лет Санхар не встречался с Грацианом, и делил ложе исключительно с дамами. Давно умерли те, кто помнил любовную связь Санхара и Грациана, а нынешнее поколение знало господина только как великого самца, у которого был не только обширный гарем наложниц, но который не пропускал ни одной хорошенькой девушки или женщины, будь то простая горожанка или знатная дама. Потому, отношения Санхара и нового раба, которые оба даже не пытались скрыть, ввели всех в недоумение. Даже бывшие товарищи юноши смотрели на него с удивлением и презрением. Не удивился, казалось, только капитан Интон. Его мрачный взгляд не менялся, когда он видел «сладкую парочку». Санхар, давно отвыкший что-либо скрывать от подданных, счи-

тая, что они обязаны принимать его таким, какой он есть, откровенно демонстрировал свою привязанность к юноше, то ласково поглаживая по лицу, то, шутя, хлопая по упругому заду, или даря мимолётный поцелуй.

Санхар не на шутку увлёкся юным наложником. Эльм совсем не походил на Грациана ни внешностью, ни характером, ни иными качествами. Во-первых, был немного старше Грациана, когда Санхар впервые того встретил. Во-вторых, Эльм был неискушённым и невинным мальчиком, хотя и тяготеющим к мужскому, а не женскому обществу. Грациан «свернул» в своё время Санхара, научив его мужеложству, а в этой ситуации получилось наоборот. Теперь Санхар выступал в роли опытного любовника, проводя юношу по тропам взаимной любви. И, в-третьих, Грациан, несмотря на склонность, в итоге оказался обычным мужчиной, любящим хорошеньких женщин и мечтающим о жене и детях, а его долгие отношения с Санхаром объяснялись не физической тягой, а душевной привязанностью и искренней дружбой. Эльм же, наоборот, с детства испытывал влечение к особам своего пола, его тянуло к мужчинам сначала подспудно, а затем и осознанно. Потому он легко и с радостью отдался Санхару, как только понял, чего тот от него ждёт. И, последнее, Грациан, насильно приученный к противоестественной для него связи, подвергавшийся грубому обращению и издевательствам, не отличался особой страстностью, скорее, старательно выполнял знакомую работу, чем отдаваясь акту любви. Хотя в уме-

лых и нежных руках Санхара он не раз испытывал настоящее наслаждение от близости. Эльм же оказался таким страстным и ненасытным любовником, что даже Санхару иногда трудно было его удовлетворить. Да и внешне они отличались, как небо и земля: тёмноволосый, золотоглазый, смуглый, женообразный Грациан с длинными роскошными волосами, которым позавидует любая женщина, и стройный, подтянутый, гибкий, светловолосый, голубоглазый, белокожий и коротко стриженный Эльм, несколько женственный, но всё же похожий на мужчину больше, чем Грациан, с его томным влажным взглядом огромных глаз. Может, эта непохожесть, а также откровенное желание, сквозившее во взгляде юноши, и привлекли Санхара к нему. А может, ему вновь наскучила женская любовь, и потянуло на нечто необычное? Сколько сотен женщин прошли через его руки, сколько губ он перецеловал и сколько грудей переласкал за две с половиной сотни лет своей неугомонной жизни? А мужчина у него был только один – Грациан. А теперь будет Эльм.

Миновав северные острова, «Избранник богов» прошёл вдоль берега Гритланда – одного из самых крупных островов Аквии. Он протянулся в виде угольника с севера на юг и с востока на запад, длинный, узкий и изогнутый, как бумеранг. Северо-южная часть протянулась почти на полторы тысячи километров, не меньшей была и восточно-западная. Столица княжества Гритландия, занимавшего всю территорию острова, находилась в «нижней» части, и до неё от северных остро-

вов было примерно 1600 кемов. Даже при хорошем попутном ветре корабль шёл бы к ней больше семидесяти часов. Санхар специально не заходил ни в один встречный порт, хотя их вдоль побережья Гритланда оказалось более чем достаточно. Он собирался сделать длительную остановку в Лагдине – пожить в столице некоторое время, осмотреться, по возможности развлечься и дать отдых команде. Он кое-что помнил и знал о Гритландии, о царивших там откровенных нравах, о том, что любовь здесь приветствовалась в любом виде, и многие знатные особы открыто имели любовников или содержали мальчиков-наложников.

Пока корабль двигался к Лагдину, Санхар развлекался тем, что устраивал отряду тренировки и соревнования, чтобы они не заскучали от безделья. Сам он тоже принимал участие в этих соревнованиях. Любимым его развлечением был «бой в темноте». Санхару плотно завязывали глаза и он вслепую отбивался от одного, двух или нескольких нападающих. Подданные считали господина непревзойдённым бойцом. Благодаря наследству от когда-то слепого отца, Санхар мог ощущать окружающее пространство до мельчайших подробностей. «Слепой» бой был для него не труднее боя с открытыми глазами, разве что реакция чуть замедлялась, что немного уравнивало его с обычным противником. По-настоящему умелый и опытный воин с быстрой реакцией и точным ударом мог пробить его оборону и нанести незначительную рану, но это при условии, что Санхар не задейству-

ет ментальные способности и не подслушает его мысли, которые на мгновение раньше подскажут ему, куда противник собирается нанести удар. К тому же кожа его, и так упругая и крепкая от рождения, после пятилетнего сна, стала ещё крепче и эластичней. Даже Санхару нужно было приложить определённое усилие, чтобы повредить её. Особенно плотной и непробиваемой она стала на шее, груди, спине и животе до бёдер – в самых опасных местах. Так что, если Санхар хотел пустить себе кровь, приходилось резать либо ладонь, либо ногу.

За день до прибытия в Лагдин Санхар объявил пленным корсарам своё решение: их продадут работорговцу. Если кто не желает становиться невольником – пусть сообщит об этом. Его торжественно повесят на рее по морским законам.

Желающих болтаться на перекладине для парусов не нашлось, и, когда "Избранник богов" вошёл в гавань Лагдина и пришвартовался на отведённом ему месте, Санхар пригласил местного купца осмотреть товар.

Все пленные были здоровыми крепкими молодыми людьми, и купец почти не торговался. Он заплатил Санхару требуемую сумму и забрал рабов. На корабле остались только Эльм и капитан Интон, которого лорд решил не продавать. Этот сильный, стойкий, спокойный, уравновешенный и благородный человек нравился ему тем сильнее, чем больше он его узнавал. Давно Санхар не встречал таких сильных духом и благородных душой людей, и он решил тем или иным

способом привлечь его на свою сторону. Когда купец забирал проданных пленников, Санхар жестом остановил солдата, когда очередь дошла до капитана, и сказал:

– Этот не продаётся.

Капитана втолкнули обратно в клетку, вывели остальных, и оставили в одиночестве. Ни словом, ни жестом не выдал капитан удивления, возмущения или растерянности. Молча сел в углу некогда тесного, а теперь опустевшего узилища, обхватил сильными руками колени, и смотрел, как уводили его товарищей. Он не знал, почему его не продали с остальными, не знал, и даже не гадал, какую долю уготовил ему лорд Санхар, но в душе его не было ни страха, ни тревоги, а только полнейшее равнодушие и отчуждение.

Санхар получил за пленных шестьсот сорок золотых, и за корабль, который выставил на аукцион, больше шестидесяти тысяч. Из этих денег он выплатил премию дружинникам – по десять золотых, а на остальные снял роскошный номер в самой лучшей гостинице города. Каждый день он прогуливался по Лагдину в сопровождении Эльма, осматривая достопримечательности; нанёс визит вежливости князю Гритландскому, познакомился с несколькими знатными придворными и посетил их загородные дома. Мало кто слышал о лорде-правителе Санхаре Лайонском, но никто не сомневался в его статусе, и принимали с соответствующим почётом. Знатные дамы и девицы, едва услышав, что лорд холост, начинали обдумывать планы оболыщения красавчика-вельха, и на-

личие у гостя юного наложника нисколько их не смущало.

Пробыв в Лагдине, примерно, месяц, увидев всё, что хотел увидеть, и узнав всё, что желал знать, Санхар вернулся на корабль и отчалил от гостеприимных берегов. Гритландия ему понравилась. Единственное, что утомляло и раздражало, это придворный этикет и сплошные интриги всех против всех. Но это болезнь всех старых устоявшихся правлений.

Санхар направился в Алмост – королевство, расположенное на Южном континенте. От Гритландии до Алмоста около четырёх тысяч кемов. При благоприятных обстоятельствах это примерно десять дней ходу. Десять дней открытого океана, ограниченного пространства и однообразного пейзажа, колеблющейся палубы и вынужденного безделья. Но это в том случае, если не случится ничего непредвиденного.

Первые два дня Санхар не предпринимал никаких действий, чтобы чем-то занять или развлечь людей – им хватало впечатлений после длительного отдыха в Лагдине. Но как только он заметил первые признаки скуки, решил устроить небольшое развлечение в виде показательного суда над капитаном Интоном. С одной стороны, он хотел позабавить команду, с другой – последний раз испытать пленника. Его полнейшее спокойствие и равнодушие к своей участи словно бросали ему вызов.

Воинам и матросам объявили о решении господина, и они рьяно начали готовиться к судилищу: вытащили на палубу все скамьи и пустые бочонки из-под пива и расселись на них,

в ожидании зрелища.

Сержант Сенек торжественно зачитал приказ капитана и господина и велел привести пленного. Когда двое воинов вывели корсара из клетки, его дружно освистали и наградили насмешливыми аплодисментами. Санхар поднялся на крышу надстройки и обратился к пленнику:

– Капитан Интон, ты обвиняешься в нападении на мирный корабль с целью захвата и грабежа. Что скажешь в своё оправдание?

Интон не ответил. Он посмотрел на Санхара таким взглядом, словно перед ним стоял мальчишка и говорил глупости. Его мысли соответствовали взгляду и слегка задели вельха.

– Я знаю, что ты подумал, – сказал он, – но это не игра. Мои люди хотят зрелища, и они его получают... Я не продал тебя работорговцу, потому что для тебя унижение носить рабский ошейник. Я знаю, ты предпочёл бы смерть на виселице кнуту надсмотрщика. Или я ошибаюсь?

Интон взглянул в глаза Санхара.

– Нет, не ошибаешься... Я не боюсь смерти: два раза не умрёшь, когда пришла – не уйдёшь. К чему ломать комедию? Зови палача и заканчивай представление.

– Мне нравится твоя смелость, – усмехнулся Санхар. – Но не торопись на Небеса. Возможно, твой колокол ещё не пробил. Я не злопамятный. К тому же ты не пират, а корсар, а значит, заслуживаешь смягчительных обстоятельств... Предлагаю два варианта наказания, из которых можешь вы-

брать одно. Ты готов сделать выбор?

– Предлагай... – усмехнулся капитан.

– Хорошо, – кивнул Санхар. – Что выбираешь: смерть через повешение или купание в бочке с инфликтом?

Слова Санхара привели капитана Интона в растерянность. По-видимому, он ожидал нечто другое.

– Выбор невелик, – пробормотал он. – Смерть или смерть...

– А ты думал, что я предложу свободу? – усмехнулся Санхар. – Ты пират, и по всем законам заслуживаешь смерти. Потому я и предлагаю два варианта казни.

Санхар, вообще-то, не собирался убивать Интона. В последний миг он хотел сделать благородный жест и помиловать осуждённого. Он желал посмотреть, как поведёт себя капитан на пороге смерти: так же спокойно и равнодушно, как держался до сих пор, или проявит какие-либо эмоции?

– Что такое повешение, я знаю – сам повесил нескольких негодяев в своё время... Не будете вы так любезны, сударь, объяснить, в чём выражается казнь через купание? – с явной насмешкой в голосе произнёс капитан.

Санхар оживился. Наконец-то эта скала начала давать трещины! Это был не страх, но, может быть, испуг проявляется в нём именно таким способом? Кто-то, пугаясь, впадает в ступор, кто-то в агрессию, кого-то охватывает истерика, а капитан Интон начинает язвить?

– С большим удовольствием, сударь, – в тон ему ответил

Санхар. – С действием инфликта – этой обжигающей жидкости – ты уже знаком. На Лайонсе особо опасных преступников – убийц, насильников, грабителей и пиратов – мы садим в бочку, наполненную инфликтом. Никто не выдерживает подобной процедуры больше пяти минут – все умирают мучительной смертью, не выдержав адской боли... Лично я не рекомендую тебе этот вид казни, уж очень она жестока... Старая добрая верёвка куда предпочтительней.

Интон опустил голову и задумался. На корабле воцарилась тишина. Люди с любопытством воззрились на пленника: неужели он такой идиот, что выберет инфликт?

Наконец, Интон поднял голову и взглянул в глаза Санхару.

– А если я не умру после... купания? Даруете ли вы мне свободу... милорд?

Пленник говорил спокойно и словно бы равнодушно, но Санхар легко уловил смятение в его душе. По-видимому, это решение далось ему нелегко.

– Это невозможно, капитан, – так же глядя в глаза Интону, ответил Санхар. – Ты умрёшь, и смерть твоя буде ужасной.

Он уже жалел, что начал эту игру. Если бы капитан выбрал повешение, он мог бы его помиловать. Но теперь складывалась ситуация, когда помилование невозможно: нельзя лишить человека шанса, пусть и призрачного, обрести свободу. Ведь он сам милостиво предоставил ему выбор. Казалось, в его предложении нет лазейки, но капитан нашёл её и

не преминул воспользоваться.

– Ну, а если?...

– Если ты останешься жив, то, клянусь своей честью и именами всех богов, живущих на Небесах и в Подземелье, я высажу тебя в первом же порту по твоему выбору, и никогда не буду преследовать ни словом, ни делом. Это сказал я, лорд-правитель Санхар Лайонский, принц Трикорский... Итак, сударь? Твой выбор. Подумай ещё раз и всё хорошенько взвесь...

– Я выбираю купание в инфликте, – твёрдо произнёс Интон.

Из десятков глоток одновременно вырвался вздох изумления. Затем зрители оживлённо заспорили, заключая пари: выдержит или не выдержит капитан, останется жив или умрёт.

Санхар согласно склонил голову и произнёс:

– Ты сделал выбор, капитан, и я уважаю твоё решение, хотя и считаю его глупым... Время покажет, кто из нас прав. Завтра приговор приведут в исполнение, а сейчас отдыхай и набирайся мужества – оно тебе понадобится. Ты имеешь право на хороший обед и соответствующие твоим верованиям обряды... Удачи!

Санхар отвернулся и ушёл в каюту, больше не глядя на обречённого на муки смертника.

Глава 4

На следующее утро Интон снова предстал перед Санхаром. Окружающая обстановка осталась почти без изменений, только добавилась большая бочка, наполненная зеленоватым инфликтом. К ней были приставлены наскоро сбитая лесенка и два небольших помоста для воинов, опускавших приговорённого в бочку. Чтобы защитить лица и руки от жгучих брызг, они надевали специальные маски и перчатки из кожи.

– Не передумал, капитан? – без особой надежды, спросил Санхар. – Я предоставляю тебе право изменить решение.

– Я не привык менять решения в последний миг, – спокойно ответил Интон.

Он, как всегда, держался непоколебимо и равнодушно.

– Упрямство стоило тебе корабля и свободы, – не удержался от замечания Санхар.

– У каждого бывают ошибки... – обронил капитан, не глядя на вельха.

Санхар подал знак начинать и опустился в кресло. Эльм стал позади него, весь дрожа от волнения и страха за жизнь капитана.

Капитану связали за спиной руки и ноги, чтобы, попав в инфликт, он не брыкался и не плескался, продели под связанные руки палку и подвесили над бочкой. На палубе во-

царились тишина и напряжение. Сейчас, именно в этот момент, Санхар мог ещё отменить казнь, помиловать преступника. Но тогда он должен будет заменить её чем-то другим: тюремным заключением, каторгой или рабским ошейником, лишив капитана выбранной им возможности на спасение. Часовой перевернул песочные часы, и, когда тонкая струйка потекла из верхнего резервуара в нижний, Интона начали медленно опускать в бочку.

По правилам, жертва была голой, не считая узкой набедренной повязки в эстетических целях. Накануне ночью, после долгой и страстной любви, Санхар намекнул Эльму, что, если набедренную повязку смочить уксусом, то боль в особо нежных местах будет не такой сильной. Он услышал мысли юноши и знал, что тот, на рассвете, когда все крепко спали, тайком отнёс капитану кувшинчик уксуса. Знал также, что воины, выполнявшие роль палачей, учуяли характерный запах, но промолчали и не доложили о нарушении – их тоже потрясло мужество и жажда свободы капитана Интона. «Меченые» уважали смелость и силу духа.

Когда ноги Интона коснулись инфликта, он вздрогнул. По мере того, как тело погружалось в жидкое пламя, он корчился, стонал, кусал губы, бледнел, но не кричал, и ответом ему тоже была уважительная и напряжённая тишина.

Но всё же Санхар немного схитрил. Он сказал, что никто не выдерживал в бочке с инфликтом больше пяти минут. Это было правдой. Но эти пять минут считались от полного по-

гружения и до начала агонии. Сейчас тоже установили пятиминутный интервал. Но часы запустили до того, как ноги Интона коснулись инфликта. Минута ушла на погружение. Итого, в запасе оставалось ещё четыре минуты. Однако и это был большой отрезок времени для истязаемого жгучей болью человека. Все с напряжением следили за тонкой струйкой песка, казалось, невыносимо медленно пересыпающейся из одного полушария в другое. И, когда песка осталось примерно на минуту, Санхар подал знак, и воины начали поднимать Интона. Когда последняя песчинка прошла узким горлышком часов, капитана полностью вытащили из инфликта. Кожа истязуемого стала бледной, как брюхо тухлой рыбы, он с трудом дышал и казался невменяемым. В полубессознательном состоянии, парализованный болью, часто и с присвистом дыша, как перегретая на солнце собака, смотрел в одну точку расширенными зрачками, ничего не видя и ничего не слыша.

Когда капитана начали опускать в инфликт, сержант Сенек, стоявший рядом с Санхаром, с сомнением покачал головой:

– Он хорошо держится, но, ставлю пять золотых, что капитан не выдержит «замачивания».

– Ставлю десять против пяти, что выдержит, – уверенно возразил Санхар.

– Принимаю, – согласился сержант.

Сейчас, глядя на распластанного на палубе Интона, кото-

рого обильно поливали уксусом, смывая остатки инфликта, Санхар подумал, что Сенек таки проиграл пари.

Капитана положили на мягкий тюфяк и оставили на палубе под полотняным тентом, защищавшим от жгучих солнечных лучей, где его воспалённую кожу мог обдувать прохладный ветерок.

К вечеру Интону стало хуже. Обожжённая инфликтом кожа покраснела и вспухла, отравленный ядом организм ослабел, и капитан потерял сознание. Дыхание его стало хриплым, а из носа тонкой струйкой бежала кровь. Сенек, глядя на неподвижное тело, довольно улыбнулся:

– По-моему, скоро я стану богаче на десять золотых. Эх, и устрою я пирушку в ближайшем порту!

– Не дели шкуру не убитой овцы, – возразил ему Санхар.

– Милорд, неужели вы думаете, что этот полумертвец выживет? – удивился сержант.

– Я в этом уверен, – кивнул Санхар. – У него не только хорошее здоровье, но и огромное желание жить свободным.

– Инфликт его доконает, – покачал головой Сенек. – Ещё никто не выжил, искупавшись в бочке с инфликтом. Думаю, даже вы, милорд, не смогли бы пережить такого...

– Уверен? – задумчиво взглянул на сержанта Санхар.

– Ну... Я знаю, что вы Избранник Богов и всё такое... Но бочка инфликта... – смутился Сенек.

Сержант был молод – не больше тридцати, и служил у Санхара только десять лет. Он, конечно же, слышал расска-

зы ветеранов о неуязвимости и вечной молодости лорда, воочию убедился в его силе и ловкости, но сомневался, что рассказы о лорде-правителе полностью правдивы, считая их обычными солдатскими байками любивших приврать для красного словца или преувеличить для сочности повествования рассказчиков.

– Может, поспорим ещё на пять золотых? – предложил Санхар.

Сенек удивлённо воззрился на господина.

– Вы полезете в бочку с инфликтом? – недоверчиво спросил он.

– Нет, конечно. Я не стану подвергать себя мукам за столь ничтожную сумму. Но я могу замочить одну руку. И, если до утра она не заживёт, ты получишь пять золотых. А если заживёт – стану богаче я.

Сенек заколебался. Благоразумие подсказывало ему воздержаться от сделки, но любопытство и азарт игрока подталкивали принять предложение.

– По рукам! – не выдержал он.

Санхар направился к бочке. Сбросив рубашку, приказал: «Переворачивай часы!», и сунул в жидкость руку почти по плечо. Вокруг начали собираться любопытные. Новость вмиг облетела корабль, и через минуту возле бочки собрались все: и матросы, и солдаты, и кок, и даже гнездовой свесился со своего насеста, стараясь рассмотреть, что творится внизу.

Сначала Санхару показалось, что он сунул руку в открытое пламя. С каждой уходящей минутой боль усиливалась, пока не стала почти невыносимой. Казалось, с руки клочьями сдирают кожу, оголяя нервы и мышцы. Санхар поразился, как капитан Интон выдержал эту адскую боль без нечеловеческого крика, без стога или проклятий, как делали другие несчастные, прошедшие этот путь. Как можно вынести боль всего тела и не сойти с ума, если так болит лишь одна рука?

Когда он, спустя пять минут, вынул руку, ему показалось, что прошла целая вечность. Рука покраснела; казалось, что с неё содрали кожу, а открытое мясо поливают кипящим маслом и колют острыми иглами. Кто-то приблизился к нему с кувшином уксуса, и только через мгновение до Санхара дошло, что это Эльм. Матросы и солдаты молча смотрели на господина. В их глазах светилось откровенное любопытство. Санхар с трудом улыбнулся и произнёс:

– Да, это довольно неприятно... Не желаю никому испытать это удовольствие на себе.

Его светлая северная кожа мгновенно вспухла. Боль толчками разливалась по телу. Голова закружилась и потянуло в сон.

– Пойду, прилягу, – произнёс он. – Сенек, остаёшься за меня...

– Слушаюсь, милорд! – с готовностью отозвался сержант. Когда он лёг в постель и Эльм помог ему раздеться, заботливо прикрыв лёгким покрывалом, в теле Санхара уже на-

чали нарастать слабость и вялость. Он закрыл глаза, расслабился, и вскоре уснул.

Проснулся на рассвете. В каюте было темно, Эльм, припустившись со стороны здоровой руки, ткнулся носом ему в подмышку и сладко посапывал. В здоровом и, как обычно, полном нерастраченной энергии теле не ощущалось ни боли, ни слабости. Он взглянул на левую руку, побывавшую в инфликте. Она ничем не отличалась от правой. Ни следа красноты или воспаления. Светлая чистая кожа матово светилась в сумерках.

Санхар зевнул, потянулся, и хотел уже разбудить Эльма, чтобы заняться любовью, но вспомнил о капитане.

Бесшумно встав, натянул подштанники и вышел на палубу.

Восток едва серел. Корабль окутывал серый сумрак, какой виделась глазами Санхара тёмная ночь. Он взглянул на небо и увидел покрывавшие его тучи. Но не чувствовал надвигающегося шторма. Значит, волноваться не стоило.

Капитан Интон лежал на тюфяке всё в том же состоянии. Это уже обнадёживало. Хотя, куда хуже! Притронувшись к его руке, Санхар ощутил жар, а слабый неровный пульс и прерывистое дыхание говорили о том, что капитан медленно, но неуклонно движется к концу. Санхар опустил ся возле неподвижного тела на корточки и задумался, поглядывая на просвечивавшие в разрывах облаков звёзды. Если капитан умрёт, Санхар проиграет пари. Но не о потерянных деньгах

беспокоился он. Жаль потерять сильного, отважного и благородного человека. Как его спасти? Он не мог поделиться с ним кровью и сделать Бессмертным, как делала мать. Вливание только ускорить конец несчастного. Оплакать его, как оплакал в своё время Акса и Грациана, со слезами передав им живительную силу? Но смерть капитана, хотя и огорчала, но не до такой степени, чтобы вызвать слёзы. А просто так, по желанию, плакать он не мог. Разве что...

Санхар давно заметил, что женщины, с которыми он жил, оставались долго молодыми, никогда не болели, а их случайные раны быстро заживали. Он вспомнил Эльма, который появился у него не так давно. На днях он случайно порезал руку, но через несколько часов от раны не осталось и следа.

Конечно, Санхар не собирался насиловать капитана. Он вообще не собирался вступать с ним в какую-либо связь. Но один способ стоило попробовать...

Санхар опустил на колени и осторожно коснулся сухих воспалённых губ Интона, увлажняя их своей целебной слюной. Он целовал капитана без всякого удовольствия, стараясь, чтобы в его рот попало как можно больше живительной влаги. Напоследок, он слегка укусил его за губу, высосал немного крови, подержал во рту, и передал её обратно. Выпрямившись, вытер губы и сплюнул.

– Ну что ж, спящая красавица, надеюсь, мой поцелуй оживит тебя, – пробормотал Санхар, поднимаясь.

Пройдясь по кораблю, он приблизился к рулевому и по-

интересовался, как идут дела. Тот ответил, что всё в порядке, и украдкой взглянул на руку господина, на которую падал свет фонаря, висящего над компасом. Увидев, что рука совершенно здорова, он сдержанно усмехнулся. Рулевой был старым матросом и плавал с Санхаром почти сорок лет. Он не сомневался, что господин – истинный Избранник Богов, и бочка инфликта для него не страшнее горячей ванны.

Глава 5

Сенек с большой неохотой расстался с пятью золотыми, но с ещё большей – с другими пятью, когда на следующий день капитан Интон начал поправляться. Всех удивила необычная живучесть капитана, ведь мало кто верил в его выздоровление. Один Санхар знал правду, но благоразумно молчал. Ночной поцелуй вельха не сделал Интона бессмертным, но помог побороть ужасный недуг. На следующий день начала проходить горячка, а на второй он уже пришёл в себя и даже попросил пить. Утолив жажду, уснул, и проснулся почти здоровым. И хотя он был ещё слаб, бледен и вял, но стоял на ногах. Те, кто поставил на его выживание, обогатились, так как таких оказались единицы.

Больше всего выздоровление капитана обрадовало Эльма, который очень уважал бывшего командира, и сильно за него переживал. Всё свободное время он теперь проводил с капитаном. Их часто видели стоящими на носу корабля и о чём-то тихо беседующими. Санхар не ревновал, ведь он знал, что между ними ничего нет. Он слышал их разговоры. Интон, в основном, интересовался делами юноши и личностью Санхара, о котором наложник восторженно отзывался в самых лестных выражениях. Санхар не пресекал ни эти встречи, ни разговоры, втайне надеясь, что Эльм невольно подготовит почву для предложения, которое он хотел сделать капи-

тану. Сам он относился к Интону уже не как к пленному, а, скорее, как к пассажиру. Иногда приглашал к столу наравне с сержантом Сенеком, где угощал кубком вина и хорошим обедом. Но капитан всё равно держался отчуждённо как с Санхаром, так и с остальными, хотя спал с ними в одной каюте и ел из одного котла. Но когда на экваторе корабль попал в жестокий шторм, он, без просьб и приказов, бросился на помощь команде, несмотря на остаточную слабость, действуя грамотно и умело, не дожидаясь распоряжений Санхара, иногда, даже, сам отдавая нужные команды. Шторм оказался таким сильным, что Санхар начал опасаться за судно. Но заблаговременное предчувствие помогло ему подготовиться к разгулу стихии и встретить его во всеоружии. Несмотря на то, что ураганный ветер гнул мачты и грозно свистел в снастях, а разбушевавшиеся волны швыряли корабль, словно щепку, он выстоял и не пострадал. Санхар сам стал у штурвала, ибо только его нечеловеческая сила смогла удержать «Избранника богов» кормой к ветру, не давая ему развернуться боком. Если бы такое случилось, ветер и волны мгновенно перевернули бы корабль и отправили всех на дно. Но всё же не обошлось без жертв. Огромная волна, захлестнувшая палубу, смыла за борт несколько человек, а лопнувшая снасть снесла зазевавшемуся матросу голову.

Изрядно потрепав корабль, шторм унёсся дальше на запад, оставив ободранного, но непобеждённого «Избранника богов» качаться на мёртвой зыби.

Похоронив мёртвых и залечив раны, оставшиеся в живых натянули порванные снасти, заменили изодранные паруса и повесили на место оторванные щиты. При подходе к Алмосту корабль подкрасили свежей краской, чтобы он выглядел красиво и нарядно.

Пройдя Барьерные острова, взяв на борт лоцмана, который провёл их по Мариналю – мелководному морю, усеянному множеством небольших островов, на которых располагались замки аристократов и белели виллы богачей и знати, «Избранник богов» вошёл в гавань Литнеса – столицы Алмоста. Пришвартовавшись у причала, Санхар велел опустить трап и обратился к Интону:

– Ну вот, капитан, мы в Литнесе. Желаете сойти на берег?

– А я могу? – с ноткой недоверия спросил Интон.

– Я всегда держу своё слово, капитан. Вы свободны... Более того, вы заработали небольшую плату, так как не сидели, сложа руки, – и протянул капитану кошель с десятью выигранными у сержанта Сенека золотыми.

Интон взял кошель и вытряхнул на ладонь монеты. Посмотрев на золото, усмехнулся.

– Если вы так платите матросам, то скоро разоритесь... Но я возьму эти деньги... За них я хочу выкупить Эльма.

– Эльм не продаётся, – твёрдо ответил Санхар.

– Вы не поняли, милорд, – спокойно возразил капитан. – Я не покупаю его. Я всего лишь хочу, чтобы вы сняли с него ошейник. Пусть он остаётся при вас, но как свободный че-

ловек.

Эльм, как обычно, стоявший позади Санхара, растрогался почти до слёз. Санхар ощутил смятение чувств юноши и обратился к Интону:

– Ещё один благородный поступок? Отдать последние деньги за свободу мальчишки, который в ней даже не нуждается?

– Вы так думаете? – чуть прищурился капитан. – А вы у него спрашивали?

Санхар жестом приказал Эльму приблизиться. Юноша робко стал перед его лицом, не поднимая глаз от палубы.

– Ты продашь свой ошейник за десять золотых? – обратился к нему Санхар.

Эльм нервно переступил с ноги на ногу и пробормотал:

– Я отдам его и бесплатно... Но я всё равно хочу служить вам, господин...

– Капитан Интон хочет купить твой ошейник за десять золотых, которые он заработал на моём корабле. Что ты на это скажешь?

– Капитан Интон благородный человек... Но это высокая цена... Я согласен продать его и за два золотых...

– Ты слишком низко себя ценишь, малыш. Лично я не продал бы тебя и за сто, но не могу отказать капитану Интону... Решайся. Либо да, либо нет, либо разговор окончен.

Эльм снова переступил с ноги на ногу, тяжело вздохнул, судорожно сглотнул и бросил быстрый взгляд на капитана, а

потом на господина. Ему было нелегко принять решение. Он стоял между двух людей, которых любил и уважал. Принять ту или иную сторону, означало ущемить другую. Юноше, в самом деле, хотелось свободы, его угнетала полоска металла на шее, но он понимал, что, избавившись от неё ценой капитанского золота, обрекал бывшего командира на нищету в чужом порту. И всё же, после мучительных колебаний, он тихо произнёс:

– Да... Я согласен.

Санхар снял с шеи ключ, разомкнул замок на рабском ошейнике, снял его с шеи Эльма и вручил капитану.

– Он теперь ваш... Продадите его старьёвщику, может быть, хватит на приличный обед... А это твоё, Эльм, – вручил мальчишке кошель с золотыми.

Интон взвесил в руке тонкий обруч и скупое усмехнулся.

– Прощайте, милорд, – и ступил к трапу.

– Подождите, капитан... – остановил его Санхар.

Интон замер и настороженно оглянулся.

– У меня к вам некоторое предложение... Я так думаю, оставшись без корабля и без денег, вы не станете задерживаться в Литнесе, а будете искать службу?

– Возможно... – обронил Интон.

– Вы не сможете никому признаться, что были капитаном корсарского корабля, потому вам светит, в лучшем случае, матросская должность.

Интон молча смотрел на Санхара.

– Я и владелец, и капитан, но это обременительно. У меня нет хорошего помощника. Предлагаю вам должность помощника капитана на «Избраннике богов».

– Это шутка? – впервые на невозмутимом лице Интона проявились чувства, а в глазах отразилось удивление.

– Двадцать золотых в месяц. Половина в походе, остальные по возвращении домой. Отдельная каюта, питание за моим столом... Не тороплю с ответом, я планирую пробыть в Литнесе некоторое время. Вы сможете найти меня в гостинице... Не знаю ещё, в какой, но, надеюсь, в самой лучшей.

Санхар повернулся и пошёл прочь, оставив изумлённого капитана у трапа.

Глава 6

Санхар сошёл на берег, когда уладил все корабельные дела: принял таможенных чиновников, уплатил пошлину за стоянку, налог за пользование портовыми сооружениями (независимо от того, собирался он ими пользоваться или нет), и налог за ввоз груза в иностранное государство; составил график отгулов для матросов, который оставил сержанту Сенеку, во время его отсутствия остававшемуся на судне за старшего и отвечающего за сохранность корабля и дисциплину команды и подчинённых ему солдат. Прихватив с собой радостного и довольного Эльма, он спустился по трапу на гранитные плиты порта и отправился в город.

Город начинался сразу за распахнутыми настежь портовыми воротами, возле которых толпились носильщики с пассажирскими и грузовыми носилками. Санхар нанял носилки и велел отвезти себя в самую лучшую гостиницу.

Хозяин носилок пинками и окриками поднял развалившихся в тени стены рабов, и сам пошёл впереди, указывая путь. Эльм трусил следом, с любопытством глаза по сторонам. Подняв шёлковые занавески, закрывавшие пассажиров от любопытных взглядов, Санхар с интересом посматривал на незнакомый город.

Прямая мощёная улица тянулась ровной линией, под прямыми углами её пересекали другие. На пересечении улиц

располагались небольшие овальные или круглые площади, посреди которых размещались маленькие симпатичные фонтаны или высились статуи правителей и богов. По обеим сторонам улицы поднимались внушительного вида дома, фасады которых были совершенно глухими, если не считать открытых или закрытых ворот. Зато вторые этажи с просторными балконами, украшенными красивыми колоннадами, были полностью открыты. Почти всюду стены покрывали красочные рисунки, изображавшие сцены из повседневной жизни города или занятия живших в нём людей, и от этого казалось, что носилки проплывали по картинной галерее.

Жители Алмоста одевались в яркие просторные одежды, при этом покрой мужского и женского платья был весьма схож, и отличить одних от других зачастую удавалось только по головным уборам: у мужчин – высокие войлочные шляпы или обмотанные вокруг головы куски полотна со свисавшими на спину и грудь расшитыми концами, а головы женщин покрывали цветастые платки или накидки, концы которых прикрывали лицо. Встречались женщины и с открытыми лицами, но, присмотревшись, Санхар понял, что это либо чужеземки, либо рабыни.

Носилки прибыли почти в центр города и остановились на большой площади, посреди которой зеленел тенистый сквер вокруг большого, украшенного статуями, фонтана. Площадь окружали красивые многоэтажные здания, возле одного из которых и остановились носилки. Запыханные вспотевшие

носильщики опустили их на землю, и провожатый, склонившись в вежливом поклоне, сообщил на ломаном ассветском языке, что это «Королевский престиж» – самая лучшая гостиница города, принадлежащая лично Его Величеству. В ней останавливаются только очень знатные вельможи и богатые иностранные гости. Санхар уплатил деньги за проезд и вошёл в распахнутые ворота, охраняемые двумя причудливо одетыми стражниками, изнывающими от жары в тяжёлых кожаных шлёмах и бронзовых панцирях, надетых поверх традиционных длинных рубах.

Управляющий окинул вошедшего опытным взглядом и расплылся в приветливой улыбке. Его полное упитанное тело поплыло навстречу вошедшим, а короткие ручки раскинулись в открытом объятии.

– Добро пожаловать, дорогие гости, добро пожаловать в наш скромный, но полный достоинств приют странников! – с пафосом, но на ужасном ассветском языке произнёс он. – Я рад, что вы выбрали нашу гостиницу, и приложу все усилия, чтобы вы об этом не пожалели!

– Приятно это слышать... – ответил Санхар. – Найдутся ли у тебя, любезный, апартаменты с мягкой кроватью и ванной комнатой? Желательно, чтобы в них было не очень жарко, обилие здешнего солнца меня угнетает.

– Господин, наверное, прибыл с северных стран, – понимающе улыбнулся управляющий. – Только северяне не любят нашего солнца. Мы же купаемся в его лучах, как в воде...

А где ваши слуги, господин, и есть ли у вас багаж?

– Мой слуга стоит рядом со мной, и я не люблю таскать за собой багаж – зачем носить лишний груз?

– О, простите господин, я подумал, что это ваш младший брат, мальчик немного похож на вас...

– Разве? – удивился Санхар. – Он ассвет, а я вельх, что у нас общего, кроме далёких предков?

– Простите ещё раз, сударь, здесь темно, и мои старые глаза меня уже подводят... Меня ввели в обман ваши светлые волосы... Теперь я вижу, что вы совершенно не похожи...

Присмотревшись, алмостец заметил светлую полоску с недавно снятого рабского ошейника на загорелой коже Эльма, и смутился ещё больше, боясь, что этот беловолосый чужеземец обидится, что он приписал ему в родню бывшего раба.

Но Санхара не волновали такие мелочи. Он желал побыстрее получить комнату, принять освежающую ванну и осмотреть город, если останется время.

Управляющий, постоянно любезно улыбаясь, спросил его имя, чтобы записать в регистрационную книгу.

– Санхар Аоста, лорд-правитель Лайонский, со слугой Эльмом.

Толстяк торопливо вписал их имена в книгу, взял из ящичка ключ и повёл гостей наверх. Апартаменты, которые им предоставили, располагались на пятом, самом верхнем этаже, и состояли из просторной светлой спальни с огромной

круглой кроватью под полупрозрачным шёлковым балдахином, уютной роскошной гостиной с открытым балконом, выходящим на улицу, и большим мраморным камином. К спальне примыкала ванная комната с приподнятым над полом круглым мраморным бассейном, массажным столом и просторным деревянным гардеробом. Из гостиной шёл выход на крышу в импровизированный садик, где, в специальных кадках и вазонах, росли карликовые деревья и цветущие кустарники, а также стояла лёгкая ажурная деревянная беседка, увитая плетущимися розами и широколиственными лианами. Стены комнат и потолки апартаментов украшали цветная роспись и искусная резьба по мрамору, а пол сложный причудливый узор из цветной мозаики. В спальне на окнах висели плотные шёлковые шторы, закрывавшие комнату от солнца и лишнего света, а в гостиной лёгкий ветерок, врывавшийся через открытые проёмы в стене, колебал тонкие узорчатые занавеси, смягчавшие солнечный свет, но пропускавшие свежий воздух.

Апартаменты Санхару понравились и он не возражал против довольно высокой цены – два золотых в сутки.

– Слуга будет жить с вами или выделить ему койку в помещении для слуг? – спросил управляющий, видя, что гость доволен.

– Со мной... Пусть ваши люди наполнят бассейн, и пришлите массажиста. А после ванны пусть принесут обед.

– Что господин пожелает на обед?

– На ваш вкус... Хочу попробовать местные блюда. И обязательно должны быть сладости и свежие фрукты. И бутылочку хорошего вина. Алмостские вина славятся во всём мире.

– О, да! – широко заулыбался алмостец. – Э-э... Прошу прощения, обед на двоих или слуга поест в столовой?

– На двоих. Это мой любимец, поэтому мы всё будем делать вместе.

– Да, конечно, простите мою недогадливость, господин лорд-правитель...

– Можете обращаться ко мне «милорд».

– Да, милорд, конечно, милорд...

– И проявляйте уважение к моему слуге – Эльм мой любимый наложник.

– О!.. А!.. Теперь мне всё понятно! – облегчённо вздохнул управляющий. – Простите мне мою тупость... Просто, я всегда думал, что этот обычай не распространён в северных странах...

– Не распространён. Но я привык делать, что пожелаю.

– Конечно, конечно, милорд... У вас очень хороший вкус. Ваш мальчик – просто чудо!

– Я знаю... – улыбнулся Санхар и подмигнул смутившемуся юноше.

Избавившись от болтливового управляющего, они ещё раз осмотрели комнаты, побывали на крыше и постояли на балконе, любуясь видом раскинувшейся внизу людной площа-

ди, пока гостиничные слуги наполняли бассейн-ванну тёплой водой. Она подавалась по специальным бронзовым трубам из огромного бака, расположенного на крыше, и подогревалась жаром солнечных лучей.

Глубина бассейна не превышала трёх локтей, но если сесть на специальную скамейку, расположенную на половине его глубины, то вода доставала до подбородка. Вода оказалась слишком тёплой, чтобы не сказать, горячей. В неё добавили ароматические масла, а на поверхности плавали цветочные лепестки. Обслуживали купающихся два мускулистых полуобнажённых раба – по-видимому, управляющий решил, что Санхар не приемлет женщин вообще.

Санхар сбросил одежду и первым погрузился в бассейн. Охая и ахая, Эльм последовал за ним. Пока они нежились в горячей воде, прислужники, словно каменные изваяния, стояли у стены. Затем Санхар потребовал мыло и мочалку и попросил Эльма вымыть его. Юноша старательно начал намыливать его большое мускулистое тело, попутно лаская господина и возбуждаясь сам. Распалённый горячей водой и ласками, Санхар возбудился и привлёк юношу к себе. Он припал к его жаждущим нежным губам долгим поцелуем, позабыв о двух молчаливых зрителях, пока не ощутил их смущение. Тогда он жестом велел им удалиться, не прерывая страстного поцелуя.

Любовь в воде показалась Санхару восхитительной, и они долго наслаждались, плескаясь и погружаясь, пока вода не

начала остывать. Лишь тогда они вспомнили, зачем здесь, закончили омовение и, позвав прислужников, улеглись на массажном столе. Эльм расслабился настолько, что уснул под умелыми руками массажиста. Санхар же, потративший немало энергии на любовные забавы, проголодался и еле дождался окончания массажа.

Закутанные в мягкие простыни, они вернулись в гостиную, где их ждал накрытый яствами столик. Санхар с аппетитом набросился на еду, изобиловавшую пряностями и всевозможными приправами.

После плотного обеда они перебрались в спальню и улеглись в мягкую постель с прохладными свежими простынями. Плотно задёрнутые шторы погружали комнату в приятный полумрак и прохладу...

В город в этот день они так и не вышли, ограничившись вечерним созерцанием площади и сквера с балкона.

Глава 7

Самая главная достопримечательность Литнеса – рынок. Такого рынка не было ни в одной другой стране мира. Обычно он представлял собой обширную площадь со специальными постройками, с загонами для скота, подиумами для рабов и лавками торговцев по периметру.

В Литнесе рынок выглядел как величественное пятиэтажное здание прямоугольной формы и занимал почти целый квартал. В нём размещалось множество лавок и торговых площадок, принадлежащих как частным лицам, так и короне. На первом этаже в больших бассейнах с морской и пресной водой плескалась живая рыба; в нишах расположились лавки, торгующие икрой, рыбными изделиями, всевозможной морской живностью, а также маслом и вином. На втором этаже продавались различные приправы, а также духи и благовония. Аромат с этого этажа распространялся на всё здание и даже достигал улицы. На третьем этаже продавались мука, крупы, изделия из них, а ещё сладости и мёд. На четвертом буюли красками ткани, сверкали драгоценности, продавалась готовая одежда и дорогое оружие. Пятый этаж отвели под живой товар: рабов, различных мелких домашних животных и птицу.

Кроме крытого рынка в Литнесе был ещё Торговый квартал, состоявший, в основном, из небольших магазинчиков,

лавок, мастерских и просто навесов, торговавших своими изделиями – от самых дешёвых, рассчитанных на бедных покупателей, до очень дорогих, куда стража впускала не каждого. Были ещё мясной и овощной рынки, торговавшие, соответственно, мясом, скотом, овощами и фруктами.

Первым делом Санхар побывал на этих рынках, чтобы прицениться к продуктам, ведь перед отплытием он собирался пополнить запасы. Затем решил посетить знаменитый крытый, или, как его здесь называли, Королевский рынок. В сопровождении Эльма он отправился в Торговый квартал, расположенный рядом с портом, посреди которого и возвышалось это здание.

Под сводами Королевского рынка можно бродить хоть целый день, переходя от лавки к лавке, смотря, прицениваясь, пробуя и торгуясь. Санхар не стал задерживаться на первом этаже, а на втором пробыл дольше. Южные пряности и благовония, очень дорого стоившие на севере, здесь продавались мешками и большими корзинами, и стоили, по сравнению с илларийскими или сатскими ценами, сущие гроши. Санхар взял это на заметку и решил перед отплытием купить несколько мешков самых ходовых пряностей, чтобы по возвращении выгодно продать. На третьем этаже он приценился к муке, но тут произошло совершенно неожиданное для него событие...

Санхар присматривался к образцам муки, не обращая внимания на снующих вокруг людей. Эльм, которому он дал

несколько серебряных, торговался у палатки со сладостями, к которым был равнодушен.

Отступив назад, чтобы пройти к другой лавке, Санхар нечаянно толкнул проходившую мимо алмостку, с головы до пят закутанную в покрывало. Толчок оказался неожиданно сильным. Женщина вскрикнула, выронила корзину и чуть не упала, запутавшись в подоле собственного платья. Реакция Санхара была естественной и быстрой: он мгновенно обернулся и схватил падающую женщину. Но получилось так, что мужчина ухватил покрывало и, попросту, сдёрнул его, открыв голову и лицо женщины. Она всё равно упала и громко закричала, но не от боли, а от страха – ведь на неё с любопытством уставились десятки мужских глаз.

Санхар знал об обычаях Алмоста немного. Соккрытие хорошеньких женских личиков казалось ему абсурдом. Он не понимал, чего так испугалась девушка, ведь не знал, что открыть лицо перед совершенно чужим незнакомым мужчиной считалось в Алмосте верхом стыда и неприличия. Поэтому девушка – на вид незнакомке было не больше 16-17 лет – закричала от испуга, тщетно пытаясь закрыть лицо ладонями. Так как покрывало осталось в руке Санхара, она не нашла ничего лучшего, чем подол собственного платья, и, схватив его, прикрыла лицо, нисколько не заботясь об оголившихся ногах. Глаза столпившихся вокруг мужчин заблестели от удовольствия.

– О, прошу прощения, сударыня, – вежливо извинился

Санхар и протянул руку, чтобы помочь ей подняться. Но она с ужасом отодвинулась от него, словно в руке у него находилась змея.

Не понимая, что этим только усугубляет свою вину, Санхар наклонился, взял девушку за локоть, поднял с грязного пола и отряхнул испачканную в муке одежду. Она побледнела и закрыла глаза, не в силах произнести ни слова. Санхар попытался опустить подол её платья, но она вцепилась в него мёртвой хваткой. Мужчина равнодушно пожал плечами и набросил на плечи девушки покрывало. Несчастливая стояла, оцепенев от ужаса и стыда.

Вокруг них начала собираться толпа зевак, что-то угрожающе бормоча и тыча в чужака пальцами. Вельх пробыл в Алмосте уже несколько дней, и этого времени ему хватило, чтобы немного понять местный язык и кое-как научиться изъясняться, благодаря своей врождённой способности к быстрому овладению незнакомыми наречиями. Он смог разобраться, что совершил преступление и должен понести наказание. Он улавливал исходившую от толпы агрессию, но не понимал, каким проступком вызвал такой гнев местных.

Положив руку на рукоятку меча, Санхар окинул толпу грозным взглядом, и его угрожающая поза заставила людей в испуге отступить.

Расталкивая зевак, к месту происшествия пробрался какой-то человек, как потом оказалось, смотритель рынка, в сопровождении четырёх стражников.

– Что здесь происходит? Почему собрались? – грозно спросил он.

Перебивая друг друга, очевидцы рассказали ему о произошедшем инциденте. Смотритель взглянул на понурившуюся, уже закутавшуюся в покрывало девушку, затем взглянул на Санхара, внимательно оглядев его высокую крепкую фигуру, длинный меч в дорогих ножнах, заглянул в зелёные холодные глаза, и тяжело вздохнул.

– Вы говорите по-алмостски? – без надежды на ответ, спросил он.

– Немного, – ответил Санхар. – Но нам лучше общаться по-ассветски, если это возможно.

Смотритель снова вздохнул и продолжил на плохом, но более-менее понятном ассветском языке:

– Господин, вы совершили тяжёлый проступок. Вы опозорили девушку и обесчестили её имя. Вы это понимаете?

– Если я сделал что-то неправильно, то сделал это нечаянно и без злого умысла, – ответил Санхар.

– Каковы бы ни были ваши намерения, но ваш проступок заслуживает наказания. Я обязан препроводить вас в тюрьму, где вы будете дожидаться суда, если отец или иные родственники этой девушки подадут на вас жалобу... Прошу сдать оружие и проследовать со мной.

Санхару совсем не улыбалось провести в алмостской тюрьме неизвестно сколько времени, а уж тем более, он не собирался полагаться на чужое правосудие и отвечать за пре-

ступление, которого, по сути, не было. Обдумав сложившуюся ситуацию, он осторожно спросил:

– А нельзя ли этот вопрос решить как-нибудь по-другому? Я лорд-правитель Лайонский и не собираюсь сидеть в грязной камере с местными бродягами... Боюсь, если вы будете настаивать, я буду вынужден сопротивляться, и не думаю, что моим людям понравится, если их господина и правителя убьют или покалечат в этой, как мы считаем, высокоцивилизованной стране... И даже, если все, в конце концов, разрешится в мою пользу, я не хотел бы увезти домой плохие воспоминания о здешнем гостеприимстве.

Чиновник никогда прежде не слышал ни о Лайонсе, ни о его правителях, но весь вид и уверенный властный голос Санхара говорили, что этот чужеземец не лжёт. Он заколебался. Ему не хотелось доводить дело до международного скандала, но и оставить всё просто так тоже не представлялось возможным.

– Я могу вам только посоветовать... – осторожно начал он.

– Говорите.

– Вы могли бы напрямую поговорить с отцом этой девушки и решить дело полюбовно, без вмешательства закона.

– Думаю, это разумное решение... – согласился Санхар.

– Но сделать это нужно сегодня и сейчас. Если родственники девушки не согласятся на мировую, я вынужден буду препроводить вас в тюрьму, вне зависимости от моего желания, уважаемый господин.

– Хорошо.

– Я обязан сопроводить вас к дому этой несчастной... – он повернулся к девушке. – Ведите нас к себе, уважаемая.

Санхар не видел повода отказываться. Подозвав Эльма, приказал вернуться в гостиницу и ждать его возвращения, а сам последовал за девицей, в сопровождении чиновника и стражников.

Глава 8

Отец незнакомки оказался торговцем средней руки. Его дом находился в трёх кварталах от рынка. Увидев чужака и королевского чиновника, купец всполошился, а узнав, в чём дело, вознегодовал. Он побагровел и набросился на Санхара с угрозами и проклятиями, но чиновник, взяв его за рукав домашней сорочки, отвёл в сторонку и тихонько заговорил что-то на ухо. Однако, Санхар, даже не напрягаясь, расслышал каждое слово. Понимая пятое через десятое, он всё же сумел разобрать, что чиновник рассказал мужчине, что чужеземец важная шишка, и, по-видимому, не беден; что тому лучше уладить дело полюбовно, так как, с одной стороны, он может получить в этом деле выгоду, а с другой – без скандала разрешить международный конфликт, о чём чиновник непременно упомянет в своём докладе королю. Купец сразу остыл, успокоился, и даже стал любезен. Усадив гостей, он угостил их вином и сладостями, и вежливо обратился к Санхару по-ассветски:

– Что вы намерены делать, уважаемый, в данной ситуации?

– Я мало знаком с вашими законами и обычаями, поэтому с удовольствием выслушаю ваши предложения, – так же вежливо ответил Санхар.

– По нашим обычаям, мужчина, увидевший лицо девушки

или касавшийся её, если он не близкий её родственник или жених, обязан взять эту девушку в жёны. Если он не может или не желает этого, то должен смыть нанесённое семье девушки оскорбление своей кровью, – ответил купец.

– Мне не жалко своей крови и я охотно бы поделился ею с вами, господа, но вряд ли она вам нужна... – усмехнулся Санхар. – Мне также нетрудно жениться на бедняжке, коль таковы ваши требования, ведь в данный момент я холост... Если вы настаиваете, я возьму эту девицу в жёны. Но согласна ли девушка стать моей супругой?

– К сожалению, у неё нет выбора, – сокрушённо покачал головой чиновник. – Её лицо видели десятки мужчин, она навеки опозорена, и вряд ли теперь хоть один приличный жених постучит в ворота моего дома... А у девушки есть младшие сёстры, которые не могут выйти замуж раньше старшей сестры. Или вы хотите, чтобы бедняжка вышла замуж за нищего водоноса, у которого нет даже медного гроша на выкуп, только чтобы открыть сёстрам дорогу? Ведь, по сути, это по вашей вине она оказалась в таком положении.

Санхар пожал плечами и ответил:

– Я ведь не отказываюсь жениться. Что для этого нужно? Отец девушки оживился.

– Небольшой пустяк: вы должны заплатить выкуп за невесту и подписать брачный договор. Мы можем обойтись без свадебной церемонии и торжеств, если пожелаете.

Санхар мысленно усмехнулся жадности купца. Он согла-

сен был отдать свою дочь первому встречному, и даже не играть свадьбы, лишь бы сэкономить лишний грош.

– Я согласен на все условия, – кивнул он. – А как насчёт приданого? Оно полагается в вашей стране? Или я просто покупаю девушку, как рабыню?

Чиновник и купец переглянулись, и последний немного смутился.

– Конечно, уважаемый, у Сафелии есть приданое, ведь она не какая-нибудь нищенка... Но только мы не ожидали такого скорого замужества и оно не совсем готово.

– Ничего, я подожду. Я пробуду в Алмосте ещё около декады, думаю, этого времени достаточно, чтобы собрать его?

Чиновник строго взглянул на купца и тот поспешно закивал.

– Тогда вернёмся к выкупу... Сколько я должен за невесту?

Глаза купца довольно заблестели. Теперь он почувствовал себя в своей стихии.

– Думаю, сумма в десять тысяч золотых будет не слишком высока для вас, уважаемый?

Санхар даже опешил от такой наглости.

– По-моему, вы слишком цените свою дочь, – осторожно ответил он. – Я, конечно, не успел рассмотреть её лицо, как и иных прелестей... Но всё же, думаю, она не настолько хороша, чтобы стоить дороже прогулочной яхты!

– О, господин, вы не знаете Сафелии! Это настоящий

клад! – оживился купец. – Она юна, свежа и прекрасна, как цветочный бутон, её кожа нежна и благоухает, словно лепестки роз! Она скромна, тиха, послушна и целомудренна. Мы воспитали её в строгости и охраняли, как самую ценную драгоценность!

– Почему же она ходила на рынок одна, без сопровождения родственников или слуги, и таскала тяжёлую корзину, словно рабыня? – перебил хвалебную оду Санхар.

Купец смутился, но лишь на миг.

– Мы приучали девушку к трудолюбию и хозяйственности, кто знает, какой муж ей попадётся? Может, лентяй или пьяница, и ей самой придётся кормить семью? Сафелия умеет шить, готовить, печь пироги, вышивать шёлком, ткать и угождать мужу. Она сильна, здорова и вынослива, не жалуется, не скандалит и не перечит, а это самые ценные качества любой жены.

Чиновник с понимающей улыбкой согласно закивал головой.

– Какова хороша бы ни была девушка, но она не стоит десяти тысяч! – отрезал Санхар. – Я могу дать за неё две тысячи и ни гроша больше!

– Вы оскорбляете меня! – притворно возмутился купец.

– А вы держите меня за дурака... Или вы берёте две тысячи, или я ухожу с господином смотрителем, и пусть закон нас рассудит. Думаю, дать взятку судье за мягкий приговор обойдётся мне дешевле, чем ваша дочь.

Видя непреклонность Санхара, купец обеспокоился. Немножко подумав, он пошёл на уступки.

– Может, я и запросил слишком много, – начал он, – но только из-за любви к моей дорогой Сафелии... Она так прекрасна и так достойна, что я оценил её слишком высоко... Но мы можем договориться, не так ли?

– Я уже назвал свою цену, – отрезал Санхар.

– Две, это слишком мало... Вы оскорбляете не только меня, но и бедную девочку. А она и так натерпелась сегодня... Пять.

– Две.

– Пять.

– Две.

– Четыре с половиной.

– Две.

– Не будьте так упрямы! Вы ведь покупаете не корову!

– А вы продаёте не корабль!

– Господа! Господа! – вмешался чиновник, видя, что спор зашёл в тупик. – Пусть будет ни так, ни эдак, чтобы никому не было обидно... Думаю, три тысячи и подарки родителям вполне приемлемая цена за невесту.

Санхар промолчал, выжидательно глядя на купца. Тот сидел, насупившись, вертя в руках вилку с куском сладкого пирога. Наконец, он вздохнул и буркнул:

– Согласен.

– Тогда и я согласен, – ответил Санхар.

– Великолепно! – оживился чиновник. – Давайте выпьем мировую чашу и продолжим нашу беседу.

Они выпили из одного кубка, пролив немного на землю, закрепив, таким образом, договор.

– Нельзя ли побыстрее завершить нашу сделку? Меня ждут обязанности на рынке, – поинтересовался чиновник.

– Я могу расплатиться хоть сейчас, если хозяин согласится принять вместо денег драгоценные камни.

Потухшие было глаза купца снова заблестели.

– Это возможно... – сказал он. – Но я должен взглянуть на них.

Санхар достал из-за пазухи кошель, который висел на груди на крепком кожаном шнурке, развязал его и высыпал на ладонь несколько драгоценных камней и крупных жемчужин. Отложив три из них – продолговатый аквамарин, овальный аметист и квадратный изумруд – протянул их купцу. Затем отложил две нежно-розовые жемчужины.

– А эти пойдут на подарки.

Купец долго рассматривал камни на свет и через пламя свечи, разглядывал и царапал жемчужины, и остался доволен.

– Я их беру в качестве выкупа за Сафелию, – произнёс он, зажимая камни в потной руке. – Сейчас же пошлю за местным судьей, и мы составим брачный договор. А пока, дорогие гости, отдыхайте и угощайтесь.

Он поднялся и поспешно покинул комнату.

Когда они остались одни, чиновник любезно улыбнулся, и произнёс:

– Этот человек непомерно жаден, не так ли?

– Согласен.

– Но я помог вам обуздать его...

– Спасибо.

Чиновник понизил голос и склонился к собеседнику.

– Думаю, я тоже заслужил небольшое вознаграждение...

Я пошёл вам на уступки, уговорил отца девушки не доводить дело до суда, помог выторговать приемлемую цену выкупа...

– Сколько? – прямо спросил Санхар.

– Несколько золотых нисколько не обременят бедного государственного служащего...

Санхар развязал кошель, висевший на поясе, не глядя, вынул горсть монет, и ссыпал их в жадно протянутую ладонь. По-видимому, там оказалась достаточная сумма, потому что чиновник расплылся в такой широкой благодарной улыбке, что, казалось, уши съехали на затылок.

Хозяин дома вернулся спустя полчаса в сопровождении тучного старика с отвисшими щеками и синюшными мешками под глазами. Он поздоровался с присутствующими, выпил предложенный кубок, закусил пирогом, и только после этого положил на колени специальную доску, поставил чернильницу и достал перья для письма. Развернув свиток бумаги, спросил об условиях договора, и начал писать. Писал он долго и старательно. Когда закончил, позвали Сафелию,

закутанную ради торжественного случая в нарядное покрывало, и судья громко и выразительно прочитал составленный договор. Затем жених и невеста его подписали, а также свидетели – королевский чиновник и четыре стражника, скучавшие во дворе. На этом церемония бракосочетания завершилась. Санхар уплатил пошлину судье, взял новоиспеченную супругу за руку, и, со вздохом облегчения, покинул купеческий дом.

Глава 9

Появление у господина супруги очень огорчило Эльма. Санхару жена тоже добавила головной боли. В данный момент ему совершенно не нужна была женщина, а тем более, навязанная силой.

Вернувшись в гостиницу, Санхар вознамерился получше рассмотреть «супругу». Он приказал ей сбросить покрывало и показать лицо, которое не успел рассмотреть в рыночной суматохе. И, хотя девушка боялась его до дрожи в коленках, а душу её переполняли горечь, стыд, печаль и страдание, она безропотно подчинилась. Медленно сбросив укутывавший с ног до головы узорчатый, затканый серебряными цветами шёлк, она предстала перед мужчиной, стыдливо потупив глаза.

Санхар приятно удивился. Сафелия оказалась настоящей красавицей южного типа, истинной алмошкой. Женщины Алмоста отличались особенной красотой, и не походили на стройных худощавых крепких северянок. Невысокого роста и прекрасно сложенные: округлое лицо с тонкими чертами, непременно, очень длинные волосы, которые не стригли с детства, мягкие плечи, нежные руки, большая округлая грудь, похожая на два прекрасной формы полушария; тонкая гибкая талия плавно переходящая в крутые бёдра, и мягкий животик с глубоким пупком; длинные стройные ноги изуми-

тельной формы венчали это совершенство...

Несмотря на юный возраст, все эти черты присутствовали у Сафелии. Оставшись без покрывала, она предстала перед ним почти обнажённой: куцая кофточка-лиф с короткими рукавами едва удерживала пышную грудь, а сидящие низко на бёдрах узкие шаровары с боковыми разрезами открывали ноги и еле держались на шитом золотыми нитями поясе и ножных манжетах. Всё остальное сверкало соблазнительной наготой. Санхар с удовольствием обозрел и длинные густые шелковистые волосы цвета тёмного мёда, льющегося из кувшина, густой волной падавшие на плечи и спускавшиеся почти до колен; и нежную кожу, покрытую лёгким золотистым загаром; и утончённые черты лица, мило сочетающиеся с пухлыми сочными губами и большими влажными глазами, блестящими и беспрестанно менявшими свой цвет, словно листья дерева, трепетавшие в солнечном луче; и великолепную фигуру с пышными зрелыми формами.

Пристальный взгляд мужчины смутил девушку и вызвал милый румянец на её щеках, придав лицу особенную прелесть. Рассмотрев супругу, Санхар подумал, что не зря потратил деньги – девушка того стоила. Она могла стать украшением любого гарема, не говоря уже о царском троне.

От приятных мыслей о будущих страстных ночах с красавицей Санхара отвлёк Эльм. Заметив восхищение господина, с которым тот рассматривал девушку, он приблизился и начал ласкаться, чтобы привлечь к себе внимание. Санхар

уловил его ревность, и ласково похлопал по руке.

– Не волнуйся, малыш, эта милашка не помешает мне любить тебя... Конечно, кровать достаточно широка, чтобы вместить троих, но не думаю, что Сафелия согласится разделить с нами ложе и наблюдать за нашими игрищами.

Санхар говорил по-ассветски, поэтому девушка не поняла его. Она стояла, смущённо потупив взор и теребя край покрывала, и ждала дальнейших приказаний от супруга и повелителя.

– Я думаю, третий будет лишним... – осторожно возразил Эльм.

– Да... Но кто здесь третий? – усмехнулся Санхар. – Теперь это моя законная жена и твоя госпожа, а у меня сегодня первая брачная ночь. Думаю, тебе придётся уступить ей место...

– Как прикажете... – обиженно отвернулся юноша.

– Ну, ну, малыш, не сердись, – засмеялся Санхар. – Сходи лучше и позови этого толстяка-управляющего.

Всё ещё дуюсь, Эльм вышел.

– Оденься, – приказал Санхар, и Сафелия набросила на плечи покрывало. Лицо прятать не стала, так как теперь мужчина мог лицезреть её столько, сколько пожелает.

Лорд усадил Сафелию в кресло и спросил:

– В доме отца у тебя осталась личная служанка или рабыня, которую ты хотела бы забрать?

Девушка отрицательно качнула головой.

– Кто же за тобой ухаживал?

– Я сама, – немного удивлённо ответила Сафелия. – У нас только одна служанка – кухарка. Всё остальное я делала сама.

– Неужели твой отец так беден, что не мог купить рабыню или нанять слуг?

– Он мне не отец! – немного резко ответила девушка. – Это мой отчим... Мой отец был моряком и погиб в море. Мама вышла замуж, когда мне было двенадцать лет... С тех пор я в доме вместо прислуги. Отчим невзлюбил меня, особенно, после рождения младших сестёр.

– Печальная история... Но теперь судьба подарила тебе знатного мужа. Я лорд-правитель большого острова на севере. Ты теперь леди, и больше не будешь стирать и гладить одежду, убирать в доме или выполнять другую низкую и грязную работу. Тебе предстоит многому научиться, но это в будущем... А завтра мы пойдём на рынок и купим тебе умелую и послушную рабыню, которая будет ухаживать за тобой и скрашивать твоё одиночество. Дело в том, что я путешествую на корабле, а там нет ни одной женщины. Не думаю, что тебе понравится общаться с грубыми матросами и солдатами. Выбор общества на корабле невелик: я, Эльм – мой слуга и наложник, и твоя рабыня. Но, предполагаю, ты привыкла сидеть в четырёх стенах и не будешь скучать... Когда пойдём забирать приданое, можешь взять из дома всё, что пожелаешь. А если там не найдётся необходимой вещи, скажешь мне, и я куплю. Путешествие морем – скучное занятие,

а я не хочу, чтобы ты тосковала.

– Не беспокойтесь обо мне, господин муж, я всегда найду, чем себя занять...

Разговор прервал приход управляющего и всё ещё сердитого Эльма.

– Милорд желал меня видеть? – склонился в поклоне толстяк, бросая любопытные взгляды на закрывшуюся при его появлении Сафелию.

– Мне нужна дополнительная комната для супруги, – сказал Санхар. – По очевидным причинам, она не может жить с нами...

– Понимаю, понимаю, милорд, – заулыбался управляющий. – Сочувствую вам, но наши законы строги... Не знаешь, где найти жену – ступай на рынок... – хихикнул он.

– Вам уже известна моя история?

– Город наш кажется большим, но новости в нём распространяются быстро... Вам повезло, милорд, у меня как раз есть подходящая комната по соседству. Небольшая, но уютная – спальня и ванная. И всего ползолотого в сутки. Цена только для вас.

– Покажите.

Комната находилась рядом, и, в самом деле, выглядела уютно. Санхар попросил прислать временную служанку, пока он купит ей личную. Оставив девушку одну, вернулся к себе, где его ждал страдающий от ревности Эльм.

Уходя, управляющий вспомнил, что Санхара спрашивал

какой-то чужеземец, ассвет и на вид бродяга, который обещал заглянуть вечером.

– Если вы не знаете этого человека или не желаете его видеть, я прикажу страже гнать его прочь, – сказал управляющий.

– Наоборот, когда он снова придёт, немедленно проводите ко мне, – распорядился Санхар, догадавшись, о ком идёт речь.

Он не ошибся. Ближе к вечеру в дверь постучали, и, услышав разрешение, в комнату вошёл капитан Интон. Они не виделись несколько дней, но выглядел капитан неважно – в самом деле походил на бродягу: одежда помята и кое-где порвана, на скуле свежая ссадина, и вид у него был усталый и голодный. Но держался с достоинством, как и прежде.

– Рад вас видеть, капитан! – искренне произнёс Санхар. – Проходите, садитесь. Эльм, спустись на кухню и принеси нам бутылочку хорошего вина и чего-нибудь перекусить.

Юноша с готовностью устремился к двери, а Санхар жестом указал на одно из кресел.

– Прошу вас, капитан... Рассказывайте, как ваши дела? Нашли службу?

– Я её и не искал...

– Почему?

– Всё думал над вашим предложением... Оно мне понравилось, но гордость или упрямство не позволили сразу его принять. Вот, зашёл узнать, вы не передумали? Предложе-

ние в силе?

– Нет, не передумал. Значит, вы согласны?

– Да... Но прежде хочу получить ответы на некоторые вопросы.

– Спрашивайте.

– Почему я? Вы можете нанять помощника в любом порту, и каждый, с радостью, согласится на столь щедрые условия. Да и среди ваших матросов достаточно знающих и достойных кандидатов.

– Вы мне нравитесь, – просто ответил Санхар.

Интон сначала удивился, а потом нахмурился, и вельх понял, что капитан воспринял его ответ по-своему.

– Не в том смысле, о котором вы только что подумали... – улыбнулся он. – У меня есть Эльм и мне его достаточно. Но я ценю мужество, стойкость и преданность. Я умею отличить негодяя от честного человека. Вы были корсаром, ну и что? Для меня это не имеет значения. Я сам построил королевство, по большей части, при помощи разбоя и морских грабежей. Вы грамотный мореплаватель и опытный руководитель, а после истории с инфликтом завоевали уважение команды. Зачем мне искать другого, если вы прекрасно подходите на эту должность?

– А вы не боитесь, что я склоню на свою сторону команду и захвачу ваш корабль? Ведь я разбойник, пират, я не привык жить по правилам и кому-либо подчиняться.

– Как только в вашей голове появится такая мысль, я убью

вас без сожаления и пощады, – спокойно ответил Санхар. – Поэтому, лучше сразу выбросьте из головы эту идею... – Чуть помолчав, он продолжил. – Став членом моей команды, вы услышите обо мне много странных и невероятных историй, но лучше я сам расскажу вам о себе... Мой корабль называется «Избранник богов» не потому, что это звучит красиво, а потому, что такое прозвище дали мне подданные. Знаете, почему? Потому, что это соответствует истине. Я живу уже двести пятьдесят лет, не старею, не болею, почти неуязвим и, можно сказать, бессмертен. Если захочу, могу узнать, о чём думаете вы или о чём думает сержант Сенек, находящийся в данный момент на корабле. В моей силе и быстроте реакции вы убедились, наблюдая за тренировками. У меня ещё много достоинств, но вам не обязательно о них знать... Сейчас вы думаете, что я свихнувшийся идиот, и вы потратили время, придя сюда. Я привык к подобному недоверию, потому всегда подтверждаю свои слова наглядными примерами...

Санхар наклонился вперёд столь быстро и неуловимо, что Интон не успел среагировать. Выхватив из его ножен кинжал, чиркнул себя по руке. Острое лезвие не оставило на коже ни единого следа. Тогда он надавил посильнее, и, применив определённое усилие, ему удалось проделать на ладоне неглубокий порез. Наружу выступила кровь, но рана, прямо на глазах удивлённого Интона, начала закрываться, и через несколько минут на руке не осталось ни следа от раны, если

не считать узкой полоски засохшей крови.

– Я рассказал вам всё это не для того, чтобы напугать или похвастаться. Я скрываю свой статус от чужих, но не от своих... Вы не передумали мне служить?

Капитан Интон долго, молча, смотрел на Санхара, переваривая услышанное и увиденное, а затем медленно покачал головой.

– Нет, не передумал... Я ещё не встречал избранников богов, и служить вам будет... интересно.

– Тогда перейдём к делам повседневным... Вы должны найти хороших матросов на место погибших, пополнить запасы воды и пищи. Я уже приценился к некоторым товарам... Осмотрите корабль и подготовьте его к длительному походу. Я составил график отгулов, вам нужно будет только следить за его выполнением. Всё остальное вы знаете, не мне вас учить... Да, вот плата за месяц вперёд. Оденьтесь и приведите себя в порядок – мои люди должны выглядеть красиво и опрятно.

Пока вернувшийся Эльм накрывал на стол, Санхар написал сержанту Сенеку письмо, в котором сообщил о назначении Интона, и просил подыскать ему отдельную каюту и оказывать необходимую помощь. Свернув письмо в свиток, перевязал его тесьмой и запечатал личной печатью.

– Отдадите это письмо Сенеку, чтобы его не удивило ваше появление на корабле, – сказал он.

Затем они скрепили договор кубком вина, закусив хлебом

и сыром, холодным варёным мясом и печёными яйцами. Капитан, хоть и был голоден, ел не спеша, рассказывая о своих приключениях в Литнесе.

После ужина, вежливо попрощавшись, Интон покинул гостиницу. Санхар мысленно проследил за его передвижением до самого корабля, пока не удостоверился, что тот поднялся на судно и завязал беседу с сержантом Сенekom.

Глава 10

На следующий день, в сопровождении Эльма и Сафелии, Санхар отправился на Королевский рынок. Девушка всё ещё чувствовала себя скованно в его присутствии, и робко держалась позади. Санхар не обращал на супругу внимания, велел Эльму присматривать за госпожой, чтобы с ней снова не приключились какие-либо неприятности.

Вначале они поднялись на второй этаж, где Санхар купил любимцу и супруге по пузырьку духов, особенно понравившихся ему. Затем они отправились на четвёртый этаж. В первую очередь Санхар направился к ювелирным лавкам. Выбрав не самую дорогую, но и не самую дешёвую, он усадил Сафелию в кресло покупателя и предложил подобрать себе несколько украшений на определённую сумму. Ещё вчера он обратил внимание, что на девушке нет ни одного украшения – вряд ли это было от бедности, по-видимому, отчим несчастной был патологически скуп.

– В моей стране полагается делать жене свадебный подарок, – сказал он. – Поэтому, можешь брать, что пожелаешь, на сумму до двух тысяч. Справишься сама?

– Да, мой господин... – прозвучал из-под покрывала робкий негромкий голос.

Оставив супругу, Санхар, вместе с Эльмом, прошёл к другим лавкам, с более простыми и дешёвыми изделиями, где

купил для любимца несколько мужских браслетов, ожерелье и серьги. Эльм радовался, как ребёнок, примеряя подарки.

У чеканщика Санхар заказал серебряный ошейник, на котором велел выбить надпись «Я принадлежу леди Сафелии» на ассветском языке. Затем купил Эльму несколько пар белья и верхней одежды и несколько шёлковых сорочек для себя, и вернулся к лавке, где Сафелия всё ещё выбирала драгоценности. На столике перед ней лежала горка колец, серёг, ручных и ножных браслетов, ожерелий и заколок для волос. Несколько вещей лежали в стороне – те, что она отобрала. Взглянув на них, Санхар убедился в хорошем вкусе супруги.

– Дорогая, не могла бы ты поторопиться? – спросил он.

– Да, мой господин... Я уже выбрала. Осталось только ожерелье... Прошу вас, помогите мне с выбором...

Санхар взглянул на несколько ожерелий, разложенных на столе, и ткнул пальцем в самое красивое.

– Это.

– Но оно дорогое и не вложится в названную вами сумму...

– Оно тебе нравится?

– Да...

– Тогда берём.

Купец с готовностью уложил ожерелье в плоскую резную коробочку, выстеленную бархатом, и протянул девушке. Она прижала её к груди и прошептала:

– Спасибо, мой господин...

– Сколько за всё? – обратился Санхар к купцу.

– Две тысячи четыреста.

– Не найдётся ли у вас красивой шкатулки?

– О, да! Вот великолепная серебряная шкатулка в виде сундучка с внутренним замком и выстеленная алым бархатом. Смотрите, какие прекрасные чеканные узоры и отделка из лазурита и бирюзы.

– Сколько?

– Всего сто золотых, только для вас и вашей очаровательной супруги, господин...

– Откуда ты знаешь, что она очаровательна? – с притворной угрозой спросил Санхар, решив подшутить над продавцом. – Она показывала тебе своё лицо?

– Нет, нет, что вы, господин! – не на шутку перепугался торговец. – Как можно! Я не осмелился бы даже подумать о таком!

– Тогда почему ты сказал, что она очаровательна? Может быть она стара и уродлива?

– Я... Я подумал... что у такого богатого, красивого и щедрого господина может быть только юная и прекрасная жена...

Санхар засмеялся.

– Хитрец! Выкрутился! – он дружески похлопал торговца по плечу. – Успокойся, дружище, я пошутил. Конечно, моя супруга юна и прекрасна, как богиня... Но ведь могла оказаться безобразной старой девой, не так ли, дорогая?..

Сафелия, не ответила, но душу её захлестнула волна стыда и обиды. Санхар понял, что его шутка оказалась не совсем удачной и ранила девушку. Ведь получалось, что во всём произошедшем её вина. Хотя виноват был только случай или игра богинь судьбы, которые управляют жизнью каждого человека.

Санхар сложил купленные драгоценности в шкатулку, запер её и вручил ключик Сафелии, а шкатулку отдал Эльму, который и так уже тащил кучу покупок. Взяв супругу за руку, чтобы хоть как-то загладить свою вину, он направился на пятый этаж.

Здесь добрую половину помещения занимали подиумы, на которых стояли рабы, а вторая часть была заставлена клетками, где свистели, чирикали, кричали, квохтали и крякали гуси, утки, куры, фазаны, куропатки и другая пернатая живность, а также лаяли, мяукали, рычали и фыркали домашние любимцы и экзотические зверушки из заморских стран.

Санхар медленно ходил между подиумами, разглядывая рабов и рабынь, не зная, кого выбрать. Зметив нерешительность покупателя, к нему приблизился посредник, и спросил, какой именно товар ему нужен.

– Служанка, не очень старая, умеющая ухаживать за женщиной, и знающая алмостский и ассветский языки, – изложил свои требования Санхар.

Посредник задумался на несколько мгновений, а затем сказал:

– Если вы не торопитесь и немного подождёте, я подберу вам нужную девушку.

– Хорошо... Мы пока посмотрим животных.

Они направились к клеткам с экзотическими певчими птичками и маленькими пушистыми живыми игрушками. Продавцы наперебой начали расхваливать свой товар, соблазняя потенциальных покупателей. Санхар заметил, что Сафелия увлеклась разноцветной яркоокрашенной пташкой с длинным переливчатым хвостом. Она беспокойно прыгала с жёрдочки на жёрдочку внутри обширной клетки, сделанной в виде ажурного домика, издавала приятные звуки, и время от времени распускала разноцветный сверкающий хвост.

– Ты хочешь эту птичку? – спросил Санхар.

– А можно? – в голосе девушки послышалась надежда.

– Если будешь держать её у себя и вовремя кормить.

– Конечно, мой господин.

– Что это за птичка? – спросил Санхар у продавца.

– Это гламорис с одного из южных островов. Он лёгок в содержании, питается зерном и фруктами, любит мёд и сладкую воду. Можно давать дроблёные орехи, свежий виноград или изюм. Прекрасный компаньон, всегда весел и игрив. Любит солнце, поэтому его лучше всего держать на балконе.

– Сколько ты за него просишь?

– Три золотых вместе с клеткой.

Санхар не стал торговаться, вручив монеты продавцу, а

клетку с птицей Эльму. Увидев, что юноша перегружен и ему неудобно держать ещё и клетку, Сафелия взяла у него шапку с драгоценностями, чтобы немного помочь.

Вскоре к ним подошёл посредник и сказал, что нашёл требуемую рабыню. Он пригласил покупателя взглянуть на неё и договориться о цене с хозяином.

Девушка оказалась высокой, мускулистой, лет двадцати пяти-тридцати, с рыжими густыми волосами, собранными на макушке в пышный султан, и тёмными блестящими глазами, смуглокожая, с большим чувственным ртом. Не писаная красавица, но с некоторым шармом.

– Это чужеземка, но уже несколько лет живёт в Алмосте. Она свободно владеет алмоетским и не успела забыть родной язык. Говорит по-ассветски, умеет шить, готовить, ухаживать за волосами и телом, прислуживать за столом. Сильна, здорова, неприхотлива, чистоплотна, приучена к покорности и послушанию.

– Сколько? – задал Санхар ставший сегодня традиционным вопрос.

– Хозяин просит семьдесят пять, но вы можете поторгаться.

– Я хочу её осмотреть.

Посредник подал знак хозяину рабыни и тот свёл девушку с подиума и подвёл к покупателю. Санхар внимательно осмотрел её кожу, руки, зубы, пощупал мышцы. Они были крепкими, по-видимому, девушка привыкла к тяжёлой ра-

боте.

– Откуда ты родом?

– С острова Лэг, Санракс.

– Как тебя зовут?

– Рида.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать шесть.

Санхар с сомнением посмотрел на рабыню. Она старше Сафелии на девять лет. Найдут ли они общий язык?

– А моложе девушки не нашлось? – спросил он у посредника.

Тот неопределённо пожал плечами.

– Слишком юные или необучены, или не знают ассветского языка. Есть рабыни из Средиземья, из Алмоста, из Альтамана, но они ни слова не понимают по-ассветски.

Санхар повернулся к супруге.

– Тебе нравится эта рабыня, Сафелия?

– Да, мой господин...

– Тебе придётся подружиться с ней, так как вы проведёте вместе несколько месяцев.

– Думаю, мы подружимся.

Санхар не стал торговаться. Семьдесят пять алмоетских золотых – не много для сильной умелой рабыни.

Он не стал связывать ей руки и вести за собой, как скотину, как того требовал обычай, а сразу надел на неё заказанный у чеканщика ошейник и вручил клетку с гламорисом,

велел идти следом за госпожой.

Глава 11

Пробыв в Литнесе ещё несколько дней, Санхар вернулся на корабль. Он не ошибся в выборе помощника – «Избранник богов» был готов к длительному плаванью: в трюмах достаточный запас воды, вина, масла для топлива и для водомётов, сделаны припасы продуктов; в клетках сидели птица и кролики – запас свежего мяса для господина и его домоладцев. В горшках, запечатанных воском, хранились сыр и яйца.

Санхар поселил Сафелию в каюте, предназначенной для Грациана, оставшись с Эльмом в своей. Хотя Сафелия и считалась его законной супругой, но он ещё не скрепил брак близостью. И не потому, что девушка ему не нравилась. Он постоянно ощущал страх, который она испытывала в его присутствии. Он не грубил, не проявлял агрессии или нетерпимости, но алмостка почему-то опасалась его, постоянно находясь в напряжении, словно ожидая удара. Это раздражало Санхара и отбивало всякую охоту общения с супругой. Оставаясь одна или в компании Риды, Сафелия расслаблялась, была спокойна и даже весела, поэтому Санхар старался видеться с ней как можно реже – только в случае крайней необходимости. Общались они через рабыню или Эльма. Такое положение устраивало обоих, и «супружеская» жизнь протекала тихо и мирно.

Появление на корабле леди Сафелии вызвало у подданных Санхара некоторое удивление и недоумение, а история женитьбы дала тему для разговоров и шуток. Но никто не насмеялся над господином, хотя сама история обросла массой невероятных подробностей, и со временем стала ещё одной легендой из жизни Избранника Богов.

Приданое, которое, в конце концов, Санхар забрал из дома тестя, поместилось в двух сундуках, и состояло, в основном, из подушек, дешёвых ковров и недорогой одежды. Санхар отдал это тряпье Интону и сержанту Сенеку, платья рабыне, а Сафелии купил всё новое, достойное её положения. Сафелия смиренно принимала подарки, искренне благодарила, но оставалась всё такой же робкой и напуганной дикаркой. Санхар не понимал, чем вызывает у девушки такую реакцию, сердился и пугал её ещё больше.

Покинув Литнес, корабль взял курс на запад, а затем на юг, направляясь в Марод – королевство в юго-западной части континента. Плывя вдоль берега, «Избранник богов» был защищён от бурь и штормов, так как при приближении непогоды мог быстро спрятаться в укромной бухте или надёжном порту, но зато рисковал подвергнуться нападению пиратов, которые тоже прятались в прибрежных бухтах и заливах. Несколько раз морские разбойники пытались напасть на корабль, но как только солдаты снимали с катапульта чехлы, пираты тут же отказывались от своих намерений, по-видимому, принимая их за военный корабль.

Спустя семь дней они благополучно прибыли в порт Нанса – один из крупнейших прибрежных городов Марода. Здесь Санхар пробыл недолго – он даже не искал гостиницу. Бегло осмотрев город и побывав на рынке, дав один день отдыха матросам и солдатам, покинул Марод и отправился дальше на юг, пересекая Анийский залив.

Гуляя по городу и рынку, Санхар не забыл прихватить с собой домочадцев: супругу, Эльма и Риду.

Все семь дней похода Сафелия практически не выходила из каюты. Рабыня выгуливала гламориса, выставляя клетку на солнце, а девушка выходила на палубу лишь вечером, незадолго до захода солнца, когда команда ужинала на носу корабля и её почти никто не видел. Подышав свежим воздухом, она снова пряталась в каюту, словно улитка в свою раковину.

В Нансе она послушно ходила за супругом, как обычно, закутавшись в покрывало с ног до головы, чем вызывала недоумение горожан. Ведь в Мароде царили более чем свободные нравы. Здесь, можно сказать, правили женщины, а во главе государства стояла королева. В Мароде никто не скрывал своих чувств и вкусов, а, наоборот, гордились ими и выставлял напоказ. Женщины-аристократки красовались в немыслимо открытых нарядах, подчёркивавших все прелести их тел. Вельможи водили с собой любовников или любовниц, одетых, бывало, лучше господ. Здесь часто можно было встретить однополые пары, а в столице, даже, суще-

ствовала специальная школа, где мальчиков и девочек обучали науке любовных утех. Её выпускники могли доставить наслаждение любому человеку – как своего, так и противоположного пола.

Сафелию увиденное на улицах Нанса повергло в шок. Она испуганно оглядывалась на целующиеся у фонтанов и просто посреди улицы пары, шарахалась от полураздетых женщин и фривольно обнимающих их кавалеров. Только на рынке она почувствовала себя спокойно.

В Мароде ткали великолепное тонкое полотно из прекрасного шелковистого льна. Санхар приобрёл несколько десятков рулонов этой ткани на подарки королевской семье и для продажи. Сафелия тоже попросила купить ей пару кусков. Санхар дал ей сотню и разрешил купить всё, что она пожелает. Девушка приобрела несколько мер тонкого белоснежного полотна, разноцветного льна с узорной каймой и шкатулку со швейными принадлежностями и набором ниток. Санхар не знал, что она собиралась со всем этим делать, но пусть забавляется, лишь бы не страдала от скуки.

Покинув Нанс, корабль пересёк обширный Анийский залив, обогнул Хайланс – большой вытянутый полуостров, и поплыл на восток вдоль его берега, а затем Гарвальда – дикой гористой местности. Следующую остановку Санхар планировал сделать в Айосе – одном из княжеств Средиземья.

Из-за слабого и не всегда попутного ветра путешествие растянулось на целую декаду. Сафелия, как обычно, не вы-

ходила из каюты, и Санхара совсем е интересовало, чем она там занимается. Ему вполне хватало общества Интона и сержанта Сенека, с которыми он проводил дни; ночами же его согревал и развлекал страстный Эльм, нежный и ласковый, как женщина, и ненасытный, как голодный гиззард.

Рида, в отличие от хозяйки, оказалась девушкой весьма общительной. Буквально в первые же дни она перезнакомилась со всеми, находящимися на корабле, и через несколько дней уже обзавелась друзьями. Но больше всего она сблизилась с Интоном, с которым у неё завязались как бы романтические отношения. Так как ночевала она с госпожой, чтобы той не было страшно и одиноко, то распутная парочка уединялась в каюте бывшего корсара днём, когда Сафелия прогоняла её, чтобы она не мешала ей заниматься какими-то своими делами.

На четвёртый день похода к Айосу, когда Санхар сидел в каюте, рассматривая морские карты, он уловил знакомые чувства робости и нерешительности, исходившие из коридора. Подозвав Эльма, приказал открыть дверь и впустить госпожу. Юноша открыл дверь как раз в тот момент, когда Сафелия набралась смелости и подняла руку, чтобы постучать.

– Входите, леди, милорд ждёт вас, – сказал Эльм слегка растерявшейся девушке.

Сафелия робко переступила порог и взглянула на сидящего за столом Санхара.

– Я не помешала, мой господин?

– Нет. Проходи. Что ты хотела?

– Я... Я принесла вам подарок...

Санхар искренне удивился. Вот чего он не ожидал, так это подарка.

– Очень приятно... И что это?

Сафелия вынула из подмышки свёрток, развернула, и в её руках оказалась прекрасно сшитая рубашка из мародского полотна, со шнуровкой и вышивкой на воротнике и манжетах.

– Я сшила её для вас... – прошептала смущённо девушка.

– Какая прекрасная вещь! – искренне удивился Санхар. – Она просто чудесная! Неужели, ты сшила её сама?

– Да, мой господин.

– Спасибо, дорогая... Я могу её примерить?

– Конечно, мой господин.

Санхар тут же сбросил рубашку, в которой сидел, обнажив прекрасно сложенный торс. Сафелия взглянула на супруга и стыдливо потупила глаза.

Рубашка оказалась как раз впору, словно девушка снимала с него мерку.

– Как ты угадала с размерами? – спросил Санхар, двигая руками и плечами, чтобы проверить, как сидит обновка.

– Я шила по вашей старой рубашке...

– Ты настоящая мастерица... Спасибо, милая.

Санхар наклонился и поцеловал жену в щёчку, чем ещё больше смутил.

– Я бы тоже хотел сделать тебе подарок. Скажи, что ты хочешь, и я куплю тебе это в ближайшем порту.

– Вы и так сделали мне подарок, согласившись взять в жёны... – тихо ответила девушка.

– Ну... – Санхар хотел сказать, что у него, по сути, не было выбора, но Сафелия продолжила:

– Я понимаю, что не ровня вам... Вы вельможа, могущественный властелин. В ваших жилах течёт королевская кровь. Говорят даже, что вы потомок древних богов... А я простая алмостская девушка... Я не хочу вас смущать или стеснять... Если вы позволите, я буду вашей верной служанкой... Вы можете взять себе другую жену, из благородного рода, и я подчинюсь ей, несмотря на моё первенство...

Только сейчас Санхар понял и робость, и страх девушки – она просто боялась, что не ровня ему, что он может бросить или прогнать её прочь, если она скажет или сделает что-то не так. Она, думала, что Санхар считает её недостойной быть супругой столь высокопоставленного человека, и не знала, как должна себя вести в его присутствии, не знакомя с его обычаями и привычками. Отсюда происходили и её отчуждённость, и замкнутость. А его нежелание общаться, только укрепляло девушку в этой мысли.

Санхар взял Сафелию за руку и подвёл к дивану. Усадив рядом, подал знак Эльму удалиться. Юноша, бросив на господа ревнивый взгляд, неохотно починился.

Санхар хотел сказать Сафелии много ласковых или уте-

шительных слов, но вместо этого взял её лицо в ладони и нежно поцеловал в губы. Сафелия замерла и её сердечко затрепетало. Она испуганно смотрела на супруга.

– Девочка моя, я не из тех вельмож, которые выбирают супругу по родословной. У меня было много разных женщин. и знатные, и простолюдинки, была даже «меченая» – женщина-воин... Ты тоже сможешь стать моей леди, только должна немножко измениться. Отбрось робость, прогони страх, забудь о привитых в отчем доме привычках. Забудь о том, кем ты была. Теперь ты – леди Лайонская, супруга лорда-правителя. Мне нравятся женщины смелые и решительные. И если ты хочешь быть моей супругой не только по договору, но и в действительности, то наберись немного смелости и сбрось покрывало!

– Я хочу быть вашей супругой, мой господин... Я хочу принадлежать вам, как ваша жена, и душой, и телом.

– Тогда, для начала, забудь это рабское «мой господин». У меня есть имя – Санхар, и переводится оно как «солнечный зайчик». Если оно тебе не нравится, придумай мне какое-нибудь ласковое прозвище, которое будем знать только мы вдвоём...

Сафелия улыбнулась.

– У вас очень красивое имя, мой... Санхар. Наверное, ваша мама очень вас любила, если дала такое чудесное имя.

– Конечно, ведь я её единственный ребёнок... Ну, если мы уже подружились, то, может быть, сегодня вечером ты

поужинаешь со мной?

– С удовольствием, мой... зайчик.

– Тогда до вечера. И ещё раз спасибо за подарок.

Санхар снова наклонился и ещё раз поцеловал супругу.

На этот раз поцелуй был чуть смелей и продолжительней и уже не испугал девушку.

Глава 12

После этого памятного дня Сафелия стала более открытой и смелой. Она сбросила покрывало, хотя некоторое время и чувствовала себя скованно и стеснённо, когда взгляды других мужчин обращались к ней. Она обедала и ужинала в обществе супруга и его товарищей, часто заходила к Санхару, когда он был один, и даже выходила к нему на палубу. Пошила себе несколько новых красивых платьев, и сразу прибежала к супругу похвастаться обновками.

Сбросив покрывало, начав прихорашиваться, надев купленные в Литнесе украшения, Сафелия стала выглядеть очень соблазнительной, и Санхар всё чаще ловил себя на мысли, что хочет эту девушку. Но он не спешил сблизиться, боясь напугать и оттолкнуть. Он знал, что тоже нравится Сафелии, и терпеливо ждал, пока это чувство окрепнет в душе алмостки и перерастёт в нечто большее, чем просто симпатия. Прожитые столетия сделали Санхара очень терпеливым и научили никуда не торопиться, если в этом нет особой нужды.

В городе Во (княжество Айос) он задержался ровно настолько, чтобы пополнить запасы свежей воды, прикупить провизию и дать людям сбросить пар в портовых кабаках и публичных домах. Затем вновь поднял якорь и направился в Анзор – одно из самых древних герцогств Средиземья, сосе-

да Алдании, которая, по преданиям, была первым цивилизованным государством на Аквии. Покинув Во утром, уже вечером он вошёл в порт Ошена. Здесь он только переночевал и рано утром направился в Эльбасан – столицу Анзора. При хорошем попутном ветре достиг намеченной цели на следующий день в полдень.

Эльбасан – старинный город с необычной архитектурой, переполненный людьми и кораблями, которые теснились у его причалов. «Избранник богов» с трудом втиснулся между каким-то торговцем и провонявшей рыбьим жиром рыбацкой шхуной.

В городе Санхар пробыл несколько дней, сойдя на берег и поселившись в гостинице. Он снял двойной номер – в одной комнате жил он с Эльмом, в другой – Сафелия с Ридой. Вчетвером они гуляли по городу, делали покупки – при этом Санхар не забывал ни о супруге, ни о любовнике, ни о рабыне, стараясь не обидеть никого. Эльм в последнее время и так ревновал его к девушке, сам страдая от собственной ревности. Желая показать, что не охладел к юноше, он купил ему несколько недорогих украшений и кое-что из одежды, так как Эльм любил новые красивые вещи. Супругу он снова одарил драгоценностями и купил красивый шёлковый плащ, расшитый золотыми нитями. Рабыне Санхар купил новые сандалии и серебряные серёжки. Но, как выяснилось позже, Интон накупил ей кучу всевозможных подарков, так что девица не оказалась обделённой.

Покинув Эльбасан, Санхар направился в Сорель – один из крупнейших портов Алдании. Между Эльбасаном и Сорелем было мало отличий, разве что дома проще, меньше вилл аристократов, да местные жители говорили на ином языке. Санхар не стал здесь надолго задерживаться, и пошёл дальше на восток, держа курс в Марлоз.

По пути он посетил Вилгрин – небольшой и единственный в этих краях городок, расположенный в устье реки Туссан. Настоящая дыра, но Санхару пришлось зайти сюда, потому что на дорогу он потратил десять суток, и почти такое же расстояние лежало впереди. Матросы и солдаты снова сошли на берег, а Санхар с домочадцами остался на корабле.

На другой день Интон попросил у него разрешения спуститься на берег и просил отпустить с ним Риду. Сафелия отпустила рабыню, так как находилась в обществе супруга, увлечённая приятной беседой. Эльм, видя, что господин занят, тоже попросил разрешения покинуть корабль. Санхар дал ему несколько серебряных монет и отпустил. Таким образом, они впервые остались наедине, если не считать нескольких дежурных матросов и солдат, игравших в кости у спущенного трапа.

Санхар надумал воспользоваться моментом и соблазнить собственную жену. Он пустил в ход весь свой богатый опыт соблазнения, и юная неопытная Сафелия, конечно же, не смогла устоять перед нежными взглядами, робкими прикосновениями, страстными и настойчивыми поцелуями и лас-

кой умелых рук. Она сама не заметила, как её платье оказалось на полу, а она на широком ложе супруга, задыхаясь в его крепких объятиях, и не в силах произнести ни слова запечатанным поцелуем ртом.

Санхар действовал методично и старательно. Все движения и процедуры были отработанны до автоматизма, благодаря многим сотням повторений. Сначала, умелыми ласками, он возбудил девушку; нашёптывая нежные обольстительные слова, сломил остатки робкого сопротивления и подчинил своей воле. Затем взял её, медленно и осторожно, чтобы не причинить лишнюю боль. Как только последняя преграда, отделяющая девушку от женщины, пала, он остановился, продолжая ласкать и утешать рыдающую девушку, пока она не успокоилась. Когда страх и шок от первой близости прошли, Санхар начал действовать более энергично, стараясь доставить супруге первое в её жизни наслаждение.

И его старания увенчались успехом. Сафелия затрепетала в его руках, словно бьющийся на ветру вымпел, глаза её закрылись, лицо преобразилось, а из груди вырвались глубокие стоны наслаждения.

Когда всё закончилось, тело её перестало конвульсивно вздрагивать, а дыхание выровнялось, Сафелия открыла глаза и прошептала:

– Что это было?

– Это экстаз, моя дорогая, – с улыбкой глядя на счастливое лицо супруги, ответил Санхар. – Наслаждение, которое

мужчина может подарить женщине, а женщина мужчине, если оба этого хотят...

– Это так приятно... – прошептала Сафелия.

– Я знаю... Хочешь испытать его ещё раз?

– А можно?

– Мы должны постараться.

– Я буду стараться... Скажите только, что я должна делать.

– Для начала отдохни... Вот, выпей вина, это укрепит

твои силы.

Сафелия поднялась, чтобы взять предложенный ей кубок, и тут заметила кровавое пятно, расплывшееся на покрывале.

– Ой, что это? Кто-то ранен? – испуганно воскликнула она.

– Это твоя девственная кровь, милая... Она показывает, что ты была честной девушкой, как и говорил твой отчим, – ответил Санхар, мысленно удивляясь наивности и неосведомлённости супруги. Святые Небеса, как её воспитывали, если она не знает таких простых понятий, как девственность и первая кровь?

– А... – неопределённо протянула Сафелия. – Значит, я была невинной?

– Ну конечно... А ты в этом сомневалась?

Сафелия вдруг покраснела и опустила голову. Санхар почувствовал, что она хочет что-то сказать, но не решается.

– Говори, не бойся, – приободрил он её. – Ты не должна ничего скрывать от своего супруга... Что ты хочешь расска-

зять?

– Я... Простите меня, мой господин... Я должна была рассказать вам всё раньше... Я... Я... Я думала, что уже не девственна... – еле слышно закончила она.

– И что послужило причиной подобных мыслей?

– Это случилось давно... Мне было четырнадцать лет, когда однажды... в лавке отчима... Я осталась одна, отчим вышел по делам... В лавку заглянул Рузам – ученик купца Сареда, нашего соседа... Ему тогда было восемнадцать, очень красивый и давно мне нравился... Мы разговаривали, а потом... Я не знаю, как так получилось... Он... Он поцеловал меня... – девушка тяжело вздохнула. – Его поцелуи были так приятны и вскружили мне голову, и я не оттолкнула его... Но тут вошёл отчим... Он ужасно разгневался, начал на нас кричать. Он ударил меня и Рузама. Он сказал, что я развратница и опозорила всю семью, что я бесстыдница и падшая женщина... Что теперь я нечестная девушка и никто не возьмёт меня замуж. Ещё он сказал, что я потеряла свою невинность, и обзывал меня всякими оскорбительными словами... Потому, когда мы столкнулись на рынке и случилось то, что случилось, я так испугалась... Я подумала, что теперь отчим наверняка выгонит меня из дома – он не переживёт второго позора...

– А чем закончилось первое дело?

– Рузама выгнали из города, а происшествие замяли.

– Почему же этот парень не женился на тебе, раз он тебя

опозорил?

– Я была ещё несовершеннолетней, а он очень беден – у него не нашлось денег на выкуп. Отчим не хотел такого зятя, потому и скрыл происшествие, не отправив Рузама в тюрьму, а просто приказав ему убраться из города... – девушка снова тяжело вздохнула и робко взглянула на супруга. – Вы теперь презираете меня, господин?..

– Мы договорились, что ты будешь звать меня по имени... Пей вино и выбрось из головы эти глупые мысли. Твой отчим лгун, тупица и эгоист. Поцелуй – всего лишь невинная забава молодых... А то, чем мы сейчас займёмся, могут делать только двое истинно влюблённых людей. И я надеюсь, что ты будешь делать это только со мной и больше ни с кем... И дарить свои поцелуи будешь только мне, и никому более...

Глава 13

Идя вблизи берегов, корабль обогнул континент с юга и направился на север. Здесь, на восточном берегу континента, располагался Марлоз – государство не менее странное, чем Марод на западном. Но если Марод отличался от других королевств только необычно свободными нравами, то Марлоз вообще странный, как по обычаям, так и по устройству. Во-первых, это не королевство, не княжество, не какое-либо иное государство. Хотя он казался цельным и имел единое название, но состоял из отдельных независимых частей: южной, центральной и северной провинций, а также столичного округа. У каждой провинции был свой правитель, свой собственный центральный город, свои собственные законы, своя исполнительная власть и даже собственная армия. Правда, деньги единые во всём государстве, и границы между провинциями прозрачные и открытые для передвижения.

Кроме трёх столичных городов существовал ещё и столичный округ с главным городом Арокка – единой столицей для всех провинций, главный город Марлоза. В Арокке проживали самые богатые сановники государства, а также заседал Триумvirат – так называемое правительство Марлоза. Три правителя трёх провинций, которых, в свою очередь, избирала местная знать из числа самых достойных сограждан.

Эта должность была пожизненной, но не передавалась по наследству.

Во-вторых, марлозцы, по какой-то непонятной причине, не терпели чужаков. Любой иностранный корабль, заходивший в порт, тут же брался под стражу. Прибывшим запрещалось покидать судно без особого разрешения местных властей. В противном случае их ждал арест, после чего, на законных основаниях, несчастных продавали в рабство. Граждане Марлоза были свободными людьми, рабом мог стать только чужак – таков странный закон этого государства.

Санхар зашёл в Марлоз, чтобы только пополнить запасы воды и пищи. Он зашёл в Тансед – самый крупный порт Марлоза – и пробыл там лишь самое необходимое время. Людям запретили покидать корабль. Санхар предупредил, что не станет платить выкуп за ослушников.

Покинув негостеприимный Марлоз, «Избранник богов» направился на восток. Санхар держал курс на Оллин – легендарное королевство виолок, прародину Санризы, его матери. Хотелось посмотреть на королевство женщин-воинов, так сказать, изнутри. Он планировал задержаться там на некоторое время.

От Марлоза до Оллинского королевства около двух тысяч кемов. Благодаря устойчивому северо-западному ветру, корабль преодолел путь за четверо суток, и в полдень пятого дня миновал первые малые острова королевства, а к вечеру вошёл в узкую горловину бухты, вход в которую охраняли

два грозных каменных форта.

Когда корабль швартовался у широкой каменной лирообразной пристани, окружавшей голубые воды бухты, с высокой сигнальной башни прозвучал мелодичный звон серебряного колокола, высокий и нежный звук которого поплыл над расположенным на склонах окружающих бухту холмов городом, поднимаясь к царившему на вершине самого высокого холма прекрасному и величественному королевскому дворцу.

Возле пристани стояли ещё несколько десятков разнообразных судов. Узкие вытянутые веретенообразные галеры с прибитыми к бортам начищенными медными щитами принадлежали оллинскому королевству. Остальные, судя по вымпелам, прибыли издалека: трое с Кронских островов, двое – ассветские бродяги, один из Медауса, остальные из стран Южного континента и близлежащих малоизвестных островных государств.

Стоя у борта швартуемого корабля, Санхар с вниманием и искренним любопытством рассматривал панораму Альты – столицы Оллинского королевства. Город не такой большой, как Лагдин, или величественной, как Литнес, но в нём была своя прелесть. Намного моложе этих древних столиц, с продуманной планировкой, приспособленной к местным условиям. Город располагался на пяти холмах, подковообразно окружавших бухту. Начинался он прямо у пристани, к которой примыкала широкая Торговая площадь с

купеческими лавками, матросскими казармами и гостиницами для приезжих. Далее, концентрическими полукругиями, разделяясь на ярусы и секторы, как сидения в амфитатре, шли улицы. Как позже узнал Санхар, они тоже располагались в определённом порядке: первые две-три – улицы рыбаков и ремесленников, далее – мелких торговцев, ещё выше – людей побогаче, воинов, купцов богатых землевладельцев. У вершин окружавших бухту холмов располагались улицы тальсов – так местные жители называли потомков ассветов и виолок, прибывших на остров в незапамятные времена во главе с грозной и беспощадной повелительницей Лианной Сереброволосой, ставшей затем первой королевой Оллина, легендарной Святой Лианной виолок, женщин-воинов. Тальсами потомков тех древних захватчиков прозвали за высокий рост и гордый нрав, с местного диалекта это слово переводилось как «высочайший, недоступный». На Второй Тальской улице жили виолки и простые ассветы – солдаты и королевские гвардейцы, служившие во дворце или в армии, как правило, офицеры низшего ранга. На Первой жили очень богатые тальсы – аристократы и сановники королевства, приближённые и дальние родственники королевской семьи. Улицы тальсов утопали в зелени садов и цветущих декоративных кустарников, а дома представляли собой роскошные виллы, в противоположность строгим функциональным зданиям нижних ярусов.

С яруса на ярус вели вымощенные плитами широкие до-

роги, по обочинам которых проложились узкие пешеходные ступенчатые дорожки.

Как только с корабля спустили трап, на борт поднялся местный чиновник – высокий пожилой ассвет в полувоенном строгом костюме. Его сопровождали четыре воина-полукровки, помесь ассветов и местных жителей.

Ассвет выглядел и держался очень гордо. Оценивающим взглядом окинул палубу и спящих матросов, которыми командовал капитан Интон, признал в нём собрата по крови, но не подал вида, а строго спросил:

– Кто владелец этого судна или его представитель, если таковой отсутствует?

Санхар, стоявший у борта и, казалось, не замечавший ничего вокруг, не отрывая взгляда от созерцания города, ответил:

– Я.

Чиновник повернулся к нему всем корпусом, и несколько мгновений рассматривал высокую мощную фигуру вельха, его удивительные белоснежные волосы, свисавшие ниже талии, простой чёрный бархатный костюм без украшений, и длинный алмоцкий меч в дорогах, украшенных самоцветами ножнах, притороченный к поясу из змеиной кожи.

– Прошу вас представиться, сударь, и назвать цель вашего визита в Оллинское королевство.

Санхар повернулся к чиновнику и вежливо ответил:

– Санхар Аоста принц Трикорский лорд-правитель Лай-

онский. Совершаю кругосветное путешествие. На Оллин прибыл с познавательной целью – увидеть родину своих предков.

– Своих предков, сударь? – не скрыл удивления чиновник.

– Моя мать – виолка. Санриза Аоста из рода Аоста. Вам, случайно, не знакомо это имя?

Ассвет несколько мгновений пристально смотрел на Санхара, и в нём боролись два чувства: чувство долга и неприязнь. Как позже узнал Санхар, между ассветами и виолками издревле точилось скрытое соперничество и тайная борьба за власть и благосклонность царственных особ. Каждая из национальностей считала себя более лучшими воинами и носителями более древней и благородной крови, хотя их кровь давным-давно перемешалась, а сила и ловкость были почти одинаковыми.

Чувство долга всё же победило в душе чиновника, и он сухо ответил:

– Я знаю только одну прямую наследницу рода Аоста – госпожу Ивею Аоста. Все остальные либо разъехались, либо умерли... Ваша мать давно покинула Оллин?

– Она родилась в Алмосте, но её мать родом с Оллина.

– А... – неопределённо протянул чиновник. – Прошу вас уплатить пошлину за въезд и налог за стоянку, а также обязан предупредить, что вы несёте личную ответственность за все неблагоприятные поступки ваших людей на территории Оллинского королевства.

– Сколько?

– Сто золотых в любой валюте, независимо от времени пребывания в порту.

Санхар уплатил требуемую сумму, вежливым кивком распрощался с чиновником, и вернулся к созерцанию города.

Перед тем, как отпустить людей на берег, Санхар предупредил всех, что оштрафует каждого провинившегося на ту сумму, которую уплатит сам, если кто-то из них впадёт в пьяное буйство и нарушит местные законы.

Затем, сняв несколько комнат в одной из гостиниц, оставил Сафелию на попечение Эльма, а сам отправился на поиски госпожи Ивеи Аосты. Для этого он нанял в порту местного мальчишку-проводника, хорошо знающего город. Когда он спросил его, где можно найти в городе даму с таким именем, мальчишка, не задумываясь, ответил:

– Она из тальсов. Значит, вам на Верхние улицы.

– Ты можешь проводить меня туда?

– Вообще-то нам, беднякам, лучше не появляться на Вершинах, но за несколько серебряных, я вас проведу хоть к королевскому дворцу.

Санхар показал мальчишке серебряную монету достоинством в ползолотого, и сказал:

– Если приведёшь меня прямо к дому госпожи Ивеи, монета будет твоя.

Глаза мальчишки сверкнули, и он согласно кивнул.

– Если вы немного подождёте, я разыщу этот дом и отведу

вас к нему.

– Договорились.

На следующий день мальчишка ждал вельха у входа гостиницы. Заметив его, Санхар спросил:

– Ну?

– Я отыскал дом госпожи Ивеи Аосты и могу отвести вас туда хоть сейчас.

Санхар отвёл Сафелию, с которой вышел на прогулку, назад в комнату, прихватил дорогой красивый нож из великолепной илларийской стали с украшенной тонкой резьбой костяной ручкой, как подарок родственнице, и отправился вслед за мальчишкой.

По дороге проводник объяснил ему строение города и расположение улиц, значение слова «тальсы», историю его происхождения, рассказал о законах и обычаях Оллина и поделился своими мечтами и видами на будущее. Паренёк оказался на редкость разговорчивым, но его болтовня не была пустой или глупой, а оттого не утомляла. Он сыпал остротами и примерами из своей или городской жизни, чем очень повеселил вельха. Паренёк так ему понравился, что он предложил ему место юнги на своём корабле, если он надумает покинуть родину и посмотреть мир. Предложение лорда понравилось мальчику, но он не поспешил дать ответ, что говорило о его благоразумии.

Вилла Ивеи Аосты находилась недалеко от конца Второй Тальской или, как их ещё называли, Верхней улицы. Это был

небольшой дом с несколько запущенным садом и давно не стриженными кустами. Глядя на это запустение, Санхар подумал, что госпожа Ивея, вероятно, уже дряхлая старуха, у которой ни до чего не доходят руки. Он толкнул деревянную, давно не крашеную, узорную калитку, прошёл короткой, засыпанной сухими листьями и опавшими цветами дорожкой, и постучал в массивную дверь позеленевшим от старости медным кольцом.

На стук долго никто не отзывался, хотя Санхар знал, что внутри есть люди: женщина и мужчина. Он постучал ещё раз и ещё, более настойчиво. Наконец, дверь резко распахнулась и на пороге появилась молодая стройная виолка с всклокоченными чёрными волосами и гневным выражением лица. Несмотря на искажившую его ярость, выглядела девушка весьма очаровательно: приятный вздёрнутый носик, изогнутые чёткие брови, блестящие синие глаза и полные чувственные губы, благородные и жестокие одновременно, может оттого, что она сердито их поджала.

Смерив непрошеного гостя ледяным взглядом, виолка сердито произнесла:

– Какой демон вас прислал?! Сколько можно стучать? Если вам не открывают, значит, никого нет дома!

– Если в доме никого нет, тогда вы дух, сударыня, – вежливо ответил Санхар.

– Если вы не назовёте серьёзную причину вашей настойчивости, духом станете вы! – всё ещё гневаясь, ответила де-

вушка.

– Я ищу госпожу Ивею Аоста, – сказал Санхар.

– Вы нашли её. Я и есть госпожа Ивея Аоста! Что дальше?

– О! – удивился мужчина. – Я представлял вас несколько старше...

– Старше меня в нашем роду была лишь бабушка, но она умерла три года назад. Если вы искали её, то опоздали, сударь.

– А её тоже звали Ивея?

– Её звали Лонга... Если вам нужна Ивея Аоста, то она перед вами. Говорите быстрее, что вам нужно, и убирайтесь.

Санхар сложил руки на груди и окинул девушку насмешливым взглядом.

– Одно из двух: либо я забрал вас от мужчины в самый сладкий момент, либо я перебил ваш сон – только так я могу объяснить вашу грубость, сударыня.

– Послушай, умник... – с угрозой в голосе начала Ивея. Но Санхар перебил её. На миг сосредоточившись, он улыбнулся и сказал:

– Я прав: вы спали и вы с мужчиной. Сейчас он тоже проснулся и спускается на кухню... Кстати, а почему в доме нет слуг?

Не зная, что ответить, девушка лишь яростно сверлила пришельца испепеляющим взглядом. Этот взгляд показался Санхару до боли знакомым: у его матери были такие же выразительные глаза, одним взглядом передающие всю гамму

чувств – от любви до ненависти.

Подозвав мальчишку, он вручил ему серебряный и сказал:

– Спасибо, малыш, это она.

– Она – кто? – подала голос взявшая себя в руки девушка.

Гнев её понемногу утихал, уступая место любопытству. Её уже начал интересовать этот странный незнакомец.

– Ивея Аоста из рода Аоста. Так?

– Так.

– А я – Санхар Аоста, сын Санризы Аоста из рода Аоста.

– Ну и что? – почти грубо ответила девушка.

– И тебе здравствуй, сестрица... Или тётя? А может, двоюродная бабушка... Впрочем, это роли не играет. Я очень рад тебя видеть. Но я понимаю, что пришёл немного не вовремя. Если захочешь пообщаться со своим единственным прямым родственником, то найдёшь меня в гостинице «Приют странника». Я лорд-правитель Лайонский и мой корабль «Избранник богов» прибыл в ваш благословенный город позавчера вечером... А сейчас, спокойных снов и сладких утех, дорогая тётя. До свидания!

Санхар вежливо склонил голову и пошёл прочь. Он испытывал от встречи и удовольствие, и некоторое разочарование холодным приёмом родственницы. Всё таки приятно сознавать, что на этом свете, кроме отца и матери, есть ещё близкие тебе по крови люди.

Глава 14

Ивея не пришла в гостиницу, но зато на второй день после их встречи из королевского дворца прибыл посыльный с приглашением на обед к Её Величеству королеве Леннаре.

Сначала Санхар хотел пойти сам, но затем решил прихватить Сафелию и Эльма. Демоны Подземелья, пусть эти грубиянки-виолки и чванливые ассветы испытают шок, если они вообще способны на такие чувства!

Он не пожалел денег на красивую одежду для супруги и любовника, приказал им нарядиться и украсить себя соответственно важности события, нанял двухколёсную повозку и отправился во дворец.

Королевский дворец располагался на вершине самого высокого холма и напоминал неприступную крепость. На вершинах других холмов виднелись дворцы поменьше – резиденции ближайших родственников королевы.

Санхар предъявил страже на входе приглашение, и дежурный офицер – холодная подтянутая виолка – провела его в большой зал, освещённый тремя хрустальными люстрами, свет которых отражался от кремовых с золотом стен, увешанных огромными гобеленами со сценами пиршеств и развлечений королевы и её приближённых. Пол в зале устлали ковры с геометрическим рисунком, на которых, в шахматном порядке, стояли овальные столы из чёрного мрамора,

украшенные резьбой и позолотой. В серебряных курильницах, рассредоточенных вдоль стен, дымились ароматические смолы, наполняя воздух тонкими ароматами, возбуждающими аппетит.

Перед огромным камином располагался невысокий помост, на котором стоял стол, покрытый золотой тканью, и позолоченное резное кресло.

За некоторыми столиками, по двое, по трое, уже сидели роскошно одетые виолки, приглашённые на обед к королеве. Из мужчин присутствовал только грустного вида господин, в одиночестве сидевший рядом с помостом. Санхара и его домочадцев усадили за соседний от него столик.

Гости прибывали, и зал постепенно заполнялся. В толпе Санхар заметил Ивею, но она лишь взглянула в его сторону и отвернулась. Её усадили в самый дальний угол, вероятно, на самое непочётное место.

Когда все гости собрались, появилась и королева Леннара. Высокая, как все виолки, светловолосая, слегка полноватая, в отличие от подтянутых мускулистых подданных, лет пятидесяти, одетая в свободного кроя белоснежное одеяние, щедро увешанная драгоценностями и со сверкающей короной на голове.

Несмотря на возраст и излишества в косметике и украшениях, она была ещё хороша собой, и в молодые годы, вероятно, слыла настоящей красавицей. Королева заняла своё место на помосте и слуги начали разносить подносы с едой,

расставляя её на столах гостей. Когда все столы накрыли и кубки наполнили, королева произнесла небольшую речь.

– Дорогие сёстры! – по-видимому, подобное обращение норма среди виолок. – Мы собрались на наш традиционный обед... Но сегодня среди нас присутствует гость из дальних стран. Он прибыл на наш остров с единственной целью – отыскать свои корни. Это человек благородной крови. Судя по званию, его мать – одна из наших сестёр – добилась в жизни больших успехов. Но, к нашему большому огорчению и искреннему сожалению, его единственной роднёй на Оллине оказалась не очень достойная наша сестра Ивея Аоста, – по залу прокатился лёгкий сдержанный шумок, в котором смешались и осуждение, и удивление. – Эта девушка с некоторого времени находится в опале, но ради нашего гостя мы допустили её на наше благородное собрание... А сейчас уважаемый господин Кресв назовёт имя нашего гостя.

Дворецкий, скромно стоявший у двери, выступил вперёд и громко произнёс:

– Его милость Санхар Аоста принц Трикорский лорд-правитель Лайонский с супругой леди Сафелией и... – тут он запнулся, но сумел закончить на той же возвышенной ноте. – ...и любимцем Эльмом.

Санхар отметил, что дворецкий заменил слово «любовник» на слово «любимец», что сути не меняло, но звучало не столь откровенно. Все поняли, кем является этот красивый, разодетый, источающий благовония юноша, сидящий

по правую руку лорда Лайонского, и это вызвало новую волну шума в зале. Санхар уловил мысли присутствующих, которые во многом сходились. Большинство было уверено, что Ивея и Санхар одного поля ягоды, а весь род Аоста – вырожденцы, и не напрасно Богиня-Мать обрушила на них свой гнев.

Санхар не знал, что натворила его родственница и чем вызвала гнев королевы и осуждение окружающих, но поклялся, что обязательно узнает об этом в ближайшее время.

После речи королевы и слов дворецкого, обед проходил в общем молчании, не считая тихих реплик некоторых присутствующих или вопросов королевы, на которые вопрошаемые отвечали не вставая и не прерывая трапезы.

Сафелия и Эльм, непривычные к столь высокому обществу, чувствовали себя неловко, и почти не притрагивались к изысканным блюдам, а Санхар наслаждался едой, оценивая местную кухню.

Когда с основными блюдами покончили, и слуги начали разносить фрукты и сладости, королева обратилась к Санхару и попросила рассказать о Лайонсе. Санхар подробно рассказал об острове и его законах, рассказал о «меченых», из которых состоит его гвардия, сказал, что сам создал и построил своё государство, и что оно, хотя и молодое, но довольно перспективное и достаточно сильное.

– Вы, прямо, как Святая Лианна, пришли и взяли, – с улыбкой произнесла королева.

– Не совсем, Ваше Величество, – ответил Санхар. – Лайонс не был заселён, когда я пришёл туда. Мне пришлось завозить на остров людей не совсем с их согласия... Как Святая Лианна поступила моя мать. Вместе с моим отцом и горсткой воинов-вельхов они завоевали огромную, заселённую варварами территорию, и построили там цивилизованное королевство. На это ушли годы, но Трикор сейчас процветает и уже нанесён на многие карты.

– Ваша мать и вы сделали благородное дело, достойное славы Богини-Матери. Будем надеяться, она сменит свой гнев на милость, и вернёт вашему роду свою благосклонность...

– Не знаю, чем прогневила её оллинская ветвь рода Аоста, а что касается моей матери, то благодать Богини давно пала на неё и она проявила к ней такое милосердие, которое не проявила даже к Святой Лианне, да будет благословенно её имя.

Слова Санхара вызвали изумление и негодование, многие посчитали их богохульными. В зале воцарилась напряжённая тишина, которую посмела нарушить только королева.

– Объясните, милорд, ваши слова? Вы можете сказать, в чём проявилось милосердие Богини к вашей матери?

– Простите, Ваше Величество, но это наша семейная тайна. Могу лишь сказать, что Богиня одарила Санризу Аоста некоторыми способностями, недоступными простым смертным.

– Не хотите ли вы сказать, что ваша мать стала чародейкой? – с негодованием спросила королева.

– Нет, она не умеет колдовать и никогда не разбиралась в заклинаниях. Она была, есть и остаётся воином. Но её сила, выносливость, ловкость и мастерство увеличились в несколько раз, и она с лёгкостью справляется с десятком самых сильных и умелых воинов.

– О да, это истинные подарки Богини-Матери, – засмеялась королева.

– А вам что-нибудь досталось от этих даров? – неожиданно подал голос грустный мужчина, до сих пор безмолвно сидевший за своим столом.

– Я сын своей матери, – просто ответил Санхар. – Я унаследовал от неё лучшие качества. Она передала мне своё мастерство, так как у неё, кроме меня, нет больше детей. Но я не сидел сложа руки, наслаждаясь силой и умениями... Путешествуя по миру, я учился у многих народов, совершенствуя и оттачивая своё мастерство.

– Наверное, вы непревзойдённый воин, которому нет равных в этом мире... – с лёгкой насмешкой произнёс мужчина.

– Думаю, что так, – без ложной скромности ответил Санхар, чем вызвал ещё одну волну неприязни, прокатившуюся по залу.

– Тогда, может быть, вы не откажетесь продемонстрировать нам своё искусство на военном турнире? – предложил мужчина.

– Не откажусь, – кивнул Санхар. – Давно я не встречал достойных соперников. А где ещё можно найти прекрасных воинов, как не на родине знаменитых виолок? Выставляйте своих лучших бойцов, и мы устроим настоящее представление на радость королеве и забаву зрителям.

– Договорились, милорд, – склонил голову мужчина.

Глава 15

Как оказалось, грустным господином, который подвигнул Санхара на турнир, был тайный советник королевы лорд Анидис. Королева Леннара, которую Богиня-Мать наделила несравненной красотой, но обделила умом, достойным занимаемого положения, вряд ли смогла бы так долго и так разумно править королевством, если бы не умные советы лорда Анидиса, который – и это все понимали – фактически являлся главой государства. Королева Леннара делала всё, что советовал ей тайный советник, и злые языки поговаривали, что лорд, по совместительству, её тайный любовник, хотя прямых доказательств их любовной связи не было.

Турниры, на которых показывали силу, ловкость и умение все желающие, и которые были открыты для всех слоёв общества – от последнего нищего до членов королевской семьи – проводились, в основном, по торжественным случаям: дни рождения королевской семьи или свадьбы высших сановников, победы в сражениях или большие государственные праздники. Данный турнир приурочили к Празднику Урожая – на Оллине совсем недавно собрали первый урожай зерновых и фруктов, и оставалось немного свободного времени перед новой посевной. Лорд Анидис решил развлечь народ, коль представился такой случай, и объявил о проведении турнира. О соревновании сообщили во всех городах и

селениях, приглашая желающих принять в нём участие.

Оллинский турнир отличался от турниров в других странах тем, что соревноваться в нём мог каждый желающий: простолюдин, бродяга-наёмник, даже раб, если он считал себя хорошим воином. Победитель – кроме отдельных случаев – не получал никакой награды, кроме славы и признания заслуг; проигравший – если останется жив – всеобщие насмешки и презрение.

Турниры были единственным развлечением, которое объединяло богатых и бедных, господ и рабов, тальсов и аборигенов. Все они собирались на огромном стадионе-амфитатре, расположенном в соседней бухте. Ареной служил ровный песчаный пляж, а зрители сидели на склонах окружавших бухту холмов, изрезанных ярусами, на которых располагались деревянные и каменные скамьи. В самом удобном для обозрения месте стоял красивый деревянный домик на сваях с открытыми ажурными стенами и удобными креслами внутри – королевская ложа. Под ним, между сваями, отделённые от арены каменным парапетом, размещались более мелкие сановники государства.

Турнир не имел строгих правил. Соревнования проводились из всех видов единоборств. Единственное правило – соперники дрались затупленным оружием, и время поединков было ограничено четвертью часа. Обычно, когда соревнующихся набиралось очень много, турнир затягивался на несколько дней.

Пока королевские глашатаи сообщали о турнире, и пока в столицу прибывали желающие поучаствовать в соревнованиях, Санхар осматривал город, знакомился с его жителями – как простолюдинами (благодаря шустрому мальчишке-проводнику), так и с тальсами – аристократами и простыми воинами-гвардейцами. Ивея Аоста, почему-то, так и не показала ему на глаза, а Санхар, не желая навязываться, больше не ходил к ней в гости.

Но вот, однажды вечером, накануне объявленного турнира, в дверь гостиничного номера постучали, и Эльм впустил в комнату гостью. Ивея была слегка смущена, но не показывала вида. Поздоровавшись по виольскому обычаю – приложив к сердцу сжатый кулак – Ивея, не дожидаясь приглашения, прошла к креслу и молча села.

– Рад вас видеть, сударыня, – произнёс вежливо Санхар.

– И я вас, – буркнула девушка, осматривая комнату и избегая прямого взгляда вельха.

– Что привело вас ко мне?

– А вас? – вопросом на вопрос ответила виолка.

Санхар улыбнулся.

– Вообще-то, я не подозревал о вашем существовании, пока не прибыл в Альту.

– Тогда, зачем вы прибыли на Оллин?

– Я путешествую, дорогая сестрица. Побывал на Гритланде, в Алмосте, Мароде и даже Марлозе, хотя там совсем не рады гостям. Ваш остров лежит на пути моего маршрута. К

тому же, это прародина моих предков по материнской линии, и было бы грехом не побывать на ней.

– Прародиной можно назвать Виол. Вы и туда зайдёте?

– Конечно... Может, прихватчу парочку-тройку диких виолок, как Святая Лианна.

– Вы мужчина, но хорошо знаете нашу историю и религию... Это странно.

– Не вижу ничего странного. Меня воспитывала мать-виолка, передавая знания и обучая своим верованиям. Она растила меня, как растила бы дочь, если бы таковая у неё была.

– Потому у вас такие длинные, как у женщины, волосы и склонность к мальчикам? – не удержалась от колкости девушка.

– Вы хотите меня оскорбить? Почему вы так агрессивно настроены? Чем я вам не угодил? Если я вам неприятен – не стану набиваться к вам в родственники, сударыня. В конце концов, мой род неплохо устроился в этом мире и без родственных связей... А волосы я ношу по обычаю отца-вельха. Все вельхи носят длинные волосы, не обрезая их с рождения. К мужчинам склонность появилась у меня, потому что я разочаровался в женщинах – существах лживых, коварных и непостоянных.

Ивея сердито поджала губы, желая возразить, но промолчала и впервые посмотрела Санхару прямо в глаза.

– Простите... брат. Это всё моё дурное воспитание. Из-

за своего глупого языка я и попала в опалу, резко высказавшись в адрес королевы в присутствии слишком большого числа свидетелей... Я пришла, конечно же, не для того, чтобы оскорблять вас. Я хотела вас предупредить, что лорд Анидис готовит вам неприятный сюрприз... При дворе у меня ещё остались друзья, и они рассказали, что тайный советник призвал 55 лучших воинов королевства – самых сильных и самых умелых ветеранов – и собирается выпустить их против вас клином: сначала одного, затем двоих, троих и так по нарастающей до десяти, пока вы не проиграете.

– Но почему?

– Он считает вас зазнайкой и хвастуном, и хочет унижить перед всем народом, показав ваше поражение.

– Ну, а если я всё же выйду победителем?

– Это невозможно. Может, вы и победите двоих, троих, пусть пятерых, но не десять самых лучших и самых опытных воинов... Они просто измотают вас физически.

– Всякое может случиться... Если я стану победителем, какая награда меня ожидает?

– Да... Хотя у нас, обычно, не устанавливают наград победителям турниров, но на этот раз королева выставит, как бесценный приз, урну с локоном Святой Лианны, нашей Первой Королевы. Говорят, эта прядь приносит удачу обладателю, и считается высшей ценностью на островах.

– Думаю, моя мать будет рада, когда я привезу ей в подарок серебряные волосы Лианны, – задумчиво произнёс Сан-

хар.

– Вы не понимаете, брат! Лорд Анидис рискнул выставить эту ценность только потому, что уверен в том, что урна останется на Оллине.

– Тогда его ждёт жестокое разочарование... Это научит его уважать противника, каким бы никчемным он ему ни казался, – улыбнулся Санхар.

Ивея посмотрела на мужчину долгим испытующим взглядом и вдруг широко улыбнулась. Холодные синие глаза мгновенно потеплели, а жестокие очертания губ смягчились.

– Если вы победите, Санхар, клянусь именем Богини-Матери, я выполню любое ваше желание... Вы прославите род Аоста, как никто и никогда не прославлял его, и утрёте нос этой глупой курице Леннаре и её умнику лорду Анидису!

– Надеюсь, вы будете присутствовать на турнире?

– Ещё бы! Я постараюсь занять лучшее место в первых рядах.

– Думаю, вы получите истинное наслаждение от увиденного, – кивнул Санхар, невольно любуясь преобразившимся улыбающимся лицом девушки.

Глава 16

На огромном стадионе, вмещавшем несколько тысяч зрителей, ореху негде было упасть. Съехались зрители со всех населенных островов Оллинского королевства. Конечно, первые, самые лучшие ряды, занимали тальсы, ассветы и состоятельные люди. Бедняки теснились повыше, а вершины холмов, откуда соревнующиеся казались не больше жуков, достались рабам. Приходили целыми семьями, некоторые ещё с вечера, накануне открытия, чтобы занять лучшие места. Брали с собой корзины с едой и фляги с водой, чтобы пообедать на месте.

Так как выступление Санхара запланировали на конец турнира, его пригласили в королевскую ложу, как почётного гостя. Санхар опять прихватил с собой Сафелию и Эльма, так как подобное зрелище было для них необычным развлечением, особенно, для юной алмостки.

В первый день проходили групповые соревнования: стрельба из лука, бросание копья в цель и на дальность, поражение бегущей или летящей мишени. Следя за участниками, Санхар одобрительно улыбался: они показывали воистину высокое мастерство.

Когда выступили почти все участники соревнований, лорд Анидис, как обычно, молча сидевший в стороне с грустным выражением лица, неожиданно спросил, обращаясь к Сан-

хару:

– Как вам понравились соревнования, милорд?

– Впечатляюще, – кратко ответил Санхар.

– Возможно, теперь вы продемонстрируете нам свои способности?

– Если Её Величество желает...

– О да, лорд Санхар, покажите нам своё мастерство! – ответила королева. – Мы с удовольствием посмотрим ваше выступление. Правда, милый? – обратилась она к супругу-королю, который сидел рядом со скучающим видом.

– Да, конечно, милорд... Прошу вас, – буркнул тот, даже не взглянув в сторону Санхара.

Король был намного старше королевы, грузен, апатичен и болен. Он с куда большим удовольствием лежал бы сейчас на мягкой постели и наслаждался прохладой и тишиной королевских апартаментов.

– Тогда, я готов, – ответил Санхар.

Когда глашатай объявил его имя, по рядам зрителей, особенно, приближённых ко двору и наслышанных о пришельце и его противостоянии с лордом Анидисом, прокатился сдержанный гул.

Санхар встал, шагнул к перилам ложи и спрыгнул вниз с двадцатилоктевой высоты. Он услышал удивлённое восклицание королевы и дружное «о-о» зрителей. Подойдя к распорядителю, назвал своё имя, затем взял предложенный лук, проверил тетиву и упругость, и осмотрел мишени. Их было

шесть – большие щиты на треногах с нарисованными концентрическими кругами и красной сердцевиной – расположенные на разных расстояниях: пятьдесят, семьдесят пять, сто, сто двадцать пять, сто пятьдесят и двести шагов. На каждый щит выдавалось по три стрелы, круги были пронумерованы – от одного на периферии до пятёрки в центре красного – и по тому, куда попадала стрела, подсчитывались очки и объявлялся победитель. Пока что самый лучший стрелок набрал семьдесят два очка из девяноста возможных.

Санхар, почти не целясь и выпуская одну стрелу за другой, поразил первые четыре мишени, вогнав в красный центр по три стрелы. Он стрелял с такой скоростью, что стрелы летели сплошной линией, едва не касаясь наконечниками оперения впереди летящей. Зрители затаили дыхание, наблюдая за его стрельбой. Поразив четыре мишени, Санхар замер на мгновение, глядя на две последние, самые дальние, поднял лук и так же быстро выпустил оставшиеся шесть стрел.

Как только стрелы попали в цель, помощники распорядителя бросились к мишеням и сообщили результаты – девяносто очков! Все стрелы попали точно в центр мишени, а две даже расщепили предыдущие.

Зрители взорвались приветственными криками и свистом.

С такой же ловкостью и точностью Санхар бросил копья, причём, ближние мишени копья пробили насквозь. Сбил он и все десять летящих «уток» и бегущих «зайцев». А когда

пришлось бросать копьё на дальность, Санхар благоразумно повернулся в сторону моря, опасаясь поразить кого-либо из зрителей. Пущенное сильной рукой, копьё со свистом унеслось вдаль, упав где-то посреди бухты.

Когда он вернулся в королевскую ложу, его провожали крики зрителей, скандирующих его имя. Выражение лица лорда Анидиса сменилось с грустного на кислое. Но он всё же выдал из себя улыбку и вежливо произнёс:

– Поздравляю, милорд. Вы продемонстрировали поистине поразительные способности.

– Детские шалости, – не удержался от шутки Санхар. – Таковыми забавами я развлекался в пятнадцатилетнем возрасте.

Лорд надулся и промолчал. Больше он не предлагал Санхару принять участие в соревнованиях, пока не начались вооружённые поединки. Они тоже были иными, чем в других странах. Там поединки велись, в основном, на мечах, ну, иногда с копьями или ножами. Здесь же каждый соперник выбирал оружие по вкусу: палку, нож, булаву, меч, тесак, топор, да хоть камень.

Самое интересное началось, когда на арену вышли виолки. Эти действовали более профессионально: меч, знаменитый виольский шнурок-удавка, нож, рукопашная. Поединки, в основном, подразделялись по этим четырём категориям, но, конечно же, в каждом поединке могли присутствовать все четыре элемента. Поединок либо заканчивался чистой победой, когда один из соперников был выведен из строя или

признавал себя побеждённым, либо победа присуждалась по очкам, которые выставляли трое судей, если соперники были равны по силе и умению.

И вот здесь лорд Анидис снова оживился. Шёл третий день турнира, и уже выступили почти все участники соревнований.

– Не желаете ещё раз потешить сердце нашей прекрасной королевы, сударь? – обратился он к Санхару.

– С удовольствием, – ответил вельх. – А то я уже заскучал, глядя, как развлекаются другие.

– Тогда следующий выход ваш... Не возражаете, если я выставлю против вас бойцов по определённой схеме?

– Нет... А вы не будете возражать, если я, войдя в азарт, случайно кого-нибудь покалечу или убью?

Тайный советник и королева переглянулись, и лорд Анидис осторожно ответил:

– Если соревнование будет честным и вы не примените боевое оружие...

– Нет, конечно же нет! Более того, чтобы сравнить мои силы с силами ваших бойцов, я обязуюсь драться без оружия и с завязанными глазами. Это будет более, чем честно, как вы думаете?

– Вам виднее, – ответил удивлённый неожиданным предложением советник.

– Что ж, тогда я иду на арену...

Глашатай вновь выкрикнул его имя, и амфитеатр зашумел

в предвкушении зрелища.

Санхару надели на глаза чёрную плотную повязку и оставили одного в центре арены. Он расслабился, а затем сконцентрировался, активировав внутреннее зрение, и начал ощущать пространство вокруг себя на расстоянии нескольких десятков шагов, отрешившись от всего остального. Он знал и чувствовал всё, что происходило вокруг него – даже крошечных насекомых, живущих под песком, даже пролетающих над амфитеатром чаек.

Вот в этот очерченный мыслью круг вошёл человек... Мужчина, воин, высокий, вооружённый мечом и ножом. Он приближался слева, осторожно ступая по песку, стараясь двигаться бесшумно. Но Санхар не только чётко слышал скрип песчинок под его ногами, сдержанное дыхание и стук сердца, он ЗНАЛ его намерения, ЗНАЛ, когда, чем и куда он нанесёт первый удар, и спокойно ждал, не двигаясь, когда он приблизится на расстояние удара. И как только мышцы противника напряглись, приготовившись к выпадку, Санхар высоко подпрыгнул, перевернувшись в воздухе, приземлился за спиной ошеломлённого воина, и нанёс ему удар ребром ладони в основание шеи. Тот рухнул на песок, как подкошенный, не успев осознать, что же с ним произошло. Санхар переступил через неподвижное тело и вновь встал на своё место, сложив на груди безоружные руки.

Выбежали помощники распорядителя, подхватили бесчувственное тело и унесли прочь.

Санхар не слышал криков и улюлюканья толпы зрителей, поражённых стремительностью поединка – они были за пределом очерчённого его мыслью круга. Он не видел и не слышал ничего, расположенного на расстоянии двадцати пяти-тридцати шагов. Но чётко представлял всё, что происходило на этом пространстве.

Как только унесли первого участника, появились ещё двое. Они были вооружены, как и первый, и настроены более агрессивно. Не приближаясь к Санхару, примерно, на двадцать шагов, начали расходиться, беря его в «клещи». Санхар делал вид, что не замечает их, пока они одновременно не кинулись в атаку. Тогда вельх упал одному под ноги, сбив его, откатился в сторону, вскочил и нанёс удар второму. Расправившись с ним, ударом ногой в висок уложил поднимающегося с земли первого, и отошёл в сторону, чтобы служители могли унести бесчувственные тела.

Так же быстро и без особого труда он расправился со следующей тройкой, четвёркой и пятёркой противников.

Когда на арену вышли шестеро крепких воинов, бороться с ними стало труднее. Они окружили Санхара, как стая голодных волков загнанную дичь. Кружили вокруг, не спеша нападать, и Санхар знал, что в руках у них не затупленные, а остро отточенные боевые мечи. Он мысленно поразился коварству лорда Анидиса, но не испугался. Он знал, что оружие, даже достигнув его тела, не нанесёт ощутимого урона. Но всё же это было грубое нарушение установленных

правил, и Санхар решил проучить и воинов, и того, кто их послал на этот поединок.

Бой с шестью противниками продлился несколько минут, в течение которых Санхар, в основном, уклонялся, избегая ударов, передвигаясь таким образом, чтобы сбить нападавших с толка, пока они не сбились в кучу, мешая друг другу. Тогда вельх набросился на них, как гиззард на стадо безнадзорных овец, нанося удары руками и ногами, разбивая лица, ломая руки и рёбра, сворачивая шеи.

Не успели слугители унести последнего раненого, как на арену вышли семь воинов, вооружённые копьями и длинными мечами. По-видимому, советник, наконец, понял, что в ближнем бою Санхара не победить, и посоветовал своим людям не приближаться к опасному противнику.

Они не стали нападать все сразу или кружить вокруг, ожидая удобного момента и выматывая противника психологически, а нападали по очереди, делая выпады длинными копьями и нанося ему неглубокие, но болезненные уколы. Правда, на Санхара эта тактика не возымела действия – острия копий не пробивали его упругую крепкую кожу, и он не реагировал на выпады, оставаясь в неподвижности, словно змея в засаде. Он ждал, пока кто-то из противников совершит ошибку и подойдёт настолько близко, чтобы он мог его достать. Но это были опытные воины, наученные горьким опытом предыдущих неудачных атак, и никто из них не совершил подобной ошибки.

Когда Санхару надоело ждать, он просто вырвал копьё у следующего, пытавшегося его уколоть, мгновенно развернул и бросил обратно, пробив воина насквозь. Этим поступком он добился, чего хотел: нападающих охватила ярость, и они набросились на него разъярённой толпой... Через семь минут служители унесли их с арены.

Некоторое время никто не выходил. Санхар медленно бродил по кругу, ожидая противников. Наконец они показались: восемь молодых, сильных, уверенных в себе виолок. Санхар остановился, поднял руки в приветственном жесте и громко произнёс:

– Кто к нам пришёл! Прекрасные юные жрицы войны! Поиграем в догонялки или убегалки?

Виолки начали расходиться, пытаясь его окружить, но Санхар отступал, пятась, не давая им завершить окружение. Так они дошли до кромки воды, где вельх остановился и громко произнёс:

– Предупреждаю, сударыни, плаваю я лучше вас.

Но виолки угрожающе наступали. Он терпеливо ждал, пока девушки приблизятся на расстояние прыжка. И когда наступил удобный момент, он прыгнул к ближайшей, подхватил её на руки, поднял над головой и зашвырнул в море. Так же он поступил со второй и третьей. Остальные начали отступать, но Санхар легко их настигал, ловил по одной и бросал в море. Одна из девушек бросила в него нож, целясь в горло, но Санхар вовремя уклонился, поймал её, заломил

за спину руки и связал её же шнурком-удавкой. Затем опустился на колено, перекинул девушку через ногу и отшлёпал по тугому заду, приговаривая: «Не играй с ножом! Не играй с ножом!». Худшего оскорбления для побеждённой виолки придумать было нельзя. Зрители просто ревели от восторга, наблюдая эту сцену.

Виолки выходили из моря, намокшие и пристыженные, под насмешливый свист и улюлюканье толпы. Оставляя после себя мокрые следы, они молча побрели с арены.

К Санхару приблизился распорядитель и сказал:

– Я должен проверить вашу повязку. Участники утверждают, что вы всё видите.

– Пожалуйста, – разрешил Санхар.

Чиновник осмотрел повязку со всех сторон, но она плотно закрывала глаза.

– Передайте лорду Анидису, что даже если он выколет мне глаза, я всё равно увижу, какое кислое у него лицо в предчувствии скорого поражения, – с улыбкой произнёс вельх.

После ухода распорядителя на арену вышла смешанная группа виолок и воинов, и вот теперь завязался настоящий бой.

Отступая и атакуя, он забирая у противника оружие и поражая им его же хозяина. Здесь он не щадил никого: ни мужчин, ни женщин, дрался жестоко и беспощадно, потому что почувствовал приближение усталости – бой вслепую забирал много физических и ментальных сил.

Когда вышли десять последних участников – десять опытных виолок из личной гвардии королевы, Санхар не стал занимать выжидательную позицию, а начал атаку первым. Он приближался стремительно, как порыв грозового ветра, молниеносным движением уклонялся от удара, бил противника в уязвимое место, временно выводя из строя, и поворачивался к другому. Они не могли атаковать его все сразу, чтобы не мешать друг другу, а нападали по двое-трое, и Санхар, показывая чудеса ловкости, совершая головокружительные прыжки, продемонстрировал им весь спектр рукопашного боя, замешанный на боевых традициях многих народов. Его задача осложнялась тем, что он не хотел убивать охранниц королевы, стараясь наносить им как можно меньше увечий. Но всё же он бил достаточно сильно, чтобы женщины отлетали от него, как набитые травой мячи.

Когда последний противник пал, Санхар остановился и перевёл дух. Затем медленно направился к королевской ложе, остановился напротив, снял повязку, невольно зажмурившись от яркого света, ударившего по глазам, и спросил, обращаясь к королеве:

– Признаёт ли Ваше Величество мою полную и безоговорочную победу?

Леннара украдкой взглянула на сидящего с кислым видом советника, и благосклонно произнесла:

– Вы несомненный победитель, лорд Санхар. Я поздравляю вас и прошу лорда Анидиса вручить награду – урну с

бесценной прядью Святой Лианны.

Лорд Анидис нехотя поднялся и спустился на арену. Глашатай громко объявил, что Санхар Аоста из рода Аоста, принц Трикорский и лорд-правитель Лайонский объявляется единственным и непревзойдённым победителем турнира и награждается Волосами Святой Лианны. Под торжественный рёв толпы советник вручил Санхару бесценную урну и поздравил с победой от имени королевы и её августейшего супруга.

Усталый, но довольный, Санхар, забрав супругу и Эльма, попрощался с королевой и уехал в город, восстанавливать силы после утомительного поединка.

Глава 17

На следующий день Санхара посетил посланник от лорда Анидиса и сообщил, что тайный советник приглашает его на встречу. Вельх легко прочитал мысли посланника и узнал истинную причину, по которой лорд желал его видеть. Но Санхар совсем не собирался возвращать бесценный приз, даже за очень большие деньги, поэтому ответил посланнику:

– Передай лорду Анидису, что я лорд-правитель острова, во много раз превышающего площадь Оллина. Моя власть и мой авторитет в моём королевстве ничуть не меньше, чем у королевы Леннары. Неужели лорд Анидис думает, что я побегу к нему, как слуга, по первому зову? Если у него есть ко мне дело, пусть придёт лично и скажет о нём. И ещё передай, что в моей стране нет такой должности, как тайный советник, как любых советников вообще. Я сам, лично, принимаю все решения, и никто не осмелится их оспорить или усомниться в их разумности. А также скажи, что Локоны Святой Лианны уплывут со мной, и я подарю их своей матери, истинной виолке, так что эта ценность всё равно останется в руках виолок, пусть королева и её подданные не беспокоятся по этому поводу.

Вечером этого же дня к Санхару пожаловала его родственница Ивея. Девушка была немного встревожена, хотя пыталась скрыть свои чувства.

– Что случилось, сестрица? Разве вас не потешила моя победа?

– О, нет, брат мой, ваше выступление превосходно... Я не видела подобного зрелища. Да и никто из виолок не видел, я уверена... Поставив на вас, я обогатилась.

– Что же тогда вас тревожит?

– Неужели это так заметно?

– Нет, вы отлично держитесь. Но, как я могу видеть с закрытыми глазами, в чём вы сегодня убедились, так же я могу читать в душах людей... Я чувствую настроение любого человека, как собака чует мясо, зарытое в землю.

– Это всё из-за лорда Анидиса...

– И что наш господин советник хочет от вас?

– Он попросил... Да что там! Скажу прямо: он приказал мне, чтобы я уговорила вас вернуть в казну урну. В противном случае, он пригрозил мне большими неприятностями, как только вы покинете остров. Он был очень зол, я никогда не видела его таким...

– И как вы собираетесь меня уговаривать?

– Никак! – гордо ответила девушка. – Вы честно выиграли этот приз, и он по праву ваш. Но у меня будет к вам одна просьба...

– Слушаю вас, Ивея.

– Заберите меня с собой!

– Серьезно? Хотите покинуть Родину?

– Меня ничто здесь не держит. Раньше я никуда не уезжа-

ла, потому что у меня была семья, друзья, служба... Теперь я одна, в опале, в немилости у тайного советника. Хотя так, хоть эдак, а мне придётся покинуть Оллин. И если вы хотите и можете, милорд, возьмите меня на службу. Я понимаю, что вам телохранитель ни к чему, но я могу охранять вашу супругу или вашего... хм... любимца, или вашу шкатулку с драгоценностями, в конце-концов...

– Мне очень жаль, Ивея, – начал Санхар печальным голосом, и лицо девушки невольно разочарованно вытянулось, – но вы нарушили мои планы... Это я хотел просить вас уплыть со мной... Ведь вы обещали, в случае моей победы, выполнить любую мою просьбу... Но вы опередили меня, поэтому мне придётся придумывать что-то другое, – Санхар широко улыбнулся. – Конечно же, я возьму вас, Ивея. Мне нужна опытная охранница для моей супруги... Вы готовы покинуть дом сегодня же?

– Да хоть сейчас, – с готовностью отозвалась девушка. – Всё ценное со мной, остального мне не жаль... Честно говоря, я, в любом случае, собиралась исчезнуть из Альты этой ночью.

– Тогда оставайтесь с нами. Мы перейдём на корабль и с рассветом покинем гавань.

– Не считите за дерзость, милорд, но я советую вам покинуть Оллин сейчас же, и чем быстрее, тем лучше... Лорд Анидис очень коварен, и постарается придумать какую-нибудь каверзу, чтобы только не выпустить вас отсюда с урной.

– Да, я это уже понял... Он не умеет играть честно, – кивнул Санхар. – Я прислушаюсь к вашему совету, сестра.

Он приказал Эльму и Сафелии собираться, и, спустя час, они покинули гостиницу и поднялись на борт корабля. Предвидя реакцию тайного советника, Санхар ещё утром, после визита посланца Анидиса, приказал Интону собрать всех людей и держать их в готовности. Потому, как только господин и его домочадцы оказались на борту, Интон убрал трап и поднял паруса. Вечерний бриз наполнил их и погнал корабль к выходу из бухты. Санхар в последний раз взглянул на Альту – колыбель легендарных виолок – и повернулся к городу спиной. Вряд ли он ещё когда-нибудь вернётся сюда, во всяком случае, не в этом столетии.

Покинув Оллин, «Избранник богов» взял курс на северо-восток, мимо остова Виол на Айгос, в знаменитое Ассветское королевство. До Виола было около пяти тысяч кемов и путь пролегал мимо десяти Аррибских островов, крошечных и безлюдных. На таких отдалённых островах пираты любили устраивать тайные лагеря, где отсиживались после удачных набегов. Санхар приказал «гнездовым» смотреть в оба. Да и сам, когда они приблизились к островам, держал мозг постоянно открытым.

Так он узнал о небольшом селении на одном из глубинных островов. Вряд ли это были мирные поселенцы или потерпевшие кораблекрушение моряки. Санхар собрал воинов и объявил о намерении посетить остров и напасть на пират-

ский лагерь. Солдаты ответили ему с радостным энтузиазмом, так как от безделья уже заскучали. К тому же, они рассчитывали на долю добычи и премиальные, в случае успеха.

Остров, на котором обосновался пиратский лагерь, находился в самом центре группы, окружённый другими островами. «Избранник богов» приблизился к острову и стал вблизи его берегов на якорь. Солдаты погрузились на две лодки и отправились на сушу. Возглавлял отряд сержант Сенек. Санхар не захотел принимать участие в бою – после турнира у него почему-то исчезло всякое желание драться. Интон тоже остался на корабле – он не был солдатом, а командовал матросами.

Лагерь пиратов представлял собой неряшливый посёлок из нескольких десятков крытых тростником хижин, среди которых ходили худые взъерошенные куры и рылись в пыли несколько грязных свиней.

Появление большого корабля вызвало любопытство, но не встревожило местных жителей, пока они не увидели две лодки с солдатами. Тогда все бросились к хижинам, а некоторые в изрядно поредевший лес посреди острова.

Отправляя Сенека в рейд, Санхар приказал захватить побольше пленных и вычистить лагерь – забрать всё, что представляет ценность, а остальное сжечь, не оставляя на острове ничего съестного, чтобы вернувшиеся домой пираты не смогли отстроить лагерь заново.

Сенек Санхару нравился тем, что был исполнительным и

всегда точно выполнял отданные приказы. Он сделал всё так, как распорядился лорд: окружил селение и выгнал из хижин жителей, связал и оставил под охраной двух солдат, а сам прочесал лес, вылавливая беглецов. Тех, кто оказывал сопротивление, убивали, остальных брали в плен.

Когда пленных отправили на корабль, он тщательно обыскал селение и окрестности, собрал все представляющие ту или иную ценность вещи, перестрелял всех кур, свиней и собак, а хижины поджёг. Грузённые добычей, солдаты вернулись на корабль.

Осмотрев вещи, привезённые Сенekom, Санхар убедился, что они не стоят труда, потраченного на их сбор. Медная и оловянная посуда, различная домашняя утварь, старые потёртые ковры и такая-сякая одежда, годная разве что для рабов. Пленные, в основном, женщины, измученные, неряшливые и перепуганные, да несколько искалеченных или раненных в схватках пиратов.

Санхар знал, что каждый пиратский капитан имеет свой тайник, где хранит золото и ценности на чёрный день. Тайник, обычно, находился в том месте, что и лагерь. Допросив пленных, Санхар узнал, что остров принадлежит двум братьям-капитанам, которые охотятся на двух кораблях, делая добычу пополам. Значит, на острове должны быть либо два тайника, либо один общий, если братья доверяют друг другу.

Люди в селении могли знать о тайниках – всё равно они не

могли покинуть остров, прихватив с собой золото, пока капитаны отсутствовали. Но все в один голос утверждали, что не знают ни о каких тайниках. И они, в самом деле, не знали, кроме одного старого безрукого пирата, который не смог утаить осведомлённость от проникающего в чужие мысли Бесмертного.

Санхар предложил старику на выбор либо свободу и жизнь, в обмен на местонахождение пиратской сокровищницы, либо мученическую смерть от инфликта. Но старый пират упорствовал до тех пор, пока его не замочили в инфликте до колен. Не выдержав ужасной боли, он сказал, что покажет, где находится тайник братьев-пиратов. Старика привели в терпимое состояние, посадили в лодку, и Санхар отправился на остров.

Пиратский тайник оказался в лесу, в искусственно расширенной норе под корнями огромного старого дерева. Вход в нору закрывал тяжёлый замшелый валун, сдвинуть который могли только два сильных человека. Санхар легко откатил его в сторону и заглянул внутрь. Нос уловил запах корабельной смолы и затхлый застарелый запах горелого свечного воска. С трудом протиснувшись через узкий проход, Санхар разглядел в полумраке десятки больших и малых сундуков, набитых золотой и серебряной утварью, дорогой одеждой и оружием, тканями, ценными кожами, драгоценными украшениями и деньгами: золотыми, серебряными и даже медными. Находящиеся в норе сокровища тянули на сотни

тысяч золотых. То ли братья собирали это многие годы, то ли были удачливыми охотниками.

Переправив сундуки на корабль, Санхар запер их в сокровищнице. Солдатам же разрешил взять себе понравившихся женщин и наслаждаться их обществом, до ближайшего торгового порта, где вельх собирался либо отпустить их на волю, либо продать работорговцу. Также он выдал всем премию по десять золотых, хотя «победа» воинов и не отличалась большой доблестью. Солдаты догадывались, что в сундуках, привезённых с острова, находится не разноцветная прибрежная галька, но никому и в голову не пришло потребовать свою долю от сокровищ пиратов. Они знали, что всё, находящееся на корабле, принадлежит Санхару, как господину и властелину, кроме того, что он сам отдаёт своей рукой.

Санхар покинул остров, не дожидаясь возвращения хозяев, которых ожидало жестокое разочарование. В сокровищнице он оставил обезглавленное тело одорукого старика, на грудь которого положил два медных гроша, взятых из сундуков.

Глава 18

Остров Виол одиноко лежал среди бескрайних просторов океана, в стороне от торговых путей и цивилизованных государств. Его покрывали густые леса с небольшими проплешинами, где располагались селения аборигенов: мужчин отдельно – в основном в центре острова, и женщин отдельно – ближе к побережью.

На Виоле главенствовали женщины. Они охотились, воевали, ловили рыбу, выбирали мужей, когда приходил брачный сезон. Мужчины же, подчинённые существа, занимались земледелием и скотоводством, разводили медоносных пчёл и собирали стебли асавы, из которой потом ткали прочное шелковистое полотно.

Виолы не любили гостей. Хотя остров посещали редко, но большей частью с недобрыми визитами – то пираты забредут, то работорговцы, а то и потомки с Оллина нагрянут, чтобы забрать мужчин, которые особо ценились в королевстве за покорность и трудолюбие.

Потому появление ещё одного большого корабля, бросившего якорь у берега, вызвало среди прибрежных жителей лёгкую панику. Отправив мужчин и детей вглубь острова, женщины расхватали оружие и выступили против высадившихся на остров чужаков.

К их удивлению, врагов оказалось немного: высокий креп-

кий мужчина с длинными белыми волосами и молодая темноволосая женщина, одетая в чёрный кожаный костюм и вооружённая заплечным мечом и несколькими кинжалами на поясе.

Мужчина, очевидно знакомый с виольскими обычаями, воткнул в песок меч, отступил на несколько шагов и сел, скрестив ноги, ожидая, пока к нему выйдет посланец для ведения переговоров.

У виолок не было ни королев, ни вождей. Ими руководили Советы Старейшин, куда входили самые старые и самые опытные, отмеченные мудростью женщины. Посоветовавшись, Совет послал на переговоры Сальяну, имя которой с виольского переводилось как «хитрая, коварная», что говорило о характере женщины.

Сальяна воткнула свой меч напротив меча Санхара и грубо спросила:

– Чего тебе, чужеземец? У нас нет ни золота, ни сверкающих камней, за которыми вы все охотитесь. И рабыни из виолок получаютя никудышные. Убирайся с нашего острова или мы убьём и тебя, и всех твоих людей!

Если виолка надеялась грозной речью напугать чужака, то надежды её не оправдались. Спокойно выслушав угрозы, чужеземец вежливо ответил:

– Пусть Богиня-Мать пошлёт тебе много здоровых и сильных дочерей, сестра, которые прославят твоё имя в веках, а племя твоё сделают непобедимым! Моё имя Санхар Аоста

из рода Аоста, а это моя родственница Ивея Аоста. Когда-то наши предки покинули ваш благословенный остров, но дочери их дочерей помнят о родине и передают любовь к ней своим дочерям и внукам. К сожалению, у моей матери нет дочери, но я надеюсь, что стал достойным сыном виолки... Я богат, прославлен своими подвигами, владею землями и людьми. Меня боятся многие славные воины и моё имя известно во многих землях... На Виол я прибыл не за золотом и не за рабами. Я привёз вам дары, скромные, но от чистого сердца, и прошу вас принять их.

Не ожидавшая такого поворота событий посланница озадаченно молчала, переваривая услышанное. После продолжительного молчания, она осторожно спросила:

– И что ты хочешь взамен, Санхар из рода Аоста? Потому что не бывает бескорыстных даров... Как говорят, дармовая морковка лежит в кроличьей ловушке.

Санхар улыбнулся и развёл руками.

– Ну, если ты смотришь на это дело так, пусть будет по-твоему. Взамен я попрошу лишь запомнить моё имя и передать его будущим поколениям, потому что когда-нибудь я снова прибуду на ваш остров, возможно, с новыми дарами, а возможно с просьбой о помощи – кто знает, что сулит нам будущее?

Сальяна склонила голову и сказала:

– Я передам твои слова старейшинам. Жди ответа.

Она выдернула меч и удалилась в лес, где прятались во-

оружённые до зубов виолки, а Санхар снова уселся на песок, приготовившись к ожиданию.

Посланница вернулась на удивление быстро. Воткнув меч, она тут же спросила:

– Назови свои дары, и мы решим, принимать их или нет.

– Сильные здоровые мужчины, ещё способные зачать ребёнка или выполнять необходимую работу, оружие и металлическая утварь.

Виолка почти убежала обратно, и теперь её не было долго, по-видимому, старейшины совещались, принимать дары или нет.

Наконец, они пришли к согласию, и посланница вернулась к месту переговоров.

– Мы благодарим тебя за подарки, Санхар из рода Аоста, и с радостью принимаем их... Но мы не можем дать тебе приют в нашем селении, хотя и не прогоняем с наших земель. Можешь отдыхать на берегу, сколько хочешь, но не причиняй вреда природе или людям.

– Спасибо за гостеприимство, сестра, но я пойду своим путём, как только отдам вам то, что хотел отдать... Но моя родственница Ивея хотела бы посмотреть, как жили её предки, поэтому, не могли бы вы впустить её в селение, пока я буду заниматься разгрузкой?

Виолка минуту подумала и кивнула.

– Пусть идёт со мной, если она наша сестра.

Санхар отдал виолкам всех пленных пиратов, захвачен-

ных на Аррибских островах, а также их оружие – довольно неплохого качества – и утварь. Всё это поместилось в двух лодках, которые доставили «подарки» с корабля на берег. От себя Санхар добавил бочонок некрепкого сладкого вина и несколько серебряных браслетов. Получать дары явились сами старейшины. Они молча и с достоинством наблюдали, как матросы выгружали тюки и выводили пленных. Мужчин осмотрели, как скот, выставленный на продажу, и тут же увели. Тюки взяли несколько младших мускулистых женщин и унесли в селение. Старейшины лично поблагодарили Санхара за подарки, пожелали счастливой дороги и гордо удалились.

Ивея вернулась на корабль через несколько часов. Она была разочарована увиденным и не скрывала своих чувств. Девушка думала, что её предки, вывезенные с Виола королевой Лианной, жили цивилизованнее и богаче, а не в плетённых из тростника хижинах, крытых камышом, с вытоптанными дорожками, вместо улиц, и ложами из шкур, вместо кроватей.

– Спасибо Святой Лианне, что она забрала нашу прама-терь из этой дыры, – пробормотала она, когда Санхар спросил, как прошла экскурсия.

Ночь «Избранник богов» простоял вблизи Виола, а с первыми лучами солнца отправился дальше на северо-восток, к Айгосу – большому острову, на котором располагалось Ас-светское королевство, родина бродяг, пиратов, первооткры-

вателей и торговцев.

Пять тысяч кемов открытого пространства, необозримой водной глади, зелёно-голубой и волнующейся, таинственно отсвечивавшей в свете звёзд, сверкающей волшебными огнями в кильватерной струе. Полторы декады скучного путешествия, однообразного пейзажа, одинаковых дней и ночей.

Санхар знал, как негативно влияет ничегонеделание на людей, и придумывал им забавы и развлечения: то устраивал турниры среди дружинников, то соревнования в морском деле среди матросов. Для желающих устраивал тренировки по фехтованию или приёмам раторрской борьбы, обучал приемам нападения и самообороны.

За время этого скучного перехода Санхар особенно сблизился с Сафелией и подружился с Ивеей. Эти две женщины стали ему по-настоящему близки, и всё свободное время они проводили втроём. Эльм, чувствуя себя обделённым вниманием, наоборот, незаметно отдалился. Их страстные ночи стали очень редки, а под конец пути они вообще уже не были любовниками. Санхар не на шутку увлёкся супругой. Эта маленькая горячая алмостка незаметно полностью овладела чувствами и желаниями супруга, отбив у него всякую охоту к мужеложству. Да и как мужчине было не увлечься этой женщиной, если он имел с ней те же удовольствия, что и с прежним любовником, только гораздо больше и разнообразнее? Воспитанная в традициях покорности и служению всем прихотям мужчины, неискушённая в любви и не зна-

комая ни с какими табу или запретами, Сафелия позволяла Санхару вытворять в постели всё, что ему взбрѣдет в голову, и сама с радостью принимала в этом участие. Очень скоро, под чутким руководством супруга, она стала умелой и опытной любовницей, умеющей и желающей доставлять мужчине удовольствие. Она переменялась: попав под мягкую доброжелательную опеку супруга, девушка раскрылась, стала более весѣлой, общительной, милой. К тому же в её характере совершенно отсутствовала такая черта как ревность, благодаря всё тому же строгому алмостскому воспитанию, потому что многожѣнство считалось в Алмосте нормой жизни. Чем богаче был человек, тем больше жѣн, не считая наложниц, мог иметь. Потому Сафелия никогда не ревновала супруга к Эльму, как не проявила недоброжелательности и к появлению на корабле новой женщины – Ивеи. Очень быстро она сдружилась с виолкой, а та, в свою очередь, относилась к ней с подобающим уважением. Сафелия преклонялась перед виолкой, как перед родственницей супруга, и восхищалась ею, как сильной независимой женщиной.

На пятнадцатый день путешествия «Избранник богов» прибыл в Асис – столицу ассветского королевства. Город мало чем отличался от виденных Санхаром городов, разве что дома здесь были пониже, улицы поуже, да и выглядел город довольно древним. Королевский замок походил на старую обветшалую крепость, каковой, по сути, и являлся. Да ещё на улицах чистокровных ассветов встречалось больше, чем

в остальных городах мира.

Всё же Санхар пробыл в Асисе несколько дней, чтобы его люди отдохнули и сбросили пар после долгого перехода, а также набрались сил перед новой дорогой, такой же долгой, как и предыдущая.

Здесь, в Асисе, Санхар расстался с Эльмом. Почти перед самым отплытием юноша сообщил, что покидает службу.

– Почему? – удивился Санхар.

Эльм смущённо потупился и пробормотал:

– Я вам больше не нужен, господин... У вас есть госпожа Сафелия и ещё госпожа Ивея... А я встретил одного господина... Он вообще не признаёт женщин, и он пообещал мне хорошие условия, если я перейду к нему...

Санхара несколько уязвило, что юноша променял его на другого мужчину, поэтому сухо попрощался, но всё же выплатил хорошее жалованье за время службы.

Интон, узнав об измене Эльма, ничего не сказал Санхару, но Ивее, наедине, признался, что рад за мальчика, сумевшего свободно сделать выбор, благодаря тому, что, в своё время, он выкупил его из рабства.

Вообще, в последнее время Ивею и Интона часто можно было видеть вместе, хотя они ещё не стали любовниками. Интон даже оставил Риду, служанку Сафелии, долгое время бывшую его любовницей. Правда, девица недолго горевала, быстро утешившись в объятиях одного из солдат.

Покинув Айгос, корабль взял курс на Медаус, до кото-

рого было чуть больше пяти тысяч кемов такого же открытого безлюдного пространства. Теперь они шли по довольно оживлённому торговому пути и часто встречали идущие встречным или параллельным курсом корабли. Приходилось всё время держаться настороже: любой из них мог оказаться пиратом или корсаром.

Однажды, чувство опасности подсказало Санхару о недобрых намерениях двух кораблей, начавших преследование «Избранника богов». Это произошло за несколько сотен кемов от Медауса. Корабли шли встречным курсом на расстоянии пары кемов друг от друга, но, заметив одинокого странника, тут же развернулись и бросились в погоню. Санхар узнал о них, когда они были ещё двумя тёмными точками на горизонте. Почувствовав их недоброжелательные намерения, он приказал готовиться к обороне. На палубе и в трюме мгновенно вскипела работа: наверх таскали камни для катапульта и бочонки, наполненные легко воспламеняющимся маслом; приготовили к бою водомёты и открыли чаны с инфликтом. Стрелки заняли позиции за щитами вдоль бортов, а мечники спрятались под бортами, ожидая своего часа.

Когда всё было готово, а корабли неприятелей приблизились, Санхар приказал поднять и зарифить паруса, чтобы их не повредили во время схватки. Он не собирался убежать от противника, поэтому не стоило продолжать гонку.

Пираты, увидев, что преследуемый останавливается, тоже притормозили свой бег, возможно, удивлённые его поведе-

нием. Держась на расстоянии, они рассматривали загнанную жертву, оценивая ситуацию.

Санхар приказал матросам спрятаться в кубрик, чтобы избежать лишних потерь, и на палубе остались только он, его помощник Интон, сержант Сенек и несколько солдат, служивших связными между Санхаром и сидящими в засаде воинами.

Противостояние продолжалось довольно длительное время. Все три корабля медленно дрейфовали, покачиваясь на слабой волне. Пираты то ли не решались нападать, то ли ожидали какого-то определённого часа. Дело близилось к вечеру, возможно, они решили атаковать в сумерках. Санхар, зная, что за ним следят в подзорные трубы, демонстративно зевнул, сел в кресло и приказал принести бутылку вина. Он пожелал, чтобы вино принесла Сафелия, желая показать пиратам, что на корабле есть женщина, а значит, есть чем поживиться.

Он спокойно попивал бодрящий благородный напиток, любезничая с супругой, когда на одном из кораблей взвился сигнальный вымпел, и оба пирата начали медленно приближаться. Санхар отослал супругу в каюту и занял командный пост.

Когда они приблизились на расстояние выстрела, Санхар приказал зарядить катапульты камнями и постараться сбить их мачты или, если удастся, пробить борт ниже ватерлинии. Он взял в поход лучших катапультистов, которые трениро-

вались при каждом удобном случае, потому первые выстрелы оказались удачными: носовая катапульта расщепила главную мачту корабля справа по борту, а кормовая разбила нос левому кораблю.

– Масло и огонь! – отдал Санхар следующий приказ. Во взведённые ковши катапульти положили бочонки с маслом и подожгли торчащие из них фитили. Вспыхнувшие огненные снаряды полетели в неприятеля, и через миг там запылали пожары. На кораблях началась паника. Матросы метались по палубе, засыпая пламя песком и заливая водой, но вслед за первыми огненными шарами полетели ещё и ещё. Тем временем лучники и арбалетчики меткими выстрелами поражали мечущихся пиратов.

Один корабль не выдержал атаки и начал отворачивать, пытаясь уйти из-под огненного обстрела, но второй продолжал упорно наступать. С него тоже полетели стрелы, и одна, даже, ткнулась Санхару в грудь, но бессильно упала, не в силах нанести ему ущерб. Санхар сосредоточил все усилия на противнике, приказав прекратить обстрел катапультами и приготовить водомёт с инфликтом. Интон молча наблюдал за разворачивавшейся картиной сражения, вспоминая, очевидно, собственное поражение.

Когда с «Избранника богов» перестали лететь огненные снаряды, пираты приободрились, решив, что жертва выдохлась, и пошли на абордаж. Но, как только абордажные крючья и багры скрепили два корабля, на головы несчастных,

уцелевших после ливня огня и стрел, полился поток обжигающей жидкости. Одетые лишь в лёгкие сорочки и жилетки, а то и вовсе раздетые по пояс, пираты, вопя от боли, катались по скользкой обгоревшей палубе, забыв о нападении, ища укрытие от веерообразной струи огненной воды. Некоторые, не выдержав мук, прыгали за борт, что несколько не облегчало их страданий, и они шли ко дну, поражённые судорогой.

Когда атака пиратов захлебнулась, Санхар приказал убрать водомёт, и послал на корабль мечников, которые быстро зачистили его палубу, добив раненных и пленив уцелевших. Повторилось всё то же, что и с кораблём Интона: пленных посадили в клетку, дав им ведро с уксусом, корабль разграбили. Только сейчас, полусожжённый и полуразбитый, он не представлял никакой ценности. Его подожгли и оттолкнули, бросив умирать среди океана.

Второй пиратский корабль, воспользовавшись суматохой, поднял уцелевшие паруса и попытался скрыться, бросив товарища на произвол судьбы и уповая на приближающуюся ночь. Но его мечты были тщетны. Покончив с неприятелем, «Избранник богов» поднял все паруса и быстро догнал беглецов. Несмотря на опустившиеся сумерки, в затем, и наступившую ночь, Санхар преследовал пиратов до самого утра, вися у них на хвосте, а с первыми лучами солнца атаковал, тяжёлыми камнями носовой катапульты разбив руль и сломав вторую мачту. Беспомощным поплавком корабль зака-

чался на волнах, слегка наклонившись на один борт – по-видимому, в корпусе образовалась течь.

Санхар предложил пиратам сдаться, и те, после небольшого совещания, выбросили белый флаг. «Избранник богов» приблизился и взял неприятеля на абордаж. Мечники попрыгали на покосившуюся палубу. Пираты почти не оказывали сопротивления, за исключением отпетых головорезов, которых быстро усмирили. Капитан и его помощник погибли под обломками мачты, потому пираты и были такими растерянными.

На этом корабле, помимо обычных ценностей, оказалось ещё больше десятка пленников – мужчин и женщин. Они чуть не погибли, запертые в наполняющемся водой трюме, и воины Санхара едва успели их спасти, услышав отчаянные крики о помощи.

Санхар и этот корабль пустил на дно, и, довольный приключением, продолжил путь в Медаус.

По дороге Санхар зашёл на большой остров Звезда Юга, расположенный несколько южнее и западнее Медауса. Необычное государство со специфическими законами и обычаями, а также оригинальным правителем, имевшем бесчисленное количество жён и детей. Пробыв в Озесте – столице Звезды Юга – несколько дней и посетив правителя, с которым завязал дружеские отношения, Санхар отправился в Соланк – большой южный портовый город Медауса. Здесь он рассчитывал пробыть не меньше декады, чтобы всё хо-

рошенько осмотреть, а его люди смогли полностью отдохнуть после долгого путешествия. В Соланк корабль прибыл на другой день к полудню. Проведя все необходимые формальности и отдав работорговцу пленных пиратов, отпустив восвояси спасённых пленников, отправив в увольнение своих людей, Санхар оставил корабль под присмотром Интона и Сенека и сошёл на берег в сопровождении женщин. Он поселился в хорошей гостинице, сняв большой номер из нескольких комнат, где разместились и он с супругой, и Ивея, и рабыня Сафелии.

Соланк мало чем отличался от других портовых городов и очень походил на Асис – столицу Ассветского королевства. Может оттого, что когда-то Медаус был ассветской колонией. Самым большим развлечением в городе был рынок, где не только торговали и покупали, но выступали бродячие актёры, а также проводили публичные казни.

Из Соланка Санхар отправился на Туару – один из заселённых Лаорских островов, где посетил местного лорда-правителя. Он погостил у него несколько дней, обсудил наболевшие проблемы, заключил пару сделок и отправился дальше на восток.

Следующая остановка была запланирована в Оредоне – втором по величине городе Гритландского княжества; его ещё называли Северной Столицей, в отличие от истинной – Лагдина, где Санхар побывал в начале своего путешествия.

В Оредоне находилась резиденция наследного принца, ко-

торый единолично правил северной частью острова, отсылая в метрополию лишь налоги и скупые отчёты о своей деятельности.

Санхар нанёс визит вежливости принцу Ардугаю, с которым не смог встретиться в прошлое посещение княжества, и даже поучаствовал в местном турнире, показав доблесть и отвагу. Теперь он не устраивал такое шоу, как на Оллине, а дрался вполсилы, однако, победив всех своих соперников.

Наконец, покинув Оредон и проплыв вдоль бесконечных берегов Гритландии, Санхар повернул на север и повёл корабль домой. Им пришлось бороться со встречным ветром, пережить шторм и плыть в непроницаемом тумане, но всё же, спустя полторы декады, Санхар вначале ощутил, а затем и увидел приближение ставших ему родными берегов. А спустя несколько часов «Избранник богов, завершив своё первое кругосветное путешествие, швартовался у причалов Айристана – Радужного города, возникшего благодаря желанию и усилиям бессмертного вельха.

Конец второй книги

СИРена

2010 год

Картинка взята с сайта:

<https://ru.kisspng.com/png-castlevania-symphony-of-the-night-castlevania-lord-2378933/>

Лицензия: Персональное Использование

Обложка создана на сайте:

[https://www.canva.com/design/DAC9uKIkXjw/
g2mEJmvLezqpATy4OI1r1g/edit](https://www.canva.com/design/DAC9uKIkXjw/g2mEJmvLezqpATy4OI1r1g/edit)

Продолжение трилогии – Книга третья «Ивея Аоста»